

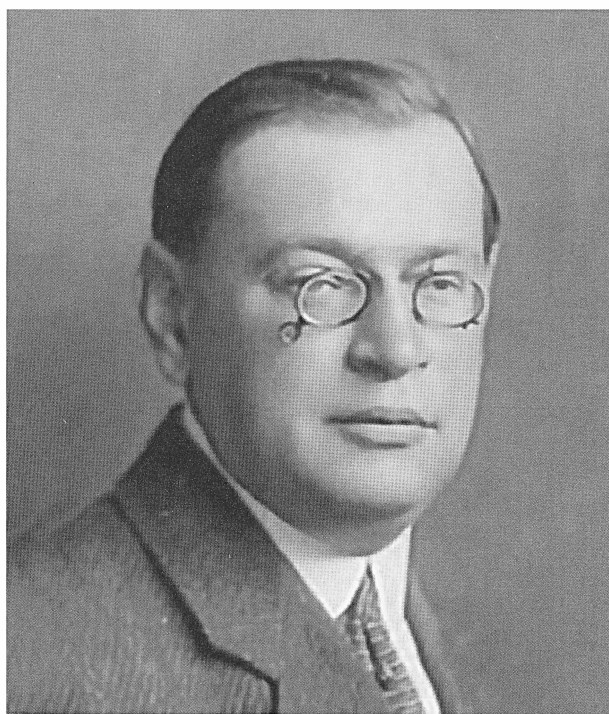
СОЧИНЕНИЯ

АРКАДИЙ
АВЕРЧЕНКО

А. АВЕРЧЕНКО
А. АВЕРЧЕНКО
А. АВЕРЧЕНКО

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

собрание сочинений

РАССКАЗЫ ЦИНИКА

издательство

*Дмитрий
Сечин*

МОСКВА 2015

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1
А19

Составление, подготовка текста и комментарии
С.С. Никоненко

На фронтисписе Аркадий Аверченко.
Прага. Фотоателье Ланганса. 1924 г.

Аверченко А.Т.

А19 Собрание сочинений: В 13 т. Т. 13. Рассказы циника / Сост.,
подг. текста, приложения, и комментарии С.С. Никоненко,
С. Осиповой, А. Хлебиной. — М.: Изд-во «Дмитрий Сечин»,
2015. — 432 с.

ISBN 978-5-904962-41-8

В настоящий том вошли последние книги писателя, в том числе
«Смешное в страшном», «Отдых на крапиве», роман «Шутка Мецената».
Впервые публикуются материалы из пражской газеты «Prager Presse».

ISBN 978-5-904962-11-1 (Общ.)
978-5-904962-41-8 (Т. 13)

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1

- © С.С. Никоненко, составление, подготовка
текста, комментарии, 2015
- © С. Осипова, А. Хлебина, составление,
перевод с немецкого языка, подготовка
текста приложения, 2015
- © Оформление И. Шилаев, 2015
- © Издательство «Дмитрий Сечин», 2015

**СМЕШНОЕ
В
СТРАШНОМ
(1923)**

рассказы циника

ИЗВИНЕНИЕ АВТОРА

Не преступление ли — отыскивать смешное в страшном?

Не кощунство ли — весело улыбаться там, где следовало бы рвать волосы, посыпать пеплом главу, бия себя в грудь, и, опустившись на колени возле вырытой могилы, долго неутешно рыдать?..

Вот два вопроса, которые были бы совершенно правильны, если бы... около нас был, действительно, настоящий труп.

Но Россия — не труп. Долго хлопотали, много сделали для того, чтобы превратить ее в неподвижное, гниущее, мертвое тело, однако — руки коротки у горе-хирургов. Пациентка все-таки жива.

У нее выпустили кровь, — новая кровь разольется по жилам и могучими бодрыми толчками пробудит к деятельности затихшее сердце.

Ей выкололи глаза, а она уже начинает прозревать.

Вырезали язык, а она говорит. Пока еще тихо, бессвязно, но будет час, загремит ее голос, как гром, и многие подлецы и шулера задрожат от ужаса, а для нас это будет раскатом весеннего грома, за которым следует бодрый, теплый дождик, освежающий, смывающий всю грязь.

Ей отрезали руки, ноги... Ничего! Придет час — срастется все. Еще крепче будет.

Ну, видите? При чем же здесь битье в грудь и посыпание скорбных глав пеплом?..

Значит, смеяться можно.

Больше того, — смеяться должно. Потому что у нас один выбор: или пойти с тоски повеситься на крючке от украденной иконы, или — весело, рассыпчато рассмеяться.

* * *

Здесь, перед вами — «очерки нового быта», выкованного мозолистыми руками пролетариата: Зиновьева, Троцкого и К°...

Аркадий Аверченко

ГОЛОДНЫЙ ПИКНИК

Глава I. С визитом

Гришка Зерентуй, советский нувориш, разбогатевший на ночных обысках без мандатов, был парень не промах.

Распухши от денег и бриллиантов, он решил, что теперь самое фартовое дело — пролезть в высшее общество.

— Богатый человек без связей — гнилая работа, — сказал он самому себе. — Дергану-ка я с визитом до самой до мадам Ульяновой-Лениной. Примет меня — клевое дело, дадут по шее — «нарежу винта». Ничего не попишешь.

Из романов он знал, что в высшем обществе визит — чистое, благородное дело. «Приеду, разденусь в вестибюле, выйдет мажордом... Спрошу: «Принимают?» — «Как прикажете доложить?» — Выну карточку с золотым обрезом, скажу: «Доложи!»... «Пожалуйте в будуар!» — Очень все будет фельтикультяпно».

В действительности начало визита немного разошлось с этими изящными предположениями.

Когда он элегантно взбежал на крыльцо, откуда-то выскочил детина, обвешанный «маузерами», «наганами» и «кольтами», как рождественская елка картонажами. Детина навалился на Гришку сзади, ловко завернул руки за спину и прохрипел:

— Куда лезешь, сволочь?

— Что вы, помилуйте! Я с визитом до мадам Лениной.

— Мандат имеешь?

— Да я просто как знакомый. Какой там, к чертям собачьим, мандат?

В связи с переменной светской обстановки и с Гришки слетела вся светскость...

— Я другого так хватану за руки, что два дня вертеться будет. Твое дело доложить, а не набрасываться, как бешеный кобель.

— А мне, впрочем, что. Идите. Там все одно осмотрют.

Тяжело дыша после борьбы, Гришка вошел в переднюю и, подойдя к зеркалу, стал оправлять фисташковый атласный галстук.

Двое каких-то быстро сбежали с лестницы и, наставив что-то на Гришку, скомандовали:

— Руки вверх!

— На какой предмет? — спросил Гришка, поднимая руки.

— Оружия нет ли? Ну-ка, покажи карманы... А сзади? А за пазухой?

Обыскали. Снова спросили мандат. Узнав, что «с визитом», удивились и будто не совсем поняли.

— Ну иди, что ли. Там у товарища Лениной Троцкая сидит. Наверху проведут, куда надо. Только ежели из фарфору, аль из бронзы что сопрешь, все равно на выходе общем...

— Кель выражанс, — подумал Гришка, пожимая плечами и проходя по многочисленным пустым комнатам...

Глава II. *Causerie** о голоде

— Простите, мадам, что я так нагрязнул без приглашения, — расшаркался Гришка Зерентуй, целуя дамам ручки. — Позвольте вручить для ради первого знакомства...

— Что это такое?

— Три триллиончика чистоганом для ваших бедных, мадам, от неизвестного!

— О, мерси... Ах, сейчас столько бедных, столько нужды, что прямо всякий грош дорог! Вы служите?

— О, нет. Я так просто, кой-чего.

Помолчали.

— До вашего прихода мы говорили о голоде. Этот голод прямо меня угнетает.

* Непринужденный разговор, беседа (фр.).

— Да что вы! Какое безобразие, — сочувственно прочмокал языком Гришка. — Голод, оно действительно. Неприятное занятие.

— Ах, и не говорите. Я все время думаю, что они там едят, чем питаются? В газетах пишут все о непонятных продуктах: какой-то конский щавель, лебеда, суп из травы, дубовая кора, корешки, желуди...

— А вы знаете, — защебетала madame Ленина. — Мне бы так хотелось всего этого попробовать... Но где тут достать в Москве? Я просила мужа — он говорит: глупости!

В оборотистой голове Гришки мелькнула мысль: вот путь для укрепления столь нужных светских связей.

— Месдамес! — умильно сказал Гришка, прижимая порыжевший цилиндр к груди. — Разрешите, я вам это устрою?.. Желаете, могу вам предоставить настоящий голодный обед из тех самых веществ, которыми питаются мужики!..

— Серьезно?! — оживились дамы. — Ах, это очень мило с вашей стороны. Мы так бы хотели иметь понятие... Но как это устроить?

— Месдамес! — даже застонал Гришка. — Осчастливьте! Не побрезгуйте светскими традициями — приезжайте ко мне обедать... Мой повар...

— Но, удобно ли... Ведь мы почти незнакомы...

— А знаешь что? — оживилась Троцкая. — Мы это могли бы сделать в виде пикника. Возьмем с собой Вовочку и Жоржика...

«Ейные хахаля, — подумал прозаический Гришка. — Р-ради бога, осчастливьте!..»

Глава III. Голодный обед

Шумно усаживались за большой, накрытый в саду Гришкиного особняка стол.

— Какое же меню? — спросила мадам Троцкая, кокетливо оправляя бриллиантовую брошку.

— А извольте видеть, и меню есть с золотым обрезаем, не извольте беспокоиться.

— Ах, я так волнуюсь, — прощебетала Ленина. — Съесть настоящий голодный обед! Съесть то, чем питаются сейчас

25 миллионов людей и о чем пишет вся Европа! Ознакомьте же нас с меню.

— А вот-с!

«Голодный обед Григория Спиридоныча Зерентуя в честь бедных голодающих мужичков». Похлебка из лошадиного щавеля. Желуди. Дубовая кора, соус мадера. Корешки. Лебеда фрикассе. Десерт: конские каштаны.

— Пасюшьте, — спросил Вовочка. — А мы от этого не умрем?

— Будьте покойны. Даже цинги не будет.

— Господа, — кокетливо заиграла хорошенькими глазами Троцкая, — объясните мне ради Создателя, что такое — цинга?

— А это такое, когда зубы выпадают, — любезно объяснил Гришка.

— Ма фуа!* — воскликнул общий баловень Жоржик, секретарь Лениной. — Значит, у моего дяди тоже была цинга! У него каждый вечер выпадали зубы и опускались в стакан с водой.

— Противный, — засмеялась Ленина. — Не говорите гадостей перед обедом. А вот и похлебка... Неужели это лошадиный щавель?! А знаете, очень вкусно. А это что? Кажется, половинка яйца?

— Дикое яйцо, — объяснил Гришка. — В конском щавеле на каждом шагу попадаются!..

— Чрезвычайно вкусно! И наваристо. А это что отдельно подано? Неужели желуди? Совсем вкус пирожков с фаршем.

— Домашний желудь, — сказал Гришка. — Внутри у его такая мякоть. Только наше мужичье варить не умеет.

— И подумать, что раньше этой вкусной штукой свиней кормили, — удивился Жоржик.

— Жить не умели, — улыбнулся Гришка Зерентуй. — Месдамес, можно еще желудей?.. А вот и дубовая кора!

— А как же ее есть? — удивилась Троцкая. — Она ведь твердая.

— Пустяшное дело. Верхнюю корку ножом снимите, а внутри мягкое, — любезно объяснил амфитрион.

— А ведь верно! Полная иллюзия молочной телятины! Неужели это дубовое?

* Клянусь честью! (*фр.* Ma foi).

— Все от повара зависит, сударыня, — самодовольно сказал Гришка. — Хороший повар из калоши «Проводник» такой бифштекс тру-ля-ля ушкварит!

— А вот и корешки. Что это за порода?

— Земляные. Повар их аспержем называет. А соуску? Есть беленький, есть желтенький.

— Прямо чудесно! Если бы не знала, что корешки, прямо бы подумала — спаржа.

— Следующий номер! — в экстазе ревел Гришка. — Лебеда!

— Послушайте... — недоуменно поднял брови Вовочка. — Какая же это лебеда? Форменная птица.

— Лебеда — птица и есть, — спокойно сказал Гришка. — Самка лебеда.

— Pardon, но самка лебеда называется лебедка.

— Не говорите глупостей, — засмеялась Троцкая. — Лебедка это такое... на пароходе. Чем вещи поднимают.

— Так это вот и есть лебеда? Чего ж мужички плачутся?.. Оно превкусно! Однако я думала, что лебеда — трава.

— Никак нет. Нешто можно было бы простую траву жрать? Хотя вот на десерт подадут конские каштаны. Кажется, ерунда с маслом, дрянь, а ежели тертые, да со сливками — так за ушами трещать будет. Месдамес! А еще лебеды кусочек? Вот крылышко!

От стола встали отяжелевшие. Ковыряя головной шпилькой в зубах, madame Троцкая облегченно вздохнула и сказала:

— Теперь я знаю, как питается мой народ! И я за него совершенно спокойна... Пока есть дубовая кора, лебеда, корешки и конский щавель — мой народ не погибнет...

АТТАШЕ КАНТОРОВИЧ

В Стамбуле на одной из кипящих разношерстным народом улочек я встретил его. У него в руке был небольшой саквояжик. Он сказал:

— Господин, не нужно ли сигар, сигарет, русских папирос?..

— Не нужно.

— Гм... Не нужно. А я думал — нужно. Слушайте, кстати: вы не знаете, как по-французски — сигара?

— Да так и будет: ля сигар.

— Что вы говорите?.. Совсем как мерси. И по-русски мерси и по-французски — одно и то же. Я еще когда в Одессе жил — так очень удивлялся...

— Хороший город Одесса, — похвалил я.

— А что, скажите, мне ваше лицо знакомо. Вы, часом, не жили в Одессе?

— Часом не жил, а по неделям живал.

Он вдруг пристально стал в меня всматриваться.

— Гм... Остриг. Бритый. В пенсне. Послушайте?! Чтоб я сдох, если вы не писатель...

— Писатель.

— Так это вы за нас написали рассказ «Золотые часы»... Помните, вывели Канторовича и Гендельмана, что один другому никак не может часов продать. Как вы тогда писали: «Станный город — Одесса. У одного есть часы, у другого — деньги. И один хочет купить часы, а другой продать... Так они не могут этого сделать, потому что они одесситы». Ой, как вся Одесса тогда с нас смеялась. Ну ничего... Нам все-таки было приятно, что мы вошли в литературу.

— Вы давно из Одессы?

— Ай, и не говорите. Чуть не пешком приплыл. Слушайте, Аверченко... (он взял меня за пуговицу). Ну что будет?

— С кем?

— С этой дрянью паршивой, с большевиками. С ума можно сойти. Вы знаете, я жил в Одессе еще при Толмачеве... Так, знаете, как мне теперь кажется Толмачев? Родной папа! Дайте мне его, я закричу «ура». Что Толмачев? Дайте мне городского нашего Бульварного участка Таганчука! И я скажу ему: «Володя, дай я тебя поцелую в глазки». И я возьму его, приведу к себе и угощу его с графинчиком водки и жареной рыбой, и мы с ним оба будем сидеть посередке комнаты и, как дураки, плакать. Это навозное сметье говорит теперь: «Мы даем вам свободу и мир, пожалуйста в ГПУ». Или: «Для счастья пролетариата становись, жидовская морда, к стенке». Чтоб мои враги имели такое пролетариатское счастье. Когда меня Таганчук брал в участок — это стоило три рубля, когда меня Дейч берет в ГПУ — мне это стоит, извините, пули в живот. Ах, Канторович, Канторович...

— При чем тут Канторович?

— Эй, значит, вы ничего не знаете? В прошлом году приходит он ко мне и говорит: «Прости меня, Гендельман, но я поступил в идейные коммунисты». Я плюнул ему около сапога и говорю: «Ты, Канторович, идейный от слова идиет. Пошел вон!» — «Ты, — говорит он, — не ругайся, потому что эта наша революция планетарная. И я, Канторович, — тоже планетарный». «Планетарная холера тебе в кишки! Попугай несчастный. Один жулик пустил слово — тысяча дураков повторяет. Канторович, вы мне не друг! — говорю я, как Ленский в «Онегине». — «Проваливайте, пока я вам по морде не надавал». И он ушел, как буквально побитая собака. Правда, когда потом у меня делали обыск, нашли полтора фунта сахара и забрали в чека за спекулятивное хранение товаров, этот дурак притепался до Дейча просить за меня, и меня выпустили, но... я ему даже руки не подал, чтоб я так жил!

— Где же теперь Канторович?

— Монька Канторович? Разве вы не читали в газетах? Еще, помните, когда вы записывали наш разговор за золотые часы, так там у вас есть, как этот осел поднимет глаза вверх и скажет: «Ой, Гендельман. Мне не нравится поведение Германии в Алжезираском вопросе...» А я ему: «Моня! Вы удивительный человек: где две державы воюют — вы обязательно в середку влезете. Бросьте!» «А я вам, Гендельман, говорю, что Германия еще меня вспомнит!» И что же вы думаете? Почти своего добился...

— То есть как?

— Неужели вы не читали в газете? Подержите чемоданчик, у меня есть в кармане. О! Вот... Это я одну старую газетку храню на память... «Состав советской миссии в Польше: советник посольства Леонид Оболенский, первый секретарь Лоренс, атташе Канторович»... Как вам это понравится: Монька Канторович — атташе посольства?!

— А почему бы и нет? — улыбнулся я.

— Канторович — атташе? Бросьте. Ну, представьте вы себе дипломатический прием во дворце... Швейцар докладывает: «Лорд Реджинальд Грей, граф Паулучио, виконт Сен-Жермен, Монька Канторович — прикажете принять?!» — «Дайте ему лучше по шее. Это его тоже хорошо устроит».

— Однако вы на него очень нападаете... А может быть, у него есть дипломатические таланты?

— Уйдите вы! Дипломатические? Он такой дипломат, что когда профессор оперировал у него аппендицит и по ошибке забыл в животе золотой портсигар, так потом сейчас же хватились, распорол, а там только залоговая квитанция «Одесского городского ломбарда на золотой портсигар с такими-то инициалами». Положим, для Чичерина как раз подходящий помощник: жулик на жулике и маравихером погоняет.

— Охота вам волноваться? — примирительно сказал я.

Что значит охота? Почему Канторовичи должны делать гадости, а на Гендельманах должно отражаться? Вы думаете, мне простят «атташе Канторовича»? Гм... «Прикажете принять: маркиз делла Торрета, атташе Канторович, граф де Бюсси, Яша Цигельпирчик, герцогиня де Роган, Розочка Шмеркович»... Я вас спрашиваю, почему мы теперь должны на глаза лезть всем — вместе с Роганами и де Бюсси. Я кто? Я Гендельман. Так я сижу в уголку и так сижу, что меня ни одна собака не услышит. А атташе? Хорошее название, которое носит один Канторович, а в печенках сидеть оно будет у всего еврейского народа.

КОНТРОЛЬ НАД ПРОИЗВОДСТВОМ

Один из краеугольных камней грядущего рая на земле — Третьего Интернационала, это — контроль над производством. Твердо знаю, во что эта штука выльется.

* * *

Писатель только что уселся за письменный стол, как ему доложили:

— Рабочие какие-то пришли.

— Пусть войдут. Что вам угодно, господа?

— Так что мы рабочий контроль над производством.

Выборные.

— Контроль? Над каким производством?

— Над вашим.

— Какое же у меня производство? Я пишу рассказы, фельетоны... Это контролю не поддается.

— Все вы так говорите! Мы выборные от типографии и артели газетчиков, и мы будем контролировать ваше производство.

— Виноват... Как же вы будете осуществлять контроль?

— Очень просто. Вот мы усаживаемся около вас, и... вы, собственно, что будете писать?

— Еще не знаю: темы нет.

— А вы придумайте.

— Хорошо, когда вы уйдете — придумаю.

— Нет, вы эти старые штуки оставьте! Придумывайте сейчас.

— Но не могу же я сосредоточиться, когда две посторонних физиономии...

— Простите, мы вовсе не посторонние физиономии, а рабочий контроль над вашим производством! Ну?

— Что «ну»?

— Думайте скорей.

— Поймите же вы, что всякое творчество — такая интимная вещь...

— Вот этого интимного никак не должно быть! Все должно делаться открыто, на виду и под контролем.

Писатель задумался.

— О чем же это вы призадумались, позвольте узнать?

— Не мешайте! Тему выдумываю.

— Ну, вот и хорошо. Только скорее думайте! Ну! придумали?

— Да что вы меня в шею гоните.

— На то мы и контроль, чтобы время зря не пропадало. Ну, живей, живей!..

— Поймите вы, что не могу я так сосредоточиться, когда вы каждую секунду с разговорами пристаёте!

Рабочий контроль притих и принялся с любопытством разглядывать лицо призадумавшегося писателя.

А писатель в это время тер голову, почесывал у себя за ухом, крикал и, наконец, вскочил в отчаянии:

— Да поймите же вы, что нельзя думать, когда четыре глаза уставились на тебя, как баран на новые ворота.

Рабочий контроль переглянулся.

— Замечаете, товарищ? Форменный саботаж! То ему не разговаривай, то не смотри на него, а то он еще, пожалуй, и дышать запретит! Небось, когда нас не было — писал! Тогда можно было, а теперь нельзя? Под контролем-то, небось, трудно! Когда все на виду, без обману, — тогда и голова не работает?!.. Хорошо-с!.. Так мы и доложим, куда следует!

Рабочий контроль встал и, оскорбленный до глубины души, топоча ногами, вышел.

От автора.

В доброе старое время подобные произведения кончались так:

«...На этом месте писатель проснулся, весь облитый холодным потом».

Увы! Я кончить так не могу.

Потому что хотя мы и обливаемся холодным потом, но и на шестом году еще не проснулись.

СОБАЧЬИ МЕМУАРЫ

43-го числа.

Если в Петербурге кто сейчас и в моде, — так это мы, собаки.

О нас только и разговоров, наше имя у всех на устах.

На каждом шагу слышим:

— Собачья жизнь! В квартире собачий холод! Голоден, как собака! Собаке — собачья смерть!

А однажды я сама, своими ушами слышала:

— Писатель Горький стоит перед советской властью на задних лапках.

Так что отныне я могу называть Горького коллегой: оба пишем, оба умеем на задних лапках стоять.

* * *

53-го этого месяца.

Не только мы, но и наш язык стал входить в моду.

Один человек шел по улицам и говорит другому:

— Вот пошел глав кав арм.

Услышав собачьи звуки, я вежливо ответила: «гав, гав, арр!», но потом приятельницы объяснили мне, что я ввязалась в разговор совершенно неуместно. Люди разговаривали о главнокомандующем кавказской армией.

* * *

0027-го числа.

Разговору о нас много, а жрать нечего.

Мой хозяин раньше хоть корочку хлеба швырял на пол, а теперь я по целым часам сижу против стола и все время так виляю хвостом, что он даже делается горячий. Намек прозрачный, но хозяин делает вид, что не понимает...

Хуже того, — вчера я нашла на заднем дворе баранью кость с немножечком мяса, приволокла домой и спрятала под комод до ужина.

Семья хозяина увидела это, все бросились под комод, вынули кость и стали варить из нее суп, а меня выгнали из дому, — я думаю, с тайной надеждой, что я приволоку еще чего-нибудь.

Ужасно как есть хочется. Как собаке.

* * *

721-го числа.

Мы вошли в такую моду, что вчера, например, приятельница по секрету сообщила мне:

— Знаешь, говорят, у хлебных лавок выросли хвосты.

— Длинные?

— С полверсты.

— Ого! Воображаю, сколько в них блох.

* * *

Число забыла.

Видела хвост хлебной лавки. Мало похож на наш. Правда, вертеть им можно как угодно, но и только.

— Зачем этот хвост? — спросила я мизерную собачонку, шнырявшую подле.

— На хлеб. Стань сзади и ты получишь хлеб.

Неглупо. Вежливо встала сзади всех, — ждала, ждала, — вдруг говорят:

— Хлеб получит только первая половина хвоста!

Хорош был бы мой хвост, если бы я одну его половину питала, а другую нет.

Расходясь, все говорят:

— Собачья жизнь...

Приятно, но не сытно.

* * *

Сегодняшнее.

Украла у мальчишки нищего кусочек хлеба, как дура, притащила домой, — опять хозяева отняли. Меня только погладили (подавитесь вы своим глаженьем), а маленькая дочка, глотая хлеб, просила:

— Мама, отдай меня в собаки!

* * *

Число собачье.

Отчаяние и ужас! Я знаю, что все собаки отвернутся от меня с презрением, но я больше не могу: пойду на улицу просить милостыню! Мне, породистой собаке, протягивать лапу, стоять на задних лапках, как какому-нибудь Горькому!

Но... будь что будет!

Чувствую, что вся покраснела от морды до кончика хвоста, когда, впервые в жизни, пролаяла сакраментальные слова:

— Подайте хлебца честной русской собаке!

И пошло с тех пор...

* * *

Число такое-то.

Мое место на углу Невского и Владимирского — оказалось настолько интересным и доходным, что уже две собаки предлагают купить его за бараний череп и половину дохлой крысы...

Уже почти все собаки кланчат по углам милостыню. Развратила нас коммуна.

ТАЙНА ГРАФА ПУРСОНЬЯКА (à la Совден)

В одном из московских кинематографов показывают картину: «Тайна графа Пурсоньяка».

Еще до начала сеанса в кинематограф набивается масса скачущей, угрюмой, полуголодной публики.

Топают ногами, как косяк лошадей, нетерпеливо дожидаясь той минуты, когда можно будет, забыв окружающую прозу, с головой окунуться в сладкий одуряющий мир волшебной грезы, красоты и чарующего вымысла.

Электричество гаснет.

Темнота.

Чей-то голос, спотыкаясь на длинных словах, громко читает надпись на экране:

— «Тайна графа Пурсоньяка, или Отцвели уж давно хризантемы в саду»... «Граф Пурсоньяк потерял свою жену через два года после свадьбы».

— Вишь ты, — раздается в темноте сочувственный голос. — Отчего же она так скоро скапустилась?

Другой, тоже невидимый, отвечает:

— Мало ли? Сыпнячок или просто соседи на мушку взяли...

«После жены у графа осталась дочь, которую убитый горем отец отвез учиться в монастырь».

— Вот тебе!.. И отец, оказывается, убитый! Не повезло семейке...

— Дубина! Нешто это совсем убитый? Сказано тебе: убитый горем. Значит, не до конца. А только почему это он дочку сдал в монастырь? Нешто в монастырях учат?

— И очень просто: монастырь реквизировали, монахов по шеям, а замест этого — школа! Штука простая. А это что? «Когда дочь выросла, граф поехал, чтобы взять ее из монастыря»...

— Ах ты, чтоб тебя... Граф-то, товарищи, оказывается, комиссар!

— Тю на тебя! Откеда высосал?

— На автомобиле ж едет, Господи! «В лесу он встречает дочь дровосека, Генриэтту»... Во, братцы, лесу-то сколько, видали? Всю Москву обтопить можно! Хи, хи... Об чем это он с ней?

— Видимое дело, об дровах... не может ли, дескать, ваш папаша нам возика два дров предоставить... Гляди, гляди — душит ее. Ай да граф!

— Дурень ты не нашего Бога, — где душит? Обнимает он ее, а не душит...

— Ах ты ж, имперлист проклятый! Туда же!.. Хи-хи... До слез девку довел. А это чего? «В это время бедный дровосек сидел за своим скромным ужином»... Чего это он?.. Ах, чтоб тебя переехало! Ей-Богу, винище трескает и сыром заедает! Вот те и скромный! А сбоку говядина и булка. Ай да скромный!! Картинка-то французская? Ну и брехло ж эти французы. Дровосек, а? Хорош дровосек!

— А где ж жена евонная?

— Надо полагать, в очереди стоит.

— И то. Этакое брюхо набить — в десяти очередях настоишься. Ага! Ружье со стены снимает... Ну, теперь — баста! Сейчас этого графа к стенке...

— Где ж ты в лесу стенку найдешь?

— Ну так, может, заборчик какой...

— Именно вот. Для тебя, дурака, построили.

— Мне не требуется.

— А не требуется, так и не лезь со своим заборчиком! Не знаешь ты французского поведения, так и молчи. У них первое дело: «Позвольте вас пригласить, мусью, на дуэль»... — «Благодарю вас, хоша я не стреляю, ну да уж только для вас!» А ты — со своим забором; деревня!

— Нет, братцы, тут другое... Ишь ты: «Заблудившись в лесу, на графа нападает волк, но дровосек убивает волка. Первый горячо благодарит второго».

— А что, товарищи, волков едят?

— Отчего ж... Та же собака, только формат побольше.

— Да что ж это они от волка уходят, даже не оглянувшись. Эй, товарищи! Съестное забыли!

— Чего кричишь, дура! Думаешь, услышат?

— Ты б ему по-французскому крикнул, может, и обернется...

— «Часть вторая. Приехав в город, ничего не подозревающий отец заходит в магазин»...

— Это чего ж такое?! Ах, чтоб ты провалился! Ведь это он, товарищи, мануфактуру покупает.

- И без очереди.
- Без ордера от совнархоза!
- Да, может, он сам ее и реквизирует!..
- Дровосек-то?
- А дровосек не может быть комиссаром?
- «...А в это время старый фермер, крестный Генриэтты, сидя у себя в саду, попил вино»... Эх, их распьянствовало!.. Все тянут! Интересно, откуда этот старый черт вина достал?
- Самогон, я думаю.
- Темный-то? Орясина! Самое настоящее красненькое.
- Ну, значит, реквизировал. Тоже, поди, комиссар!
- Да ну вас всех к чертям. И граф у них комиссар, и дровосек комиссар, и фермер комиссар... Свои надоели так, что в собаку плюнешь, в комиссара попадешь — деваться некуда! Пойдем, ребята!

* * *

При выходе.

- А что, товарищи, смотрели вы картинку? Стоящая?..
- Не особо чтобы. Дело, видите ли, в том, что у комиссара жена от сыпняка кончилась, а он, осерчавши, всех монахов из монастыря повыкидывал, да дочку туда и втисни. Реквизировал автомобиль, да и давай по дровосековым дочкам ездить. Не стерпел этого ейный папенька, уложил съедобного волка и реквизировал всю мануфактуру, как говорится: завей горе горе веревочкой! Только всего и видели!

ТЕОРИЯ ЭЙНШТЕЙНА И ТЕОРИЯ ПОЛЗУНКОВА

Дело происходило в полуразвалившейся избушке одного из оазисов дикой Совдепии...

Туземцы, одетые в звериные шкуры и в башмаки из невыделанной кожи дохлой лошади, обступили туземца, одетого довольно прилично и только что вернувшегося из служебной командировки в Европу. Исступленное любопытство было написано на всех лицах...

— Ну, что? Ну, как там? Есть что нового? Привезли что-нибудь свеженькое?

— Да, да, — глубокомысленно кивнул головой приехавший. — Есть масса любопытного. Вы ведь совсем дикарями сделались, от Европы отстали, а там жизнь бьет ключом.

— То есть, кого бьет? — испуганно поежился скелето-видный совдепец.

— Никого. Сама по себе. Ах, какие открытия! Какие изобретения! Слышали вы, например, об открытии Штейнаха и о теории Эйнштейна?..

— Где уж нам!

— То-то и оно. Плесенью вы тут покрылись. Есть такой немец — Штейнах — и открыл он, что всякого человека можно обмолодить как угодно. Скажем, сколько тебе лет? 50? Пожалуйте, — вам уже 25 лет! Вам, молодой человек, 80? Чик, чик ножичком, — извольте получить, — вам уже 18 лет...

— Да как же он это делает, немецкая морда?

— А очень просто: железы старикам вырезывает.

— Которые железы?

— А черт его знает. Ему уж это видней.

— Как же он дошел до этого?

— Ну, как обыкновенно ученые доходят: взял человека, вырезал ему железу, а тот — глядь-поглядь — глаза закатил да и помер. «Давайте другого, — кричит Штейнах, — не туда ножичком заехал». Пожалуйте вам другого. Резанул другого, по другой железе, — икать стал старичок. Опять не туда! «Третьего давайте!» На восьмом, не то на девятом дошел до настоящей железы.

— То есть, как дошел?

— А вот этак: вырезал он старичку одному железу, а тот как вскочи, да сестру милосердия за талию: барышня, пойдем мазурку танцевать. «Матчиш, — испанский танец, шальной и жгучий!»... «Мне, — говорит, — теперь двадцать лет, и я хочу безумствовать!» Вырвался из рук и пошел по всей палате козла выкидывать. Ну, конечно, кое-как успокоили и в среднее учебное заведение определили!

— До того обмолодился?

— До того. Но, конечно, еще более заковыристая штука — теория Эйнштейна. Я читал — прямо за животики брался. И ведь все верно, все верно, не уколупнешь!

— Он, что же, скажите: тоже насчет старости?

— Нет, почище будет: всю геометрию распотрошил! Всю математику к чертям собачьим размотал.

— А именно-с?

— Помилуйте! «Вы, — кричит, — говорите тут, что между двумя точками прямая линия самая короткая, а я вам говорю, что это брехня! Может, кривая линия короче прямой!» Начинает доказывать — и верно! Кривая короче прямой. «Вы, — кричит, — говорите, что геометрическая линия не имеет толщины, ан нет! Имеет она толщину!» Ученые глядь-поглядь, — действительно имеет. «Какой осел сказал вам, что параллельные линии, сколько бы мы их не продолжали, — не сойдутся?!» Ученые, действительно, попробовали, построили параллельные линии — и что же! На шестисотом километре сошлись! «Я, — говорит, — вам все докажу! По-вашему дважды девять — восемнадцать, а по моему, может, двадцать девять». Очень строгий мужчина! Такого накрутил, что теперича все заново нужно переделывать, — и математику, и геометрию, и геодезию всякую!

— Виноват, как, вы говорите, это называется?

— Чего-с? Это? Теория Эйнштейна.

— Так-с. Слушали мы вас, слушали, а теперь вы нас послушайте! У вас теория Эйнштейна, а у нас теория Ползункова. Изволили знать Ивана Егорыча Ползункова?

— Нет-с, не знаю.

— То-то и оно. Мы, правда, от Европы отстали, но и Европа-матушка от нас отстала — корпусов на двадцать!

— Был, изволите видеть, у нас такой человек, Иван Егорыч Ползунков, по бывшему его местоположению — учитель географии в уездном училище, а по нынешнему — при рубке дров состояли, саночки на себе возили... И додумался этот русский Эйнштейн до такой теории: «Ребята, — говорит он, — есть нам окончательно нечего, а есть надо. Шишек же еловых и сосновых в лесу сколько угодно. Африканские обезьяны их очень обожают. Если вы их сразу начнете жрать, то все передохнете в одночасье... То есть не обезьян жрать, а шишки. Наука же говорит, что постепенно можно приучить свой организм к чему угодно. И делайте, — говорит он, — вы так: выдается вам хлеба в день 24 золотника, а вы съешьте 23 золотника и одну еловую шишку; на другой день введите внутрь организма 22 золотника хлеба и 2 еловые шишки,

потом 21 золотник и 3 шишки. Через 24 дня уже хлеб вам не нужен, — его вытеснит порцион в 24 еловые шишки, что и требовалось доказать». Так же и насчет одежды. «Скоро, — говорит, — у вас ее совсем не будет, и вы обмерзнете, как какие-нибудь дураки! А поэтому надо завести постепенно собственную шерсть. Я, — говорит, — братцы, читал в «Смеси», что если лысый человек сидит в холодном помещении без шапки, то у него на голове очень просто начинают расти волосы. Вот по этой, значит, теории Ползункова и нужно постепенно приобретать волосяной покров, вроде собачьего меха. Срежьте один рукав на руке, выставьте ее голым на холод, — она через месяц обрастет и ей будет тепло; срежьте другой рукав, обрежьте левую штанину, потом правую, на спине кус вырежьте — да через полгода вас родная мать не узнает: что это, мол, за горилла, — здравствуйте вам, — по лесу ходит, еловые шишки запросто жует?! Вот оно как, товарищ приезжий из Европы!

— Вы, собственно, что же этим хотите сказать?

— А то-с. У вас там теория Эйнштейна, а у нас теория Ползункова! И наш Ползунков всегда вашего Эйнштейна крыть может, и некуда немцу будет от ползунковских козырей деваться, потому ихняя кишка супротив нашей — дюже тонка-с!..

УЛИТКИ

Голое, неприветливое, холодное поле... И по нему расползлись во все стороны сотни тысяч, миллионы улиток.

Ползет этакая маленькая беззащитная штучка, таща на своей спине хрупкий, прихотливо завивающийся спиралью домик, вдруг услышала шум, втянула внутрь свои рожки, втянулась вся — и нет как будто ее.

А по полю шагают, тяжело ступая, чьи-то огромные ноги в корявых, подбитых железом и медью сапожищах.

Ступил сапог раз — сотни улиток нет, ступил сапог другой раз — двух сотен нет...

Вместо прехорошенького домика, вместо хрупкого клейкого тельца, — бесформенная слизь, перемешанная с мелкими осколками.

* * *

Вся наша Россия распалась на два лагеря: на лагерь улиток, ползущих куда-то в неведомую даль с крохотным домиком на спине...

И на лагерь огромного, корявого, подбитого железом и медью сапога, шагающего по улиткам, стремящегося тоже черт его знает куда, черт его знает за чем.

Встретил я на севастопольской улице одну знакомую Улиточку со своим домиком-чемоданом на спине, приползшую сюда из Одессы. (Это было как раз в дни недоброй памяти одесской эвакуации — начало февраля.) Она буквально ползла пешком с пристани, изредка останавливаясь, спуская свой домик-чемодан на землю и тяжело дыша.

— Здравствуйте, Улиточка, — приветствовал я. — Откуда ползете?

— Из Одессы. Позавчера выехали.

— Ого! Быстро же вы двигаетесь. Вот уж нельзя сказать: Улита едет, когда-то будет.

— Да, — засмеялась она. — Мы, одесские улитки, — молниеносные улитки: раз, два и готово!

— Именно, что готово. Ловко распорядились. А теперь куда ползете?

— В гостиницу. Номер искать.

— Трудновато будет. Хотя за последние дни часть улиток и уползла за границу, но теперь эта ваша одесская эвакуация все щели забила. Многие ваши одесситы на улице будут.

— Ну, что ж делать, — вздохнула Улитка. — Как эвакуокнется, так и откликнется.

— Зачем вы Одессу сдали? — с любопытством осведомился я.

— Да кто ее там сдавал! Сама сдалась. Такой странный город. Ну-с, поползем.

* * *

К общему удивлению — моему, улиткиному и швейцарову — номер Улитка нашла.

— Вот это такой номер? — вползла Улитка в домик, немного больший, чем ее домик-чемодан.

— Да-с, — уверенно сказал швейцар. — Такой номер.

— Странный номер.

— Так точно. Многие удивляются.

— Постельное белье можно?

— Чего-о?

— Постельное белье!

— Первый раз слышу, — удивился швейцар.

— Ну, самовар.

— Еще чего захотите!

— И ужина нельзя получить?

— Да что вы, мадам! Это ведь — гостиница, а не дворец командующего.

Улитка раскрыла свой чемодан и, роясь в нем, деловито спросила меня:

— Чаю хотите?

— Да ведь нет чаю.

— Я устрою. Съесть чего-нибудь горяченького хотите?

— Издеваетесь!

— Вот увидите.

Дальнейшее показалось мне волшебным сном, сказочной иллюстрацией того, до чего может приспособиться улитка в своей ползучей жизни.

Она вынула из чемодана чайник; она вынула из чемодана спиртовую машинку; она вынула из чемодана маленькую сковородку, яйца, сало, ветчину и хлеб, она вынула сахар и конфеты.

— Ну, вот, — весело пискнула Улитка. — Пока вода закипит, я разложу вещи.

— Бедная вы, бедная, — пробормотал я сквозь слезы. — А помню я вашу жизнь в Петербурге. Была у вас квартира с большой, теплой кухней, стены которой увешаны медной, ярко вычищенной посудой; были в квартире гостиная, спальня, столовая и кабинет.

— Да у меня все это и есть, — серьезно возразила она. — Вот в этом чемодане. Поглядите-ка.

Вынула плед, купальный халат и крошечную подушечку.

Разостлала на голом тюфяке.

— Спальня!

Положила на убогий письменный стол коробку почтовой бумаги и вечное перо.

— Кабинет!

Поставила около карточки — мужа и матери:

— Портретная галерея!

Разложила на круглом столике две вилки и один нож.

Поставила бутылку вина, две тарелки, стакан:

— Столовая!

Сняла с машинки чайник, поставила сковородку:

— Кухня! Видите, как просто? А все остальное, что не кухня, не спальня и не кабинет, все это — гостиная! Садитесь, будете гостем. Ах, я забыла самое главное! Ванную комнату. Отвернитесь минут на пять: я приму ванну и переоденусь.

У нее в чемодане оказалось все: резиновый складной тазик, губка, мыло, маникюрный прибор.

— А рояля у вас там нет? — спросил я.

— Нет, — сказала Улитка, беззастенчиво расстегивая на кофточке кнопки. — Но ноты есть. Возу с собой на случай, если где есть рояль. Не смотрите на меня!

В дверь постучали.

— Ах ты Господи! Ну, кто там еще?! Войдите!

Вошел. Один.

— Будьте любезны очистить номер, он реквизирован. Сударыня, даю вам сроку десять минут. Довольно?

— Много даже. Долго ли умеючи!

И тут же на моих глазах Улитка снова стала вползать в свою раковину-чемодан: уложила спальню, столовую, кабинет, погасила кухню, уложила кладовую, винный погреб, оглядела номер опытным глазом, вздохнула и сказала:

— Пойдем, что ли.

Поползли мы. В конце коридора у окна остановились.

— Вот отсюда, может быть, не сгонят. И диванчик даже есть. Замечательно! Тут до завтра и устроюсь. Садитесь, будьте гостем. Хотите чайку, закусить? А? Все доступно, кроме ванной и кабинета.

* * *

Сели рядом на диванчик, долго смотрели в окно на крышу противоположного дома, освещенную светом невидимой лампы.

— А знаете, — вдруг сказала с легким вздохом Улитка. — Не люблю я чивой-то большевиков.

— Да что вы! С чего же это вы так?

— Так... Все из-за них. Ползаем мы, бедные улитки, ползаем — и когда этому будет конец, неизвестно.

— Послушайте, — шепнул я ей на ухо. — А вдруг завтра.

— Что... завтра?

— Представьте себе: в Петербурге восстание изголодавшихся, полузамерзших рабочих. Узнав о Петербурге — восстанет Москва! Восстание — все шире, все грознее... Латыши и китайцы расстреливаются освирепевшей толпой тысячами, комиссары в панике скрываются. Троцкого его же бывшие помощники вешают на фонаре; Ленин, узнав об этой веселой суматохе, стреляется сам, красный фронт ломается, тает, — и вот уже все побежало, помчалось в слепой панике. Разве это не может быть?! Мрак для всего красного. Конец! И вот начинается новая русская жизнь: стучат топоры, молотки, не те, которые забивали гвозди в гроб, а другие — строящие новые здания, железнодорожные пути, вокзалы; идут пароходы, свистят поезда, звон, шум, трепет, веселый переклик и теплое роскошное солнце...

На крышу, по которой мечтательно блуждали наши глаза, вышел молодой кот...

Он сладострастно потянулся всеми четырьмя лапами и призывно мяукнул:

— Мя — я-я-я — у—у...

Подождал. Нет ответа.

Он снова. Еще сладострастнее, еще призывнее:

— М-я-я-я-я — у—у — у!..

И вдруг из-за трубы показался другой кот, старый худой, с мудро-скептической мордой.

Покосился на первого кота и спросил раздражительно на своем кошачьем языке:

— М-я-я — у! Чего ты тут разорался? Чего, вообще, полез на крышу?

Молодой слегка сконфузился:

— Да ведь как же, дяденька... март!

— Где март? Который?

— Да вот этот... Сегодня.

— А ты в календарь смотрел?

— Где там! У моего хозяина не то что календаря — мышеловки нету!

— Что ж ты, каналья, не поглядев в святцы, бух на крышу! Где ты март нашел?.. Февраль только начали, а он — накося! Размяукался...

Старый кот сердито сверкнул глазами и ушел снова за трубу.

Молодой сконфуженно-недоумевающе пожал плечами, почесал лапой за ухом и, пробормотав: «Да, это я, кажется, тово... рановато», — стал спускаться вниз по желобу.

И все-таки в разбитое окно тянуло уже не резким зимним ветром, а теплым, предвесенним, еле слышный аромат которого могло почувствовать только молодое, изощренное обоняние.

И даже как будто капля теплого дождя упала мне на руку... Плакала улитка.

МУРКА

Несколько времени тому назад во всех газетах была напечатана статья советского знатока по финансам т. Ларина — о том, что в Москве на миллион жителей приходится около 120 000 советских барышень, служащих в советских учреждениях, а среди массы этих учреждений есть одно — под названием «Мурка»...

«Что это за учреждение и что оно обслуживает, — признается откровенно Ларин, — я так и не мог ни у кого добиться...»

* * *

Есть в Москве Мурка, а что такое Мурка — и сам Ларин не знает.

А я недавно узнал. Один беженец из Москвы сжалился над моим мучительным недоумением и объяснил мне все.

— Что же такое, наконец, Мурка? — спросил я со стоном. — Спать она не дает мне, проклятая!

— Ах, Мурка?! Можете представить, никто этого не знает, а я знаю. И совершенно случайно узнал...

— Не тяните! Что есть — Мурка?!

- Мурка? Это Мурашовская комиссия. Сокращенно.
- А что такое — Мурашов?
- Мой дядя.
- А кто ваш дядя?
- Судебный следователь.
- А какая это комиссия?
- Комиссия названа по имени дяди. Он был председателем комиссии по расследованию хищений на Курском вокзале.
- Расследовал?
- Не успел. На половине расследования его расстреляли по обвинению в сношениях с Антантой.
- А Мурка?
- Чего Мурка?
- Почему Мурка осталась?
- Мурка осталась потому, что тогда еще дело не было закончено. Потом оно закончилось несколько неожиданно: всех заподозренных в хищении расстреляли по подозрению в организации покушения на Володарского.
- А Мурка?
- А Мурка существует.
- Я не понимаю — что ж она делает, если и родоначальника ее расстреляли?
- Теперь Мурка окрепла и живет самостоятельно. Здоровая сделалась — поперек себя шире.
- Я вас не понимаю.
- Видите ли: когда моего дядю Мурашова назначили на расследование, он сказал, что ему нужен секретарь. Дали. Жили они себе вдвоем, поживали, вели следствие, — вдруг секретарь говорит: нужна мне машинистка. Нужна тебе машинистка? На тебе машинистку. Машинистка говорит: без сторожа нельзя. На тебе сторожа. Взяли сторожа. А дядя мой предобрый был. Одна дама просит: возьмите дочку — пусть у вас бумаги подшивает — совсем ей есть нечего. Взяли дочку. И стала Мурка расти, пухнуть и раздвигаться влево, вправо, вверх, вниз, вкривь и вкось...
- Однажды захожу я, вижу — Муркой весь дом занят... Всюду на дверях дощечки: «Продовольственный отдел», «Просветительный отдел»...
- Позвольте... Неужели Мурка сама кормила и просвещала этих вокзальных хищников?!

— Что вы? Их к тому времени уже расстреляли... Для себя Мурка завела и продовольственный, и просветительный отдел, и топливный... к тому времени уже служило в Мурке около 70 барышень, а когда для этой оравы понадобились все эти отделы — пригласили в каждый отдел новый штат — и число служащих, вместе с транспортным и библиотечным, — возросло до 124.

— Что ж... все они так и сидели сложа руки?

— Почему?

— Да ведь и дядю расстреляли, и вокзальных воров расстреляли... Ведь Мурке, значит, уже нечего было делать?

— Как нечего? Что вы! Целый день работа кипела, сотни людей носились с бумагами вверх и вниз, телефон звенел, пишущие машинки щелкали... Не забывайте, что к тому времени всякий отдел обслуживало уже около полутораста служащих в Мурке.

— А Мурка кого обслуживала?

— Служащих.

— Значит, Мурка обслуживала служащих, а служащие Мурку?

— Ну, конечно. И все были сыты.

— А не приходило когда-нибудь начальству в голову выяснить: на кой черт нужна эта Мурка и чем она занимается?

— Приходило. Явился один такой хват из ревизоров, спрашивает: «Что это за учреждение?» Ему барышня резонно отвечает: «Мурка». — «А что это такое — Мурка?» Та, еще резоннее: «А черт его знает. Я всего семь месяцев служу. Все говорят — Мурка, и я говорю — Мурка!» — «Ну, вот, например, что вы лично делаете?» — «Я? В отпускном отделе». — «Какие же вы товары отпускаете?» — «Не товары, а служащих в отпуск. Регулирую отпуска». — «И для этого целый отдел?!» — «Помилуйте, у нас до 300 человек служащих!» — «А это что за комната?» — «Продовольственный отдел. Служащих кормим». — «А этот ряд комнат?» — «Топливный, просветительный, агитационный, кульминационный, — работы по горло». — «И все для служащих?» — «А как же! У нас их с будущего месяца будет около 500. Прямо не успеваешь». — «Так, значит, так-таки и не знаете, что такое Мурка?» — «Аллах его ведает. Был тут у нас секретарь, старожил, — тот, говорят, знал, —

да его еще в прошлом году за сношение якобы с Деникиным по ветру пустили». — «Ну, а вы сами как лично думаете, что значит: «Мурка?» — «Гм... Разное можно думать. Может быть — морская канализация?» — «Ну, что вы? Тогда была бы Мурка или Мурская канализация... И потом, какая канализация может быть на море?» Постоял еще, постоял, плюнул, надел шапку и ушел. И до сих пор Мурка растет, ширится. Говорят, скоро под Сестрорецком две колонии открывает: для служащих инвалидов и для детей служащих.

Помолчали мы.

— Вы помните, — спросил я, — песенку «Мурочка-Манюрочка?»

— Еще бы. Сабинин пел.

— Так вот там есть слова:

Стала Мурка — содержанка
Заправила банка...

— Ну?

— Так разница в том, что заправила банка содержал Мурку на свои деньги, а Советская Россия содержит сотни Муток — на народные!..

ЛЮДИ — БРАТЬЯ

Их было трое: бывший шулер, бывший артист императорских театров — знаменитый актер и третий — бывший полицейский пристав 2-го участка Александро-Невской части.

Сначала было так: бывший шулер сидел за столиком в ресторане на Приморском бульваре и ел жареную кефаль, а актер и пристав порознь бродили между публикой, занявшей все столы, и искали себе свободного местечка. Наконец бывший пристав не выдержал: подошел к бывшему шулеру и, вежливо поклонившись, спросил:

— Не разрешите ли подсесть к вашему столику? Верите, ни одного свободного места!

— Скажите! — сочувственно покачал головой бывший шулер. — Сделайте одолжение, садитесь! Буду очень рад. Только не заказывайте кефали — жестковата. — При этом

бывший шулер вздохнул: — Эх, как у Донона жарили судачков обернуар!

Лицо бывшего пристава вдруг озарилось тихой радостью.

— Позвольте! Да вы разве петербуржец?!

— Я-то?.. Да вы знаете, мне даже ваше лицо знакомо. Если не ошибаюсь, вы однажды составляли на меня протокол по поводу какого-то недоразумения в Экономическом клубе?..

— Да Господи ж! Конечно! Знаете, я сейчас чуть не плачу от радости!.. Словно родного встретил. Да позвольте вас просто по-русски...

Знаменитый актер, бывший артист императорских театров, увидев, что два человека целуются, смело подошел и сказал:

— А не уделите ли вы мне местечка за вашим столом?

— Вам?! — радостно вскричал бывший шулер. — Да вам самое почтеннейшее место надо уступить. Здравствуйте, Василий Николаевич!

— Виноват!.. Почему вы меня знаете? Вы разве петербуржец?

— Да как же, Господи! И господин бывший пристав петербуржец из Александро-Невской части, и я петербуржец из Экономического клуба, и вы.

— Позвольте... Мне ваше лицо знакомо!!

— Еще бы! По клубу же! Вы меня еще — дело прошлое — били сломанной спинкой от стула за якобы накладку.

— Стойте! — восторженно крикнул пристав. — Да ведь я же по этому поводу и протокол составлял!!

— Ну конечно! Вы меня еще выслали из столицы на два года без права въезда! Чудесные времена были!

— Да ведь и я вас, господин пристав, припоминаю, — обрадовался актер. — Вы меня целую ночь в участке держали!!

— А вы помните, за что? — засмеялся пристав.

— Черт его упомнит! Я, признаться, так часто попадал в участки, что все эти отдельные случаи слились в один яркий сверкающий круг.

— Вы тогда на пари разделись голым и полезли на памятник Александра Третьего на Знаменской площади.

— Господи! — простонал актер, схватившись за голову. — Слова-то какие: Александр Третий, Знаменская площадь, Экономический клуб... А позвольте вас, милые петербуржцы...

Все трое обнялись и, сверкая слезинками на покрасневших от волнения глазах, расцеловались.

— О, Боже, Боже, — свесил голову на грудь бывший шулер, — какие воспоминания!.. Сколько было тогда веселой, чисто столичной суматохи, когда вы меня били... Где-то теперь спинка от стула, которой вы... А, чай, теперь от тех стульев и помина не осталось?

— Да, — вздохнул бывший пристав. — Все растащили, все погубили, мерзавцы... А мой участок, помните?

— Это второй-то? — усмехнулся актер. — Как отчий дом помню: восемнадцать ступенек в два марша, длинный коридор, налево ваш кабинет. Портрет государя висел. Ведь вот было такое время: вы — полицейский пристав, я — голый, пьяный актер, снятый с царского памятника, а ведь мы уважали друг друга. Вы ко мне вежливо, с объяснением... Помню, папироску мне предложили и искренне огорчились, что я слабых не курю...

— Помните шулера Афонькина? — спросил бывший шулер.

— Очень хороший был человек.

— Помню, как же. Замечательный. Я ведь и его бил тоже.

— Пресимпатичная личность. В карты, бывало, не садись играть — зверь, а вне карт — он тебе и особенный салат-омар состряпает, и «Сильву» на рояле изобразит, и наизусть лермонтовского «Демона» продекламирует.

— Помню, — кивнул головой пристав. — Я и его высылал. Его в Приказчиьем сильно тогда подсвечниками обработали.

— Милые подсвечники, — прошептал лирически актер, — где-то вы теперь?.. Разворовали вас новые вандалы! Ведь вот времена были: и электричество горело, а около играющих всегда подсвечники ставили.

— Традиция, — задумчиво сказал бывший шулер, разглаживая шрам на лбу. — А позвольте, дорогие друзья, почествовать вас бутылочкой «Абрашки»...*

Радостные, пили «Абрау». Пожимали друг другу руки и любовно, без слов, смотрели друг другу в глаза.

Перед закрытием ресторана бывший шулер с бывшим приставом выпили на «ты».

* Шампанское «Абрау Дюрсо». (Примеч. авт.)

Они лежали друг у друга в объятиях и плакали, а знаменитый актер простирал над ними руки и утешал:

— Петербуржцы! Не плачьте! И для нас когда-нибудь небо будет в алмазах! И мы вернемся на свои места!.. Ибо все мы, вместе взятые, — тот ансамбль, без которого немислима живая жизнь!!

ИСТОРИЯ ДВУХ ЧЕМОДАНОВ

В уютной кают-компании английского броненосца, куда любезные англичане пригласили нас, нескольких русских, на чашку чаю, — камин горел чрезвычайно приветливо...

Мы, хозяева и гости, сгрудились около него и, прихлебывая из стаканчиков старый херес, повели тихие разговоры, вспоминая разные курьезные, смешные и страшные истории, случившиеся с каждым из нас.

— А то еще был факт... — начал старый, выдавший виды моряк-англичанин, отворачивая от красных углей камина свое красное обветренное лицо.

— Расскажите, расскажите!..

— А вы даете мне честное слово, что поверите всему рассказанному?..

— Ого, какое странное предисловие! Действительно, история обещает быть из ряда вон выходящей... Но мы поверим — даем слово!

— Эта история — одна из самых таинственных и страшных в моей жизни... Семь лет тому назад я отправил из Дублина в Лондон багажом чемодан со своими вещами... И что же!

— И что же?!

— Он до сих пор не дошел до Лондона: пропал в пути!

— Ну, ну?

— Что — «ну»?

— Где же ваша удивительная и странная история?

— Да вот она и есть вся. Понимаете: чемодан потерялся в пути! Шуму эта история наделала страшного: кое-кто из низшего железнодорожного начальства слетел, высшее начальство рвало на себе волосы... Бум был огромный!

Видя, что мы, русские, не удивляемся, а сидим молча, понурившись, старый морской волк, оглядев нас удивленным взглядом, осекся и замолчал.

— А то еще был факт... — начал русский, мой коллега по газете, отличавшийся тем, что он все знал. — Англичане, может быть, и поверят этой правдивой истории, а насчет русских — «сумлеваюсь, штоп»...

— Это — факт?

— Заверяю честным словом — факт! И случилась эта история с одним бывшим министром. И потому, что это факт, — фамилии министра я не назову.

— Не тяните!

— Не тяну. Другой бы тянул, а я нет. Не такой я человек, чтобы тянуть. Другой бы... Ой, вы, кажется, придавили мою ногу? Так вот: в сентябре 1918 года этот министр, собираясь ехать в Крым, уложил в чемодан все, что было у него ценного: романовские деньги, золото, бриллианты, меха, — по тому времени тысяч на 60, а по нынешнему — триллионов на 120. И отправил он сдуру этот чемодан по железной дороге до Севастополя — багажом.

— Неужели тоже пропал? — подскочил, как от электрического тока, старый морской волк.

— В том-то и дело, что в январе 1920 года чемодан дошел до места в целости и сохранности. Понимаете, был Скоропадский, его сверг Петлюра, потом были большевики, Махно, добровольцы, опять большевики, города горели, переходили из рук в руки, вокзалы разрушались до основания, багаж на железнодорожных складах разворовывался почти дочиستا, чемоданы и корзины опоражничивались и набивались кирпичами, а министерский чемодан все полз себе и полз, как трудолюбивый муравей, и через полтора года таки дополз до конечной станции в целости и сохранности!.. Так верите ли, когда экс-министр в присутствии багажных хранителей открыл свой чемодан, — все рвали на себе волосы... кое-кто слетел даже с места! Багажный приемщик на станции Взломовка, когда узнал, — на собственных подтяжках повесился, два багажных грузчика запили вмертвую... Вообще, бум — на весь юг России!

Эта история произвела на русских впечатление разорвавшейся бомбы.

Англичане же остались совершенно спокойны и только переводили свои недоумевающие взоры с одного из нас на другого...

А мы, русские, смеялись, смеялись до слез.

И когда одна из моих слез капнула в стаканчик с английским хересом, — мне показалось, что весь херес сделался горько-соленым.

ХОМУТ, НАТЯГИВАЕМЫЙ КЛЕЩАМИ *(Московское)*

Москвич кротко сидел дома и терпеливо пил черемуховый чай с лакрицей вместо сахара, со жмыховой лепешкой вместо хлеба и с вазелином вместо масла.

Постучались.

Вошел оруженосец из комиссариата.

— Так что, товарищ, пожалуйста по наряду на митинг. Ваша очередь слушать.

— Ишь ты, ловкий какой! Да я на прошлой неделе уже слушал!

— Ну, что ж. А это новый наряд. Товарищ Троцкий будет говорить речь о задачах момента.

— Послушайте... ей-Богу, я уже знаю, что он скажет. Будет призывать еще годика два потерпеть лишения, будет всех звать на красный фронт против польской белогвардейщины, против румынских империалистов, будет обещать на будущей неделе мировую революцию... Зачем же мне ходить, если я знаю?..

— Это меня не касается. А только приказано набрать тысячу шестьсот сорок штук, по числу мест, — я и набираю...

— Вот тут один товарищ рядом живет, Егоров ему фамилия, — кажется, он давно не был! Вы бы к нему толкнулись.

— Нечего зря толкаться. Вчера в Чека забрали за пропуск двух митингов. Так что ж... Записывать вас?

— У меня рука болит.

— Чай, не дрова рубить! Сиди, как дурак, и слушай!

— Понимаете, сыпь какая-то на ладони, боюсь застудить.

— Можете держать руку в кармане.

— А как же аплодировать? Ежели не аплодировать, то это самое...

— Хлопай себя здоровой рукой по затылку — только всего дела.

Хозяин помолчал. Потом будто вспомнил.

— А то еще в соседнем флигеле живет один такой — Пантелеев. До чего любит эти самые митинги! Лучше бы вы его забрали. Лют до митинга. Как митинг, так его и дома не удержишь. Рвется прямо.

— Схватились! Уже третий день на складе у нас лежит. Разменяли. Можете представить — заснул на митинге!

— Послушайте... А вдруг я засну?

— В Чеке разбудят.

— Товарищ... Стаканчик денатуратцу разрешите предложить?

— За это чувствительно благодарен! Ваше здоровье! А только ослобонить никак невозможно. Верите совести: целый день гойдаю, как каторжный, все публику натягиваю на эти самые митинги, ну их... к этому самому! У всякого то жена рождает, то он по службе занят, то выйти не в чем. Масса белобилетчиков развелась. А один давеча, как дитя, плакал, в ногах валялся: «Дяденька, — говорит, — увольте! С души прет, — говорит, — от этого самого Троцкого! Ну, что, — говорит, — хорошего, ежели я посреди речи о задачах Интернационала в Ригу вдруг поеду?!» Он плачет, жена за ним в голос, дети вой подняли, инда меня слеза прошибла. Одначе, забрал. Потому обязанность такая. Раз ты свободный советский гражданин — слушай Троцкого, сволочь паршивая! На то тебе и свобода дадена, чтоб ты Троцкую барщину сполнял! Так записать вас?

— А, черт! А что, недолго будет?

— Да нет, где там долго! Много ли — полтора-два часа! Черт с ними, идите, господин, не связывайтесь лучше! И мне, и вам покойнее. Речь Троцкого, речь Бухарина, речь венгерского какого-то холуя — да все равно. Ну, потом, конечно, лезорюция собравшихся.

— Ну, вот видите — еще резолюция! Это так задержит...

— Котора задержит? Лезорюция? Да она уже готовая, отпечатанная. Вот у меня и энземплярчик есть для справки.

Оруженосец отставил ружье, пошарил в разносной сумке и вынул серую бумажку...

Москвич прочел:

«Мы, присутствующие на митинге тов. Троцкого, подавляющим большинством голосов вынесли полнейшее одобрение всей советской политике, как внутренней, так и внешней; кроме того, призываем красных товарищей на последний красный бой с белыми польскими панами, выражаем согласие еще сколько влезет терпеть всяческие лишения для торжества III Интернационала и приветствуем также венгерского товарища Бела Куна! Да здравствует Троцкий, долой соглашателей, все на польских панов! Следует 1639 подписей!»

Прочел хозяин. Вдохнул так глубоко, что на рубашке отскочила пуговица.

— Ну, что же... Ехать, так ехать, как сказал Распутин, когда Пуришкевич бросал его с моста в воду.

НОВАЯ РУССКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ (Для сознательных комдеток)

Рекомендуется при помощи маузера во все неучебные заведения.

Добрый пудель

У одного середнячка был пудель. Они очень любили друг друга, но благодаря кулацким элементам продналог не удался, и потому животы у них были пустые, как голова социал-соглашателя.

Однажды сидел хозяин пуделя у камина и ковырял ногой холодную золу. Пудель сидел тут же. Как вдруг он подполз к хозяйской ноге и любовно вцепился зубами в икру.

— Это тебе не паюсная! — воскликнул хозяин, перегрызая горло собаки.

И что же! Бедная собака кормила хозяина три дня, не считая шкуры шерстью вверх, из которой вышли меховые сапоги.

Так отблагодарил добрый пудель своего любящего хозяина за все его заботы.

Пример для диктанта

Хороши у Трошки сережки. Вырывай сережки с мясом, — будешь есть окрошку с квасом. За сокрытые излишки вынули у Тришки кишки. За морем телушка — полушка, а у нас крысенок миллион стоит. Я буду есть пирог с грибами, а ты держи язык за зубами.

Детская песня

Мне уже 13 с гаком...
На свободных пять минут
Окручусь скорее браком,
Через часик — разведут.

Наивный Ваня

Реквизировал папа у одного агента Антанты десяток слив. Принес домой, положил на стол, ан глядь, — через минуту их уже 9 штук.

— Дети, кто сливу съел? — спрашивает папа.

Все дети сказали: «мы не брали», и маленький Ваня тоже сказал: «не я».

Папа, будучи опытным чекистом, пустился на провокацию:

— Сливы мне не жалко, но если кто съел ее с косточкой, — можно умереть.

— Нет, я косточку выплюнул, — испуганно сказал Ваня.

— Ага, попался. Становись к стенке!

И все засмеялись, а Ваня заплакал:

— Эх, засыпался я!

Стихи

Нива моя, нива,
Нива золотая,
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая...

А когда нальешься
До краев ты, колос, —
«Подавай излишки!» —
Я услышу голос.

Пословицы: С мужика — штанишки, армии — излишки, мужику в живот — пулю, населению вместо хлеба — дулю.

Ось и Чека

Везли два хохла на телегах продовольствие. Вдруг у одного ломается ось, у другого — чека.

— Продай мне одну чеку, у тебя две.

— Изволь, за пять миллиардов продам.

Услыхали чекисты, что идет такая спекуляция, и забрали хохлов в чрезвычайку.

И когда стали хохлы у стенки — сказали друг другу сокрушенно:

— Ось тебе и чека.

Пословицы: Если будешь начеку, чеком смягчишь чеку.

Еще об уме чекистов

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно.

Вдруг — свист!

Чекист!!

Петуху в ухо,
Петуха себе в брюхо,

Зерно — в лапу.

И давай драпу!

Примеры для списывания: Была у мужика курица, а теперь одна горелая изба курится. Рыбу с чужого воза за пазуху — на завтра запас уху. «Что в вымени тебе моем?» — сказала хозяйке корова, возвратясь с выжженного поля.

Поликратов перстень

Древний человек Поликрат так был счастлив, что даже испугался. Чтоб умилостивить богов, он бросил в море любимый перстень. Пошел однажды на базар, купил на обед рыбу, нес домой, вдруг навстречу председатель исполкома: «Стой! Что несешь? Отдавай трудящемуся народу».

И унес. А был ли в этой рыбе перстень — черт его знает.
К исполкомщику что попадет, то как в прорву.

Наука расширяет кругозор

«Дети, знайте, что шишки с ели
Очень пригодны для топливной цели», —
Учил учитель деток раз...
Внимал ему притихший класс.

Набрали дети шишек с ели,
Зажарили учителя и — съели!

РАССКАЗ, КОТОРЫЙ ПРОТИВНО ЧИТАТЬ

Один пожилой, солидный господин совсем недавно возвращался домой.

Дело было вечером, на даче, идти пришлось через небольшой лесок.

Вдруг: «Стой!» — загремело у него над ухом. Из-за кустов выскочил разбойник, навел на мирного господина браунинг и прохрипел грубым, страшным голосом:

— Руки вверх!..

— Н... не могу, голубчик, — пролепетал мирный господин бледными трясущимися губами.

— Убью, как собаку! Почему не можешь?

— У меня ревматизм. Рукой пошевелить трудно.

— Ревматизм, — угрюмо пробурчал разбойник, — ревматизм! Раз ревматизм, — лечиться нужно, а не затруднять зря занятых людей ожиданием, пока там тебе заблагорассудится поднять руки.

— Я не знаю, право, чем его лечить, этот ревматизм...

— Здравствуйте! Я же тебе должен и советы давать. Натирай руки муравьиным спиртом — вот и все.

— Что вы, голубчик! Где ж его теперь купишь — муравьиный спирт. Ни в одной аптеке нет.

— На руках кое у кого найдется — поищи.

— Да если бы я знал — где! Я бы хоть сто килограммов купил. Хорошо можно заработать.

Свирепое лицо разбойника приняло сразу деловой вид:

— Сколько дадите? У меня есть пятьдесят килограммов. Цена 450, франко моя квартира.

— Сделано.

— Я и задаточек возьму; все равно уж бумажник у вас вытащил.

— Пойдем, в таком случае, в кафе, — условице напишем.

— Где ж его тут найдешь в лесу, кафе это?

— Ну, пойдем ко мне домой, разбуджу жену, она кофейку сварит.

— Ладно! Айда.

* * *

Как противны эти расчетливые, рассудительные зрелые годы, — все бы только спекуляция, все бы только нажива.

Не лучше ли нам окунуться в мир беззаботной, прекрасной золотой молодости — поры сладких грез и безумных, пышных надежд.

Вот — двое на скамейке. Он и она...

Молодая, цветущая пара.

— Катя! Ты знаешь, что за тебя я готов отдать всю свою кровь по каплям! Прикажи, — луну стащу с небосклона... Катя!.. А ты меня любишь? Скажи только одно крохотное словечко: «да».

— Глупый! Ты же знаешь... Ты же видишь...

— О, какое безмерное счастье! Я задушю тебя в объятиях. Значит, ты согласна быть моею женой?..

— Да, милый.

— Я хочу, чтобы свадьба была как можно скорее! Можно через неделю?

— Что ты, чудак! У меня и платья венчального нет.

— Сделаем! Из чего делается платье?

— Ну... муслин, шифон, атлас...

— Есть! Могу предложить муслин по 28 000 аршин, франко портниха.

— Хватил! А моя подруга на прошлой неделе брала по 23 000.

— Как угодно. Не хочешь — и не надо. Найдем другую покупательницу. Вашего-то брата, невест, теперь как собак нерезаных.

— Молодой человек! Куда же вы? Пойдите!..

— Ну?..

— Фрачными сорочками, шелковыми носками не интересуетесь? Вернитесь — дешево, франко квартира...

* * *

Нет, вон отсюда! Подальше от этой жадной, захлебывающейся в своекорыстных расчетах молодости...

Дайте мне светлую, розовую юность, дайте мне прикоснуться к ароматному детству.

Вот по улице важно шествует, посвистывая, десятилетний мальчуган. Куда это он, птенчик? Гм! Стучится в дверь закопченной, полуразрушенной хижины.

— Эй! Кто есть живой человек? Не тут ли живет жулье, которое детей ворует?

— Тут, тут. Пожалуйте.

— Слушайте, вы, рвань! Есть фарт*. Можно большую деньги зацепить!

— Чего еще?!

— Уворуйте меня нынче вечером. Родители хороший выкуп дадут.

— А тебе, пузырь, что за расчет?

— Я из 50% работаю. Тысяч шестьдесят сдерем, — вам тридцать, мне тридцать.

— Эко хватил — 50%! У нас и риск, и хлопоты, а у тебя...

— А зато я письмо пожалостливее составлю. Другого мальчика еще выкупят или нет — вопрос, а меня родители так любят, что последнее с себя стащат да отдадут.

— Мало 50%! Нам еще делиться надо.

— А мне делиться не надо?! 15% сестренке обещал за то, что перед родителями в истерику хлопнется. Не беспокойтесь, у нас тоже своя контора...

* * *

Как?! Неужели глетворная бактерия спекуляции отравила и розовую юность... О, Боже! В таком случае, что же остается нетронутым? Неужели только младенчество?..

* На воровском языке — удача. (Примеч. авт.)

Вот в колыбельке лежит розовый, толстый бутуз, светлые глазки глядят в потолок вдумчиво, внимательно, неподвижно.

Любящие родители склонили над ним свои головы... любуются первенцем.

— Не знаю, что и делать, — печально говорит жена. — Как же его кормить, если у меня молоко пропало?! Придется нанять мамку.

— Конечно, найми, — кивает головой муж. — Дорого, да что же делать.

Младенец переводит на них светлый, вдумчивый взгляд и вдруг... лукаво подмигивает:

— Есть комбинация, — говорит он, хихикнув. — Сколько будете платить мамке за молоко? Тысяч 60, франко мой рот?.. Да прокормить ее будет стоить вдвое дороже. Итого — 180 тысяч. А мы сделаем так: покупайте мне в день по бутылке молока — это не больше 500 обойдется. В месяц всего — 15 000. А экономию в 165 000 разделим пополам. Отец! Запиши сделку...

* * *

Охо-хо... Так вот и живут у нас.

Скорей бы уж конец мира, что ли...

СТЕНЛИ

Стоит двор; на дворе кол; на колу — мочала. Не начать ли сказочку сначала?

Начнем!

Стоит Кремлевский двор; на дворе кол; на колу радиотелеграф. А больше ничего и нет — даже мочалу Внешторг вывез за границу. Огромную площадь занимает Россия: одну шестую часть земной суши. И пусто все. Только в середине кол с радиотелеграфом, а возле сидит в пещере весь совнарком и из-под земли декретирует.

Удивительная страна!

В 1935 году один заболевший сплином иностранец заинтересовался: а не съездить ли посмотреть?

Стал наводить справки:

— Как достать расписание поездов? Каким поездом можно попасть в Москву?

Спрашиваемые удивились:

— Поездом? С ума вы сошли! Что это вам — Азия, что ли?

— Но как же попасть?

— Читали «Экспедицию Генри Стенли к истокам Нила»? Вот вам руководство. Складная палатка, немного оружия, сушеное мясо, консервы, полсотни носильщиков и идите с Богом! Для общения с туземцами не забудьте прихватить блестящих бус, кумачу, дюжину зеркалец и несколько бутылок огненной воды.

— Опомнитесь! В страну Достоевского, Чехова, Чайковского и Репина — кумач и бусы?!

— Эва! Теперь это страна Фрунзе, Цюрупы, Радека и Бела Куна, — это тебе не Чайковский...

* * *

Собрался новый Стенли, подъехал к границе, жутко: ветер воев, волки бегают, а за пограничной линией — то не колос шуршит, не мельница гудит, то — красноармеец на границе стоит, ружьишкой всем в пузо тычет.

— Куда лезете, черти?!

Дали ему серебряный шиллинг и бутылку огненной воды, — смягчился.

— А это что у вас?

— Зеркальце.

— Покаж!

Глянул в зеркальце, отразился, головой покрутил, сплюнул:

— Эку дрянь показываете...

— Нет ли тут проводника из туземцев, — нам бы в глубь страны?!

— И проводника найдем! За кусок кумачу, за пару корнбифа к самому черту доведет!!

— Нам бы до совнаркома.

— Все едино.

* * *

— Здравствуйте, туземец! Вы — проводник?

— Так точно.

— Страну знаете?

— Помилуйте! Почетный член императорского географического общества, адъюнкт-профессор. Были когда-то и мы рысаками. Куда вести?

— На Москву. Нам бы еще носильщики нужны для вещей...

— Этого добра сколько влезет. Ваше превосходительство! Ваше сиятельство! Вали сюда артелью. Вот этому чудиле вещи на Москву донести.

— С нашим удовольствием. А харч хозяйский?

— Само собой!

Нагрузились. Пошли.

* * *

— Это что за развалины такие?

— Древний город тут был — Харьков...

— До Рождества Христова?

— Кой черт! В позапрошлом году развалился.

Дальше пошли.

— А это что за дымовая труба?

— Курск тут был. По этой трубе только и примечаем.

А Орла так и не найду теперь: гладкое место, зацепиться не за что. Одно слово — центроглушы!

— Где же жители?

— А вот мы и есть жители. Каких же еще вам нужно?

— Гм... Москва близко?

— Как палку увидите, — вот это и будет Москва. Радио на палке. Как говорится: всем, всем, всем...

* * *

Подходя к Туле, мамонта убили. Здоровый был, шельма, да разрывные пули тоже не шутка. Вырезали клыки, засушили мяса, нагрузили на носильщиков, пошли дальше.

* * *

В Сокольниках лесные люди напали... Чуть не съели всю экспедицию, да окопались вовремя, отбились.

Очень было страшно.

* * *

— Вот вам и Москва! Вон эта палка торчит — радио. А возле стальная дверь под землю идет. Таких дверей две-

надцать, а сбоку все бронировано. За двенадцатой совнарком и сидит. Эй, стража! Какого-с иностранца привели!

— Чего надо?!

— Хотели бы представиться Ленину и Троцкому...

— Раздевайся!

— Помилуйте, за что же?!.. Я...

— Да, может быть, у тебя бомбы за пазухой.

— Так вы просто обыщите!

— Просто! У вас все просто. А может, у тебя в пуговицах мелинит зашит.

Раздели. Повели. Загремели стальные двери — одна за другой, одна за другой.

За одиннадцатой — человек вышел: на голове пук волос, на подбородке клок, глаза из-за пенсне пытливо поглядывают: видно, что сам Троцкий.

— Очень рады! Наконец-то империалистические страны признали нас.

Поговорили о том о сем.

Вдруг хозяин встал, сорвал с себя бородку, пенсне, сказал:

— Ну, теперь я вам Троцкого покажу!

— Да разве вы сами не Троцкий?

— Эва, приткий какой! Это так сразу не делается. Сначала я должен был в тебе увериться.

— Но в чем же, Господи?!..

— А вдруг ты белогвардеец? Пришел покуситься на него?!..

— Помилуйте, чем же? Ведь я — голый.

— Толкуй. А может, ты динамиту нажрался, да с разгону брюхом в него ка-ак саданешь... Эх, хитер теперь наш подданный пошел. Одначе, пожалуйста! Вот тут, за этой последней дверью...

Загремела последняя дверь.

Большая, низкая комната...

Стены забраны стальными листами, с заклепками на ребре. Стол, на столе — свечка...

Сидят, понурившись, два человека, друг от друга отвернулись, — надоели, очевидно, друг другу до смерти.

— Вы к нам? Чем обязаны?..

— Льщу себя счастьем лицеизреть правителей такой огромной страны!..

— Ну, что ж, лицеизрейте...

Потоптался новый Стенли, переступил с ноги на ногу:

— Ну, уж пойду я! Душно вато тут...

— Да, невесело. Заходите еще как-нибудь.

— Почту за честь... Я когда-нибудь в будущем году...
наведаюсь...

Повернулся. Загремели стальные двери — одна за другой...
Вышел на свежий воздух. Снова перед ним двор; на дворе
кол; на колу вместо мочалы — радио...

* * *

Стареть я стал, что ли.

Старые люди любят, проснувшись, свои сны рассказывать.

Вот и я рассказал, что мне вчера снилось. Что бы это
значило, этот сон, а?..

УНИКИ

Петербург. Литейный проспект. 1920 год. В антикварную лавку входит гражданин самой свободной в мире страны и в качестве завсегдатая лавки обращается к хозяину, потирая руки, с видом покойного основателя Третьяковской галереи, забредшего в мастерскую художника:

— Ну-ну, посмотрим... Что у вас есть любопытного?

— Помилуйте. Вы пришли в самый счастливый момент: уник на унике и уником погоняет. Вот, например, как вам покажется сия штукенция?

«Штукенция» — передняя ножка от массивного деревянного кресла.

— Гм... да! А сколько бы вы за нее хотели?

— Восемьсот тысяч!

— Да в уме ли вы, батенька... В ней и пяти фунтов не будет.

— Помилуйте! Настоящий Луи Каторз.

— А на черта мне, что он Каторз. Не на стенке же вешать. Каторз не Каторз — все равно, обед буду сегодня подогревать.

— По какому это случаю вы сегодня обедаете?

— По двум случаям, батенька! Во-первых, моя серебряная свадьба, во-вторых, достал полфунта чечевицы и дельфиньего жиру.

— А вдруг Чека пронюхает?

— Дудки-с! Мы это ночью все сварганим. Кстати, для жены ничего не найдется? В смысле мануфактуры.

— Ну, прямо-таки, вы в счастливый момент попали. Извольте видеть — самый настоящий полосатый тик.

— С дачной террасы?

— Совсем напротив. С тюфячка. Тут на целое платьице, ежели юбку до колен сделать. Дешевизна и изящество. И для вас кое-что есть. Поглядите-ка: настоящая сатиновая подкладка от настоящего драпового пальто-с! Да и драп же! Всем драпам драп.

— Да что же вы мне драп расхваливаете, когда тут только одна подкладка?!

— Об драпе даже поговорить приятно. А это точно, что сатин. Типичный брючный материал.

— А вот тут смотрите, протерлось. Сошью брюки, ан — дырка.

— А вы на этом месте карманчик соорудите.

— На колене-то?!!

— А что же-с. Оригинальность, простота и изящество. Да и колено — самое чуткое место. Деньги тащить будут — сразу услышите.

— Тоже скажете! Это какой же карман нужен, ежели я, выходя из дому, меньше двенадцати фунтов денег и не беру. Съедобного ничего нет?

— Как не быть! Извольте видеть — настоящая «Метаморфоза», — Перль-де-неж!

— Что же это за съедобное: обыкновенная рисовая пудра!

— Чудак вы человек: сами же говорите — рисовая, и сами же говорите — несъедобная. Да еще в 18-м году из нее такое печенье некоторые штукарки пекли...

— Ну, отложите. Возьму. Да позвольте, что же вы ее на стол высыпаете?!

— А коробочка-с отдельно! Уник. Настоящий картон и буквочки позолоченные. Не я буду, если тысячонок восемьсот за нее не хвачу.

— Вот коробочку-то я и возьму. Жене свадебный подарок. Бижутри, как говорится.

— Бумажным отделом не интересуетесь? Рекомендовал бы: предобротная вещь!

— Это что? Меню ресторана «Вена»? Гм... Обед из пяти блюд с кофе — рубль. А ну, что ели 17 ноября 1913 года? «Бульон из курицы. Щи суточ. Пирожки. Осетрина по-русски. Индейка, рябчики, ростбиф. Цветная капуста. Шарлотка с яблоками». Н-да... Взять жене почитать, что ли.

— Берите. Ведь я вам не как меню продаю... Вы на эту сторону плюньте. А обратная-с — ведь это бристоольский картон. Белизна и лак. На ней писать можно. Я вам только с точки зрения чистой поверхности продаю. И без Совнархоза сделочку завершим. Без взятия на учет. Двести тысячонок ведь вас не разорят? А я вам в придачу зубочистку дам.

— Зачем мне? Все равно она безработная будет...

— Помилуйте, а перо! Кончик расщепите и пишете, как стальным.

— Да, вот кстати, чтоб не забыть! Мне передавали, что у Шашина на Васильевском Острове два стальных пера продаются № 86.

— Да правда ли? Может, старые, поломанные.

— Новехонькие. Ижицын ездил к нему смотреть. № 86. Тисенные, сволочи, хорошенькие такие — глаз нельзя отвести. Вы не упускайте.

— Слушаю-с! Кроме — ничего не прикажете?

— Антрацит есть?

— Имеется. Сколько карат прикажете?

* * *

Этот рассказ написан мною вовсе не для того, чтобы рассмешить читателя для пищеварения после обеда.

Просто я, как добросовестный околоточный, протокол написал...

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ

Новый учитель вошел в класс и, ласково поклонившись ученикам, сказал:

— Здравствуйте, дети!

— Здравствуйте, товарищ учитель!

— Все ли в сборе?
— А черт его знает!
— То есть, как это так?!
— А так. Что мы, за хвост будем ловить всякого, кто не пришел?

— А все-таки?
— Ну вот, например, Евдокимова Андрея нет, Переплюхина Егора...

— Что ж они... заболели?
— Евдокимов пошел на Сенную, батькин галстук и манжеты загонять, а Переплюхин женится нынче.

— Как женится? Вы шутите!
— Один такой шутил, — так его на мушку взяли.
— Но все-таки! Мальчишке четырнадцать лет, и в такие годы связывать себя на всю жизнь...

— Бросьте, товарищ, волноваться: печенка лопнет. Кой там черт на всю жизнь! Он обещал мне через неделю с ней развестись. Он, товарищ учитель, из-за интересу женится. По расчету: у невесты есть полфунта жиров и две банки сгущенного молока. Отберет, слопает и разведется.

Новый учитель вздохнул, свеся голову, и сказал:

— Итак, займемся мы сейчас...

Дятлов Степан подошел к нему с таинственным видом и шепнул:

— Есть комбинация!

— То есть?

— Отпустите меня сейчас — я вам раза нюхнуть дам...

— С ума ты сошел! Что это значит «нюхнуть»?

— Кокаинчику...

— Пошел на место, скверный мальчишка. Если тебе нужно по делу, я тебя и так отпущу. А подкупать меня этой дрянью!!..

— Да мне по делу и нужно: одно свиданьице. То есть такая девчонка, товарищ учитель, — огонь! Преппикантное создание. Хотите, потом познакомлю?

— Пошел вон на место!

— Ну, последний разговор: три понюшки хотите? Да другой бы зубами уцепился...

— Садись. Итак, господа, сейчас мы займемся Гоголем...

— Гоголь-моголь! Неужто устроите? Вот это по-товарищески!

Взоры алчно засверкали, языки облизнули губы и все сдвинулись ближе.

— Гоголь! Это писатель такой.

Взоры у всех потухли, и руки вяло опустились.

— Подумаешь, важное кушанье. Знал бы, сразу деру дал!

— Итак, Гоголь: «Мертвые души».

— Ловко! Кто ж это их угробил?

— Никто. Это умершие крестьяне...

— Так-с. Разрешили, значит, продовольственный вопро-сец. Ну, жарьте дальше.

— «В ворота гостиницы губернского города N въехала довольно красивая рессорная бричка, в какой ездят...»

— Комиссары, — подсказал Дятлов.

— Ничего не комиссары, — усмехнулся учитель. — Это был помещик Чичиков.

— Агент Антанты, — догадался кто-то сзади.

— «Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности...»

— Понимаем-с. Губчека помещалась!

— При чем тут — Губчека? — нетерпеливо поморщил-ся учитель... — «За Чичиковым внесли его пожитки: пре-жде всего чемодан из белой кожи... («Миллионов десять стоит!» — вздохнул кто-то сзади). Вслед за чемоданом внесен был ларчик красного дерева, сапожные колодки... («Знаем мы, для чего эти колодки! При допросах пальцы завинчивают...») ...и завернутая в синюю бумагу жареная курица».

Все вдруг зашевелились...

— Как!.. Как?.. Прочтите еще раз это место:

— «Завернутая в синюю бумагу жареная курица...»

— Вот буржуй анафемский!

— Реквизнуть бы!

— Хоть бы ножку одну скovyрнуть...

Учитель перешел на описание внутренности общей залы, и все опять потухли. Опущенные скучающие головы под-нялись только при магических словах: «Чичиков велел подать себе обед».

— Как обед!! Какой обед? Ведь у него же жареная ку-рица была?!

— «Покамест ему подавали разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи со слоеным пирожком, мозги с горош-

ком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец соленый и вечный слоеный сладкий пирожок...»

— Да неужто ж не лопнул?!..

— Брехня!..

— Стой, товарищ! Посчитаем, сколько такой обед должен стоить. Клади на щи с пирожком — пятьсот тысяч, мозги — восемьсот тысяч...

— Это, может, твои мозги! Где ты жареные мозги с горошком и хлебом за восемьсот тысяч найдешь? Тут миллионов на шесть будет!..

Учитель усмехнулся.

— То, что Чичиков ел в трактире, — вздор! А вот послушайте, чем его угостила Коробочка. «Прошу покорно закусить», — сказала хозяйка. Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой с сноточками, и невесть чего не было...» «Пресный пирог с яйцами», — сказала хозяйка. Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом и, съевши тут же с небольшим половиной, похвалил его.

— «А блинов?» — сказала хозяйка. Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнув их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой...»

— Брехня!..

— Тьфу-ты, черт! — сплюнул кто-то. — А где он еще обедал?

— Дело не в этом. Я вам лучше прочту гениальное описание характера как самого Чичикова, так и его слуг.

— Нет, к черту! Это мимо.

— Не надо!

— Ну, описание Собакевича... хотите? Замечательно выпукло. Будто изваян резцом гениального скульпп...

— А он у него обедал?

— Обедал.

— Что! Ну-ка что? Чего обедал?

— «Щи, моя душа, сегодня очень хороши, — сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам

и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками.

— Возьмите барана! — сказал Собакевич, обращаясь к Чичикову: — это бараний бок с кашей. У меня, когда свинина, всю свинью давай на стол; баранина, — всего барана тащи; гусь, — всего гуся». За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была больше тарелки; потом индюк ростом с теленка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печенками и невесть чем!..»

— Брехня! — простонал сзади страдальческий голос.

— Брехня? — обиделся учитель. — Нет-с, господа, Гоголь не врет! Вы возьмите, как он правдиво описывает характер Плюшкина...

— А у него обедал?

— Ну, знаете, у Плюшкина не пообедаешь...

— К черту тогда Плюшкина!

— У кого еще обедал?

— У Манилова, у Петуха обедал, завтракал у полицмейстера... Вы послушайте, как прекрасно описан тип полицмейстера...

— К черту тип! Что он там завтракал?

— «Появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросоленная, селедки, севрюжки, сыр, копченые языки и балыки, — это было все со стороны рыбного ряда. Потом появились изделия хозяйкиной кухни: пирог с головизной, куда вошли хрящ и щеки девятипудового осетра; другой пирог с груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы».

— Брехня!! — возопил Кустиков Семен, заткнув уши и мотая головой. — Не может этого быть!

Учитель задумчиво и сочувственно оглядел свою паству. Вздохнул:

— Нет, это было.

— А почему теперь нет? Ну, скажите! Ну? Почему?

— Теперь нет потому, что нынешний коммунистический строй, разорив и разрушив экономическую жизнь страны и уничтожив священное право собственности, убил охоту к труду и...

Дятлов Степан вдруг вскочил и торопливо крикнул:

— Который час?

Учитель вынул часы.

— Ах, какие красивые! Можно посмотреть?

Дятлов Степан подошел, наклонился к жилету учителя, будто рассматривая часы, и шепнул:

— О том, что вы говорите, — после доскажете. При Цибикове и Вацетисе нельзя.

— Господи! Почему?

— Они легавые. В «ве-че-ка» служат. В момент засыпаетесь...

Учитель снова обвел взглядом худые лица с горящими глазами, в последний раз вздохнул и, ни слова не говоря, забрав своего Гоголя, вышел.

СТРАНА ИНОСТРАНЦЕВ

... Сделка для Петра Петровича была замечательная: за какие-нибудь пустяковые шесть миллиардов рублей он приобретал в полную собственность особняк в Каретном ряду — из четырех комнат с кухней и погребом.

В комиссариате Дырбыршур (неизвестно, что это значило в переводе на русскую речь) ему самодовольно сказали:

— Видите, как теперь все просто в Советской России: приведите только двух свидетелей русскоподданных, чтоб они расписались на этой бумажке, — и вступайте себе спокойно во владение купленным домом.

— Только и всего? — радостно осклабился Петр Петрович.

— А вы думали! Это не то, что в прежнее бюрократическое время: купчие, да мунчие, да ввод во владение... Притащите двух русскоподданных, распишутся, — и домишко ваш со всеми потрохами.

Радостный, побежал Петр Петрович по Долгоруковскому переулку, выбежал на Тверскую, — на ловца и зверь бежит: навстречу Григорий Семеныч Бутылкин идет.

— Гриша, голубчик! Распишись на одной бумажке... Домик покупаю. Требуется русскоподданная подпись.

— Тю, дурной, — усмехнулся Бутылкин. — Хиба ж я русскоподданный?.. Я ж украинец. У меня теперь не паспорт, а тей-те, як его? Чи то оповидание, чи черт ти що. Ты лучше Пузикова позови, — вон издали кланяется.

— Пузиков! Иди сюда. А я, брат, дом покупаю, свидетель нужен, расписаться. Русскоподданный. Распишись, голубчик.

— Какое же я имею отношение?

— Но ты, как русскоподданный...

— Вот что, мой милый... Хотя я у тебя и детей крестил, но если ты еще раз так обо мне выразишься, я так тебя этой палкой по шее огрею! Какое право ты имеешь оскорблять природного лимитрофа и эстонца Пантелея Пузиковца?

Заплакал Петр Петрович.

— Пантюша! Да когда же ты лимитрофом сделался?

— У нас это в роду было. Отец даже два раза по делам в Ревель ездил, а у бабки дом в Риге был! Кровь-то, брат, она заговорит! Карамала-бучук.

— Это чивой-то значит?

— По-эстонски; о, моя родина, о моя Эстия! Всех ты улыбкой даришь. По-эстонски оно очень ловко выходит: карасу-барасу бубулдай.

— Здорово. Так где ж мне найти все-таки русскоподданного?

— Господи! В Москве не найти русскоподданных! Да вот тебе Жигулев Васька идет. Тащи его за шиворот.

Васька и сам подошел.

— Здравствуйте, лимитрофы несчастные! Читали, как наш Гардинг отбрил в ноте большевиков?..

— Почему это он «наш»?

— Гардинг-то? А как же: наш, американский. Мы, американцы, вообще...

— Васька! Да неужто ты американец?!

— Уэс! Кис ме квик, как говорят у нас в Белом Доме. Сода-виски! Отныне моя личность неприкосновенна! О, гейша, пой, играй, пляши.

Ударил себя несчастный Петр Петрович в грудь так, что по Тверской загудело:

— Да не будет же того, чтобы я в русской православной Москве не нашел русского человека. Эй, вы, господин прохжий! На минутку... Вы русский подданный?

— Так точно. Чем могу служить?

— Золото мое! Дайте я вас поцелую! Единственного русского по всей Тверской нашел. Пойдем со мной, распишешься. Коробку спичек за это подарю! Вы свободны?

— Гм... Собственно, я немного занят.

— Так я вас тут, на тумбочке, подожду.

- Гм... Едва ли вы дождетесь.
- Да вы куда идете-то?
- Иду по вызову в ГПУ, извините, расстреливаться.

* * *

Три дня у Петра Петровича шли переговоры с голландцем Драпкиным, южно-африканцем Пантюхиным, испанцем Гусевым и другими...

На четвертый день Петр Петрович выехал в Тулу.

Ему сообщили, что в Туле на Самоварной улице у сапожника Водопьянова живет подмастерье, и будто бы отец этого подмастерья — русскоподданный.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ

Если бы тысяча бессмертных дураков собрались купно, и тысячу лет эта тысяча сочиняла тысячу самых глупых анекдотов, то на всемирном конкурсе первый приз за самый глупый анекдот получил бы: «Автор проекта памятника III-му Интернационалу в Москве».

Прошу еще раз внимательно вчитаться в этот бессмертный памятник пролетарского гения.

По сведениям «Правды» памятник будет представлять собой «колоссальную постройку из камня и стекла, высотой в 650 футов, состоящую из четырех вращающихся частей, расположенных друг под другом. Нижняя часть в форме куба будет служить помещением исполнительного комитета III Интернационала и будет совершать полный оборот в течение года. Следующая часть в виде пирамиды будет совершать полный оборот в течение месяца. Третья часть в форме цилиндра будет совершать свой оборот за сутки. Наконец, четвертая сделает оборот в течение часа».

Для пьяного человека эти башни, наклепанные одна на другую и вращающиеся — одна в год, другая в месяц, третья в день, четвертая в час, — эти башни могут быть для пьяного человека самым жутким головокружительным кошмаром...

— Крутишься, сволочь?.. И так всем головы на сторону скружили, а тут еще башню вертячую посередь дороги поставили... Постой, вот я тебе по цилиндру как ахну!..

Я сидел дома, вертел в руках прочитанную газету и думал как раз о том, о чем написал выше.

В дверь постучались.

— Антрэ! — отозвался я.

— Чиво?

— Я говорю — войдите.

— Это дело десятое.

Рыжий детина протискался боком в комнату и, шаркнув ножищей, сказал:

— Дозвольте рикимендоваться: механик-самоучка Веденей Гориллов.

— Чем могу служить?

— Так что — затирают. Всякая тебе тля дорогу перешибает. Слыхали про московский интернациональный памятник?

— Только что сейчас прочел.

— Вот вы и возьмите во внимание: Луначарский еще о прошлом годе собрал всех нас, механиков, да и говорит нам: «А что, ребята-товарищи, вы бы не загвоздили памятникча почуднее для-ради третьего интернационалу?»

— «Что ж, — отвечаем, — дело возможное». «И чей, говорит, памятник будет почудней — тот получит первую категорию по пайку, вельветовые штаны, три фунта убоины и картину голландской школы с Третьяковской галереи». Одним словом, выяснилось для нас дело очень подходящее... Засел я в особняке княгини Голицыной и стал думать, стал думать и удумал я такое, что не приведи Господи!

— А что именно? — с любопытством спросил я.

— А вот этакое: стоит на площади огромная бетонная манжета, и из ее выходит чугунная рука, вся на шарнирах, дрянь этакая — в любую сторону гнется — только давани кнопочку. И у этой руке, как полагается, пять пальцев. В мизинце по числу сгибов три комнаты, и там помещается малый совет Совнаркомов, в безымянном — три комнаты, и там средний совет Совнаркомов, в среднем большой совет, так что зал заседаний в самую ладонь въехал; в указательном — помещение для Пролеткульта, а в большом, понятное дело, Чрезвычайка. И еще выдумал я такое: на рассвете вся пятерка растопырена, а как солнышко взошло, — так

указательный палец машинкой скрючивает, он, проклятый, пригибается к большому, большой за его цепляется, и получается огромный щелчок в самое небо, потому, как вам известно, большевики с Богом не особо в ладах, — на, мол, дедушка, получай!

После же того руку мою у сгиба начинает корежить, корежить и поворачивает к полудню на запад ладошкой вверх, будто, дескать, мы у запада товарообмена просим. Потом через часик-другой, когда мы будто товар от их получили, рука закручивается назад, большой палец въезжает между указательным и средним, и выходит так, что они от нас за товар кукиш имеют. Этак — кукишкой стоит памятник час. А после того большой палец лезет обратно, все пальцы скрючивает в кулак — и начинает кулак качаться со стороны в сторону — это, так сказать, для населения. Чтоб оно не очень много о себе воображало. А вечером большой палец, у ногтя которого Чрезвычайка, отделяется от остальных, пригибается к земле и, прижавшись к тротуару, как клопов давит всех — кто там ни сидит! Вот оно, господин, как я удумал!! Нешто, плохо? А они меня чуть не к стенке, — ты, говорят, смеешься, что ли, сволочь?! А я, ей-Богу, хотел, как лучше... Вы б господин-товарищ, хучь написали бы в газете, заступились. Потому у нас — самых мозговитых всякая шпана затирает.

Цель моей жизни — помогать угнетенным и заступаться за обиженных.

Обещал рыжему парню возвысить печатно в его пользу свой голос.

Вот — возвысил.

«КОММУНЕНОК»

Недавно один беженец из Совдепии привез мне в подарок номер детского коммунистического журнала типа «Игрушечки», «Задушевного слова», «Тропинки» или «Галчонка» — под названием:

— «Коммуненок».

Так как во всяком повременном издании — даже для детей — отражается жизнь страны, — я позволяю себе сделать

несколько самых характерных выдержек, дабы познакомить читателя с тем, «как живет и работает совдепская детвора»...

* * *

На первой странице известная картинка: двое деток над пропастью беззаботно тянутся за бабочкой, сзади ангел-хранитель в белой одежде с крыльями заботливо охраняет их.

Подпись:

— «Пролетарский ангел не допустит, чтобы наши дети ринулись в бездну буржуазных сладких посулов. Дети, организуйтесь в ячейки!»

За рисунком на следующей странице — детские стихи.

Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно,
Завтра же в постельках, сколько
 угодно, валяйтесь,
Петуха родители съедят все равно!

И еще:

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.
Огонь тот — свободы!
Помещиков жгут:
России народы
Свободу дают!

И еще:

Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
Куда же он скачет, куда так летит?
В коммунистическую ячейку записаться
 он спешит!

* * *

За стихами следует проза — маленькие рассказы для детей:

Добрый Володя

Мама дала Володе на леденцы полтора миллиарда рублей.
Идет наш Володя и думает:

— На половину куплю четверть фунта леденчиков, а за вторую половину пойду в театр на пьесу Анатолия Луначарского «Королевский брадобрей».

Вдруг видит Володя на перекрестке плакат: «Товарищи! Жертвуйте на пропаганду коммунистических идей в отсталых странах».

Сладко дрогнуло сердце Володи, и понял он тут, что есть на свете нечто выше леденцов и прочих удовольствий.

Вошел он в Агитпросвет и робко протянул свои полтора миллиарда.

И когда он вернулся домой и мама спросила, на что он истратил деньги, и он с пылающим лицом бросился ей на грудь, и она узнала о его благородном поступке, и потом пришел папа, то все целовали нашего маленького героя, а один родственник даже подарил ему книжку «Статистика роста коммунизма на Балканском полуострове».

Так всякое доброе дело бывает вознаграждено по заслугам!

Стихи

«Коммунизм на воде»

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет...
Поглядите дети — вот
Как хорош наш красный флот!

Вопросы: Почему красный флот побеждает не только на воде, но и на суше? Любите ли вы красных матросов? Хотели бы вы сами быть красным матросом? Как, по-вашему, истребить гидру контрреволюции?

Стойкое сердце

Жили-были пролетарский рабочий мальчик Коля и сын соглашателя Гриша. Отец Коли зарабатывал как рабочий буквально гроши, около 70 миллиардов в год, а Гришин отец саботажем и соглашательством зарабатывал триллионы.

Однажды оба мальчика встретились:

— Будь и ты соглашателем, — предложил прогневивший отпрыск мирового буржуазии. — Саботируй, и ты будешь с нами жить в раззолоченных палатах. Поступай в нашу белогвардейскую банду!

— Нет, — сказал Коля. — Лучше за 70 миллиардов в год глотать черствый кусок хлеба, но состоять в коммунистической ячейке, чем есть роскошную конину и картофель, но пожертвовать своей пролетарской идеологией!

И запел мелодичным голосом:

Отречемся от старого ми-ира,
Отряхнем его прах с наших ног!..

И месяц, и звезды, и тучи толпой — внимали той песне святой.

Дети! Будьте Колями, но не будьте Гришами. Организуйтесь, дети, в ячейки!

Партийные сообщения

2-го числа в 10 часов утра выборы учителя арифметики. Товарищи, захватывайте ваши мандаты!

В 12 часов дисциплинарный суд над Рюхиным Андреем, уличенным товарищами в том, что он поздоровался с инспектором. Товарищи! будем беспощадны!

В потребилке 7-й пролеткультской школы получены папиросы и кокаин. Выдача только взрослым, не моложе 11 лет. Представляйте мандаты!

* * *

По примеру «Задушевного Слова» в «Коммуненке» есть и отдел «Переписки юных читателей». Например:

Дорогая редакция! У нас ночью замерзли два дворника: Игнат и Семен. Напишите, дорогие товарищи, у кого еще дома замерзли дворники и как их зовут.

Кока Подрайонов, 9 лет.

Милая редакция! У меня была хорошенькая кошечка Буська, а вчера она пропала. Никто не знает, где она, только

дедушка ходит все и облизывается. Не знает ли кто, где я должна ее искать?

Муся Ячейкина, 8 лет.

От редакции: По нашему мнению, здесь не без деда... Организуйтесь, дети!

Дорогие товарищи! Вчера меня мама чуть не убила. Уходя, приказала затопить печку, что я и исполнил: открыл водопроводный кран и затопил не только печку, но и все остальное. Оказывается же — печку нужно затоплять не так. Напишите мне, милые товарищи, как еще можно затопить печку без воды?

Вова Чрезвычайев, 9 лет.

Милые товарищи! Организуетесь ли вы? Я уже сорганизовался. Папа обещал мне елку и сказал, что если не найдет украшений, то повесит на елку первое, что подвернется ему под руку. Теперь я от него прячусь. Соседний приказчик и наша кухарка образовали ячейку. Товарищи, напишите, у кого из вас сыпной тиф?

Абрамчик Комиссариатский, 6 лет.

Дорогая редакция! У нас вчера дома был семейный праздник по случаю того, что у папы оказалась грыжа и ему не надо идти на доблестный красный фронт. Гости поднимали бокалы за его болезнь. Напишите, товарищи, у кого из вас папа с грыжей и на каких дровах вы варите обед. Мама вчера варила на ножке от ломберного стола и на двух рамках карельской березы. Сообщите также, можно ли есть ячейку?

Зюзя Котенкин, 10 лет.

НОВАЯ ПАСХА

Раньше были свои праздничные обиды и огорчения:

— Господи! Опять наступает Пасха! Опять напяливай фрак, лаковые ботинки и ходи, как дурак, от Петра Григорьевича к Зое Николаевне, от Подстеги Петровны к Черту Ивановичу! И хоть бы не угощали, каналы! А то ведь как с ножом к горлу! — «Индеечки кусочек!» — «Спасибо, сыт. Не могу!» — «А вы через «не могу!» — «Увольте!» — «Ни-ни-ни! И мадеркой запейте! Или коньячком? А если нашего кулича и творожной пасочки не попробуете, то хозяйка и вовсе обидится! Ну, кусочек! Ну, полкусочка!»

— Ах, чтоб ты лопнул со своим кусочком! Сыт уже, не лезет, а ешь! Плачешь, а ешь! Рыдаешь в душе, а пьешь: и дрей-мадеру, и го-сотерн и доппель-кюммель! За что они меня будут мучить! За какую провинность напихают в брюхо и во все карманы яиц: желтых, красных, зеленых; всмятку и вкрутую; шоколадных, деревянных, сахарных — за что? А не возьми я его яйца — за личное оскорбление примет!

Еще бывают и такие обиды:

— Фитюков-то, а? Ну не каналья? Не Иуда-предатель? Даже не нашел нужным на Пасху визит сделать!.. Что же, зря я, что ли, хороших куличей напекла, столько, что и девать некуда?!.. Зря я по всем лавкам бегала, чтобы самый сочный окорок купить? Нет, я того мнения, что этот самый Фитюков — форменный подлец. Сегодня он с визитом не пришел, кулича не попробовал, стакан вина у меня не выпил, завтра он кассу чужую взломает, а послезавтра уже и человека ему не трудно зарезать! Рукой подать!

* * *

У нынешних людишек российских тоже есть свои обиды и огорчения, но совсем иного сорта:

— Гм! Вот наступает Пасха, а куда бы мне пойти разговеться — и не знаю... Правда, куличи теперь всюду дрянь: сделаны из кукурузной продмуки и замешаны на комячейке, а, все-таки, заглотать бы кус в полфунтика — было бы совсем не вредно. Да при этом же еще и рюмочку спирта из машинки для завивки волос! Да куда пойдешь-то? Пере-

плетовы за границу бежали, Прыгуновых в расход вывели*, Пеликановы — он и она в Чека сидят... В прошлом году сунулся я было к Мясоедовым, дескать, поздравлю, выпью и закушу, все честь честью... так что ж они сделали?!.. Завалили входную дверь матрацами да и отсиживались так три дня. Хотел я на крышу влезть, да по водосточной трубе спуститься, да через окно и явиться к ним с визитом, будто нечаянно по дороге на огонек зашел, но ничего не вышло: зимние рамы у них были еще не выставлены, и чуть я с трубы не сорвался. Да! Трудно нынче визитеру обычаи седой старины исполнять. А впрочем, попытаюсь к Белобоквым завернуть: авось, если кухарке миллиардишко в руку сунуть, она через черный ход пустит!

А у Белобоквых тоже тревога, тоже сумятица:

— Ну, держись, Марья! — угрюмо говорит Белобоков жене. — Нынче визитер сильно должен напирать. Обголодали очень. Боюсь, как бы они не сорганизовались. Раньше-то, когда в одиночку ходили — легко его, подлеца, было отшить, а теперь они, говорят, стаями стали ходить, как голодные волки... Одна партия даже пулемет завела. Непустишь — так и начнут по фасадку очередями!

В комнату, запыхавшись, влетел выставленный на улицу махальный — сынишка Белобоквых:

— Идет! Прямо к нам вот так и идет... Синий весь, глаза горят и зубами щелкает...

— Запирай двери!! Гаси огни! Петька, на парадную! Заваливай тюфяками! Кухарка! Если через кухню пропустишь — убью, как собаку. Все в погреб! Забирай провизию, может так три дня отсиживаться придется. Этот Фитюков правильную осаду способен повести. Петька! Тебе поручаю окно, что около соседнего балкона. Будет лезть — бей его по голове цветочным горшком!

До ночи сидели в мрачном, сыром погребе.

А ночью маленькая Катя открыла слипшиеся ото сна глазки, взгляделась при свете сальной свечки во что-то и пролепетала:

— Вон челт. Челт плишел!

— Где черт? — испугалась мать... — Что ты, милая?

* Расстреляли. (Примеч. авт.)

Из угла выдвинулась какая-то черная фигура и любезно сказала:

— Простите, Марья Кондратьевна, это никакой не черт, а я, Фитюков. Зашел по дороге к вам с визитом, с праздничком поздравить... Вы не смотрите, что я такой черный... Это я по дороге завернул к вам через дымовую трубу. Звонок у вас, очевидно, испорчен... хе-хе... Так вот я с крыши... Признаться, проголодался ужас как. Сейчас бы кулича хороший кус, да ветчинки. Как вы на этот счет смотрите, многоуважаемая?

— Видите ли... у нас ничего нет... не достали... Скажите, где были у заутрени?

— Дайте!

— Ни крошечки нет! Где были у заутрени?

— А тебе какое дело, бабье разнесчастное?.. Так ничего, говоришь, нет? Эй, Митька! Степа! Все сюда — ищи! Ищи, чем бы разговеться!!

Топот многочисленных ног наполнил сердца хозяев леденящим ужасом.

— Пощадите! — пролепетал Белобоков.

— Нам, брат, вас щадить — сами ноги протянем! Шарь по всем углам! Это что? Кулич? И полкурицы?

Стой, держи хозяина — кусает за ногу! Свяжите его, пока мы разговеемся, поздравим хозяйку с праздничком...

— Чтоб вы подавились!

— Нечем и давиться тут! Как кот наплакал... В земле ничего не зарыто? Будь бы время, пол бы взрыли, да некогда: еще к Мясоедовым нужно спешить — поздравить с праздничком. А то я их знаю: не придешь с визитом — в претензии будут. А не пустят — ручную гранату в дверь брошу!!!

— Будете вы сидеть за это, — прохрипел хозяин.

— Ей-Богу, некогда сидеть — надо спешить.

— Я говорю — в тюрьме будете сидеть!

— Подумаешь, важность! Все там будем. А пока — всего хорошего. У кого разговлялись? Где были у заутрени? Да ты, собака, что за руку кусаешь?

Так пышно празднует ныне коммунистическая Русь лучший в свете праздник — Светлого Христова Воскресения!

ОПЫТ

Когда государственному человеку приходит в голову какая-нибудь государственная идея, у него нет времени самому возиться с разработкой деталей проекта.

Для этого есть специалисты, которые должны взять на себя черную работу.

Поэтому я несколько не был удивлен, когда получил от болгарского премьер-министра Стамболийского такого рода письмо:

«Дорогой Аркадий Тимофеевич!

У меня есть проект — устроить «опытные коммуны» для коммунистов. По моему проекту следовало бы огородить какое-нибудь место, напустить туда коммунистов, дать им машины, одежду и продовольствие, а потом — через годик — взглянуть: как расцветает коммунизм в этих идеальных условиях? Вот моя мысль в сухой схеме. Прошу разработать детали».

Считая мысль Стамболийского неглупой, а предстоящую мне разработку деталей очень заманчивой, я с головой погрузился в работу...

— Везут, везут!

— Кого везут?

— А коммунистов!

— Что же, их вешать будут, что ли?

— Зачем вешать, дубовая твоя голова?! Это Стамболийский переносит их в идеальные условия.

— А ограда зачем построена?

— Чтоб со стороны никто не видел. Опять же — чтоб не разбежались.

— Гляди, гляди, ребята, — в клетках они!..

— А как же? Все рассчитано! Каждую клетку вплотную подвезут к воротам, потом откроют ворота, — чтоб по бокам щелей не было, потом поднимут решетку клетки, — они и выпрыгнут внутрь. Ни побега, ни скандала быть не может.

— И как это, ей-Богу, Стамболийскому не стыдно людей мучить?!

— Помилуйте, мадам, — какое же тут мученье?! Наоборот — Стамболийский хочет поставить их в идеальнейшие условия. Ведь раз они коммунисты — они должны быть

в восторге от этой идеальнейшей коммуны. Всего представлено в избытке — устраивайся и процветай!

— Да ведь они горло друг другу перегрызут.

— Коммунисты-то? Эх, не знаете вы, мадам, коммунистов. Это настоящее братство на земле — как в раю жить будут!

Когда вытряхивали из ворот первую клетку с коммунистами — произошел инцидент, который можно было рассмотреть сквозь прутья клетки: один дюжий парень растолкал всех других внутри клетки, дал кому-то по шее, кого-то сбил с ног и, вскочив в ворота, закричал:

— Стоп, товарищи! Я буду председателем совета народных комиссаров!

— По какому праву? — обиделся другой коммунист.

— А вот по какому, что ты у меня еще поговори. Знаешь, что бывает за восстание против советской власти? Товарищи! Прошу у меня зарегистрироваться. За нарушение — общественные работы и мытье полов в казармах.

К вечеру все клетки были опорожнены. Любопытная толпа стала задумчиво расходиться.

На другой день у внешней стороны ограды прохожий поднял записку, с камнем внутри для весу:

«Товарищ Стамболийский! Вы говорили, что дадите все, что ни в чем нужды не будет, — и обманули! А где же оружие? Как же совет народных комиссаров будет поддерживать порядок?? Пришлите срочно».

Оружие послали — и ночью случайные прохожие могли слышать, что в присланном продукте действительно была большая необходимость.

Одна стена ограды сделалась совсем красной.

Вторая записка, перекинутая на волю через месяц, была самого отчаянного содержания:

«Не хватает машин и продуктов! Мы трестировали промышленность и социализировали продукты сельского хозяйства — и всего оказалось мало! Считаем это обманом с вашей стороны. Пришлите еще. Большая нужда в машинах для печатания кредитных билетов (прежние износились) и в рулеточной машине. Хотим государственным способом ввести азарт в берега».

Несмотря на то что на вторую записку Стамболийский ничего не ответил, за ней, через месяц, последовала третья:

«Не хватает людей! Людской материал расходуется, а при-
току нет. Если можно, пришлите побольше буржуазии.
Товарищи коммунисты расхватали командные должности,
а над кем командовать — неизвестно! И работать неко-
му. С буржуазией же пришлите и патронов ввиду угрозы
буржуазного саботажа. В случае отказа буржуазии явиться
к нам, наловите их побольше и пришлите.

С коммунистическим приветом — совет народных ко-
миссаров».

Четвертая, и последняя, записка была всего в три слова:
«Настойчиво требуем интервенции».

Прошел год.

Однажды Стамболийский вдруг вспомнил об опытной
коммуне и сказал:

— А как моя коммуна? Пригласите представителей об-
щественности и прессы, любопытно съездить и посмотреть
внутрь — что у них там.

Поехали.

Когда подошли к воротам, внутри была тишина...

— Откройте ворота!

Не успели открыть ворот, как оттуда выскочил человек
с искаженным от ужаса лицом и помчался по полю, оглашая
воздух страшными криками:

— Городовой! Городовой!..

— За ним вылетел другой, держа в руках нож и крича
первому:

— Стой, дурак! Куда ты? Я только кусочек. Что тебе,
правой руки жалко, что ли?

Их поймали.

— Куда вы бежали? Кто этот другой?

— Это командующий вооруженными морскими и сухо-
путными силами. Он хотел меня съесть.

— Сумасшедший, что ли?

— Какой сумасшедший — есть нечего!

— Позвольте! А ваша промышленность?! А сельское хо-
зяйство?! А мои продукты?!

— Пойдите, поищите. Сначала социализировали, потом
национализировали, потом трестировали, так все и поели.

— А где же остальные?

— Да вот остальных только двое. Третьего дня пообедали председателем комитета по распределению продуктов — последнего доели.

— А почему из ворот такая вонь?

— Ассенизации не было! Все сделались председателями, а город чистить некому.

Стамболийский закрыл нос надушенным платком, который ему дала сердобольная дама, покачал головой и задумчиво сказал:

— Такая была простая идея — устроить «опытную комму-ну» — и только одному мне она пришла в голову. Закройте ворота. Оттуда тифом несет.

От автора:

— Надеюсь, мой дорогой читатель согласится, что детали проекта Стамболийского разработаны мною совершенно точно.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Если бы одна из мировых конференций происходила не в роскошном палаццо, украшенном бронзой, мрамором и коврами, а происходила бы она на берегу честной русской реки, то вот бы как протекали ее заседания по русскому вопросу.

* * *

Пустынный, неприветливый, унылый берег реки...

В реке тонет человек.

Его судорожно сжатая рука то показывается на поверхности воды, то снова скрывается, а когда из воды на несколько секунд показывается голова, — тихий воздух оглашается страдальческим воплем.

На берегу кучка людей.

Расселись на камушках, смотрят.

Кто посасывает коротенькую трубочку, кто жует табак, кто затягивается сигарой.

Смотрят.

— Сэр! Никак там человек в воде?

— Да, мусью, он, кажется, тонет.

— Да, и мне тоже кажется. Для простого купания это слишком судорожно.

— Я думаю, он просто в водоворот попал. Как вы думаете, какой он национальности?

— Безусловно, русский!

— Н-да... нет ли огонька, сэр? Проклятая сигара второй раз тухнет.

— Сделайте ваше такое одолжение. Гм... да! А ведь, знаете, может потонуть человек!

— И очень просто.

— А хорошо бы спасти его, а?

— Замечательно бы.

— Взять бы да вытащить!

— Да на сухое бы место!

— Да суконкой бы его хорошенько растереть!

— Да коньяку бы ему влить в рот!

— Пожалуй, я бы суконку дал!

— А я бы коньяку полбутылочки пожертвовал!

— Ну?..

— Что ну?..

— Вся остановка за тем, что вытащить его надо.

— Еще бы не надо. И как еще надо!

— Взять бы за волосы...

— Ну, что вы. Как же можно такой некультурный способ!

Да позволь я себе сделать такую грубость — рабочая партия в нашей Палате такой бы запросище двинула!

— Тогда, может быть, сделаем так: бросим ему в воду и суконку, и коньяк — пусть сам разотрется и выпьет.

Бросили.

— Не долетело. Видите, потонуло.

— Н-да! Если бы у меня не новый френч, да не холодная бы вода, я бы...

— Знаете что? Мысль! Давайте бросим ему спасательный круг?

— А где он?

— Он в сторожке у старого сторожа.

— А сторож где?.. Дома?

— Нет, он в гостях у знакомых.

— Не пошел ли он в таверну «Рыбий глаз» в Нижнем Городе, а если его и там нет, надо искать у его сестры.

А может, и у зятя. Можно сначала послать к его знакомым, нет его там — пошлем в таверну, нет в таверне — к сестре, нет у сестры — к зятю.

— Значит, сторожка заперта?

— Заперта. А нельзя ли взломать дверь? А то, того и гляди, этот потонет!

— Что вы, как же можно ломать чужую дверь? Давайте пошлем за ключом к сторожевым знакомым!

— А если он уже оттуда ушел?

— Значит, в таверне.

— А кого мы пошлем?

— А вот мальчишка бежит. Эй, мальчик, алло! Старого сторожа из сторожки, в которой спасательный круг, знаешь? Возьми у него ключ от спасательного круга. Для этого пойди сначала к знакомым, потом в «Рыбий глаз», нет его там — пойди к зятю, потом к сестре...

— Сейчас не могу — для мамы в аптеку бегу.

— Вот, осел-то! Ну, сбегай в аптеку, отнеси лекарство, а потом и иди за сторожем!

Когда мальчик скрылся с глаз, кучка людей успокоилась и снова вернулась к безмятежному курению, жеванию и посасыванию.

— Сэр!

— Мусью?..

— Я думаю, что мы сделали все, что могли.

— О, yes!

— Мы не вытащили его за волосы!

— Потому что это было бы насилием!

— Мы не взломали двери сторожки!

— Потому что это было бы незаконно!

— И, наконец, бросили ему суконку и коньяк!

— Не наша вина, что все это потонуло!

— Глядите-ка! Не кажется ли вам, что пузыри пускает?

— Конечно: это от удовольствия, что помощь близка.

Старого сторожа нашли только к вечеру.

На пленарном заседании конференции.

Избранник рабочей партии, — он как раз в этот день произносил очередную речь, посвященную возрождению России.

ГИБЕЛЬ КОЗЯВКИНЫХ

Жила-была в Москве простая русская семья — Козьявкиных. Одним словом, семья как семья, короче говоря:

— Советская буржуазная семья.

А еще короче говоря:

— Совсемья совбуров.

Вот сидела однажды эта семья за утренним чаем, или, короче говоря, за какой-то мутной бурдой из смеси сушеной малины и лаврового листу, а вместо сахару ели черный, осиный мед.

В одной руке отец семейства держал кусок хлеба, в другой газету.

Хлеб был грязный, как мочалка, и газета была грязная, тягучая, как мочалка.

Жена перемывала стаканы, сделанные из пивных бутылок, и перетирала их куском кретона, отодранного от дивана.

— Вот тебе, — сказал муж, — опять этот идиотический Ленин талдычит о продналоге. Ограбили бедных мужичков соверш...

Жена пошевелила головой и сделала молниеносный знак глазами...

Муж испуганно оглянулся: за спиной его стояла кухарка.

— Да... взял Ленин у этих проклятых мужичишек хлеб — так им и надо: пусть подышают, лишь бы жила и благоденствовала симпатичная советская власть!.. Так-то, Анисья, голубчик...

— А на обед чего? — угрюмо спросила Анисья.

— Откуда же мы знаем, — пожала плечами жена, щечка пальцем лежащего на подоконнике худого кота. — Что сегодня выдают в очереди? Картошку и мыло? Ну, значит, обед из картошки.

— Это что ж, мне, значит, пять часов в очереди стоять? — еще угрюмее спросила Анисья. — И когда же все это кончится?! — вдруг завывала она в голос. — При царе-то и картошка была, и говядя, и хлеб чистый белый, а как это жулье поналезало...

Она вдруг опомнилась, пугливо покосилась на хозяев и закончила:

— А как пришла народная коммунистическая власть — так и нам, народу, вздохнулось легче. Что нам — царь?

Имперлист и больше ничего! Да Ленин-то наш, может, почище всякого царя — вот вам что!

Вошла свояченица, кутаясь в мужское пальто.

— В комнате у меня, — сказала она, — такой холодище, что нос из-под одеяла трудно высунуть... Дров — ни полена! И когда, наконец, этих мерзавцев-коммунистов черт унесет!!

Хозяин поглядел на нее и сделал незаметный знак, указав глазом на Анисью. Сестра ее мигнула на Анисью и мужа, а Анисья, в свою очередь, приложила палец к губам и указала подбородком на хозяйку.

— Я, собственно, не против советской власти, — поправилась сестра хозяйки. — Конечно, в недостатке дров повинны только белогвардейские банды! Но Ленин не прав в том, что слишком ослабил террор... Или нет, он — прав! Виноваты Милюков и Бурцев...

Вошел сынишка — Костя.

Он первым долгом подскочил к столу, сунул палец в осиный мед и облизал.

— Ты чего не в училище? — спросил отец.

— А чего я не видел в этом сумасшедшем доме?! Только и заставляют петь ихний паршивый «Интернационал» и молиться на портрет этого сволоча Левки Троцкого...

Ужас написался на всех лицах: мама кивнула на Анисью, Анисья — на папу, папа — на маму, мама — на тетю, — и все отвернулись друг от друга.

— ...Конечно, я не спору, — добавил Костя, — что Лев Давидович Троцкий почти гениальный человек и добрый гений России... А «Интернационал» — этот бодрый гимн пролетарского народа... который... А ну вас всех к черту!..

Он швырнул на стол недожеванную корку хлеба, заплакал и выбежал, хлопнув дверь.

— Вы на него не обращайтесь внимания, Анисьюшка, — робко сказал отец. — Он так переутомился, что совсем как помешанный...

Да и я ничего такого не сказала, — возразила Анисья. — Мне-то что? Очередь так очереди! Постоим и в очереди, лишь бы хорошо жилось Совнаркому. Вот что-с!

И вышла.

— А я насчет дров продолжаю повторять, что не будь белогвардейских банд — и все было бы замечательно! Вот все, что я хотела сказать!..

И свояченица тоже вышла.

— Пойду и я на службу, — вздохнул муж. И добавил, опасно поглядывая на жену: — А ты... никуда не пойдешь? Смотри же! Ведь я тоже ничего такого не сказал. Не спорю, есть некоторые неурядицы, но почему? Потому что власть еще в периоде мощного строительства. Кстати, напомни мне вечером, чтобы выпороть Котьку.

— Обязательно! Все-таки это лучше, чем тащить мальчишку в чека.

И она вышла вслед за мужем.

* * *

Кот остался в комнате один. Он огляделся, вспрыгнул на стол и стал принюхиваться. Сочно выругался:

— Буржуи собачьи! И мед, и хлеб — все слопали! Коту хоть бы крошку оставили. Ну ладно же! Вспомните вы меня...

Вышел в переднюю, оттуда на кухню, из кухни черным ходом во двор, на улицу — и побрел, крадучись вдоль стен.

Вошел во двор чека, пробрался к комиссару, вспрыгнул ему на письменный стол и сказал:

— Честь имею донести, что, состоя жильцом в семье Козьявкиных, сегодня слышал своими ушами, как вся семья поносила всячески советскую власть: муж, жена, сын Котька, свояченица и даже эта толстая дура — Анисья. Расстреляйте их всех, а мне за информацию прошу выдать полфунтика печенки... Жить-то ведь надо, не подыхать же с голоду!

Когда козьявкинский кот возвращался домой, на морде у него было сознание исполненного долга, а на усах остатки печенки.

«Печеночки подъял, — думал он разнеженно, — да, пожалуй, когда наших поведут в чека — на кухне кой-что раздобуду. Неплохо живется умному коту в свободной стране. Вообще, здоровый эгоизм — великое дело!»

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Гнилая константинопольская погода. С неба падают редкие капли скудного дождя, будто кто-то сверху брызгает облысевшим кропилом. Над крышей что-то взвизгивает

и ревет: очевидно, это черти украли христианскую душу и никак не могут ее поделить.

Но в ночлежке, где на нарах сгрудились несколько русских, тепло. Даже душно. Не спится. Идет тихий разговор, часто прерываемый длинной ленивой зевотой.

— Сволочи эти большевики! Какого черта из-за них я должен болтаться тут в турецкой ночлежке?! Кто я есть? Я есть русский человек! Значит, я должен жить в России.

— Это ты верно. Ежели ты, скажем, скрипка, то должен лежать в скрипичном футляре. А эти скоты засунули скрипку в флейточный футляр! Рази можно?

— Почему теперь — Рождество Христово — и дождь. Как так возможно? Я, может быть, об эту пору не переносу дождя. Мне снег нужен...

— Хороши снега у нас в Москве! Нормальные. Полозья скрипят, бубенцы на ванькиных клячах звенят. Вот жилось! Я раз это от Курского вокзала в Газетный переулок ездил — два пальца отморозил. Вот это была жизнь! Не жизнь, а масленица.

— А мы тоже раз с компанией в Петровский парк ездили, а они возьми для смеху и столкни меня в снег! А сами — деру. Эх, жилось!!

— Ну, и что же?

— Насчет чего?

— Да вот в снегу-то. Ведь не до сих же пор ты там лежишь?

— Зачем до сих пор? И часу не прошло — пьяные купцы подобрали. Воспаление легких было.

— Чего же ты теперь радуешься, дурак?

— Как же мне не радоваться, если я тогда полтора месяца у себя на Малой Кисловке пролежал. Лежу в чистенькой постельке, доктор каждый день, а в окно — рябина в снегу, а на снеге голубые бриллиантики от солнышка горят. Тепло, в печке дрова гудят, а предо мной яички всмятку и котлетка, только что изжаренная. И все кругом говорят:

— Ах, мы, Семен Николаевич, так об вас беспокоились, так беспокоились!.. А теперь кто разве будет беспокоиться? Черта с два!

— Да, мы, русские, больше к русскому привыкли. Какая тут в Константинополюшке была Пасха? Греческая мизерия! А там, — как колокола зальются, забухают, залепечут — век бы слушал! Хорошие времена...

— У меня во время Светлой заутрени, помню, как-то хлюст портмоне из кармана выдернул. Тогда я, помню, поймал его за руку, да так похристосовался, что он у меня волчком завертелся, а теперь бы...

— Чего теперь бы?

— А теперь бы я все карманы ему сам растопырил: бери, тащи, мил человек, — только бы мне еще хоть полчаса у Василия Блаженного со свечкой постоять, колоколов послушать.

— А я смотрю так: вот попал я однажды там, в Москве, в участок — по пьяному делу товарища по Кузнецкому на своей единоутробной спине возил — так что ж вы думаете? Дал мне околоточный два раза по шее, дураком назвал и в какую ни на есть комнату посадил. Действительно, в те времена дураком я был, потому что обидно мне делалось и даже плакал. А теперь бы...

— Что ж теперь? Сам бы околоточного бил, что ли?

— Ну, действительно! Разве можно околоточного бить? Я его уважаю. А теперь бы я год бы целый у него в участке просидел и получал бы каждый час по шее, и «дурака» бы с моим удовольствием выслушивал... Только бы мне этим воздухом участочным подышать. Крепкий дух, но приятный. Тут тебе и сапогом кожаным, и махоркой, и вообще. Родной это дух, братцы вы мои, участочный, и ни на какой букет я его не променяю.

Кто-то невидимый мечтательно дополняет:

— В Охотном ряду тоже запах был невредный.

— У нас в Москве и сирень пахнет лучше, чем где. Я раз в Петровском парке так-то вот под сиренью сидел, вдыхал это самое... Вдруг двое выскочили: «Скидавай, — говорят, — пиджак...» Чудесные ребята! Я бы с ними сейчас даже пива в Трехгорном выпил. Замечательные были времена.

— Что ж, отдал?

— Чего?..

— А пиджак!

— Как же не отдать, если они враз за горло, тут и штаны отдашь! Ей-Богу, доведись так теперь — то я бы сейчас все время под сиренью сидел и пиджаки им отдавал.

Рассказчик, заметив молчаливое недоумение слушателей, добавляет, как бы извиняясь:

— Небо очень голубое было. Чистое. Московское. Не жалко мне пиджаков.

— Да, жилось благородно. Я там один журнальчик редактировал. Ну, и ахнул однажды что-то очень неподходящее насчет Столыпина, Петра Аркадьевича. Приходит утром пристав нашей части и так вежливо говорит: «Иван, — говорит, — Степаныч, вот вам бумажка. Штраф в 500 рублей за оскорбление в печати высших лиц». Я тогда, признаться, выругался крепко, — потому что обидно 500 рублей платить, но вынимаю я деньги, — а он еще и извиняется. «Поверьте, — говорит, — если бы моя воля, я бы ни за что, но распоряжение начальства. Вы бы, — говорит, — Иван Степаныч, были поосторожнее. Черт с ними, пишите о чем-нибудь дозволенном, — хоть полицию ругайте, — мы привыкли». И так этот приставишка растрогал меня, что пал я ему в объятья, и долго мы плакали, как два брата.

— Врешь ты все!

— Чего вру?

— А вот, что с приставом в объятьях плакали.

— Это почему же вру, скажите на милость?

— Да потому, что не будет тебе пристав плакать, хучь ты его озолоти. Они были серьезная, деловая публика.

— Ну так что?

— А то, что, значит, ты и врешь.

— Ну, хорошо, ну пусть вру, но ведь трогательно?

— Трогательно-то оно трогательно. Однако надо бы уже и спать...

Все кряхтя укладываются.

Редкие капли, скатывающиеся с невидимого облысевшего кропила, робко, с подлой трусостью, постукивают в окна.

— Разве это дождь? — с ядовитой улыбкой говорит человек, поймавший вора у Светлой заутрени. — Нет, у нас в России — вот это дождь!.. Как маханет тебя — так либо ревматизм, либо насморк на три недели!.. Хорошо жить там, и нету другого такого подобного государства.

СОВЕТСКИЙ СЛОВАРЬ

Аристократ. — По советской орфографии — (Ористократ. Потому, что ори русский человек сто крат, ори двести крат — все равно Европа не услышит его.

Булка. — Круглый хлеб, изготавливаемый из лопуха, одуванчика и березовой коры. Две булки считается пир, три булки — спекуляция.

Виселица. — Место, где Совнарком будет чувствовать себя на высоте положения.

Голод. — Пословица говорит: «Голод не тетка, чека не дядька. Ложись без пессимизма, да и подыхай во славу социализма».

Дантон. — Старинный французский большевик. Составлен из двух слов: дан и тон. У нас в России дан тон из Берлина (1917 г.).

Един бог без греха. — Фраза Луначарского, когда его поймали в краже из публичной библиотеки редких книг.

Жемчужные серьги. — Государственный фонд, добываемый из ушей с мясом.

Зубы. — Праздные придатки во рту гражданина, выбиваемые за ненадобностью.

Идиот. — Был бы я, если бы признал советскую власть.

Керенский. — Манекен для френча модного торгового магазина «Зензинов, Минор и К°». Перед употреблением взбалтывать. Когда говорит — бьет себя в грудь. Так ему и надо.

Лам-ца-дрица-ца-ца. — Сокращенное наименование многих советских учреждений. Государственный язык.

Москва. — Китайский город внутри России. Внутри Москвы — Кремль, внутри Кремля — Ленин, а внутри Ленина — такое, о чем в приличном обществе не говорят.

Наган. — Единственное кушанье, которым надеются кормить голодающих. Если же обед из трех блюд, то на второе — «маузер», на сладкое — «парабеллум».

О, чтоб вас черти побрали. — Фраза, произносимая шепотом от хладных Финских скал до пламенной Колхиды.

Питифакс. — Изделие государственного станка, испорченное уже при выходе из печати. Имеет хождение наравне с другой оберточной бумагой.

Робеспьер. — Тоже французский большевик, вроде Дантона. Тоже состоит из двух слов: Робес и Пьер. Лицам, знающим французский язык, известно, что такое робес (напр., робес эт модес). Робес — верхнее платье. Пьер по-русски — Петя. Поэтому всякий Петя, надевший кожаную куртку, считает себя Робеспьером...

Серп и молот. — Государственный герб, символ строительства и хлебопашества. Поэтому советская власть молотом хлеб жнет, серпом гвозди заколачивает.

Триллион. — Карманная мелочь советского гражданина на дневные расходы. Возится за ним на трех грузовых автомобилях.

Тумба тротуарная. — Материал для изготовления памятника. Сверху приделывается голова, снизу пишется «Карл Маркс». Лошади не пугаются, потому что их нет.

У, чтоб вас черт побрал. — Такой же крик, как и «О, чтоб вас черт побрал», но несущийся не от Финских скал до Колхиды, а от Амура до Днепра.

Финкельштейн. — Аристократическая фамилия для советского посланника. В переводе на русский язык — Литвинов.

Хабар. — Расчетная единица при столкновении с советским учреждением. Расстреливаются: 1) взявший хабара, 2) давший хабара. Впрочем, не давший тоже расстреливается.

Цинга. — Единственное кушанье, находящееся во рту всякого гражданина.

Чичерин. — Министр иностранных дел. Знаменит тем, что ввел новый стиль в язык дипломатических нот. Напр.: «В ответ на меморандум вашего идиотского правительства, имею честь сообщить, что мы плюем на вас с высокого дерева. Лучше молчите, а то мы вам надаем по морде, чтоб вас черт побрал, империалисты проклятые! С коммунистическим приветом — Чичерин, которому вы должны ноги мыть, да воду пить. Накось, выкуси».

Шапка. — Ввиду отсутствия материала заменяется суррогатом: голова покрывается вшами, скрепленными колтуном. При встрече с чекистами эта шапка из почтения снимается... вместе с головой.

Щ. — По новой орфографии не полагается. Напр., нужно писать так: «положи за счеку счи со сченком». «Эта счука боится счекотки».

Электрификация. — Испорченное слово от «электрофикация», что в переводе значит: «Электричество тебе? А к стенке хочешь?»

Юбка. — Содранная с женщины. Служит для Внешторга главным предметом вывоза.

Я. — «Я обокраден Лениным, ты обворован Троцким, он убит Дзержинским, мы от них убежали, вы от них дали деру, они от них подрапали.

Ъ. (твердый знак). — При мягкости отношения советской власти к населению не нужен.

Ь. (мягкий знак). — Остается на теле после допросов в Чека.

Ъ. — Составная необходимая часть хлѣба. Пока его писали через ять — хлѣб был. Стали писать «хлеб» — и нет хлеба, а есть одуванчики, лопух и березовая кора, как известно, буквы «ять» не имеющие.

У. — Пока ее нет, но скоро пропишут.

Ф. — Фу, как я устал, сочиняя этот точный словарь советских слов!

**ПАНТЕОН СОВЕТОВ
МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ,
ИЛИ ВЕРНЕЙШИЕ СПОСОБЫ,
КАК ИМЕТЬ УСПЕХ
В ЖИЗНИ
(1924)**

р а с с к а з ы ц и н и к а

ОТ АВТОРА

Молодые люди! Я вижу — некому о вас позаботиться по-настоящему... Вас с детства учат истории, географии, геометрии и тригонометрии, но скажите по совести: разве все эти науки помогают вам в обычной вашей светской и сердечной жизни? Нужна ли вам тригонометрия, когда вы объясняетесь в любви дорогой вашему сердцу женщине? И зачем вам география, если вас пригласили на свадебный обед или на похороны вашего друга, или вы приступили к изложению смешного, для забавы общества, анекдота?..

Светская жизнь — очень хитрая, запутанная штука, и не всякому удастся проникнуть в ее прихотливые изгибы и завитушки.

Я проник! Я проник во все: и в психологию хорошенькой женщины, и в психологию жениха, и даже в психологию тетки жениха с материнской стороны. Я могу заботливо сопровождать вас по скользкому житейскому пути, деликатно поддерживая под руку, чтобы вы не шлепнулись носом о мать-сыру землю.

Я все могу.

Вы желаете сделаться журналистом и составлять заметки, которые вызовут сенсацию, — пожалуйста. Я вас научу этому. Желаете сказать речь над могилой вашего друга — говорите. С моей стороны никаких препятствий — сплошная поддержка. Вы — скажем — тщеславны в военном смысле слова и желаете сделаться полководцем... Кто вас научит этому? кто наставит, как не я, — ваш вечный, ваш мудрый, ваш неизменный друг.

Вот оно, какие дела.

Ну, всего хорошего — желаю вам успеха.

Арк. Аверченко

УМЕНИЕ ДЕРЖАТЬ СЕБЯ В ОБЩЕСТВЕ И НА ЗВАНОМ ОБЕДЕ

Как часто видим мы, что человек — даже способный, даже талантливый — проигрывает в жизни только потому, что не умеет держать себя в обществе...

Один известный нам господин — автор гениального труда «Нравы и привычки ихтиозавров» — погиб во мнении приличного общества только потому, что однажды на официальном обеде не только резал спаржу вилкой, но еще и пил ликер из большой рюмки, как известно предназначенной для белого вина, а высосав тремя мощными глотками весь ликер, — утер губы краем пышного газового рукава своей дамы, хотя для этой цели у него был под самым носом край скатерти.

Человек, изумительно изучивший нравы и привычки ихтиозавров, не знал нравов и привычек светского общества — и общество это сурово на другой же день закрыло перед ним двери.

Конец его был ужасен. Осматривая однажды с научной целью мыльный завод, он нечаянно упал в котел с кипящим мылом и сварился там, как курица в супе.

Читатели! Если не хотите, чтобы вас постигла такая же участь, — изучите нижеследующие советы, как держать себя в обществе, и следуйте им. Советы эти пригодны для любого общества — даже для «Общества Шкодовских заводов» или «Общества кролиководства», учрежд. в 1895 году.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОБЕД

Получив приглашение на званый обед, вы отнюдь не должны тащить на этот обед всех ваших приятелей, не получивших приглашения, — радушно уговаривая их:

— Да пойдем, господа! Какого дьявола вы ломаетесь. Они ребята хорошие — всех накормят.

Явиться вы должны только в том количестве, которое указано в приглашении, и явиться вы должны только за 15 минут до указанного вам часа. А то другой светский молодой человек способен забраться к хозяевам званого обеда вечером предыдущего дня, захватив с собой халат и ночные туфли и мотивируя свой поступок так:

— Я, знаете, уж решил пораньше... Чтоб и переночевать у вас. А то — знаю я ваших гостей — опоздай на пять минут, так они родного отца слопают, не только обед.

Форма одежды — фрак или смокинг. Пижама — даже из дорогого тончайшего шелка — не произведет на присутствующих того впечатления, на которое она рассчитана в других случаях...

Войти вы должны чинно, не запыхавшись и не восклицая испуганно еще в передней:

— Не опоздал я? Вот-то волновался!! Все время подгонял вагоновожатого трамвая...

О трамвае не принято говорить в обществе. Самое лучшее — это дома вычистить брюки бензином, а когда гости потянут подозрительно носом воздух, беззаботно заявить:

— А я сейчас свой новый автомобиль пробовал!

В передней очень рекомендуется для хорошего тона потрепать снимающую с вас пальто горничную по щечке и ушипнуть за подбородок... С лакеем это делать не принято, равно как и с хозяйкой, хотя щечки и подбородок были бы у нее самые располагающие к этому игривому жесту.

Войдя в гостиную, вы не должны осведомляться с лихорадочным любопытством:

— А что у вас сегодня готовили на обед?

Самое лучшее — завести светский разговор или похвалить хозяйских детей, которые, обыкновенно, до обеда вертятся тут же.

Впрочем, и о детях нужно говорить с толком...

Нам известен один господин, который не нашел ничего лучшего, как пошевелить носком сапога возившегося на ковре малютку и, зевая, спросить хозяйку:

— Ваш ребеночек?

— Мой, — расцвела хозяйка.

— От кого?

— Что значит от «кого»? — смутилась хозяйка. — От мужа!

— Ну да! Все вы так говорите. Неужели от мужа? Вот не думал! А мальчишка — вылитый секретарь вашего супруга. Здравствуй, секретаренок!

Вместо такого бестактного разговора — самое лучшее — это восхищаться ребятами, для чего особого ума не требуется.

— Ваш сынишка? Какая прелесть!! Говорит уже?

— Помилуйте — ему десятый год.

— Да вы что? Гениальный ребенок! В университете?

— Куда ж ему — он еще маленький.

— Совершенно верно — совсем грудной!

Пусть этот разговор бессмыслен, но от него так и пышет хорошим тоном.

Когда посреди этих светских разговоров лакей возвестит: «Кушать подано», не рекомендуется, перепрыгнув через кресло и оттолкнув стоящую на пути даму, мчаться с воинственным кличем в столовую. Подобный искренний порыв нужно затаить в глубине души, а вместо этого, сделав равнодушное лицо и мило упрекнув хозяйку: «Ах, зачем вы, право, тратитесь!» — предложить даме руку:

— Осчастливьте меня разрешением быть вашим соседом.

На суп рекомендуется не набрасываться с торжествующим ревом, а есть его тихо. Некоторые имеют пагубную привычку втягивать суп губами из ложки с таким свистом — будто бы вблизи работает паровозный поршень. Один англичанин рассказывал пишущему эти строки, что они ходили компанией для развлечения в один лондонский отель «слушать, как иностранцы едят суп». Читатели — запомните этот ужас!!

Не рекомендуется также есть мясо или другую какую пищу с ножа, хотя бы после этого на губах порезов и не наблюдалось.

В книге «Светский тон» ясно сказано:

— ...Дали тебе, подлецу, вилку — так ты и ешь вилкой.

Жестоко, но верно.

Во время обеда не следует задавать хозяйке меркантильных вопросов вроде:

— Почему покупали рыбу?

И если даже хозяйка ответит:

— По 5½ марок.

Не следует просить моляще:

— Ну, дайте мне еще кусочек пфеннигов на шестьдесят!

Когда подадут десерт — не надо спрашивать разочарованно хозяйку:

— Уже сладкое? Это и весь обед?! А я думал — еще цыплята будут!.. Знал бы, так лучше к Мамевкиным пошел!..

Мы знали таких рассеянных гостей, которые, пообедав, стучали ножом о тарелку и бодро кричали:

— Человек! Счет!

От этого следует удерживаться, хотя в глубине души такой результат обеда и был бы приятен хозяевам дома...

Уходить нужно не сразу после обеда, дожидывая в передней грушу. Посидите еще минут 20 и только потом, как будто случайно взглянув на часы, озабоченно вскрикните:

— О, ля-ля!! Уже седьмой час... А меня на заседании ждут.

Уходя, не забудьте поцеловать руку хозяйке и дать горничной на чай. Если перепутаете эти два светских поступка, — то вызовете тем неудовольствие и хозяйки, и горничной...

Со своей стороны, рекомендуем хозяевам провожать гостей до самой передней...

Во-первых, это вежливо, во-вторых, и гость не утянет вместо своего чужое пальто.

КАК ДЕРЖАТЬ СЕБЯ НА СВАДЬБЕ

Самая существенная разница между свадьбой и похоронами та, что на похоронах плачут немедленно, а после свадьбы только через год. Впрочем, иногда плачут и на другой день.

В великосветских кругах празднуют только свадьбу. Развод не принято праздновать. Хотя радости во втором случае, конечно, больше.

Нижеследующие советы — как держать себя на свадьбе и на похоронах — очень пригодны как вообще для пытливого ума читателя, так и для тех людей, которые без подобного

руководства способны заплакать на свадьбе или заплясать на похоронах.

Положение жениха на свадьбе неизмеримо затруднительнее, чем положение приглашенного гостя: гость в крайнем случае может и не приехать, а отсутствие жениха в венчальной процедуре иногда основательно омрачает общее веселье.

Впрочем, я знал жениха, который перед самой свадьбой заявил с беззаботным видом своей невесте:

— Я на часок поеду по делам. А если опоздаю в церковь, — начинайте без меня.

Если я скажу, что жених этот был почетным членом Археологического общества, — читатель не будет очень удивлен вышеизложенным бессмысленным заявлением.

Итак — «вернемся к нашим баранам», как говорят французы. Вернемся к жениху.

Если выразиться возвышенным слогом — положение его самое дурацкое. Представьте себе молодого человека с растерянным, искаженным лицом, бледного, с трясущимися руками, заключенного в черный фрак и в цилиндр, замкнутого в белый шелковый жилет, зажатого в лаковые ботинки, выслушивающего идиотские поздравления и шуточки друзей, наставления родителей и безмолвное, остолбенелое, истерическое любопытство полдюжины горничных, прачек с ближайшего квартала и мальчишек из бакалейной лавки, забравшихся спозаранку в церковь, чтобы «видеть жениха и невесту».

Один очень культурный умный человек рассказывал мне, что для него было самым трудным в жизни — это выдержать инквизиторский осмотр нескольких горничных и мальчишка — продавца папирос, которые (не папирасы, а эта публика) подвергли его в церкви ураганному огню перекрестных взглядов и критических замечаний.

— Бедненький, — вздохнула пожилая кухарка, — такой молоденький! Губы-то как трясутся, не сладко, поди, ему!

— А ты думаешь! У нас наемдни в лавочке говорили, что невеста-то — чужая жена. Застал их муж — да пистолетом и уговорил его жениться.

— Да что ты! А он хорошенький...

— Тоже — нашла красоту. Одна ноздря, и больше ничего.

— Свинячий жених, — строго осудил папиросный мальчишка, толкнув горничную в грудь локтем, чем снискал полное ее сочувствие.

От этой падкой на зрелища публики не скроется ничто. Малейший штрих будет осмотрен острыми глазами и осужден:

— У невесты-то, гляди, гляди!.. Глаза красные.

— Нос у нее красный, а не глаза.

— А губы намазала так, что краска сыплется.

— А у жениха сбоку лаковый башмак лопнул! Хи-хи!

Видали!

Я лично думаю, что под такими инквизиторскими взглядами сам Мунэ-Сюлли не мог бы сохранить присутствие духа и импозантность...

Знавал я женихов, которые в этих случаях или прятались, смущенные, в церковный притвор, или (что еще хуже) пытались с наружной беззаботностью насвистывать веселую мелодию.

Вернемся к свадебному гостю.

Главное, что от него требуется, — это неувыдаемая жизнерадостность и умение сказать во время свадебного пира приличный случаю тост.

На свадьбу он должен явиться также во фраке, в белом жилете и в белых перчатках, с веселым лицом даже в том случае, если он только что вернулся с похорон любимого друга.

В руках — букет белых роз (хотя бы и стащенный украдкой с гроба того же безропотного друга).

Подлетев к невесте и передавая ей букет, гость должен сказать небольшую речь:

— Дорогая такая-то, пусть эти чистые невинные цветы будут залогом вашего чистого будущего счастья и символом вашей нынешней невинности и целомудрия...

Последние слова можно говорить даже в том случае, если невеста до свадьбы прожила десять лет на иждивении владельца дровяного склада...

Подаренный букет нельзя отбирать обратно, хотя бы за свадебным пиром вас обнесли мороженым или подсунули кислое вино.

А то человек, одержимый мелким самолюбием, может перед уходом подойти к невесте и заявить на ухо:

— Ну, и накормили! Ну, и напоили! Не вино, а уксус. Я вам там дал букет, так вы его, голубушка, верните-ка мне обратно. У меня через два дня еще одна свадьба. Полью букетик водичкой — и опять он, голубчик, у меня в работу...

Застольные речи на свадьбе — очень тонкая штука. Нужно сказать так, чтобы никого не обидеть, чтобы всем было приятно.

Я помню то неблагоприятное впечатление, какое произвела речь сатирически настроенного гостя на свадьбе одного моего знакомого:

— Ну-с, — сказал он. — Позвольте и мне поздравить новобрачных. Я бы мог пожелать жениху долгой жизни, если бы не боялся, что тот... гм! гм! образ жизни, который жених вел до брака, — сделает мое пожелание совершенно бесцельным. Ох, нужно тебе, Вася, заняться своим здоровьем, ох, как нужно! Я бы мог пожелать невесте пару хорошеньких деток, если бы она уже не поторопилась до свадьбы наполовину исполнить мое это пожелание!.. Поздравляю я также и родителей невесты! И есть с чем поздравить! Экую обузу с плеч свалили... Правда, домик, что дали мужу в приданое, строен в полтора кирпича, да и фундамент уже осел от сырости, но так как, полагаю, дом этот будет немедленно заложен сияющим новобрачным — так о чем же тут говорить?! Желаю я счастья и уважаемой матери жениха. Лыщу себя надеждой, что сын ее не будет поступать так со своей женой, как его папаша, разбивавший о голову своей супруги любые предметы стеклянного производства, находившиеся в районе военных действий. Рад я и за двух теток невесты — наконец-то они поедят сегодня как следует, да и не только поедят, а еще и дома что-нибудь останется... Хотя должен предупредить, что сунутые в ридикюль две столовые ложки суть не серебряные, а фраже... Хе-хе — ошибочка, тетеньки, вышла... Я кончаю, господа! Пью за здоровье всех присутствующих и очень сожалею, что большинство из них не может мне ответить тем же, потому что публика уже налилась до краев... Ур-ра!!!

Констатирую, что эта речь не только не имела успеха, а наоборот, в прихожей при разъезде неизвестный оппонент ударил оратора по голове эмалированной плевательницей...

Во избежание таких недоразумений я предлагаю образец вполне благопристойной свадебной речи, которая должна удовлетворить многих:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Я вижу под сенью этой крыши цветущую молодость и мудрую старость, которые соединились здесь роскошной причудливой гирляндой. Что же за день такой, что это за событие?! Вы скажете — очень просто: Петр Николаевич женится на Верочке и берет за ней сорок пять тысяч приданого, не считая перин и столового серебра... О господа! Как вы поверхностно смотрите на то, что здесь происходит. Перед вами, господа, творится великая тайна — тайна зарождения будущей плодотворной ячейки, из которых составляется государство!! (Одобрение присутствующих.) Петр Николаевич исполнил наконец-таки свой долг перед государством и перед обществом. И если вы посмотрите на очаровательную невесту, то скажете: «И какой приятный долг!» Да, господа... я и сам бы не прочь... гм... гм... (Общий смех, рукоплескания.) Но для меня путь этот закрыт, отчасти потому, что я — закоренелый женоненавистник, отчасти же потому, что, к сожалению, я уже женат 18 лет... (Движение на левой стороне, где жена оратора.) Господа! Я поднимаю тост за жениха, за этого мужественного благородного человека и прекрасного друга, я пью за невесту, которая, дожив до 19 лет, ухитрилась донести до семейного очага свою чистоту и невинность, я пью за будущих детей, которые, если унаследуют характер своих родителей, — будут сплошь членами парламента и министрами-президентами!! И за родителей невесты я пью, за родителей, щедрой рукой (45 тысяч и 3 перины) снабдивших цветущую пару земными благами... (Восторг родителей, аплодисменты...) Пью я и за престарелую тетку жениха, которая сумела вынести под сердцем такое сокровище, как ее сынишка Федя, из скромности уже полчаса как скрывшийся и лежащий под этим обильным столом... И наконец, последний мой тост за того неизвестного мне господина, который, пролив красное вино на скатерть, усиленно засыпает вино солью, — это настоящий друг семьи, который ни в чем не нанесет ущерба... (Аплодисменты, крики, переходящие в овацию.)

Здесь оратор должен отпить из своего бокала и шаловливо крикнуть: «Горько», что, как известно, по русскому обычаю влечет за собой поцелуй жениха и невесты, чтобы «подсластить» это горькое вино.

Этот русский обычай применяется только на свадьбе. Впоследствии он видоизменяется: уже не муж с женой целуется, когда посторонний господин кричит «горько», а посторонний господин целует его жену, и кричать «горько» приходится мужу...

Но вот свадьба окончена. Все, безусловно, должны разъехаться по домам, и нельзя напрашиваться переночевать в комнате новобрачных, хотя бы на том основании, что я «старый друг и не могу стеснить»...

* * *

Следующий очерк, «Как держать себя на похоронах», я напишу, если к тому времени не буду занят на собственных похоронах.

КАК ДЕРЖАТЬ СЕБЯ НА ПОХОРОНАХ

В смерти есть тайна. Поэтому к похоронам нужно подходить благоговейно, деликатно. Шутки здесь неуместны. Меня почему-то считают юмористом, но я умею быть серьезным.

Меня однажды очень обидели слова моего друга, писателя, с которым мы встретились на каких-то похоронах... Увидев меня, он подошел и сурово спросил:

— Зачем вы здесь?

— А почему же мне не быть здесь?!

— Гм. Что же здесь смешного?!

Этот грубый человек забыл, что у меня кроме смеха есть еще и сердце. На упомянутых похоронах я рыдал так, что дал вдове сто очков вперед, а на кладбище обскакал ее на две головы, закатив такую истерику, что распорядитель попросил меня выйти вон, чтобы не нарушать благолепия церемонии.

— Попробуйте только меня тронуть, — кротко возразил я распорядителю. — Сами покойником будете!

И я остался, и я говорил речь на могильной насыпи, и эту речь я считаю одним из лучших своих литературных произведений.

— Кого мы хороним?! — воскликнул я, обведя присутствующих горестным взглядом.

На этот вопрос любой из присутствующих мог бы ответить, что «хороним мы Игнатия Фомича Зябкина, а если я не знаю такой простой вещи, то лучше бы мне и не взбираться на могильный холм...».

Но все промолчали, потому что поняли: такая фраза всегда говорится ораторами для разгона.

— Кого мы потеряли?! — зывал я (промолчали и на этот вопрос), — Игнатия Зябкина мы потеряли — вот кого! Ты среди нас сиял, как солнце... (По правде сказать, сиял не весь покойник, а только самая верхушка — лысина, но фраза вышла очень звучная... Правда?) Ты озарял этими лучами всех, кто тебе был близок (жену, любовницу и четырех детей от той и от другой), ты своим талантом поднимал и украшал русскую промышленность и торговлю (покойник имел скобяной и москательный магазины), и вот — ты на небесах оказался нужнее, чем на этой грешной земле, и Всевышний потребовал тебя к себе (удар пивной бутылкой по темени в трактире «Балканы» ускорил это желание Всевышнего).

Так спи же, Игнатий, — ты, чудный человек, отец и гражданин!! Земля тебе пухом, и пусть ангелы небесные охраняют последний кров твой... не тяните за рукав — пальто порвет!.. (Последняя фраза относилась, конечно, к распорядителю, который сгоял меня с могилы, не могши перенести моего шумного успеха.)

Вот случай, который доказывает, что бывают моменты, когда и я умею быть серьезным, и поэтому о похоронах я буду писать с полным знанием дела.

* * *

Вы, скажем, узнаете, что умер ваш приятель. Вы надеваете на рукав креповую повязку (она стоит совсем гроши) и, выработав себе перед зеркалом выражение лица, полное тихой скорби и уныния, отправляетесь к вдове покойника.

Она, прижав платок к глазам, спросит:

— Слышали вы, какое у меня горе?

Отвечаете:

— Да, да. Вполне разделяю вашу скорбь. Но... ему там лучше будет...

Лучше или хуже — это неважно, но вышеуказанные слова очень успокоительны. Можете еще добавить:

— Бог дал, Бог и взял.

Или:

— Все под Богом ходим.

Если вдова осведомится у вас для порядка:

— На похоронах будете?

Не надо расшаркиваться и радостно восклицать:

— Я-то? Да с наслаждением! За удовольствие почту!

Надлежит свесить голову и скорбно ответить:

— Это мой долг.

Тут к вам подойдет другой сочувствующий, и так как говорить о чем-нибудь постороннем, вроде премьеры в «Варьете» или биллиардном проигрыше в близлежащей пивной, — не принято, то он скорбно осведомится:

— Будете на похоронах Ивана Николаевича?

Вы не должны задорно возражать:

— Вот еще, с какой стати! А он на моих похоронах будет?..

Ибо перед отверстой могилой умолкают все мелкие светские счеты визитами...

* * *

На кладбище идите с печально опущенной головой, изредка вздыхая и покачивая ею; перемигиваться со встречной барышней — хотя бы и царственно прекрасной — не следует. Если устанете, — можете влезть в медленно движущуюся сзади карету. Если все кареты заняты, — не пытайтесь влезть на катафалк к покойнику, хотя бы под тем предлогом, что вы с ним были на «ты». Будет время — еще успеете наездиться в катафалке.

В момент последнего печального обряда зорко следите за вдовой, потому что эта публика любит рваться к отверстой могиле и кричать: «Пустите меня к нему!»

Вы должны ловко подхватить ее под руку и успокоительно шепнуть:

— Куда вы? Ведь покойник изменял вам на каждом шагу и в пьяном виде бросал вам в голову все предметы домашнего обихода. Вспомните-ка! Да и ваши отношения с репетитором сынишки таковы, что лучше я вас к нему пушу, к репетитору. Хотите?

Эти правдивые слова могут пролить бальзам на самое измученное, разбитое сердце.

Речей старайтесь не говорить, потому что вам до меня далеко и такую речь, какую произнес я на могиле скобяного Игнатия, — вам произнести не удастся.

Пусть говорят другие, а вы стойте в стороне и учитесь. Еще один совет: если произнесенная кем-либо прочувствованная речь привела вас в восторг, пожалуйста, не аплодируйте и не кричите одобрительно: «Бр-раво! Бис!! Ловко, шельмец, зашпаривает!» Помните — здесь витает душа усопшего, да и распорядитель по головке не погладит.

Вообще, похороны — вещь серьезная, и ничто не должно нарушать их строгой величавости... Когда пьяный механик в кинематографе, демонстрируя похороны какой-нибудь знаменитости (я это видел однажды), начинает вертеть ручку аппарата шибче, чем нужно, — получается зрелище совершенно непристойное: впереди радостно скачут священники, будто Максы Линдеры убегают от погони, за ними резвой рысью летят погребальные лошади, увлекая молниеносно мчащийся катафалк, а сзади стремительно несутся друзья покойного, будто опасаясь пропустить поминальный обед.

В довершение всего пианист, сослепу не разобрав, в чем дело, начал с треском наигрывать очень милую в других случаях песенку:

Сегодня я не в духе,
Ужасно колет в ухе,
Вчера один нахал
Мне ухо искоусал!..

и, таким образом, все благолепие и пышность погребального обряда свелись в упомянутом мной случае на нет.

В петербургской хронике имеется факт еще неприличнее — петербуржцы и до сих пор помнят его: везли однажды

ды по Садовой покойника — и вдруг из-за угла стремглав выскочил трамвай; налетел на катафалк, опрокинул его, выбросил на мостовую гроб, и вдруг все с ужасом заметили, что из гроба вылез покойник и, потирая ушибленную ногу, завопил:

— Черти полосатые! Ездить не умеете. Мало вас, скотов, штрафуют.

Это непредвиденное обстоятельство совершенно испортило похороны: покойник, заботливо и хозяйственно собрав остатки дорогого дубового гроба, уехал на извозчике домой, духовенство и провожавшие сконфуженно рассеялись кто куда, пустую могилу пришлось засыпать, а вторую половину поминального обеда выбросили — испортилась, хотя все радостное семейство покойного и загубило себе желудки первой половиной.

Я бы не хотел умереть так двусмысленно.

* * *

Кстати, о поминальном обеде.

Мне часто случалось присутствовать на таких обедах, и должен сознаться, что они проходят превесело...

Я так и не мог докопаться до разгадки этой странности: то ли — вернувшиеся с похорон рады, что не их закопали, то ли — они довольны, что развязались-таки наконец с никому не нужным мертвым телом, а может быть, вкусная закуска с выпивкой веселит все сердца, — не знаю; но я заметил, что все на поминальных обедах бывают очень оживлены и, пожирая пироги и закуску, не успевают даже бросить вдове или врачу небрежную обязательную фразу:

— Там ему (или ей) лучше будет!

Или:

— Бог дал, Бог и взял.

Не до того друзьям. Кончают иногда и тем, что поднимают тост за здоровье усопшего, рассказывая препикантные анекдоты из его сердечных походов...

Забавная скотина — человек. Веселая скотина.

В заключение я должен сознаться в своей неопытности в одном смысле: я прекрасно знаю ритуал обыкновенных старинных похорон: с гробом, катафалком и могилой, но теперь пошла мода на сжигание трупов в крематориях, и как при этом нужно себя держать — совершенно неизвестно.

Ритуал еще не выработался, не окостенел.

Вообще я против таких похорон.

Один очень скромный достойный молодой человек со скорбью и ужасом рассказывал мне, как он вычистил собственные зубы собственной бабушкой.

Приехал он к родным, когда бабушку уже сожгли в крематории по новой моде, погоревал с полдня (много ли нужно для старушки), а вечером отошел ко сну... Проснулся рано утром, приступил к умыванию — хватать-похватать — зубного порошка нет.

Стал шарить по комнате — видит: на подоконнике стоит сигарная коробка, а в ней — полно пепла.

Вспомнил, что пеплом тоже хорошо чистить зубы, — вычистил.

А к чаю, когда за столом собралась вся семья, — мать его и говорит:

— Слава Богу, наконец-то мраморщик привез заказанную урну!..

— Какую урну?

— А для бабушки. Пепел в урну положим. А то держать его в сигарной коробке — прямо-таки неуважение к покойнице!

Читатель, может быть, усомнится. Но, клянусь честью, — это факт.

Жизнь любит иногда подшутить и посмеяться даже над смертью.

Видел же я в городе Орле наклейку на окне одного гробовщика: «Здесь продаются модные гробы «Танго»...»

Смерть опошлили, начиная с гроба и кончая траурной креповой повязкой на руке. Еще счастье носителей повязок, что ширина повязки не должна быть прямо пропорциональна скорби об усопшем.

А то — многим пришлось бы перевязать руку черной швейной ниткой.

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ПОЛКОВОДЦАМ

(Как выигрывать войны)

ВВЕДЕНИЕ

Теперь, когда почти весь мир грозно бряцает оружием, когда международные тучи сгустились до невозможности, мои советы начинающим полководцам должны сделаться настольной книгой для всякого неопытного полководца...

Все мы знаем, что у всякого военачальника во время войны есть только одно безудержное стремление: победить врага!

Но как это сделать, с чего начать и чем кончить? Неопытный человек решительно не знает.

А неопытность в военном деле — ужасная вещь.

Пока такой человек раздумывает, да примеривается, да взвешивает, — у него постепенно отбирают крепости, потом броненосцы, забирают в плен всех солдат, и вот наш неопытный полководец в один прекрасный день видит себя одиноко сидящим на лошади или миноносце, размахивающим победоносно золотым оружием «За храбрость», — но без войска, броненосцев и крепостей.

Что остается делать такому полководцу?

Извиниться перед родиной — выйти в отставку и заняться выпиливанием по дереву, игрой на окарине или коллекционированием почтовых марок — три поприща, которые почему-то привлекают сердца всех неудачников...

Чтобы этого не случилось — я позволяю себе дать ряд полезных советов и указаний на предмет:

«Как вести войну».

КАК НАЙТИ СРЕДСТВА ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Надлежит изготовить в главном штабе около десятка планов мобилизации, расположения крепостей, диспозиции и статистических данных о количестве и месте расположения ваших войск. Все изготовленное поручить наиболее расторопному и плутоватому чиновнику штаба продать

соседним державам, содрав с них за такой лакомый кусок несколько десятков миллионов.

Вообразите же себе удивление и злость этих держав, когда все планы и сведения окажутся фальшивыми, а вы имеете лишних несколько миллионов для ведения победоносной войны...

КАК ОБЕЗОПАСИТЬ СВОЮ СТРАНУ ОТ ВТОРЖЕНИЯ ВРАГА

Наиболее действенным можно признать следующий способ: на границе устанавливается ряд деревянных столбов через каждую сажень с прибитыми к верхушке каждого столба дощечками, на которых написано: «Вход посторонним строго воспрещается».

Можно легко представить себе ярость и бессильный гнев противника, когда он, дойдя до этой естественной преграды, — остановится и, потоптавшись на месте, должен будет уйти восвояси...

Некоторые стратеги, кроме того, советуют еще применять способ с зеркалом, заключающийся в следующем: на поле устанавливается громадное, в несколько верст, зеркало. Неприятель, победоносно шагая по полю, вдруг видит против себя другого неприятеля, шагающего ему навстречу не менее победоносно...

Тогда настоящему неприятелю ничего не остается сделать, как повернуться и убежать от своего собственного отражения.

Мы не рекомендуем этого способа по одной причине: а вдруг неприятель не испугается, а начнет стрелять... Что тогда? И хитрость будет раскрыта, и дорогое зеркало испорчено.

Нет, это не научный способ, это — утопия.

ПЕРВЫЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Выследив место расположения неприятеля, вы начинаете возводить вокруг него высокую крепкую стену. Сначала неприятель будет только радоваться этому, видя в такой

стене удобную крепость для себя. Но радость его — преждевременна.

Ясно, что, когда вы замкнете неприятеля этой стеной, он очутится как в ловушке, и ему ничего не останется, как сдаться на позорных условиях или помереть с голодухи.

ВТОРОЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ **(Бескровный)**

Для задуманной вами цели нужен специальный человек, но, мы полагаем, среди вашей многочисленной армии найти его нетрудно. Вы даете ему инструкции, он идет к аванпостам и заявляет, что его прислали вести переговоры с вражеским военачальником...

Военачальник обыкновенно ловится на эту удочку: принимает вашего посланника, который оказывается лишь ловким гипнотизером. Полчаса глаз на глаз — и остальное ясно: вражеский начальник приказывает своей армии сдаться, отдает свои пушки, провиант и сам попадает в плен. Конечно, никому и в голову не придет, что это дело рук загипнотизировавшего его вашего посланника.

МОРСКОЙ БОЙ

Принцип всякой морской кампании — это вывести из строя как можно больше неприятельских судов.

Вот способ, который почти всегда удается: узнав тот фарватер, в котором крейсирует неприятельская эскадра, — вы выбираете самое глубокое место и насыпаете на дно громадную земляную гору, чуть-чуть выдающуюся из воды...

Вообразите же удивление броненосца, когда он, идя на всех парах по известному на картах глубокому месту, вдруг со всего размаху налетает брюхом на мель.

САМЫЙ ХИТРЫЙ СПОСОБ **ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ**

Вы изобретаете пушку, ядро которой летит несколько десятков тысяч верст по прямой линии не останавливаясь,

и продаете с самым невинным видом через подставное лицо это ужасное изобретение неприятелям.

Они не замечают той страшной ловушки, которую вы им готовите, и, устроив такую пушку, стреляют в вас. Ядро преспокойно полетит, огибая весь земной шар, возвращается с противоположной стороны на старое место и бьет несчастных артиллеристов прямо по затылку.

Вообразите же их удивление, когда... и т.д.

СРЕДСТВО ПРОТИВ АЭРОПЛАНОВ

Существует мнение, что борьба с вражеской воздушной эскадрильей совершенно невозможна.

Но и тут умный полководец может найтись.

Как известно, у всех неприятельских пилотов есть подробные карты вашей страны, в которых указаны местоположения городов, лесов и направление рек.

Что же делаете вы?

Да очень просто: стоит только вам перевести города совсем в другое место, выдернуть с корнем лесные деревья и вкопать их на место городов, а русло рек отвести совсем в другую сторону. Что же получится? Ясно: неприятель покрутится-покрутится, полетает-полетает — да и плюнет на все это дело.

Вернется на свои позиции и заявит начальству:

— Мы ничего не понимаем. Очевидно, это совсем другая страна, с которой мы не воюем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот те несколько военных приемов, применяя которые молодой полководец всегда выиграет войну.

Но, конечно, еще с большей уверенностью можно гарантировать полководцу выигрыш войны, если все предлагаемые мною вышеизложенные приемы будет применять не он, а неприятель.

ПРИЛОЖЕНИЕ К «ПАНТЕОНУ СОВЕТОВ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ»

ПАСХАЛЬНЫЕ СОВЕТЫ

ВВЕДЕНИЕ

О, лучший из праздников, когда колокола, сладко волнуя сердце мелодичным и гулким звоном, будят в душе грустные ласковые воспоминания о былом, о празднике пышной весны, когда ароматные почки на деревьях радостно распускаются... Впрочем, им хорошо распускаться, когда никаких расходов они не несут, а мы, люди, и тому должны заткнуть глотку, и этому, да подарки разные, да «на чай»... И что это еще такое за «на чай»?! Один разврат. И без чаев хороши будут.

Об ароматных почках, да и мелодичных колоколах это у меня к слову пришлось, а вообще я человек деловой и подхожу к пасхальным вопросам с утилитарной точки зрения...

Цель моя — научить читателей, как по-христиански, но безубыточно отпраздновать Пасху, когда колокола мелодичным звоном будят в душе... — впрочем, об этом я уже говорил. Ни к чему это все. Главное — практичность. Вот, например:

ПРАЗДНИЧНЫЕ ПОДАРКИ

Жену имеете? И детей? И кухарку?

И напрасно. Не такое теперь время, чтоб на своей шее всю эту публику держать.

Но раз глупость уже сделана — нужно подумать, — как же выйти из этого положения? Жена-то, небось, спит и видит бриллиантовое колечко, да и детишки, как молодые крокодилята, пасти пораскрывали на ящик с красками или на собрание сочинений Жюль Верна. А кухарка уже целую неделю страшно щелкает крепкими зубами, предчувствуя впереди сарпинку на кофточку. Сарпинку тебе? О душе нужно подумать, матушка!

Для того чтобы избежать всех этих расходов, хозяин должен обзавестись сущими пустяками: одним анонимным

письмом, изготовленным собственными средствами, однимдохлым мышонком и надтреснутым бракованным блюдом, которое за гроши можно купить в любом посудном магазине.

И вот, скажем, приходите вы в Страстную пятницу домой к обеду сдохлым мышонком в одном кармане, с анонимным письмом в другом и с треснутым блюдом, завернутым в бумагу, — под мышкой.

— Обедать! — радостно кричите вы. — Обедать! Я голоден как волк... А я сегодня, друзья мои, по случаю купил чудную, замечательную вещь — старинное блюдо Императорского фарфорового завода. Цены нет этому блюду! Ну-ка, Миша, разверни.

Ваш сынишка доверчиво начинает распутывать накрученную вами бечевку и снимать с блюда несколько слоев бумаги...

— Развернул? Ну-ка, полюбуйт... Это что такое? Почему трещина?! Разве тебе можно поручать что-нибудь, паршивец этакий!!! Расколлол!!!

Орите во все горло:

— Нежная старинная вещь!! Пятьсот рублей стоит, а ты, как ломовик, набросился. Разве я тебя для того рожал, чтобы ты мне блюда бил... Сегодня блюдо разбил, завтра всю посуду перебьешь, а послезавтра отца начнешь бить... Это что?! Слезы?! Вон из-за стола!! Блюдо полторы тысячи стоит, а он своими копытами... Вон! (Эквивалент ящика с красками и Жюля Верна, глядишь, и в кармане остался.)

Если жена кротко запротестует, — орите дальше:

— У людей дети, как дети, а у нас... На кого же я, спрашивается, работаю, минутки свободной не имею?! Вот, например, утром еще получил письмо — до сих пор пяти минут не имел прочесть! Ты позволишь, милая?

— Читай, — кротко говорит жена. — Какие там церемонии.

Вы извлекаете из конверта анонимное письмо и начинаете громко читать:

«Здравствуйте, обманутый дурак! В то время, как вы заботитесь о семье, хлопчете, — ваша жена дарит своей благосклонностью другого... Спросите у нее — у кого она была позавчера и почему ее головные шпильки очутились на подзеркальнике известного донжуана Пробринкина?! Прощайте, тупой осел!»

Жена, конечно, заплачет, но... ничего. Женские слезы, как говорится, вода, а колечко так и останется торчать в витрине ювелира. Вот вам и экономия!

Наконец, подают суп. Пользуясь тем, что жена продолжает рыдать в салфетку, выньте дохлого мышонка и подсуньте его в свою тарелку...

Орите:

— Что это?! Мертвое животное в супе?! Чумная крыса?! Отравить нас хотят?! Аксинья!! Поглядите-ка!.. Надеюсь, сама понимаешь...

И меркнет, тухнет в пылких кухаркиных очах долгожданная сарпинка...

До сарпинки ли тут, когда барина колесом от ярости скорчило.

Если же вы по доброте душевной считаете эти остроумные приемы жестокими, — то, так и быть, сделайте своим домашним такие подарки: жене — коробочку хороших сигар или бритвенный прибор, сынишке — лампу для гостиной или материи на халат, а кухарке — собрание сочинений Эмиля Золя. Не знаю, как им, но вам эти подарки доставят тихую радость...

УСТРОЙСТВО ПАСХАЛЬНОГО СТОЛА

О, сколько красоты и поэзии в праздничном столе, накрытом белоснежной скатертью!..

Сколько дразнящего, будящего аппетит в этих группах разноцветных водок и вин; каким дьявольским соблазнительным топазом сверкает мартелевский коньяк, как сочно и плотно лежат в коробке ле-маршановские сардины! А этот огромный запеченный окорок, украшенный курчавой разноцветной бумагой, с румяной коркой, художественно утыканной черненькими пятнами гвоздички?! А эта зернистая икра, свежая, пахнущая морем, в круглой большой жестянке?! Да-с! Хорошо-то оно хорошо, а пойдите, купите — без рубашки останетесь.

А разве визитер оценит? Он думает — все это так и полагается! По-моему, достаточно ему рюмки водки и куска вареной колбасы. Пусть и за это будет благодарен...

А стол все-таки украсьте как у людей.

Делайте же это так.

Вина. Поставьте несколько запечатанных бутылок (можно взять в магазине напрокат), достаньте пустую бутылку из-под коньяка, налейте ее чаем и поставьте на видное место. Других же вин не откупоривайте — ради Бога! Потому, визитер твердо помнит правило: раз вино откупорено — его надо пить. И водки выпьет — хорош будет.

Окорок. Срежьте с окорока все мясо, спрячьте его подальше, покройте масталыг кожей — пусть стоит.

Сардины. Металлический язычок, что торчит в одном углу коробки, — незаметно подпилите напильником.

Яйца. Вымажьте их красными и черными ализориновыми копировальными чернилами. Рекомендую: дьявольски линяют.

Зернистая икра. В пустую коробку из-под икры налейте доверху жидкого столярного клея. Плотнo закройте крышкой. Дайте высохнуть.

Вот и все праздничные хлопоты.

Теперь — предположим, пришли визитеры...

Вы (радостно):

— А-а, гости дорогие! Христос Воскресе! Воистину! Ну, не грех и закусить чем Бог послал... Вам чего прикажете? Водочки?

— Нет уж, знаете, я коньяку...

— Пожалуйста!! Настоящий мартель (берете в руку, смотрите на свет. Любовно подбрасывая, как ребенка, нечаянно роняете на пол с расчетом, чтобы бутылка разбилась...) Ах, черт возьми! Какое несчастье! Что ж теперь делать? Придется уж водочки. Закусите, пожалуйста. Ветчинки?!

— Режьте, господа, сами, не стесняйтесь, будьте как дома! Что?.. Одна кость там? А! это до вас Петр Иванович был — так он тово... Хе-хе... Весь окорочок усидел. А может, яичек? Не хотите? А вот сардинки. Сейчас открою! Где ключ?.. Тр-рах!!

— Эх, неудача. Язычок сломался. Теперь как ее откроешь, проклятую... Икры вам предложить, что ли? Открывайте банку, накладывайте столовой ложкой! Что? Плотнo закрыта? А вы покрутите. Нет? Не открывается? Гм... Разве в теплую воду поставить, может отойдет через часик крышка. А пока

колбаски рекомендую — дивная колбаса! Трипль — сек. за ваше здоровье!..

.....
— Уже уходите? Ну — всего вам, всего-всего хорошего. Спасибо, что не погнушались хлебом-солью.

Прилично вышло? Прилично. Дешево. Ну так чего ж вам еще?!

КАК ИЗГОТОВИТЬ ДЕШЕВЫЙ СЫТНЫЙ ОБЕД

На праздники хочется пообедать особенно вкусно и особенно сытно.

Как же приготовить себе наиболее дешевый и наиболее вкусный обед?

Вот один из самых приемлемых способов, которых не найдете ни в одной поваренной книге...

Взять столовую ложку бензину. Взять чистенькую тряпочку. Взять свои брюки и сюртук. Почистить их. Накрыть сверху шляпой. Пойти к знакомым, которые еще не читали моих советов. Норовить попасть к обеду. Будете есть:

Куриный бульон.

Пирожки.

Отварную лососину.

Соус тартар.

Жареных цыплят.

Салат.

Спаржу.

Суфле яблочное.

Кофе, вина, водки, ликеры.

Правда, вкусно?

КАК СЭКОНОМИТЬ НА ЧАЕВЫХ

На первый день праздника, едва вы откроете сонные глаза, — как к вам нагрянет вереница поздравителей с недвусмысленным выражением, начертанным на лице кистью великого мастера: дай, собака, на чай.

Придут: три дворника, швейцар, трубочист, приказчик из бакалейной лавки, человек, который в прошлом году выводил у вас тараканов; почтальон, шофер, переехавший вашу тетку; неизвестный, которого вы на Страстной неделе били в бильярдной кием; ловец бродячих собак.

Как же с ними со всеми устроиться наиболее прилично и экономно?

Существуют до сих пор только два способа, наиболее практичных и радикальных:

- а) уехать перед праздником в Аргентину;
- б) заболеть сыпным тифом.

В этом случае ничего другого для вас придумать не могу.....

ИСКУССТВО РАССКАЗЫВАТЬ АНЕКДОТЫ

Истинно светские люди могут иметь успех в обществе и свете — помимо всех других качеств — только в двух случаях: или когда они хорошо рассказывают анекдоты, или когда они анекдотов совсем не рассказывают...

Насколько хороший анекдотист пользуется шумным, заслуженным успехом, насколько общество фигурально носит его на руках — настолько же плохой, бездарный претендент на «анекдотский престол» видит кругом плохо скрытое отвращение и тоску, настолько общество, выражаясь фигурально, — топчет его ногами!

Существует старинное распределение рассказчиков анекдотов на четыре категории:

1. Когда рассказчик сохраняет серьезное выражение лица, а слушатели покатываются со смеху...
2. Когда смеются и сам рассказчик, и слушатели...
3. Когда рассказчик за животик держится от смеху, а слушатели, свесив головы, угрюмо молчат...
4. Когда слушатели, вооружившись стульями и винными бутылками, хлопотливо бьют рассказчика.

Вот те поистине ужасные последствия, которые могут обрушиться на голову плохого рассказчика. В американской газетной хронике (штат Иллинойс) был по этому поводу рас-

сказан поистине леденящий душу факт: компания вакеросов, выслушав подряд семь отвратительных тягучих анекдотов, так освирепела, что схватила рассказчика, облила его керосином и подожгла, выплясывая вокруг него веселый джиг; потом обгоревшего неудачника вакеросы купали в реке, а потом, зацепив за шею веревкой, долго волочили при свете факелов по городским улицам, и разбуженные шумом матери поднимали с постелек своих детей и подносили их к окнам — со словами: «Глядите, детки, — вот вам пример: никогда не рассказывайте глупых старых тягучих анекдотов. А то и с вами будет то же, что с этим куском жареного мокрого мяса!»

И — наоборот.

Пишущий эти строки знал одного молодого человека, ничем особенно не отличавшегося, кроме искусства замечательно рассказывать анекдоты (см. первую категорию рассказчиков). И что же?! Все женщины города ласкали и целовали его, мужчины угощали водкой и папиросами лучших фабрик, а начальство повышало его по службе так, как в 1923 году повышался доллар в Германии. Однажды, рассказывая в поезде какой-то уморительный анекдот, он свалился с площадки вагона под колеса и ему отрезало обе ноги, за что железная дорога уплатила счастливчику огромную премию, и он прожил свой век в богатстве и роскоши, окруженный любовью и почитанием современников.

* * *

Всякий рассказчик должен помнить три основных правила своего изящного искусства:

1. Анекдот должен быть краток.
2. Блестящ по передаче
- и 3. В конце — неожидан.

Самое главное — пункт первый (краткость).

Длинный анекдот напоминает Эйфелеву башню, на которую вас заставили взобраться пешком, без лифта... С самой верхушки башни вид-то, может быть, очаровательный, но вы так устанете, взбираясь, что вам и на свет Божий глядеть противно.

Затем — ненужные, не имеющие к анекдоту отношения подробности, — могут довести слушателей до молчаливой ярости, до преступления.

Пишущий эти строки слышал один анекдот в передаче директора департамента народного здравия.

— Вот я вам расскажу хороший анекдот, — пообещал он. — Дело было в небольшом торговом городке. Городок был, как я уже сказал, небольшой, но оживленный. Потому что стоял он на берегу Волги и там перегружали муку, соль, ну, конечно, лес тоже сплавлялся... Население преимущественно торговое. Поэтому в городке была пропасть трактиров, и в этих трактирах целый день толкся торговый люд, попивая чай, пиво и водку. Так вот — в один из таких трактиров — не помню, как он назывался — не то «Китай», не то «Большая парижская гостиница», — в один из таких трактиров пришел подпивший купец. Ну, вы сами знаете, русская душа — разгулялся, потребовал еще водочки, закуски, селяночки на сковородке с осетриной. Ест, пьет, а над ним в клетке в окне заграничная канарейка поет, заливается. Ну, так-с. Слушал ее купец, слушал — пришел в восторг. Потому — вы же знаете — канарейки иногда очень хорошо поют. Недаром даже Канарские острова по их имени названы. Вот послушал он эту канарейку и зовет слугу. Слуга прибежал — этаким русский молодец, румянец во всю щеку и волосы подстрижены в скобку. «Что прикажете?» — «Сколько стоит канарейка?» — «Триста рублей». — «Зажарь мне ее в масле». Слуга видит, что купец богатый, значит, может заплатить за свою причуду, — беспрекословно снял канарейку, снес на кухню, зажарил. Приносит. «Готово». — «Отрежь на три копейки».

Присутствующие вежливо посмеялись, полагая, что директорский анекдот окончен. Но директору жаль было расстаться со своим длинным, как пожарная кишка, анекдотом.

Пожевал губами и продолжал:

— Да... «Отрежь, говорит, на три копейки». Тот поднял крик: «Как так?! Неужели зря дорогую канарейку загубил?!» — «Что ты кричишь, чудак.. Мне надо только на три копейки!..» Ну, конечно, шум был, скандал. Полицию позвали. Кажется, протоколом кончилось. Ну, купец дал околоточному — не помню — не то десять, не то пятнадцать рублей...

Все испуленно молчали, а один из слушателей тихо вышел в переднюю, отыскал директорское пальто и сигаретой прожег на спине преогромную дыру.

Кто упрекнет его за то, читатели?!

Вот как не надо рассказывать.

Излагайте анекдот приблизительно так:

В двери шикарной кондитерской просовывается чья-то голова: «Скажите, есть у вас сдобный хлеб с цукатами и миндалем?» — «Есть, есть, пожалуйста». Протискивается вся фигура. Снимает шапку, жалобно: «Подайте хлебушка, Христа ради, бедному. Три дня не ел!»

Или: «Цедербаум, это совершенно неудобно: весь город говорит, что Кегельман живет с вашей женой!» — Муж: «Э! Подумаешь какое счастье! Захочу — так я тоже буду жить с ней!..»

Или: «Яша, чего ты за щеку держишься?» — «Понимаешь, один шарлатан хотел ударить меня по морде!» — «Так он же только хотел! Чего ж ты держишься?» — «Так он уже ударил!» — «Чего ж ты говоришь — «хотел?»» — «Ну если же бы он не хотел, он бы не ударил!»

Или:

«На парижском аэродроме к пилоту подходят два еврея: «Послушайте! Вы сейчас в Лондон летите. Возьмите нас». — «А вы кто такие?» — «Так себе, обыкновенные евреи». — «О-о, евреи! Ни за что не возьму. Евреи — такой темпераментный народ, что начнут кричать, за плечи меня хватать — еще катастрофа будет». — «Но мы не будем кричать, ей-Богу! Абраша, правда, не будем?» — «Ей-Богу, — говорит Абраша, — не будем!» — «Ну, я вас возьму, но с условием: за каждое сказанное слово вы платите мне фунт стерлингов! Согласны?» — «Абраша, ты согласен?» — «Согласен!» Сели. Полетели. Прилетели в Лондон, пилот спустился, слез, мотор осматривает. Подходит к нему один из пассажиров: «Теперь уже можно разговаривать?» — «Теперь можно». — «Абраша в воду упал!..»

А начните вы, передавая эти анекдоты, описывать место действия, наружность и возраст действующих лиц, и анекдот уже погиб, завял, покрывлся скучной пылью!..

Нет ничего трагичнее рассеянных, забывчивых рассказчиков...

— Вот — расскажу я вам анекдот... Было это в тысяча восемьсот девяносто... Нет! В тысяча девятьсот... девятьсот?.. Пойдите!.. В каком же году это было?..

— Да неважно! — кричат слушатели. — Дальше!..

— Ну-с. Был в городе Елабуге один еврей... нет, не еврей. Армянин, кажется? Или, что ли? По фамилии... гм. Как же его фамилия? Гм! Дай Бог памяти...

— Неважно! Дальше!! — режут слушатели.

— И поехал этот мужичок пароходом... Нет!!! Позвольте... не пароходом, а пешком он пошел...

— Аэропланом!!!

— Нет, тогда еще аэропланов не было. Встречается со старухой NN. Впрочем, нет... Это было ее свадебное путешествие... Значит, молодая. Постойте!.. Тогда почему же у нее зубов не было?.. Но этот же анекдот, кажется, построен... Или нет?.. Ах, да!

За убийство такого рассказчика не судят, а выдают премию, как за удачное санитарное мероприятие...

А есть и такие рассказчики: начнет в обществе передавать что-то вязкое, тягучее, а на половине вдруг вспыхнет, как маков цвет, и замолчит.

— Ну? Что же дальше?!

— Простите — дальше неприлично, я и забыл совсем... А тут дамы.

* * *

Ужасная язва общества — так называемые «подсказчики анекдотов».

— Иван Петрович! Расскажите тот анекдот, который рассказывали на прошлой неделе... Вы так хорошо рассказываете...

— Какой анекдот?!

— Да помните, о том еврейском мальчике, который просил у учителя отпуск на завтрашний день, а когда тот спросил «зачем?», мальчик ответил: «Папа говорил, что у нас завтра дома пожар будет». Расскажите!

Что тут рассказывать бедному анекдотисту?

* * *

Иногда можно рассказывать старый, затрепанный анекдот, — но — смотря где. Если общество захудалое, провинциальное — можете перетряхивать в их присутствии всякое старье.

Но в изысканном, изощренном, насыщенном модными анекдотами кругу — остерегайтесь.

...За столом сидели шесть человек — три актера, два журналиста и адвокат. Я подсел к ним и принялся рассказывать анекдоты — все, какие знал.

И после каждого анекдота присутствующие вынимали из карманов белые платки и прикладывали к ушам концами, так — что все лица были окаймлены белыми платками.

В конце концов я не выдержал и спросил:

— Что это значит?

— Это? Белая борода!

— Почему?

— Все анекдоты, рассказываемые вами, так стары, что имеют седую бороду!!!

Очень было обидно.

* * *

При выборе анекдота нужно считаться с составом слушателей.

Есть анекдоты для барышень. Есть для дам. Есть специальные «мужские». Третью категорию иногда можно рассказывать второй категории, предварительно деликатно нащупав почву, но не дай Бог обрушить третью категорию на головы благоуханной девственной первой категории.

Один негодяй при пишем эти строки рассказал целому цветнику светских, невинных, кротких молодых девушек такое:

— Молодому еврею из Житомира сват предложил житомирскую девушку в жены. «Она (говорил он) очень хорошая девушка — общая любимица». Познакомился с ней жених через свата, поехал в театр. Все друзья и знакомые, увидев их вдвоем, набросились на жениха: «С ума вы сошли? Что это за компания для вас — с ней весь Житомир путался!» И побежал молодой человек в ярости к свату... «Слушайте!! — кричит. — Вы! Мерзавец! Кого вы мне сосватали?! Мне говорят, что с ней весь Житомир жил...» — «Э, вы скажете тоже, — хладнокровно говорит сват, — уже и «весь Житомир!» В Житомире 50 000 жителей. Так считайте — половина женщин. Из 25 000 — 10 000 детей. Потом 5000

стариков, калек, нищих... остается 10 000... Так это, по-вашему, — весь Житомир?!»

Слушательницы испуганно переглянулись, а я отыскал хозяев и сообщил им, что вышесказанный молодой человек украл из столовой две серебряные ложки.

* * *

Вот, читатель, — мой тебе подарок.

Пытаясь занять общество анекдотами, — всем вышеизложенным руководствуйся.

Тогда — процветешь...

СОВЕТЫ, КАК ИМЕТЬ УСПЕХ У ПРЕКРАСНОГО ПОЛА

Как часто видим мы очень интересных молодых людей, красивых, изящных, но — увы! Эти молодые люди не имеют никакого успеха у женщин.

И наоборот: не встречали ли вы рыжих, веснушчатых молодцев с кривыми ногами, расплюснутым носом и заплывшими жиром глазами, которые (не глаза, а эти молодцы) имеют среди прекрасного пола бешеный, потрясающий успех?!

А почему? Очень просто: первые (красавцы) не знают, с какого боку подойти, как взяться за дело, вторые же (кривоногие) обладают этим священным даром в такой же степени, как Кубелик играет на скрипке.

И вот — я хочу пойти навстречу назревшим нуждам неопытных красавцев. Кривоногие же пройдохи и без меня обойдутся. Им мои советы не нужны. Они сами много чего могут мне посоветовать.

* * *

Вначале — маленькое разъяснение: я вовсе не хочу идти против Священного писания, которое гласит:

«Не пожелай жены ближнего твоего».

Что здесь главное? То, что он «ближний». Жены ближнего и не желайте.

Но если жена в Кишиневе, а муж, скажем, во Владивостоке, то он уже делается дальним, и, значит, всякое нарушение священной заповеди отпадает.

Из этого, конечно, не следует, что всякий молодец, влюбившийся в замужнюю женщину, должен таскать под мышкой глобус и, осведомившись о местопребывании мужа, начать вслух рассчитывать расстояние, тыча пальцем в разные места глобуса.

Это слишком наглядно, а всякое чувство требует тайны.

* * *

Влюбившись, вовсе не нужно моментально напяливать фрак, белый галстук, зажимать в мокрой от волнения руке букет цветов и, явившись к предмету своей страсти, преклонять перед ней колени со словами:

- Ангел мой! Я не могу жить без тебя. Будь моей женой!!
- Что вы, помилуйте. Да ведь я замужем!
- Я вас разведу с мужем!
- Но у меня дети...
- Детей отравим. Новые будут.

Глупо и глупо. Женщина никогда не пойдет на эту примитивную приманку.

Вот как сделайте: явитесь в сумерки с визитом к дорогому вашему сердцу женщине, припудривши лицо и подведя глаза жженой пробкой, явитесь и, севши в уголок, замрите.

- Что это вы сегодня такой грустный?.. — спросит хозяйка.
- Так, знаете. Нет, нет. Лучше не спрашивайте меня.
- Дела плохие?
- Что для меня дела. (Вздых.) Я о них даже и не думаю.
- Вы что-то сегодня бледны...
- Ночь не спал.
- Бедный!.. Почему же?
- Вы мне снились всю ночь.

Даю слово, что самая умная женщина не обратит внимание на резкое несоответствие между первой фразой («не спал всю ночь») и второй («вы снились всю ночь»).

— Я вам снилась?.. — задумчиво скажет она. — Вот странно.

И довольно на сегодня. Конец. Маленькая, крохотная зацепка уже сделана. Уйдите, оставив ее задумчивой.

На другой день:

— Вы сегодня опять какой-то бледный... (Пудра «Кли-тия» — замечательное вспомогательное средство для влюбленного человека.)

— Бледный, я? Гм... Отчего бы это? Может быть, потому, что опять плохо спал?

— Бедняга! А теперь кто вам снился?

— Догадитесь... (В этом месте можно рискнуть взять ее за руку. Полагаю, опасности особой нет.)

— Ну, как же я могу догадаться... (Врешь, милая! Уже догадалась. Иначе зачем бы он взял тебя за руку?..)

— Не догадываетесь? Вы, такая чуткая, такая красивая...

Красота тут, конечно, ни при чем, но — каши маслом не испортишь.

Скачите дальше:

— Вы... не догадываетесь? Вы, у которой сердце звучит, как эолова арфа, под малейшим порывом налетевшего ветерка, вы, у которой глаза, как зеркальная лазурь Лаго-Маджиоре, проникающая, как стрела, в самую глубину сознания бедного больного человеческого сердца, бьющегося в унисон с теми тонкими струнами... которая...

Такой разговор требуется минут на шесть.

Ничего, что глупо. Зато складно. Тут тебе и эолова арфа, и Лаго-Маджиоре, и унисон. Советую напираться не на смысл, а главным образом на звук голоса, на музыку.

Очень рекомендуется, не окончив фразы, нервно вскочить, махнуть рукой и, наскоро попрощавшись, уйти.

Это производит впечатление. А кроме того, и из запутанной фразы выкрутитесь.

На третий день смело входите и говорите такую на первый взгляд странную фразу:

— Мэри (или Ольга, или Эльза)! Что вы со мной делаете?!

— А что такое? Что я с вами делаю?

— Посмотрите на меня (не нужно забывать — еще в передней — смахнуть платком пудру с лица. Но — осторожно: жженая пробка под глазами может размазаться). Вы видите?!

— Да, вид у вас неважный... Но разве я виновата?..

— Вы виноваты! Только вы. Вы приходите ночью к моему изголовью, и... и... я больше так не могу!!!

По общечеловеческой логике нужно бы ответить на это так:

— Чего вы ко мне пристали с вашим изголовьем? Мало ли какая ерунда будет вам сниться? Что ж, я за это должна и отвечать?!

Но... ни одна женщина не скажет так. Нужно знать женщину.

Она только воскликнет:

— Боже мой! Но разве я этого хотела?! Мне самой тяжело, что вы так мучитесь...

Слышите? Ей тяжело! Она, значит, вам сочувствует. Она, значит, как говорят профессиональные рыболовы, — «зацепилась на крючок».

В этом месте я подхожу к самому деликатному вопросу, о котором мне, при моей застенчивости, трудно и слово вымолвить.

Вы должны ее поцеловать.

Только, ради Бога, не сразу.

Не обрушивайтесь на нее, как глетчер, не рычите, как бегемот.

Тихо, деликатно возьмите за руки. Приблизьте свои глаза к ее глазам (губы, как известно, покорно следуют за глазами — деваться им некуда). Ближе... Ближе... Загляните в таинственную бездну ее глаз.

И вот — в этой позиции сразу и не разберешь: вы ли ее поцеловали, она ли вас.

Конечно, дальнейших советов я не могу давать. Я слишком скромна для этого. Можете даже, поцеловав, пойти домой — и на этом успокоиться.

* * *

Знавал я одного человека, который всю рассказанную мною поэтичную процедуру невероятно упрощал. Именно, оставшись с женщиной наедине, бросался на нее, точно малайский пират, и принимался ее целовать.

Я как-то спросил его возмущенно:

— Как можешь ты так по-разбойничьи вести себя с женщиной? А если получишь отпор? Скандал?!

— Отпор бывал часто. А скандалу не было. Женщина предпочитает молча, без крику, отвесить пощечину.

— Ага! Значит, ты получал пощечины?!

— Ну, от женщины не считается. И потом, на 100 женщин — только шестьдесят дерутся. Значит, я работаю в предприятии из 40% чистых. Этого не приносят владельцам даже самые лучшие угольные копи или учетный банк.

— А вдруг жена пожалуется мужу?

— Побойтся! Ты не знаешь мужей. Муж никогда не поверит, чтобы человек ни с того ни с сего — полез целоваться. «Ага, — скажет он. — Значит, ты перед этим кокетничала, значит, дала повод?!» Нет, это штука безопасная.

Этот пример я привел для того, чтобы сказать, что я отношусь к такой манере ухаживать с отвращением. Я — поэт и нахожу, что всякое красивое чувство не должно быть оптовым — с исчислением процентов прибыли.

Как поэт — еще раз говорю: лучший прием для успеха, это — «вы мне снились». Долбите, как детям, пока не подействует.

* * *

Другой мой знакомый, как он сам выражался: «работал фарфором». Прием, по-моему, тоже дешевый.

Однажды купил он на аукционе прескверную фарфоровую кошку и китайца, которого если ткнуть в затылок — он начинал мотать головой. С тех пор владелец этих вещей говорил всем дамам, на которых имел виды:

— Старинный фарфор любите?

Какая уважающая себя дама осмелится ответить «не люблю»?

— Люблю, — ответит она.

— Очень?

— Ах, ах, ужасно люблю!!

— У меня есть очень недурная коллекция старинного фарфора. Не хотите ли зайти осмотреть?

— Гм?.. Удобно ли это? Впрочем...

Часто дама, уже собираясь уходить и надевая перед его зеркалом шляпу, вспоминала:

— Да! А где же этот твой знаменитый фарфор?

— А вот там стоит. Ткни китайца в затылок. Видишь, как забавно? Настоящий, брат, алебастр!

И долго еще после ухода парочки — китаец с задумчивой иронией качает выдавшей виды головой.....

.....
Последний совет: женщина, даже самая бескорыстная, ценит в мужчине щедрость и широту натуры. Женщина поэтична, а что может быть прозаичнее скупости?..

Любящая женщина, которая с негодованием откажется от любой суммы денег, — ни слова не возразит вам, если вы купите ей билет в театр или заплатите за нее в кафе.

Один известный мне человек сразу погиб во мнении любящей женщины после того, как, расплачиваясь в кафе, стал высчитывать:

— Два стакана кофе с булочками — 3½ марки. Ты пила белый кофе, я черный — значит, с меня на ½ марки меньше. Да, ты откусила своими очаровательными белыми зубками у меня кусок пирожного, приблизительно одну треть, — значит, с тебя еще 20 пфеннигов. С тем, что я платил за тебя в трамвае, — с тебя, царица души моей, 2 марки 35 пфеннигов.

Нужно ли говорить, что на таком пустяке этот идиот сломал себе шею, хотя и был красив как бог!

* * *

Кстати, вы, может быть, спросите: а где же советы, как ухаживать не за дамами, а за девушками?

Этих советов я не могу дать.

Потому что за девушками не «ухаживают».

Им делают предложение и женятся.

После же женитьбы молодой человек может прочесть мое руководство сначала.

И то, руководство это будет полезно не тому, который женился, а другому молодому человеку — постороннему.

ОТДЫХ НА КРАПИВЕ
(1924)

р а с с к а з ы ц и н и к а

ПОЧЕМУ?

Этот вопрос задал мне издатель, когда я вручил ему материал для настоящей книги.

— Что — «почему»?

— Почему книга так называется: «Отдых на крапиве»?

— Хорошее название, — одобрительно возразил я, ласково похлопав по папке с рукописями.

— Неплохое. Но что, собственно, оно обозначает?

— Неужели не догадываетесь? Так просто! Вы когда-нибудь пробовали отдыхать на крапиве?

— На крапиве? В детстве пробовал. Но, какой уж то был отдых — на крапиве! Одно жгучее беспокойство.

— Вот то-то и оно. Дело в том, что я немного зол на моих читателей. Всю свою и всю мою жизнь они считали меня предобродушным малым, и при личном со мной знакомстве пытались всегда отпустить сомнительного сорта комплимент: «Ах, знаете, я люблю вас читать! На ваших книгах — прямо-таки отдыхаешь!» Я всегда был против того, чтобы мои книги низводились до степени мягкой перины — это ужасно обидно! Литература должна звать куда-то, будить, тревожить, вызывать разные вопросы и запросы. Вот как я смотрю на литературу! А мои читатели?.. Им, извольте ли видеть, удобно отдыхать на моих книгах! Возмущенный этим, я и решил в настоящем случае подсунуть им такую книгу, на которой не очень-то отдохнешь! Она почти вся — едкая, колючая — ну точь-в-точь будто вы легли в крапиву, опираясь об нее голой рукой, щекой и шеей...

Издатель внимательно выслушал меня и потом сказал:

— А вдруг читатель и не почувствует даже, что у него под рукой жгучая крапива?!

— Тогда он не читатель. Крокодиловую или носорожью кожу — я предпочитаю на разных изящных изделиях, но не на читательском теле. Эта моя книга для людей тонкокожих...

Издатель ухмыльнулся и хлопнул рукой по книге:

— Значит — «Отдых»?

— «Отдых»! — хлопнул и я рукой по тому же месту.

— «На крапиве»? — поглаживая книгу, будто это была только что купленная лошадь, спросил издатель.

— «На крапиве», — подтвердил я, ласково пощекотав книгу под корешком.

В этой несложной процедуре и заключался акт крещения новорожденного, который скоро-скоро выплывет на бурный водоворот жизни — под ясным звучным названием:

— «Отдых на крапиве»...

Автор

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

Для разговора Сукачев выбрал самое неудобное место: нас толкали, нам наступали на ноги, потому что встретились мы с Сукачевым на скрещении двух главных улиц... Все-таки Сукачев ухитрился рассказать свою историю до конца.

Я, впрочем, того мнения, что наша встреча именно на улице — к лучшему: будь это в закрытом помещении — Сукачев плакал бы, как ребенок.

Сукачев уцепился за пуговицу моего пиджака, как тощий матрос за обломок реи, и начал рассказывать так:

* * *

Видите ли, я имею некоторые дела с Будапештом и рано или поздно собирался даже туда съездить. Но мне страшно мешало незнание ихнего венгерского языка.

И пришла мне однажды в голову благая мысль, чтоб ее черт побрал, эту мысль: пошел я в контору газеты и сдал такое объявление: «Ищу преподавателя венгерского языка. Гонораром не стесняюсь».

На другой день ко мне явился крайне благообразный скромного вида молодой человек и сказал:

— Я могу выучить вас венгерскому языку.

— А вы что же сами... венгерец?

— Нет, но мой дед долго жил в Венгрии. Потом, в 1848 году, бежал от преследований Хорти.

— Что вы такое говорите?! Да ведь Хорти в 1848 году и на свете не было.

— Допустим, но что же из этого следует? Если у меня был дедушка, почему же у Хорти не могло быть дедушки?! Один дедушка бежал от другого дедушки — вот и все! Так хотите учиться венгерскому языку?

— Очень. А сколько вы возьмете за полный курс?

— Это будет зависеть от вас, я могу получить за весь язык сдельно, могу получить за ежедневный кусочек языка — поденно.

— А какая разница?

— Сдельно — в два раза скорей выучитесь.

— Тогда, конечно, сдельно. Сколько хотите?

— Две тысячи крон. Только я должен поселиться у вас и не разлучаться с вами — тогда будет толк. Через месяц вы будете говорить по-венгерски, как Бетховен!

— Виноват, Бетховен никогда не говорил по-венгерски!

— Ему же хуже. Встреться он со мной в свое время — он объяснялся бы, как Данте Алигьери!

— Данте был итальянец.

— Это безразлично. Я и по-итальянски говорю, как бог. Могу я завтра к вам переехать?

— Хоть сегодня.

* * *

Первый наш урок произвел на меня самое выгодное впечатление...

— Вероятно, мы начнем с грамматики? — осведомился я.

— Вы будете сейчас приятно удивлены, — усмехнулся мой юный преподаватель. — Дело в том, что венгерский язык не имеет никакой грамматики!

— Вы меня поражаете!

— О, это удивительный язык! Там все слова не склоняются и не спрягаются. Например, по-русски вы скажете: «Я видел его идущим по улице»... А по-венгерски это звучит так: «Я видеть он идти улица».

— Оказывается, значит, что это очень легкий язык!

— Не скажите. Слова очень трудные. Но за месяц я вас выучу.

Я знал единственное венгерское слово и поэтому решил щегольнуть им перед своим преподавателем.

— *Киссенем*, — расшаркался я.

Он удивился:

— Что-о?

— Я говорю: «*киссенем*» — по-венгерски — спасибо. Неужели вы не знаете такого простого слова?!

— Ах, да! Но вы неправильно произнесли это слово — потому я и не понял. Не «*киссенем*», а «*куссенем*»!

— Вот оно что! То-то я там над первым «и» видел две черточки.

— Верно. Благодаря этим черточкам «и» всегда переходит в «о».

— Вы раньше сказали в — «у».

— Ну, да — это среднее между «о» и «у». Однако не будем отвлекаться. Для первого раза запишите и выучите самые распространенные фразы: «Здравствуйте — авалакиташвара», «как поживаете? — газогенератор», «до свиданья — дизель-мотор».

Я аккуратно записал эти слова в тетрадку. Так как венгерские женщины мне давно нравились, то во мне вдруг властно заговорил мужчина:

— Скажите, а как по-венгерски сказать женщине: «Я вас люблю».

Он застенчиво усмехнулся и после некоторого колебания ответил:

— Ду бист эйзель!

— Благодарю вас. Запишем.

Работа у нас кипела вовсю. Я с каждым днем расширял свои познания в венгерском языке, хотя меня огорчало то, что мой преподаватель строго-настрого запретил мне разговаривать с посторонними по-венгерски:

— Вы этим только испортите произношение.

А произношение у меня было действительно неплохое! Каждое утро, после пробуждения, мы обменивались несколькими фразами по-венгерски, и я подавал реплики самым шикарным образом.

— Авалакиташвара, — приветствовал меня учитель.

— Ишиас, — отвечал я. (Учитель утверждал, что «ишиас», это — «Мое почтение».)

— Флегмона печени? — спрашивал он. (Как спали?)

— Хирагра! (прекрасно!) — быстро отвечал я.

— Фистула фурункул? — осведомлялся учитель. (Будем пить чай или кофе?)

— Диабет! (коньяк) — радостно кричал я.

Вообще венгерский язык очень забавлял меня. Например, однажды я спросил преподавателя:

— Как по-венгерски «дерево»?

— Там, — сказал он, не задумываясь.

— А два дерева?

— Там-там.

— А три?

— Там-там-там.

— Удивительный язык! А если целый лес?

— Это уже поется на мотив марша: «Трам-да-тамтам, тра-там-там»...

— Замечательно! Вот уж этого я никогда не забуду.

— О, конечно. Всю жизнь будете помнить.

* * *

И вот в один прекрасный день преподавание было закончено... Учитель мой уложил чемоданчик, пожал мне руку и сказал:

— Ду бист гроссе эйзель! (я вас очень любил).

— Пинакотекa! — с чувством признался я (и вы мне очень симпатичны).

— Дизель-мотор симменс-шукерта! (будьте счастливы!)

— Куссенем.

И он ушел, получив свои две тысячи прекрасных чешских крон. Навсегда ушел!

* * *

Окончив свой рассказ, Сукачев печально повесил голову и смолк.

— Чем же дело кончилось? — спросил я.

Он дико завопил:

— Чем?! Я осел! Поехал я в Будапешт, переехал границу — вот, думаю, где наговорюсь на своем новеньком, только что отлакированном языке, выглянул в окно — вдали виднеется лес. Я и обратился к соседу по купе на певучем венгерском наречии:

— Хороший лес! (Бум, трам-та-та-там!)

Он дико глянул на меня и отодвинулся.

— Газогенератор? — спросил я.

Он взял свой чемоданчик и, молча, перешел в другое купе.

Язык мой все-таки чесался: я вышел в коридор, подошел к одиноко глядевшей в окно барышне и осведомился: скоро ли ближайшая станция... Она подняла крик, и кто-то с перепугу остановил тормозом поезд. Привезли меня... Сняли... повезли куда-то...

Как я им ни объяснял на своем венгерском языке происшедшее — продержали меня полтора месяца в каком-то огромном очень неудобном помещении, где весь персонал был в белых халатах. И я был в халате. В сером. Не мерзавец ли мой венгерский преподаватель, а?

Я засмеялся:

— Ну, мне пора домой. Вперед будете умнее. Дизель-мотор!

— Что-о!

— Вы же сами говорите, что по-венгерски это — до свиданья.

— Пойдите к черту.

И побрел по улице одиноко этот удивительный человек, знавший по-венгерски только одно слово «киссенем», да и это слово испортивший за две тысячи чешских крон.

ЖЕНЩИНА И НЕГР

Мне рассказывали историю об одном африканском ди-каре, попавшем раз в жизни в игорный дом.

Этот негр был — прекрасное чернокожее дитя природы, без всякого налета культуры и цивилизации — совершенно голый морально, как он был гол физически у себя на плоском побережье Бенгуалы, залитом лучами раскаленного солнца, под корявыми лапистыми пальмами, среди доверчивых добрых обезьян.

Попав в игорный дом, этот простодушный чернокожий впервые увидел карточную игру.

— Что это они делают? — спросил он своего спутника.

— Играют в карты.

— Для чего?

— Чтобы выиграть.
— Все выигрывают?
— Некоторые. А некоторые проигрывают.
— А что же они выигрывают?
— А вон, видишь, эти бумажки, что лежат около некоторых.
— Странно, — задумчиво заметил негр. — Они так волнуются, будто эти бумажки можно есть, и они вкусные.
— Их не едят, но на них можно купить и еды, и кумача, и бус, и целый ящик рому!

Спутник негра, насколько мог, вдолбил в курчавую голову собеседника принцип монетного обращения.

Чернокожий чрезвычайно заинтересовался.

— Значит, если вот этот красный человек выдернет из пачки один раскрашенный квадратик, — он получает кучу этих бумажек, на которые можно купить рому?!

— Гм... Да! Приблизительно.

— А тот, худой, должен отдать ему ни за что ни про что пачку денег, на которые можно купить рому?

— Ну, конечно.

— Да ведь жалко. Я бы на месте худого не отдал.

— Нельзя. Так надо.

— Почему? — завопил негр. — Я еще понимаю, если бы красный угрожал худому ножом или повалил бы на землю и отнял деньги, а то что же выходит?.. За один вынутый квадратик отдавай добровольно и ром, и еду, и кумач!

— Это игра! Пойми ты это.

— А я бы не отдал. Гм! За какой-то квадратик. Я бы лучше сам вцепился красному в воротник и отнял деньги.

— А если бы он оказался сильнее?

— Ну, он бы у меня отнял. Ничего не поделаешь.

Так и не удалось втолковать негру принципов благородной карточной игры.

Из-за того, что ты выдернул не тот кусочек раскрашенного картона, а другой, — ты должен без боя отдать ром, бусы и красное одеяло?! Вот дураки-то! По-моему, проще отнять без этих кусочков картона!

Я теперь все время думаю об этом негре и отчасти восхищаюсь им.

Игроки меня не поймут, а умные люди, может быть, поймут.

Сегодня я только что засел за работу, как ко мне. пришел один из моих приятелей.

Я сразу увидел, что он хочет попросить у меня денег взаймы, и даже отчасти обрадовался этому: возьмет деньги и уйдет, не мешая моей работе.

Но это оказался светский воспитанный человек — не какой-нибудь хам, не понимающий приличий.

Он опустил в кресло, отер пот с лица и сказал:

— Ну, что у вас новенького?

— Ничего, — торопливо ответил я.

— Пяткина давно видели?

— Не видел Пяткина.

— А-а. А Семен Николаич к вам захаживает?

— Нет!

— Так, так. Тру-ру-ру-ру... Солнце жарит, как безумное, а все-таки знаю: будет дождь. Вы как думаете?

— Что?

— Будет дождь?

— А черт его знает.

В голове же у меня все время долбил клювом какой-то внутренний дятел: «Да проси же скорее денег, каналья, проси! Проси! Что тянешь? Возьми и уходи. Все равно ведь дам, и ты сам знаешь, что дам!»

— Что это с Лазуткиным делается?

— С ке-ем?

— С нашим знакомым Лазуткиным?

— А что?

— Да совсем закружил Лазуткин. Сегодня его с одной дамой видишь, завтра с другой.

— К черту Лазуткина, — сухо промолвил я. («Да проси же, анафемский палач, проси скорее!»)

— Почему к «черту»?

— Не интересуюсь Лазуткиным.

— Вы сегодня какой-то странный, — обиделся он. — Были на премьере «Колесо жизни»?

Я вскочил с места.

— Сколько?

— Что «сколько»? — вспыхнул он.

— Сколько вам надо?

— Чего?

— Денег, за которыми вы пришли.

Он встал с кресла, красный, негодующий.

— Кто вам дал право так со мной разговаривать?!..

— Значит, вы не за деньгами пришли?

— Положим, я действительно пришел просить ссудить меня некоторой суммой, но после такого обращения...

— Голубчик, не сердитесь. Но зачем мне все эти Лазуткины, Семены Николаичи, «Колеса жизни»? Скажем, пришли вы: «Здравствуйте». — «Здравствуйте». — «Дайте денег». — «Нате». — «До свиданья». И больше ничего! Ведь я же видел, что и Лазуткин, и «Колесо жизни» вам, как и мне, совершенно неинтересны! К чему это?

— Простите, но я прекрасно понимаю, что такое долг вежливости и приличия, — угрюмо пробормотал он. — И по вашему способу денег никогда не попрошу! Я никогда не был хамом. И вообще после всего этого нам говорить не о чем! Прощайте. Навсегда.

Вот таким-то образом между тремя и половиной четвертого пополудни я потерял приятеля.

Вечером пошел к женщине, которая мне очень нравилась и которой, вероятно, я нравился. («Приходите почаще. С вами так хорошо».)

Мы сидели с ней на диване друг около друга.

Я, не отрываясь, глядел на ее белую шею, упругие плечи, на красные, как вишни, губы, и она тоже глядела на мои широкие плечи и на мои губы, и мне страх как хотелось поцеловать ее, а она (я уверен) тоже стремилась спрятать свою голову на моей груди и прижаться губами к моему лицу.

В это же время она говорила:

— Собиралась я на «Колесо жизни», да не попала. Хорошая пьеса?

— Хорошая, — со вздохом отвечал я. — А я не видел. Лазуткин видел. Кстати, вы знаете, Лазуткин совсем закрутился.

Она с трудом отвела глаза от моего лица и, проведя по лбу рукой, сказала:

— Да... Лазуткин... «Колесо жизни»... а этого... Пяткина встречаете?

— Три раза и еще два. А Лазуткин все с дамами. Хочу вас поцеловать в губы.

— Что-о?

— Это Лазуткин своим дамам так говорит...

— А-а...

Она промолчала, но, мне кажется, я угадал ее мысль: «Что мне Лазуткин с его дамами. Лучше бы ты поцеловал, сокровище мое!»

— Хорошо, — согласился я.

— Что хорошо?

— Поцелую вас.

Я схватил ее и сжал в крепких и теплых объятиях.

Она забилась, как воробей в кулаке, вырвалась и, красная, со сверкающими, точно алмазы, глазами, сказала прерывающимся от негодования голосом:

— Этакая пошлость! Вы забылись. Подите вон.

— Господи! — растерялся я. — Да ведь весь мир целуется друг с другом. Почему бы и нам не поцеловаться? Ведь мы же нравимся друг другу.

— На все должен быть переход и должно быть место. И вообще, мы знакомы с вами только полтора месяца! Я не привыкла, чтобы ко мне вдруг, ни с того ни с чего, лезли с объятиями. Уходите!

Вот таким-то образом между девятью и половиной десятого вечера я потерял любимую женщину.

С горя пошел в какое-то варьете с десятком кафешантаных номеров.

Все было уныло, глупо и безграмотно; визгливо пели, разухабисто танцевали, вскидывая ноги до самого носа.

Но вот — восьмым номером — вышла красивая полногрудая женщина с белыми гибкими обнаженными руками и большим декольте. Что-то в ее веселом лице и смеющихся глазах было такое, что я пригляделся к ней пристальнее.

Аборигены бешено заплодировали: видно, это была местная любимица.

Оркестр заиграл ритуфель какой-то шансонетки; певица открыла рот и издала десяток невероятно фальшивых звуков:

— Мне мама скрипку подарила...

И умолкла.

Улыбнулась и попросила:

— Дайте еще ригурнель.

Оркестр «дал».

Она замолкла, чарующе улыбнулась и, махнув беззаботно рукой, приблизилась к самой рампе.

Подмигнула публике и начала с самым беззаботным видом:

— Позвольте мне, господа, быть с вами совершенно откровенной, хотя в шантане это и не принято... Ну, какая я певица? Голос, как у драной кошки. И никакую мне мама скрипку не дарила, да тут и не скрипка подразумевается, а просто пошлость. Неужели вы думаете, я поверю, что вам нужно мое пение, и слова этой песенки хоть на минуту заинтересуют вас. Неужели вы из-за этого пришли? Конечно, не из-за этого! Зачем же я буду вас мучить: голос фальшивый, мотив жалкий, примитивный, вроде «Чижика», а слова глупые. Почему же мы, все шансонетные певицы, это делаем? Зачем фальшиво поем и неуклюже танцуем? Да просто это предлог, чтобы показаться вам, чтобы вы могли рассмотреть — какое у нас лицо, тело, как мы сложены. Так вот, и нечего мне с вами притворяться. Ни «альбома», ни «скрипки» мама мне не дарила, — слышите вы? Просто я хорошенькая женщина, ничего не умеющая делать, бездарная-пребездарная!.. Зачем же я здесь стою на сцене перед вами? Очень просто: вот мои руки — смотрите на них без мамы и без скрипки. Правда, красивые? Ничего себе, а? И ямочки на локте есть. А грудь? Хорошая грудь, нечего греха таить. Танцевать я тоже не умею, поэтому покажу вам ногу так, без танцев. Вот. Красивые ножки; высокий подъем; ажурный чулок довольно мило их обтягивает. Вот это левая, это правая — не сбейтесь. Ну, довольны? Вот затылок и спина. Я ее немножко больше декольтировала, чтобы возместить то, что я не пою о маминой скрипке. Ну, нагляделись? Простая и обыкновенная женщина без голоса, таланта, но и без предрассудков. Видите, как со мной легко? И я с вами поговорила по душам, родненькие мои, да и оркестр отдохнул. А теперь пойду переодеваться: на-верное, кто-нибудь меня сейчас ужинать пригласит!

Я вскочил с места и вне себя от восторга закричал:

— Я приглашу!

Она добродушно засмеялась.

— Ну, вот видите. Какой шумный успех! Сейчас приду. И то уж, заболталась я тут с вами. До свиданья, родненькие, до завтра!

Этой ночью я нашел то, что растерял днем и вечером: женщину и друга...

И когда мы весело ужинали вдвоем, запивая котлеты бокалами холодного вина и объясняясь друг другу во взаимной симпатии, мне почудилось, что с нами сидел третий. Он был такой же веселый, как и мы, белые зубы его радостно сверкали на черном лице, серые ладони рук одобрительно аплодировали нам, а из толстых красных губ вылетали добродушные слова:

— Халло! Вот это по-настоящему! А то — вытянет из пачки кусочек раскрашенного картона — давай ему и ром, и бусы, и одеяло. Зачем так запутано? Раз что нравится и можешь взять — бери так! Не можешь — уйди сразу! А то играет другой человек целый год, играет — и на бутылку рома не выигрывает!

— Верно! — посмеивался я. — К черту Лазуткина!

МОЙ ДЯДЯ

Сегодня годовщина смерти моего дяди...

Надеюсь, читатели так хорошо относятся ко мне, что вместе со мной разделят скорбь по этой безвременной утрате, тем более что дядя мой был замечательный человек: жил он хорошо, и кончина его была не менее блестящая...

Как говорится в Евангелии, «смерть его была мирная, безболезненная и непостыдная» (бацька Махно осенью прошлого года повесил его на железнодорожной водокачке за то, что у дяди были золотые очки и крахмальный воротничок...).

Склонив благоговейно голову, хочу вспомнить хоть что-нибудь из жизни этого замечательного человека, начавшего карьеру за кассовым окошечком в казначействе и окончившего ее железным крюком на водокачке.

Будучи пылким юношей, пришел я однажды к дяде и говорю ему:

— Дядя, вы мошенник!

Он вскинул очки на лоб и рассудительно возразил:

— Я бы мог сейчас отдубасить тебя казначейской книгой «ресконтро». Но лучше я выслушаю целиком твои обвинения, а потом уже начну колотить. Может быть, тогда я буду трудолюбивее.

— Дядя! Вчера вы купили дом за 25 тысяч!!

— Купил. Может быть, я раньше должен был получить твою санкцию на это?..

— Дело не в санкции. Вы сами рассказывали мне, что десять лет тому назад, когда вы поступили на кассирскую службу, у вас не было ни гроша в кармане...

— Что же из этого?

— Получаете вы в год 1500 рублей... За десять лет это составит пятнадцать тысяч. Прожили вы за эти десять лет тысяч восемь. Остается семь тысяч. Откуда же еще 18 тысяч для нового домика?!

В глазах дяди забегали веселые искорки. Он хлопнул меня поощрительно конторскими счетами по спине так, что костяшки шелкнули, и сказал:

— Щенок! Твоя математика — дура. Вот тебе пример: возьми или укради на базаре фунт свиного сала...

— Я лучше куплю.

— Покупай. Ты всегда был расточительным юношей. Возьми предположительно сто человек и поставь их шеренгой...

— Поставил.

— Дай первому подержать в руках этот фунт сала, чтобы он потом передал его второму, тот, подержав, — третьему, и так далее — до последнего...

— Ну-с?

— Что у последнего будет в руках?!

— Конечно, фунт сала.

Вскочил дядя и заревел, как тигр:

— Болван! «Конечно, фунт сала»!! А в чем будут вымазаны руки у предыдущих, которые держали сало в руках?

— В... сале.

— Так вот тебе, откуда у меня домик!! Я человек честный, но деньги — то же сало...

* * *

Ну, разве не умный мой дядя?.. Еще до «теории Эйнштейна» он опрокинул всю математику вверх ногами.

Мир праху его на железном крючке...

РАССКАЗЧИКИ

В купе вагона народу набилось очень много. Было это купе на четыре человека, а втиснулось в него одиннадцать.

Большая часть пассажиров разговаривала, но все о скучном: о каком-то ужиленном у кого-то подряде, о дороговизне дров, о помещике Иване Никанорыче, об огурцах.

Толстый рыжий господин с багровым лицом и выпученными глазами, попав в одну из пауз, шумно с хрипом вздохнул и предложил неожиданно:

— Ехать нам еще долго, а спать все равно неудобно.. Давайте рассказывать какие-нибудь удивительные случаи, которые произошли с каждым. Это бывает интересно.

Все покосились на него пугливо и недоверчиво.

— Какие там еще истории, — скептически сказал отец дьякон, занявший лучшее место — у окна.

Поразил всех мужичонка, стоявший с узелком у притоки и досель одинаково жарко и сочувственно принимавший все разговоры: и об огурцах, и об Иване Никанорыче, и о дровах...

— Ах, да и истории же бывают, братцы, — вдруг оживился он. — То есть такие, такие, что ну-ну... На ночь оно глядя и рассказывать будто страшно. Все бывает; но знаете, что произошло с кузнецом нашим Колесниченко? Кузнец он был, и такой хороший кузнец, что прямо и непонятно, — чего это он так?

— А что? — благожелательно спросил господин с рачьими глазами.

— Нечистое дело вышло, от черного. Постукивал себе он, постукивал в своей кузнице, и подковывал, и сверливал, и шипу тебе, и то и се, не без того, что по праздникам выпивал, — да вдруг с такой спокойной благородной жизни — пришел в избу — вдов он был — пришел, любезные вы мои, взял да и повесился. И гвоздь-то был евонной работы — вот оно какие дела!

— Ну чего уж тут такого, — покривился скептически дьякон. — Мало ли какого народу вешается — всего не перескажешь.

— Нешто я об этом! — всплеснул руками мужичонка и провел ладонью по бороде и усам.

Рыжеватые, выцветшие — они, от частого проведения ладонью слева направо, повинуюсь мановению руки хозяина, — тоже раз навсегда приняли направление слева направо, так что получилась полная асимметрия растительности. — Рази я об этом? — повторил асимметричный мужичонка. — Действительно, мало ли нашего брата в петлю лезет? Виси себе на здоровье, коли так надо. Ему с горы видней. А только вышло с кузнецом в ту же ночь дело темное, нехорошее дело. Как, значит, он повесился днем, а мне в сумерки поехать занадобилось в Кузмичево, — в двух верстах от нас. За дугой к куму. Кум у меня там. Григорьем их звать. Ей-Бо-право! Поехал я себе и поехал. Только вертаюсь, а как кузнец на краю села, то глядь, а в евонной избе огонек мигает. Так сердце у меня и закатилось: надясь сам его с десятскими в волостную избу оттаргал, а тут огонек, гляди-кось, мигает.

— Мигает? — переспросил рачий господин.

— Мигает! Кабы он еще там, в избе-то лежал, ну иное дело: а может, дьячок по нем читает — почему я знаю? Но раз его в волостное препроводили...

— Мигает? — качнул сочувственно головой рачий господин.

— Мигает. Так вот тебе как есть мигает. Я еду на чалой, а оно из окошечка тово...

— Мигает?

— Во-во. Прямо видно все совершенно беспрекословно.

— Мигает?

— Ай, и мигает же, — до чего мигает — прямо уму непос-

тижимо, — воодушевился мужичонка чрезвычайно. — Ведь это како дело, а? Мигает.

— Да может, то какой-нибудь знакомый его зашел за делом и огонек зажег? Аль бо вор?

— Может — и так, — вяло согласился вдруг погасший мужичонка.

Все неловко помолчали.

— Так мигает? — спросил снова добрый рачий господин — больше для мужичонкова одобрения.

— Мигает, — бестемпераментно пробормотал мужичонка, свеся голову.

Против дьякона сидела полная недурная собой дама с растрепанными белокурыми волосами, выбивавшимися из-под красной повязки, — какие любят себе делать во время путешествий все кокетливые дамы.

— Ну знаете, уважаемый крестьянин, — сказала она. — Ваш рассказ оказался не на высоте. Ну что это: какие-то кузнецы, мигает.

— Мигает, — как эхо прошелестел «уважаемый крестьянин».

— Я не в восторге, — критически отметила дама. — Из такого рассказа даже мой муж рассказа не сделает.

— А кто ваш муж? — спросил рачий господин, очевидно прочно принявший на себя обязанности добровольного конферансье.

— Мой муж? — Аркадий Аверченко.

Это было так неожиданно, что я только качнулся, будто меня сзади толкнули коленкой, но не нашелся что сказать.

— Неужели ваш муж — Аркадий Аверченко? — спросил оживившийся дьякон. — Ну как он, вообще?

— Ничего, спасибо.

— Все пишет?

— Пишет.

— Так-таки все пишет и пишет?

— Пишет.

— Мигает, — сказал задремавший было мужичонка.

— А какой он собой, этот Аверченко? — спросил я.

— Да такой, знаете... Среднего роста. И бородка Луи-Филипп.

— А как же я видел его фотографию без бороды, — удивился рачий конферансье.

— Да это у него бывает. Иногда сбреет, иногда отпустит. Вообще, со странностями.

— И пишет, говорите?

— То есть, знаете, сладу с ним нет. Как письменный стол увидит — затрясется весь... Он, впрочем, больше по ночам. Гора бумаги перед ним, слева бутылка коньяку, справа — рому. И как начнет писать — только держись. Слуги кругом мечутся, а он знай покрикивает:

«Перо свежее. Рому подлей. Чернил подлей». Верите ли, иногда в ночь до пяти раз доливали.

— Рому?

— Какое рому, — чернил. А допишет — сейчас же ко мне в спальню с пером в руке бежит: «Нинка, — кричит. — давай новую тему. Эту уже написал».

— Разве вы ему темы даете?

— Конечно, я. А кто ж?

— Однако приятно быть женой такого человека? — еще больше выпучив глаза, спросил конферансье.

— Ну знаете, не особенно. Врагу не пожелаю.

В глубине души я обиделся, но промолчал.

Господин с рачьими глазами давно уже чувствовал ревность к успеху, который имела «жена Аверченко». По его лицу было видно, что и он не прочь рассказать что-либо не менее удивительное. Для разгона еще раз спросил кроткого мужичка:

— Так мигает, говоришь?

— Ай, и мигает же...

— Глупости все это. Вот Париж такой город, что там не замигает. Да... Был со мной в Париже случай, что и до сих пор не могу опомниться. То есть свидетелем я был. Эйфелеву башню знаете?

Оказалось, знают все. Даже мужичонка видел на картине у сельского лавочника.

— Должно, высоченная гадина!

— Еще бы. По последним исследованиям до шестисот метров насчитывается. Иду это я однажды по улочке, вот как раз сбоку Эйфелевой башни. Вдруг гляжу — на третьем

пролете человек стоит... а это сажень семь-десять. Посмотрел вниз, перекрестился — да как сиганет вниз.

Дьякон уже схватился за голову и застонал, раскачиваясь.

— В лепешку?

— Вот тут-то и самое главное, — восторженно вскричал пучеглазый господин. — Не в лепешку, о. дьякон. Отнюдь не в лепешку. А летит это он, достигает благополучно земли, становится на ноги, отряхнется и идет как ни в чем не бывало.

— Мигает, — захохотал мужичонка.

— Одначе... Одначе... — растерялся дьякон. — Эт-то что ж такое? Как же это можно? С этакой высоты? Да это невозможно.

— Говорю ж вам, сам видел, — с достоинством сказал пучеглазый.

Наступила минута неловкого молчания.

Сухой господин с желтым монгольским лицом и редкими волосиками на усах, не произнесший доселе ни слова и стоявший около мужичка (только им обоим и не было места), — вдруг шагнул к пучеглазому, протянул ему руку и пожал, крепко, благодарно потрясая ее...

— В чем дело? — растерялся пучеглазый.

— За что это вы?

— Ах, я вам так благодарен, — серьезно заговорил желтый господин. — Видите ли, дело в том, что я и есть тот самый господин, который спрыгнул тогда с Эйфелевой башни. Но только мне никто никогда не верил, что было так удачно: «врете», говорят. Вы первый человек, который подтвердили.

Все застыли, ошеломленные; но я не такой человек, чтобы остаться в тени в то время, когда мой ближний так удачно выдвинулся.

Я встал, нагнул к белокурой даме в красной повязке, схватил и даму, и повязку в объятия и стал осыпать поцелуями, приговаривая:

— Родная моя! Голубушка! Какая приятная встреча!..

Если бы десять человек спрыгнули с десяти Эйфелевых башен, это не вызвало бы такого шума и скандала, как то, что я сделал...

Дама вырывалась из моих цепких объятий, крича о защите, о. дьякон и рачий господин схватили меня за руки — превеселая была суматоха.

— Он сумасшедший, — кричал дьякон. — Это вы его Эйфелем своим с ума свели.

— Как он осмелился? Как? — визжала дама.

Я выпустил ее из объятий и сложил руки на груди, приняв осанку, полную спокойного достоинства:

— Скажите, господа, — спросил я. — Имеет право муж целовать свою жену?

— Оно-то имеет, конечно, — сердито сказал о. дьякон. — Так то ж муж, а вы так, пришей кобыле хвост...

— Нет-с, не хвост. При вас ведь эта дама говорила, что она жена писателя Аркадия Аверченко?

— При нас! Слышали-с.

— Ну, а я и есть писатель Аркадий Аверченко. Так и в паспорте написано. Полюбуйтесь.

Никто ничего не понял, кроме человека, прыгнувшего с Эйфелевой башни.

Тот пожал мне руку и шепнул одобрительно:

— Я высоко прыгнул, а вы еще выше. Ей-Богу, тут весело.

Дама, все еще дрожа от испуга и чего-то другого, что мелькало в ее растерянном взгляде, поправила прическу, растрепавшуюся от моих поцелуев, и сказала пучеглазому, которого считала, очевидно, товарищем по несчастью:

— Колонель, проводите меня в коридор. Тут душно.

Они вышли. Мужичонка и прыгун заняли их места и облегченно вздохнули.

— Ажно ноги заныли, стоямши, ажно дергает их.

— Мигает? — засмеялся я.

— Во-во. А что, господин, серьезно свою бабу здесь встретили?

— Ты ж видел, как она обрадовалась.

Я встал и вышел в коридор размяться.

Голос дамы журчал:

— Нигде нет такой жары, как в Ташкенте. У меня была нитка фамильного жемчуга, чтоб не соврать, — с орех величиной. И представьте, от жары жемчужины полопались.

— Бывает. У моего знакомого был аналогичный случай: сынишка играючись нитку бус по одной проглотил. Смотрят, отяжелел мальчишка. Понесли к доктору, а он гремит внутри, как погремушка, — одно безобразие...

ТРИ СЛУЧАЯ

I

Тот самый ветер, который сейчас выл и бесновался за окном, — этот самый суровый ветер и согнал сюда, в угол большой теплой комнаты, компанию из трех человек.

Это были: гость Тарантасов, хозяйка усадьбы, брошенной в снега, Мария Дмитриевна, и ее муж — Вонзаев.

Праздничные дни тянулись в мирной усадьбе очень медленно и располагали всех к наливке, орехам и медленным, тягучим разговорам...

Ветер за двойными рамами окон выл таинственно, так зловеще, что всем хотелось прижаться друг к другу и так, чувствуя себя в безопасности, послушать что-нибудь холодящее душу и вызывающее мурашки по всему телу.

— Странные случаи бывают в жизни, — поощрительно заметил приезжий помещик Тарантасов.

— Такие случаи бывают, что с ума сойти можно, — подтвердил хозяин Вонзаев.

Мария Дмитриевна опасливо взглянула в неосвещенный угол, и мелкая дрожь пробежала по ее телу.

— Когда я была молода, со мной случился факт, о котором я и теперь не могу вспомнить без ужаса. Дело было в Москве...

Все придвинулись друг к другу.

— ...В Москве. Мы жили в одном из тех многочисленных переулков, в которых всякий не знакомый с Москвой ногу сломит. И вот стала я замечать, что на углу нашего переулка стоит старик нищий с одной ногой. Другой ноги у него не было, а была только одна. Левая, что ли... Или правая... Стоит этот нищий себе и стоит. Чего стоит, почему стоит — неизвестно. Стоит он день, два дня, три — прямо я даже удивлялась.

— Да чего ж он стоял? — спросил муж.

— Как чего? Просил милостыню.

— Ну, в этом ничего страшного нет.

— Особенного, конечно, в этом ничего не было, а только я все время замечаю: стоит он на углу и милостыню просит. Стоит и просит.

— Что ж ему, с голоду умирать, что ли? — резонно возразил муж.

— Я об этом и не говорю. Только вдруг, однажды, — можете себе представить, — этот нищий исчез! День его нет, два дня нет, три... Мне сначала это показалось удивительным, а потом я постепенно забыла.

— Чем же все это кончилось? — нетерпеливо спросил гость.

— Чем? А вот чем: ровно через десять дней от тети получилась телеграмма: «Дядя Терентий волей Божией тихо скончался».

— Гм!., так это что ж, — значит, этот одноногий старик и был ваш дядя Терентий?

— Ничего подобного! Это был просто неизвестный старик.

— Так что же вы находите в этом случае удивительного!

— Как что?! Стоял, стоял старик — вдруг исчез. И что же — через десять дней умирает дядя.

— И вы не знаете, куда делся этот старик?

— Совершенно не знаю.

— Может быть, он просто заболел или переменил стоянку.

— Тогда зачем было умирать дяде?

— Предположите, что он умер сам по себе.

— Тогда почему и куда исчез старик? Нет, тут, как ни верти, есть какая-то неразрешимая странная загадка.

II

— Ну, со мной была история пострашнее, — сказал гость Тарантасов.

— Ой, не надо! — капризно протянула хозяйка, подбирая ноги. — Или нет, расскажите! Я вас очень прошу!

— Как вам известно, господа, я всегда живу в своем имении «Пятереньки». Живу я там безвыездно и только изредка наезжаю в уездный город Чмыхов, вам известный.

Но однажды мне пришлось по делу о вводе меня во владение наследством, оставленным моим дядюшкой Ильей Никитичем, поехать в Петербург.

Город громадный, улиц целая гибель, и дома все если не шести-, то семиэтажные.

Как-то вечером зашел я к приятелю, что проживал в шестиэтажной махине на Гороховой улице.

Говорили о том о сем, а главное, о разной чертовщине.

— Вот, — говорит мой приятель, — ты живешь в деревне, бок о бок со всякой нечистью, с домовыми, а у нас, в городе, совершенно другая жизнь. Всю поэзию нечистой силы съели трамвай да электрическое освещение.

А другой — паренек такой белесый, с косматым цветком в сюртуке — говорит:

— Нет, знаете, в городе есть своя особая городская мистика, есть своя загадочная сущность, и я, — говорит, — утверждаю, что в городе та же нечистая сила осталась в полном объеме, только под влиянием культуры изменила она свои нравы и обычаи и надела другую личину.

— Так вы думаете, — спрашиваю я, — что и у вас тут, в этих домах, домовые водятся?

— А то как же?! Только, — говорит, — они потеряли свою дикость, некультурность — надели другие личины. — Я, — говорит, — уверен, что у них это дело поставлено на широкую городскую ногу.

— Это как же? — спрашиваю я.

— Да вот так: у вас, вон, небось, все занятие домовых сводится к тому, что лошадям хвосты заплетать да по ночам спящую публику душить; а у нас, в городе, это посложнее... Лошади не везде есть — их автомобили заменили. А автомобилю хвоста не заплетешь! Разве что из жестянок бензин можно высосать. Да и две-три сотни жильцов по ночам душить — не очень-то с ними кустарным способом справишься, — для этого нужно целую хорошо организованную контору иметь.

Ничего себе парнишка рассуждал. Очень здраво.

Когда я собирался уходить от приятеля, было уже 12 часов ночи. Вышел он меня провожать на площадку лестницы, посветил лампой да еще и посмеялся: смотри, дескать, на домового не наткнись.

Жутковато мне стало, однако собрался я с духом — спускаюсь с лестницы.

И вдруг на одной из полуосвещенных слабой керосиновой лампочкой площадок я увидел...

Вы, вероятно, господа, думаете — увидел домового? Косматую фигуру с красными глазами, кривыми серыми руками и старческой морщинистой безволосой головой?

Нет, господа! Я увидел нечто худшее. На площадке в углу виднелась небольшая дверь, а на ней сверху я увидел ужасную, холодящую кровь надпись: «Домовая контора»!

Итак, юнец с лохматым белым цветком в петлице не врал: я воочию видел перед собой это ужасное логовище проклятой Богом нечисти.

Я простоял так много секунд, прижавшись к противоположному углу... Наконец мне пришло в голову: «Не галлюцинирую ли я? Не схожу ли я с ума?»

Как сумасшедший, сорвался я со своего места и ринулся вниз с диким криком:

— Дворник! Дворник!

Молодой парень в ситцевой рубаше выскочил откуда-то снизу и, закрывая глаза щитком от света, спросил:

— Чего надо-ть?

— Дворник! Кто... у вас... живет на третьей площадке?

С замирающим сердцем ждал я ответа.

— Там? Да там никто не живет. Там *домовая контора*.

Он это сказал так же просто, как другой сказал бы: «Там квартира чиновника Иванова»!

Я схватился за голову и выбежал на двор. Голова моя горела... Какая-то фигура в шубе попалась мне навстречу.

— Послушайте, — сказал я, останавливая его. — Послушайте... Правда ли, что здесь вот, на третьей площадке, домовая контора?

— Ну, да! Чего ж вы так удивляетесь? Вам, может быть, нужен кто-нибудь из домовой администрации?

— Дому... вой... адми... нистрации?!

У них есть даже администрация?!

О, город! Будь ты проклят!

Не помню, как я очутился дома и как провел ночь...

А на другой день утром я уже мчался в поезде в свои милые «Пятереньки».

III

— Ну, — сказал хозяин после долгого молчания. — Вы еще счастливо отделались, потому что не столкнулись ни с кем лицом к лицу. А вот, как вам нравится случай со мной? Я путешествовал целую ночь наедине с сумасшедшим.

— Какой ужас! — вскричала жена. — У меня сейчас мороз по коже пробежал. Расскажи!

— Дело было так: ехал я по делам в Харьков. Вечером в мое купе, в котором я был один, вошел неизвестный господин. Он был закутан в башлык и в руках держал желтый чемодан...

Тон у него был вежливый.

— Я вам не помешаю?

— Нет, пожалуйста.

— Вы тоже до Харькова?

— Да, до Харькова.

Разговорились.

Он предложил закусить, вынул из чемодана ветчину, хлеб, вино и сыр и стал все это резать большим острым ножом, который был у него в чемодане.

Когда мы закусили, он спрятал нож обратно, вынул револьвер да и спрашивает:

— Вы не боитесь, что к нам кто-нибудь заберется?

— Нет, не боюсь.

— А я боюсь. Положу револьвер под подушку на всякий случай.

Улеглись мы, погасили свет. Поезд идет, погромыхая на скреплениях рельсов. Не помню уж как — только задремал я, а потом и заснул.

Только просыпаюсь от какого-то шума.

— Что такое?

Двери хлопают, носильщики по вагонам бегают, — оказывается, в Харьков уже приехали.

Мой спутник собрал вещи, пожал мне на прощанье руку и тоже ушел. Еле успел я одеться. Чуть было меня вместе с вагоном на запасной путь не отправили.

— Позвольте, — возразил гость Тарантасов. — Из всего этого я не вижу, что ваш спутник был сумасшедший... С чего вы это взяли?

— А как же не сумасшедший! Конечно, сумасшедший. Вы знаете, зачем он ехал в Харьков? Отыскивать сбежавшую с инженером-технологом жену!

— Бывает! — неопределенно вздохнул Тарантасов.

Вид у него был неудовлетворенный.

— А я думала, он будет в тебя стрелять...

— Это еще с какой радости?! Я у него жену увозил, что ли?

Все повернули головы и посмотрели лениво в окно, за которым прыгала серая метель.

И было уже не страшно, не жутко, а скучно.

Леденящий душу ужас таял...

ВЫХОДЕЦ С ТОГО СВЕТА

В этот прекрасный сочельник не так много и выпили: на троих — Подходцева, Клиноква и меня — пришлось восемь бутылок бордо, конечно, не считая коньяка, потому что зачем же его считать?

Мы только немного больше, чем нужно, раскраснелись и совсем капельку расшумелись: Подходцев напялил на голову пуншевую миску и потребовал, чтобы мы воздали ему королевские почести.

Что будешь делать — воздали.

Дом, в котором нас терпели, был большой, старый, заброшенный... Кривая старуха, которая однажды легкомысленно предоставила нам верхний этаж, на весь недолгий остаток своей жизни сохранила на исковерканном времени лице выражение тупой паники и ужаса.

Потанцевали, попели. Потом притихли. Подходцев сел на ковер около дивана, на котором разбросался пухлый Клинков, положил кудрявую голову на клинковский живот и, полузакрыв глаза, только сказал:

— Сейчас полночь сочельника. По статутам в это времячко появляются в подобных домах привидения. Где они, спрашивается?

И капризно dokonчил:

— Хочу привидений! Человек, полпорции привидения недожаренного, с кровью!

— Прикажете притушить свет? — с притворной угодливостью спросил я, продолжая воздавать этому наглому человечешке королевские почести.

— Да, притуши, братец. Нельзя, чтобы горело четное число свечей. Вдруг мы да напьемся, да у нас будет двоиться в глазах — как мы это узнаем? А при нечетном числе, когда покажется четное, — значит, мы хватили лишнее. Так и будем знать.

Ах, и голова же был этот Подходцев! С такой головой можно дослужиться или до министерского портфеля, или до каторжной тачки.

Немного выпили.

— Хочу привидения! — прозвенел повелительный голос Подходцева.

И он мелодично запел:

— Умру, похоронят, как не жил на свете!..

Мы — я и Клинков — призадумались. Взгрустнулось. Вспомнился отчий дом, приветливые лица семьи, вспомнилось, как нас с Клинковым свирепо драли, когда мы, выкрасив кота чернилами, выпустили это маркое чудовище на изящных гостей гостеприимной семьи моих родителей.

В самом дальнем заброшенном углу нашей огромной комнаты, где кривая старуха свалила всю ненужную рухлядь — китайские ширмы, поломанные стулья и плетеные ветхие корзины с разным дрязгом, — в этом темном углу послышался шелест. Огромные ширмы с полуоторванным панно заколебались, съехали концом на корзину, — и бледное мертвое существо, на котором пыльная хламида болталась, как на вешалке, — тихо выплыло перед нами.

Мы отвели глаза от этого странного призрака и косо поглядели друг на друга. В двух парах глаз я прочел то же, что и они в моих глазах: мы все трое видели одно и то же.

— Серенькое, — задумчиво сказал Подходцев, разглядывая призрак.

— Ничего особенного, — добавил Клинков, всегда игравший при Подходцеве вторую скрипку.

Моя деликатная, гостеприимная натура возмутилась.

— Ослы вы полосатые! Никогда вы ни от чего не приходите в восторг и ко всему относитесь с критикой! Какого вам рожна еще нужно?! Привидение как привидение! Вы на них не обращайтесь внимания (примирительно отнесся я к призраку). Это такие лошади, которых свет не производил. Присядьте, пожалуйста. Чайку можно? Или пуншику?

— Ничего не надо, — выдохнуло из себя привидение легкий свист. — Я так посижу да и уйду.

Оно опустилось на дальний колченогий стул, даже не качнувшийся от этого прикосновения, — и снова выдохнуло из себя сырой затхлый воздух.

— Очень заняты? — с участием спросил Клинков.

— Занят, — согласилось привидение после некоторого раздумья. — Вы Минкина знаете?

— Минкина? Как же! Позвольте, это какого Минкина? Нет, не знаем.

— Оно — сволочь, — грозно сказала привидение, поведя тусклыми глазами куда-то налево.

— Кто оно?

— Привидение Минкина. Его уже два раза исключали из сословия за то, что он — хам.

— Да что вы говорите? Экая каналья, — искренно возмутился Подходцев. — А что же он делает?

— Подлости он делает. У нас установлена очередь для появления перед людьми, а эта свинья Минкин вечно вылезает без очереди, и уж он такие кренделя выкидывает, что прямо противно. Был уж небось?

— Кто, Минкин? Нет, не заходил.

— Минкин не ходит, он, как жаба, на брюхе ползет. У него розовые глаза.

— Гм! По-моему, это довольно декоративно. Может быть, чокнетесь с нами?

— Да уж не знаю, как и быть... Столько визитов, столько визитов. Разве что стаканчик. Только я пить не могу — я горяченьким паром подышу.

— Дышите, голубчик, — великодушно разрешил Подходцев. — Дышите, сколько влезет.

Дыша над стаканом с горячим пуншем, привидение ревниво заметило:

— Если Минкин придет, вы его не принимайте...
— Минкина-то? По шее мы ему дадим, этому Минкину.
— Хорошо бы, — вздохнул призрак, отставляя стакан. — Только у него шеи нет. Голова прямо из груди выходит.
— Что за наглая личность! — возмутился Подходцев. — Еще стаканчик!..

— Да уж не знаю, как и быть... — призрак пожевал губами, будто не решался высказать мучившую его мысль. Потом спросил с натугой: — А скажите... этого... вы меня очень боитесь?

Мы переглянулись. В глазах мягкого Подходцева мелькнуло сострадание. Он подмигнул мне и сказал:

— Мы вас очень боимся. Прямо жуткое зрелище!

— Ей-Богу? — расцвел призрак. — А мне казалось, что вы как-то странно меня встре...

— Ничего подобного! — вскричал я. — Прямо-таки мы чуть не перемерли от страха. Вы ужасны.

— Страшилище! — деликатно поддержал Клинков. — У меня до сих пор сердце на куски разрывается от ужаса!..

И добавил с явной непоследовательностью:

— Хотите, выпьем на ты? Тссс! Кто это там скребется в дверь.

— Минкин! — с бешенством вскричал призрак, вскакивая. — Не пускайте его!

— Конечно, — согласился Подходцев. — Он всю компанию испортит. Ну его к черту! Давай лучше споем что-нибудь!

— Что-нибудь веселенькое, — согласился охмелевший призрак. «Похоронный марш», что ли? Или «Пляску мертвых» Сен-Санса?

— Ого! Какие ты, Володя, вещи знаешь, — удивился Клинков. — Слушай, а как у вас там насчет женского пола, э?

— Здоровая мысль! — хихикнул призрак, хлопнув мягким, пористым, как губка, кулаком по столу. — Хотите, я вас с одной покойницей познакомлю? Вот штучка-то!..

— К черту покойницу, — критически сказал женолюбивый Клинков. — Спой что-нибудь.

Призрак откашлялся и затянул затхлым, пискливым голосом:

Старенькие трупики
Новеньких чудней —
Всюду черви, струпики —
Никаких гвоздей!!!

И хор дружно подхватил припев:

И никаких,
И никаких,
И никаких гвоздей!!

Надышавшийся пунша призрак пытался и плясать, но слабые хрупкие ноги не выдержали: одна подломилась и крикнула, как сосновая щепка. Призрак поднял ее, повертел в руках и отбросил в угол:

— Который уже это раз, — сожалительно пробормотал он. — Ломучая дрянь.

Всем очень хотелось спать. Решили улечься на ковре вповалку, прикрывшись оторванной портьерой. Капризный Подходцев никак не хотел ложиться рядом с обессиленным призраком.

— Пошел вон! — сказал он бесцеремонно. — От тебя землей пахнет.

— Вы тоже хороши, — бормотал призрак, кряхтя и умащиваясь поудобнее. — Напоили старичка, а теперь какую-то землю нашли. Эх, напугал бы я вас, да не хочется.

— Спи уж, — оборвал его Клинков. — Бубнит, бубнит, как шмель. По шеям надо таких пьяных старичков.

Эй ты, борода, разбуди к десяти. Мне еще с визитами надо...

Проснулись мы, Подходцев и я, в два часа дня на ковре, укрытые портьерой, с Клинковым под головами вместо подушки, со старыми газетами вместо простыни.

Мы оглянулись: нас было всего трое.

— А где же этот фрукт? — спросил я, оглядываясь.

— Какой?

— Да вот этот... земляной старичок, что про трупики пел.

Клинков поглядел на Подходцева. Потом тот и другой — на меня:

— Пойди умойся, — посоветовали оба.

Ах, как приятно окатить голову холодной водой на первый день Рождества Христова!

ИСТОРИЯ ОДНОГО АКТЕРА

Жил-был один актер. Всякий актер любит рекламу, но мой актер в этом отношении был прямо неистов. Как тигр любит пить теплую кровь из прокушенного горла своей жертвы, как пылкий влюбленный ищет губ любимой девушки, так он искал рекламу, так он любил рекламу!

Иногда вдруг ни с того ни с сего газеты сообщают:

«Кража бриллиантов у актера N на три миллиона».

Или:

«Актер N потерпел крушение экспресса. 145 убитых, 8 раненых, актер N спасся, вскочив вовремя в трубу паровоза».

Сначала публика ахала, восхищалась, удивлялась и ужасалась — потом привыкла: нервы огрубели.

Сообщают, например:

«Вчера жирафа, запряженная в коляску актера N, взбесилась и понесла. Актер N, не растерявшись, подпрыгнул, ухватился за телеграфную проволоку и, добравшись таким образом до телеграфного окошечка, дал в нашу газету депешу о случившемся».

Какой-нибудь легковверный чудак побежит к приятелю:

— Слышали? У актера N жирафа взбесилась. Пришлось ему бежать по телеграфной проволоке!

— Брехня, — скептически поморщится приятель. — У актера N не только жирафы, но и клячи водовозной нет. И не при его пузе по телеграфным проволокам скакать...

— Зачем же написано?

— Реклама.

— Что вы говорите! А вот недавно сообщали, что его поколотил какой-то ревнивый муж...

— Тоже реклама.

— Да какая ж тут реклама для человека, если его палкой по башке трахнули.

— Ну, уж там видней, что к чему. И ребенок его был недавно болен для рекламы, и жена у него сбежала для рекламы... Ничему не верю! Все реклама.

— Однако он, говорят, из очень почтенной семьи...

— И семью себе выбрал для рекламы, и сестра у него замуж за инженера вышла для его рекламы!..

Вдруг — появилась скромная газетная заметка:

«Актер N опасно заболел».

— Ишь ты, шельма, — сказала, подмигивая, публика. — Какую себе рекламу закатил: болен я, говорит.

— Да, может, действительно болен?

— Он-то? Наверное, для бенефиса все. Я, чай, здоровехонек...

Новая заметка:

«Положение актера N признано безнадежным. Он при смерти».

— Ха-ха-ха! — закатывалась публика. — Ну и ловкач же. Куда метнул! Ведь даст же Бог. Я думаю после этого дела огромный бенефисище зацепить.

И наконец, появилась газета с траурной каймой:

«Актер N вчера, не приходя в себя, скончался»...

— Гениальный парнюга! — редела восхищенная публика. — Лобастый черт! Эко придумал: «не приходя в сознание»... Надо будет на бенефис билетик спроворить. Без барышника не обойтись. Интересно, когда бенефис будет: до вскрытия или после?..

Потом были похороны: актер чинно и строго лежал в гробу с кротким, навсегда успокоившимся лицом, а сзади шла публика и грохотала:

— Ах, чтоб тебя разорвало! Ведь вот что придумал... Мозговитый...

— Однако, как хотите, реклама — рекламой, а по-моему, это — оскорбление религиозного чувства! Кощунство.

— Зато по-американски, хи-хи.

— Ребята, гляди, зарывается! Ей-Бо, живьем для рекламы в землю уходит. Как же ему там до бенефиса дышать, голубчику?!.. Чем?

— Дурень ты, не нашего Бога! Где ж ему дышать, ежели от него уже покойницкий дух.

- Эва! Нешто для рекламы не надушится?!
И, расходясь, уславливались:
— Значит, до бенефиса. На бенефисе встретимся.
А в это время в гробовую щель бочком прополз земляной червяк и пытливо огляделся в темноте:
— А где тут которые актеры? Чичас жрать их будем.

ОСВЕЖАЮЩИЙ ДУШУ РАЗГОВОР

Он сидел на скамеечке под тенистым деревом, когда я проходил мимо него.

У него было задумчивое интеллигентное лицо, лицо много читавшего и думавшего славянина, — и это расположило меня к нему, более того, потянуло к нему.

Я присел на ту же скамейку и тут только разглядел, что ошибся, по крайней мере, в его национальности: он держал на коленях, задумчиво перелистывая, номер английского журнала «The Tatler».

— Ду ю спик инглиш, сэр? — спросил я, приподнимая шляпу.

Он удивленно покосился на меня.

— Чего?

— Простите, вы русский? А мне показалось — англичанин! Признаться, эта нация — моя слабость. Меня всегда удивляли люди, у которых довольно свободно уживаются воздушная мистика Россетти и тяжеловесная гениальность Уэллса. Не правда ли?

— Кто уживается? — переспросил господин.

— Уэллс уживается с воздушной мистикой Россетти.

— Министр?

— Кто? Россетти? Нет, художник. «Э-э, — подумал я. — Интеллигент-то вы интеллигент, а в английской живописи, видно, швах».

Впрочем, я и раньше замечал, что русский интеллигент, поражая вас своей огромной начитанностью и осведомленностью в одних вопросах, ввергает вас в ужас полным невежеством в других вопросах.

— Я могу видоизменить эту прелесть английского контр-раста, — с готовностью подхватил я. — Уайт-Чапель у них уживается с роскошным Пикадилли, мрачный Миддль-Таун — с Армией Спасения, Джером — с Джеком Лондоном.

— Знаю, — кивнул головой интеллигент. — Это город у них такой — Лондон?

— Нет, это писатель американский такой есть! Джек Лондон — неужели не знаете? Он еще рассказы о Клондайке писал!

— О чем?

— О Господи! О Клондайке, на Аляске.

— Это где же это будет?

— Аляска-то? Неужели вы не знаете географии приполярных стран?!

— Которых, которых?

— Господи! Возьмите вы атлас Ильина...

— Ну, где там. Теперь и к паршивенькому коленкору не приступись.

— Слушайте! Да вы форменный профан...

— Никак нет. Я Федор Николаич, Утюжков моя фамилия... Хе-хе... За другого приняли?

Я перестал стесняться. Я грубо спросил его:

— Вы знаете, что такое синтаксис? Что такое этимология?..

— Не приходилось. Все, знаете, нет времени. Я на службе больше. По счетной части.

— Почему же вы, черт возьми, читали «The Tatler»?!

— Который?

— Да вот этот, что держите в...

— Я читал? Господь с вами! Я по-французскому ни в зуб. Да и по-русскому больше, если крупная печать...

— Так чего же вы его перелистывали?!

— Вот это вот? А я прикидывал, хватит ли, если сундук внутри оклеить. А то там щели и сволочи прусаки...

* * *

Приятно иногда потолковать с русским интеллигентом о воздушной мистике Россетти, о забавных контрастах британской индивидуальности, об откровениях автора «Мартина Идена», о причудливой раздвоенности апологетов

Берн-Джонса, восхищающихся в то же время и творцом «Борьбы миров»...

Отвел душеньку.

БОКС В ТУРЦИИ И В ЕВРОПЕ

Недавно, проходя по узкой, кривой, грязной улочке Константинопольской Галаты, я сделался свидетелем одного из самых замечательных боксерных зрелищ в мире.

Брел по улице турок с корзинкой бубликов на спине.

Навстречу ему бодро шагал английский матрос с томиком стихотворений Шелли под мышкой.

Не знаю, с чего началось: не то бублики зацепились за Шелли, не то Шелли — за бублики...

Владелец Шелли приостановился и, заткнув Шелли за пазуху, отвесил обладателю бубликов одну из самых великолепных пощечин.

Турок снял корзину, нагнулся и боднул крепкой головой в красной феске англичанина в живот — так боднул, что поклонник Шелли перегнулся пополам.

Разогнувшись, он трахнул турка в подбородок. Тот лякнул зубами и молниеносным ударом расплющил англичанину нос. Англичанин упал.

И никто над ним не наклонился, никто не отсчитывал над ним секунд, и никакой тренер во время этого перерыва не растирал его мохнатым полотенцем...

Англичанин поднялся, пока турок собирал рассыпанные бублики, и сбил турка на землю.

Не знаю, какой это был «роунд», но в результате у турка оказалась вывихнута нога и сломанным — палец руки.

* * *

Почему я пишу об этом?

Да мне просто обидно за моих героев, потому что результатом их великолепного состязания было приглашение в полицейский участок.

Где же тут справедливость?!

Почему портреты победителя Карпантье — негра Сики красуются во всех журналах, почему о побежденном Карпантье французские газеты до сих пор исписывают целые столбцы, сообщая даже следующее: «Родственники долго скрывали от него, что судьи лишили побежденного звания чемпиона мира».

Почему о моих боксерах не вспомнил ни один человек в свете, кроме меня?

Хуже они дрались, что ли? Нет!

Карпантье сломал палец, и у турка сломан палец.

Писали, что у Сики лицо напоминало отбивную котлету. А посмотрели бы вы на моего англичанина!.. У него лицо было еще шикарнее — сырой рубленый ростбиф.

За что ж их взяли в участок?

Почему собравшиеся, вместо того чтобы рукоплескать, растащили все бублики, и только я — единственный культурный человек — удовольствовался лежащим в грязи Шелли, взятым мною на память о знаменитом матче.

И вот, дорогие читатели, еще лишний раз подтверждается тривиальный тезис: если ты украд шесть копеек, ты — вор и негодяй, а если обанкротился, припрятав в карман чужой миллион, ты — коммерсант.

Потому что, — объяви я заранее в газетах о драке турка с матросом, да окружи место их случайной драки трибунами, да возьми за каждое место по 5 лир, — писали бы о них в газетах, как о героях, рукоплескали бы им с энтузиазмом.

Много на свете несправедливости.

* * *

Я это к тому говорю, что справедливее было бы после матча Карпантье — Сики стащить обоих с эстрады да и потащить в участок за безобразие в публичном месте...

* * *

Кстати, недавно просматривал я книгу «Руководство к изучению бокса» и наткнулся там на такую классическую фразу:

«Особенно рекомендуется (?) так называемый «кросс-коунтирующий» удар, который вызывает сотрясение мозга

и лишает возможности получившего удар принимать пищу в течение двух недель (точно) благодаря вывихнутой челюсти».

На всякий случай я этот прием твердо запомнил.

Может быть, мне когда-нибудь посчастливится встретить автора «руководства».

ФИЛАТЕЛИСТЫ

Мое болезненное самолюбие причиняет мне вечные неприятности...

Заходит недавно один приятель, говорит торжественно:

— Ты литератор?

— Я думаю.

— Вот и прекрасно. Мы с тобой через час поедем на торжественное заседание местного кружка филателистов.

— Кружка... чего?

— Филателистов! Неужели ты не знаешь, что это такое?

Человек с менее болезненным самолюбием ответил бы просто и откровенно:

— А черт его знает, что это такое...

Я же сделал обиженное лицо и угрюмо спросил:

— Это что ж... экзамен? Неужели ты считаешь меня настолько некультурным, что я не знаю, что такое — филармонисты.

— Филателисты, а не филармонисты.

— Это смотря где. По всему Бискайскому побережью их называют филармонистами. Местное аргю.

— Ну, так что ж — пойдём?

— А что я буду там делать?

— Помилуй! Ты должен сказать там приветственную речь от имени русской литературы.

— Кой черт? Да я не говорю речей.

— Это неважно. Ты будешь говорить по-русски, а там все равно никто русского языка не понимает. Твоя речь — простой акт вежливости. Я уже обещал, что ты будешь говорить...

— А какая нелегкая тебя за язык тянула обещать? Не пойду я!

— Помилуй, как не пойдешь?! Твоя приветственная речь стоит даже на повестке. Да тебе — что? Скажешь несколько общих слов о задачах филателистики, о ее горизонтах, о ее будущем — да и конец. Одевайся.

Я бы скорей умер, чем сознался, что филателисты для меня — загадочное санскритское слово... А в наше проклятое время под рукой никогда нет энциклопедического словаря...

— Подожди, — нервно сказал я. — Мне нужно поговорить по телефону — одно дело! Я сейчас приду.

Выскочил я из комнаты, побежал вниз.

— Алло! 137–12? Вы, Петр Семеныч? Здравствуйте! Как поживаете? А я, знаете, вступил в кружок филателистов.

— Ну что ж поздравляю.

— Да?.. Спасибо... Вы одобряете?

— Конечно. Я когда-то сам этим занимался.

— Ну, и что же?

— Ничего. Потом бросил.

— На здоровье влияло?

— При чем тут здоровье?

— Я в том смысле, что усиленные труды повлияли.

— Помилуйте, да какой же тут труд?! Это — скорей развлечение. (Вот негодяй! Ну, можно ли говорить более неопределенно!)

— Петр Семеныч! А может быть, вы дали бы мне несколько советов, полезных для филателиста?

— Да какие же тут советы? Купите себе альбом да и жарьте.

— Вы говорите... жарить?

— Ну, да. Шпарьте!

Голова пошла кругом. Что это за таинственная, загадочная профессия (или развлечение), цель которой жарить альбомы? И почему шпарить?

Я вздохнул, дал отбой. Позвонил по другому номеру.

— Василий Евстигнейч? Мое почтение. Послушайте... Я хотел спросить вас, как вы смотрите на... филателистов.

— Как? Да я их считаю помешанными. Особый род тихого помешательства!

- Что вы говорите?! Но... оно не опасно?
- Как вам сказать — сынишка мой совсем с ума сошел. Спит с альбомом.
- Какой странный мальчик! А вы — что?
- Да что ж я?! Собираюсь выдрать.
- Но ведь, говорят, есть даже кружки такие? Филателистов.
- Палкой бы их разогнать.
- Послушайте... А что, если бы этого... полиции заявить?
- При чем тут полиция? Ну, прощайте — зовут.

* * *

Это было все, что я мог узнать о филателистах.

Когда я вернулся, приятель мой уже держал наготове мою шляпу, пальто и палку.

— Едем, едем скорей... А то неудобно. Неприлично заставлять долго ждать!

— Послушай, голубчик... А может, ты бы лучше сказал речь, а я бы послушал. А?

— При чем тут я?! Кто писатель? Я писатель или ты писатель? Ты! Ты и будешь говорить!

— Но я так мало знаком с этим... делом...

— Вот и скажи несколько общих мест. Они же по-русски ни в зуб толкнуть. Соблюдаем только конвенансы — и конец.

Хорошо тем, которых везут на казнь. Привезли его, отрубили голову — и конец. И возвращаться не надо. А я еду на казнь — и после этого мне еще нужно прожить долгую позорную жизнь.

* * *

Когда мы вошли, человек пятьдесят встретили нас громом аплодисментов.

Я неуклюже раскланялся и сел.

— Да ты не садись, — толкнул меня приятель. — Мы приехали как раз вовремя. Они ждут твоей речи.

— А может быть... мы... опоздали?..

— Да нет же! Вот видишь — председатель предоставляет тебе слово. Говори!

Я встал, мысленно перекрестился и мысленно прыгнул с высокого берега в неизвестную холодную воду...

— Милостивые государи и милостивые государыни! От имени русской литературы, той литературы, которая дала нам Пушкина, Гоголя и Чехова, приветствую я вас... (Тупые взгляды. Тихий восторг. Возгласы: «браво, браво».) Не мое дело и не моя задача распространяться о филателистах вообще, хотя я их глубоко уважаю как носителей высокого, прекрасного, вечного... (Общее «браво», шумное одобрение моего приятеля...) Что такое филателизм вообще и в частности? Это — занятие не хуже всякого другого, и я скорей предпочту филателиста, чем торговца краденым или спекулянта кокаином. *Ars longa, vita brevis*, — как сказал Ньютон. (Бурный восторг присутствующих. Я заметно ободряюсь и веселею. Придушенный шепот приятеля: «Что он там несет?») Ничто так не украшает человека, как юность, но и тихая старость имеет здоровые корни! Будем же жить, пока живется!!!

Эти слова я произнес так патетически и с таким подъемом, что зал заседаний дрогнул от рукоплесканий... На своей спине я чувствовал бешеный, прожигающий взгляд моего приятеля и поэтому старался в его сторону не смотреть.

— Я продолжаю! Мне сообщили, что филателисты жарят альбомы на легком огне и потом ошпаривают их кипятком... Если они (не филателисты, а альбомы) годятся после этого в пищу, — вопрос личного вкуса. Полиции нет до этого дела — ну, и пускай! Да и вообще, филателизм — это особый род тихого помешательства! (Я в большом подъеме. Общие возгласы: «браво!» Голоса моего приятеля не слышно — чувствую, что он в полуобмороке...) Итак — в полдневный жар, в долине Дагестана, стояли мы на берегу Невы! Под синим небом Грузии, в прекрасной Андалузии красавица цвела... Мойте детей только мылом «Юпитер», не пейте сырой воды — и земля вам пухом!! И если бы глаза моего визави, господина председателя, не напоминали органов зрения мороженого судака, то я даже поцеловал бы его в отвисшие от восторга губки! Кончаю! Жарьте, шпарьте альбомы, а меня оставьте в покое, потому что — «кинжалом я владеть умею, я близ Кавказа рождена!!!» Я кончил.

Бурный восторг собрания, бешеные аплодисменты. Увидев протискивающегося ко мне с самыми недвусмысленными намерениями приятеля, я схватываю пальто, шляпу и, избегая оваций, избегая объяснений с приятелем, — мчусь к выходу.

* * *

Догнал он меня только на втором квартале.

— Послушай! Ты... ты... или сумасшедший, или идиот?!

— Ну, зачем так мрачно, — засмеялся я. — Кстати, скажи мне хоть теперь, чем занимаются филателисты?!

— А ты не знал?! О, гадина! Они собирают марки!

— Да что ж за смысл? Ведь теперь марки падают, что за десять долларов дают...

— Чугунная голова! Они собирают почтовые марки!

* * *

Так вот оно что!

Впрочем, каюсь: если бы я даже знал об этом раньше, я все равно произнес бы ту же самую речь, не изменив ни капельки.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР В ДЕТСКОЙ

Восемь часов вечера. В пустой детской жизнерадостно и хлопотливо трещат дрова в печке, на столе кротко горит лампа под зеленым абажуром, бросая четкий круг света на часть закапанного чернилами исцарапанного стола, на углы стопок книг и тетрадей, на раскрытый пенал, набитый всяким драгоценным дрязгом: обломками плиток туши, кисточками и свернувшимися от тепла в трубку иностранными марками...

Круглые дешевые часы на стене расплылись своим широким честным лицом в улыбку и бойко, хотя их никто не слушает, отсчитывают да отсчитывают секунды.

Вот с треском отворилась дверь, и мальчик лет десяти — Боря Скобцов — влетел в детскую в фуражке, пальто внакидку и с кожаным ранцем за плечами...

Он подошел к своей кровати, стал к ней спиной и одним молниеносным движением сбросил все сразу: фуражку, пальто и ранец.

Это был очень трудный трюк, но шикарный: вот тебе одет человек — трах! вот тебе сразу и раздет.

Нянька, однако, была против этого «шикарного» приема.

Не успел Боря отогреть у веселой печки замерзшие руки, как снова открылась дверь и вошла сестренка — в шубке, меховой шапочке и с коньками в руках, сверкая розовыми щеками, серыми глазами, золотыми волосами.

— Каталась на коньках? — спросил Боря, пока она раздевалась.

— Да.

— Видишь, от меня ничего не скроется. Есть новости?

— Ну! Еще какие! Я на уроке истории сказала: «Македон Александровский» и потом новую загадку слышала — чудную-чудную!

— Ну, какую же? — с наружной снисходительностью спросил Боря, втайне замирая от страха и предстоящего позора: а вдруг не угадает?

— Слушай. На озере сидело сто уток. Охотник выстрелил и тридцать человек уток убил наповал. Сколько осталось живых?

— Чепуховская загадка! Семьдесят уток осталось.

Маруся радостно зашлепала в ладоши.

— Ага! Вот и не угадал. Ни одной утки не осталось.

— Ну, почему?

— Потому что живые улетели.

— Это еще не доказательство, — с энергией утопающего, хватящегося за соломинку, заспорил Боря. — Мало ли... А может, часть уток была глухая и не слышала даже и выстрела, — почем ты знаешь?

— Да разве утки глухие бывают?

— Сколько раз. Я даже ел. Вообще, это — задача с неопределенным решением. А вот я сегодня тоже слышал замечательную: шел солдат, нес в корзине сотню яиц. А дно упало. Сколько осталось в корзине?

Маруся всей своей душой чувствовала какой-то подвох, но в чем он заключался — решительно не могла найти.

А ответ — такой простой и категорический — так и змеился на розовых губках.

— Ну, что ж ты? Было сто яиц в корзине. А дно упало — ну? Сколько осталось в корзине?

— Девяносто девять!!

— Дура! Раз дно упало — ни одного не осталось.

— Мама тебе сколько раз говорила, что нельзя меня ругать.

— А все-таки не угадала.

— Да и не хотела угадывать... Очень мне нужно... Моя загадка поэтичная: охотник, уточки, а у тебя какой-то солдат, какие-то яйца — фи!

— А может, твой охотник тоже солдат и твои утки несли яйца!.. Очень ты стала что-то много воображать о себе. Ну, теперь рассказывай: были по дороге приключения?

— Ах, Боречка, и какое приключение (оба, боязливо озираясь, придвинулись ближе друг к другу). Понимаешь, только что я выхожу с катка и с Николаевской сворачиваю на Кривоногую, — вдруг два господина в плащах перерезывают мне путь. Один говорит другому: «Герцог, сегодня у моей знакомой княжны крестины ее сына и соберется много аристократии. Мы должны выкрасть ребенка и отдать на воспитание леснику...» А другой демонически захохотал, сказал: «Предоставьте это мне, граф» и, выхватив шпагу, вонзил в того, первого, в графа...

— Ну... что ж ты?

— Я испугалась и убежала.

— Эх ты! Надо было подать первую помощь раненому. Он бы, может, открыл перед смертью тайну своего происхождения или клад. А со мной тоже, когда я шел от репетитора, какой случай был! Иду это я, значит, иду... Иду себе и иду.

— Ну? — нетерпеливо дернулась Маруся. — Что ты все идешь да идешь...

— Так не сразу же я перелетел. Тихо себе шел. Вдруг, на углу какой-то улицы... я уж позабыл, какой... смотрю, экипаж и три господина, роскошно одетых, тащат к экипажу даму с завязанными ртом и глазами. «Негодяи! — вдруг загремел я. — Оставьте вашу жертву!» Тут выскочили еще двое сообщников, выхватили сабли и давай меня рубить...

Я потерял сознание. Добрый дровосек нашел меня, положил на тележку и доставил домой...

— Постой, — ехидно сказала Маруся. — Ведь это сегодня было?

— Ну так что ж, что сегодня!..

— А где ж твои раны, где кровь?

— Ну, это были такие раны... сухие.

— Что значит — сухие? Что ж, ты к ним промокашку прикладывал, что ли?

— Давай лучше что-нибудь другое делать, — предложил Боря, стремясь замять невыгодный для него разговор. — Эти приключения — глупости. Ты знаешь, что я собираюсь сделать? Придумать новую религию!

— Борька! — всплеснула руками Маруся, округлив от ужаса серые глаза. — Борька! Ты с ума сошел?! Ведь это грешно!..

— Почему грешно? Я придумаю свою религию, и мы с тобой будем в нее веровать, а потом ты уговоришь своих девочек, я своих мальчиков — и все мы будем веровать... Зато мы будем известны: «Кто придумал эту религию? — Борис и Мария Скобцовы!»

— Значит, мы уже в церковь не должны ходить?

— А? Ну, почему же... Изредка можно зайти на всякий случай. А вообще... Мы будем дубу поклоняться!

— Как дубу? Какому?

— Обыкновенному. Я недавно читал, что главное — это природа, а что Бог это... такая... условность. Вот, значит, я и сочиняю себе новую религию...

— Неужели ты, Борька, не боишься? (В глазах ее застыли страх и тайное восхищение перед грозным, шагающим через все препятствия братом.) А молитвы у тебя будут?

— Будут. Я сейчас сочиню молитву дубу.

— Дубовая молитва, — неожиданно сказала Маруся и рассмеялась.

— Боже, какие вы девчонки пошлые, — поморщился Боря. — Вот возьму нарочно и сочиню молитву дубу!

Он взял четвертушку бумаги и, скривившись от неудобной позы, принялся писать:

— Новая религия Бор. Скобцова. Молитва дубу. «О, могущественный и прекрасный... Помяни раба своего на небесах, в водах и под землю»...

— Что ж ты, — заметила, поглядывая через его плечо на бумажку, Маруся. — Хвостик из второй заповеди украл.

— Ну, одним словом, это еще нужно разработать...

— А ты знаешь, о чем я думаю?

— Ну?

— Хорошо бы открыть новую страну!

— Как же ты ее откроешь?

— Ну, как обыкновенно все открывают!

— Открывают так: едут и едут все время, пока не на-
ткнутся на землю. Потом смотрят в карту: есть такая страна
на карте? Нет. Ну, значит, мы ее и открыли.

— Вот и мы так откроем.

— Да ведь мы не едем.

— Фу, какой ты нудный! Возьмем карту и посмотрим:
что еще не открыто.

— Да ведь что на карте, то уже открыто, а что не от-
крыто — того не может быть на карте.

— Ну... остров-то может быть среди океана? Неоткры-
тый. Может?

— Это другое дело.

Деловито разворачивается атлас Ильина. Оба, сгорая
от того острого чувства, которое ведомо только исследова-
телям и авантюристам, наклоняются над картой.

— Вот это что? Тихий океан. Вот смотри, сколько тут
пустого моря... Не может быть, чтобы тут не было острова.
Дай-ка карандаш... Я сейчас нарисую.

На карте появляются прихотливо изрезанные очертания
острова. Посредине пишется: «Остров Св. Марии»... И после
некоторого колебания добавляется: «Скобцовой».

— Да разве ты святая?

— Ничего. Это так на островах всегда пишется.

— А вот тут — смотри — сколько пустого моря. Тут
целый архипелаг должен быть. Дай-ка карандаш. Я сделаю.

Широкая мужская натура перещеголяла робкую девичью.
Целый архипелаг пестрил на беспредельном морском просторе.

Написано и утверждено: «Скобцовские острова».

Остров Св. Марии перед ними такой жалкий, будничный,
что ревнивое сердце не выдерживает:

- Боря!
- Ну?
- Я новый ликер изобрела — знаешь?
- Из чего?

— Пойди отлей из буфета стаканчик водки и сахара принеси. Я сделаю.

Новая забота поглощает отважных исследователей.

В принесенный стакан водки насыпается сахар. Потом Маруся, после краткой, но тяжелой борьбы, вынимает из-под подушки апельсин и выжимает его туда же. К апельсинному соку присоединяются лепестки сухой розы из книжки и кусок ромовой карамели.

Обсасывая выжатую апельсиновую корку, Боря задумчиво глядит на помутневший стакан и говорит:

— Положи кусочек кармину для цвета. Красный ликер будет.

— Я и сама думала, — ревниво возразила Маруся, не желая уступать чести своего изобретения.

Мутно-красная смесь пахнет ромом, апельсином, розой и вообще черт знает чем.

— А ну, дай попробовать... Ой, вкусно!

— Постой... Оставь и мне. Я сделаю таких сто бутылок, наклею ярлычок «Ликер Чудо Роз — фабрики Марии Скобцовой» и буду продавать. Вот сейчас и ярлык сделаю...

— А знаешь, так можно очутиться знаменитой. Дай еще глоточек.

— Ну, это свинство! Ты почему языком карамельку вылавливаешь?! Пусть тает.

.....

В комнату вошли отец и мать Скобцовы... Усталая печка уже перестала трещать, прикрылась теплым пеплом, как одеялом, и задремала. Честные, добродушные часы, наоборот, бессонно и бодро несли свой однотонный вековечный труд. На сложенных руках мирно спали за столом две отяжелевшие головки: коротко остриженная темная и кудрявая, сверкающая жидким золотом.

— Неужели заснули? — сказал отец, наклонившись над столом.

— Смотри! — испуганно воскликнула мать. — Они какую-то дрянь пили.

Отец понюхал стакан, повертел в руках основы новой религии, карту с островами, ярлык — и тихо засмеялся...

— Обрати внимание, Софья! В то время как мы взрослые, тяжелые, скучные люди сыграли только четыре никому не нужных роббера, будущее поколение успело открыть новые земли, сочинить новую религию и изобрести райский нектар...

Он призадумался, глядя на «Скобцовские острова», провел рукой по начавшему лысеть темени и почему-то вздохнул.

МОЙ ПЕРВЫЙ ДЕБЮТ

Между корью и сценой существует огромное сходство: тем и другим хоть раз в жизни нужно переболеть. Но между корью и сценой существует и огромная разница: в то время как корью переболеешь только раз в жизни — и конец, заболевание сценой, делается хроническим, неизлечимым.

Более счастливые люди отделяются редкими припадками вроде перемежающейся лихорадки, выступая три-четыре раза в год на клубных сценах в любительских спектаклях; все же неудачники — люди с более хрупкими организмами — заболевают прочно и навсегда.

Три симптома этой тяжелой болезни: 1) исчезновение растительности на лице, 2) маниакальное стремление к смакиванию чужих жен и 3) бредовая склонность к взятию у окружающих денег без отдачи.

* * *

Гулял я всю свою жизнь без забот и огорчений по прекрасному белому свету, резвился, как птичка, и вдруг однажды будто злокачественным ветром меня прохватило.

Встречаю в ресторане одну знакомую даму — очень недурную драматическую артистку.

— Что это, — спрашиваю, — у вас такое лицо расстроенное?

— Ах, не поверите! — уныло вздохнула она. — Никак второго любовника не могу найти...

«Мессалина!» — подумал я с отвращением.

Вслух резко спросил:

— А разве вам одного мало?

— Конечно, мало. Как же можно одним любовником обойтись? Послушайте... может, вы на послезавтра согласитесь взять роль второго любовника?

— Мое сердце занято! — угрюмо пробормотал я.

— При чем тут ваше сердце?

— При том, что я не могу разбрасываться, как многие другие, для которых нравственность...

Она упала локтями и головой на стол и заколыхалась от душившего ее смеха.

— Сударыня! Если вы способны смеяться над моим первым благоуханным чувством... над девушкой, которой вы даже не знаете, то... то...

— Да позвольте, — сказала она, утирая выступившие слезы. — Вы когда-нибудь играли на сцене?

Не кто иной, как черт, дернул меня развязно сказать:

— Ого! Сколько раз! Я могу повторять, как и Савина: «Сцена — моя жизнь».

— Ну?... Так вы знаете, что такое на театральном жаргоне «любовник»?

— Еще бы! Это такие... которые... Одним словом, любовники. Я ведь давеча думал, что вы о вашей личной жизни говорите...

Она встала с видом разгневанной королевы:

— Вы нахал! Неужели вы думаете, что я могу в личной жизни иметь двух любовников?!..

Это неопределенное возмущение я понял впоследствии, когда простак сообщил мне, что у нее на этом амплуа было и четыре человека.

— В наказание за то, что вы так плохо обо мне подумали, извольте выручить нас, пока не приехал Румянцев, — вы сыграете Вязигина в «После крушения» и Крутобедрова в «Ласточкином гнезде». Вы играли Вязигина?

Ее пренебрежительный тон так задел меня, что я бодро отвечал:

— Сколько раз!

— Ну и очень мило. Нынче вечером я пришлю роль. Репетиция завтра в одиннадцать.

Очевидно, в моей душе преобладает женское начало: сначала сделаю, а потом только подумаю: что я наделал!

* * *

Роль была небольшая, но привела меня в полное уныние. Когда читаешь всю пьесу, то все обстоит благополучно: знаешь, кто тебе говорит, почему говорит и что говорит. А в роли эти необходимые элементы отсутствовали. Никакой дьявол не может понять такого, например, разговора:

Явление 6

Ард. В экипажах и пешком.

А княжна Мэри.

Ард. Этого несчастья.

Спасибо, я вам очень обязан.

Ард. Его нужно пить.

Это вы так о ней выражаетесь...

Ард. Капризам.

В таком случае я способен переступить все границы.

Гриб. Две чечетки.

Надо быть во фраке.

Кто эти «Ард.» и «Гриб.»? Родственники мои, враги, старые камердинеры или светские молодые люди?..

Я швырнул роль на стол и, хотя было уже поздно, побежал к одному своему другу, который отличался тем, что все знал. Это был человек, у которого слово «нет» отсутствовало в лексиконе.

— Ты знаешь, что нужно, чтобы играть на сцене?

— Знаю.

— Что же? Скажи, голубчик!

— Только нахальство! Если ты вооружишься невероятной, нечеловеческой наглостью, то все сойдет с рук. Даже, пожалуй, похлопают.

— По ком? — боязливо спросил я.

— До тебя не достанут. Ладошами похлопают. Но только помни: нахальство, нахальство и еще раз оно же.

Ушел я успокоенный.

На репетиции я заметил, что героем дня был суфлер. К нему все относились с тихим обожанием. Простак даже шепнул мне:

— Ах, как подает! Чудо!

Я удивленно посмотрел на суфлера: он ничего никому не подавал, просто читал по тетради.

Однако мне не хотелось уронить себя:

— Это что за подача! Вот мне в Рязани подавали — так с ума сойти можно.

Я совсем не знал роли, но с некоторым облегчением заметил, что вся труппа в этом отношении шла со мной нога в ногу.

Актер, игравший старого графа, прислушался к словам суфлера и после монолога о том, что его сын проиграл десять тысяч, вдруг кокетливо добавил:

— Ах, я ни за что не выйду замуж!

— Это не ваши слова, — сонно заметил суфлер. — Дочка, вы говорите: «Ах, я ни за что не выйду замуж». Дочка рабски повторила это тяжелое решение.

— В путанице и неразберихе я был не особенно заметен, как незаметен обломок спички в куче старых окурков.

* * *

— Побольше нахальства! — сказал я сам себе, когда парикмахер спросил, какой мне нужен парик.

— Видите ли... я вам сейчас объясню... Представьте себе человека избалованного, легкомысленного, но у которого случаются минуты задумчивости и недовольства собой, минуты, когда человек будто поднимается и парит сам над собой, уносясь в те небесные глубины...

— Понимаю-с, — сказал парикмахер, потрянув волосами, — блондинистый городской паричок.

— А? Во-во! Только чтоб он на глаза не съехал.

— Помилуйте! А лак на что? Да и вошьем.

«Побольше нахальства!» — сказал я сам себе, усаживаясь в вечер спектакля перед зеркалом гримироваться.

Увы!.. Нахальства было много, а красок еще больше. И куда, на какое место какая краска — я совершенно не постигал.

Вздыхнул, мужественно нарисовал себе огромные брови, нарумянил щеки — задумался.

Вся гримировальная задача для новичка состоит только в том, чтобы сделаться на себя непохожим.

«Эх! Приклеить бы седую бороду — вот бы ловко! Пойди-ка тогда, узнай. Но раз по смыслу роли нельзя бороды — ограничимся усами».

Усы очень мило выделялись на багровом фоне щек.

* * *

В первом акте я должен выбежать из боковых дверей в белом теннисном костюме. Перед выходом мне сунули в руку какую-то плетеную штуку вроде выбивалки для ковров, но я решил, что эта подробность только стеснит мои первые шаги, и бросил плетенку за кулисами.

— А вот и я! — весело вскричал я, выскочив на что-то ослепительно яркое, с огромной зияющей дырой впереди.

— А, здравствуйте, — пропищала инженю. — Слушайте, тут пчела летает, я бою-юсь. Дайте вашу ракетку — я ее убью!..

Я добросовестно, как это делалось на репетициях, протянул ей пустую руку.

Она, видимо, растерялась.

— Позвольте... А где же ракетка?

— Какая ракетка? (Побольше наглости! Как можно больше нахальства!) Ракетка? А я, знаете, нынче именинник, так я ее зажег. Здорово взлетела. Ну, как поживаете?

— Сошло! — пробормотал я, после краткого диалога вылетая за кулисы. — До седьмого явления можно и закурить.

* * *

— Вам выходить! — прошипел помощник режиссера.

— Знаю, не учите, — солидно возразил я, поглаживая рукой непривычные усы.

И вдруг... сердце мое похолодело: один плохо приклеенный ус так и остался между моими пальцами.

— Вам выходить!!!

Я быстро сорвал другой ус, зажал его в кулак и выско-чил на сцену.

Первые мои слова должны быть такие:

— Граф отказал, мамаша.

Я решил видоизменить эту фразу:

— А я, мамаша, уже успел побриться. Идет? Не правда ли, моложе стал?

Усы в кулаке стесняли меня. Я положил их на стол и сказал:

— Это вам на память. Вделайте в медальон. Пусть это утешит вас в том, что граф отказал.

— Он осмелился?! — охнула мать моя, смахнув незаметно мой подарок на пол. — Где же совесть после этого?

Сошла и эта сцена. Я в душе поблагодарил своего всезнающего друга.

* * *

В третьем акте мои первые слова были:

— Он сейчас идет сюда.

После этого должен был войти старый граф, но в стройном театральном механизме что-то испортилось.

Граф не шел.

Как я после узнал, он в этот момент был занят тем, что жена била его в уборной зонтиком за какую-то обнаруженную интрижку с театральной портнихой.

— Он сейчас придет, мамаша, не волнуйтесь, — сказал я, спокойно усаживаясь в кресло.

Мы подождали. На сцене секунды кажутся десятками минут.

— Он, уверяю вас, придет сейчас! — заорал я во все горло, желая дать знать за кулисы о беспорядке.

Граф не шел.

— Что это, мамаша, вы взволнованы? — спросил я заботливо. — Я вам принесу сейчас воды.

Вылетел за кулисы и зашипел:

— Где граф, черт его дери?!!

— Ради Бога, — подскочил помощник, — протяните еще минутку: он приклеивает оторванную бороду.

Я пожал плечами и вернулся.

— Нет воды, — грубо сказал я. — Ну и водопроводец наш!

Мы еще посидели...

— Мамаша! — нерешительно сказал я. — Есть ли у вас присутствие духа? Я вам хочу сообщить нечто ужасное...

Она удивленно и растерянно поглядела на меня.

— Дело в том, что когда я вышел за водой, то мимоходом узнал ужасную новость, мамаша. Автомобиль графа по дороге наскочил на трамвай, и графа принесли в переднюю с проломленной головой и переломанными ногами... Кончается!

Я уже махнул рукой на появление графа и только решил как-нибудь протянуть до тех пор, пока кто-нибудь догадается спустить занавес.

Мы помолчали.

— Да... — неопределенно протянул я. — Жизнь не ждет! Вообще, эти трамваи... Вот я вам сейчас расскажу историю, как у меня в трамвае вытянули часы. История длинная... так минут на десять, на пятнадцать, но ничего. Надо вам сказать, мамаша, что есть у меня один приятель — Васька. Живет он на Рождественской. С сестрой. Сестра у него красавица, пышная такая — еще за нее сватался Григорьев, тот самый, который...

— Вы меня звали, Анна Никаноровна? — вдруг вошел изуродованный мною граф, с достоинством останавливаясь в дверях.

— А, граф, — вскочил я. — Ну, как ваше здоровье? Как голова?

— Вы меня звали, Анна Никаноровна? — строго повторил граф, игнорируя меня.

— Я рад, что вы дешево отделались, — с удовольствием заметил я.

Он поглядел на меня, как на сумасшедшего, заморгал и вдруг сказал:

— Простите, Анна Никаноровна, но я должен сказать вашему сыну два слова.

Он вытащил меня за кулисы и сказал:

— Вы что?!.. Идиот или помешанный? Почему вы говорите слова, которых нет в пьесе?

— Потому что надо выходить вовремя. Я вас чуть не похоронил, а вы лезете. Хоть бы голову догадались тряпкой завязать.

— Выходите! — прорычал режиссер.

* * *

Могу с гордостью сказать, что в этот дебютный день я покори́л всех своей находчивостью.

В четвертом акте, где героиня на моих глазах стреляется, она сунула руку в ящик стола и... не нашла револьвера.

Она опустила голову на руки, и когда я подошел к ней утешить ее, она прошептала:

— Нет револьвера: что делать?

— Умрите от разрыва сердца. Я вам сейчас что-то сообщу.

Я отошел от нее, схватился за голову и простонал:

— Лидия! Будьте мужественны! Я колебался, но теперь решил сказать все. Знайте же, что ваша мать зарезала вашу сестренку и отравилась сама.

— Ах! — вскрикнула Лидия и, мертвая, шлепнулась на пол.

* * *

Нас вызывали.

Я же того мнения, что если мы и заслужили вызова, то не перед занавесом, а в камере судьи — за издевательство над беззащитной публикой.

НАХОДЧИВОСТЬ НА СЦЕНЕ

О своих первых шагах на сцене я рассказывал в другом месте. Но мои последующие шаги должны быть (я так полагаю) также интересны для читателя.

Вот один из таких шагов.

* * *

Я уже три недели, как играю на сцене. Вид у меня импозантный, важный, и на всех не играющих на сцене я смотрю с высоты своего величия.

Сидел я однажды с актерами в винном погребе за бутылкой вина и шашлыком и поучал своих старших товарищей, как нужно толковать роль Хлестакова, не смущаясь тем, что задолго до меня мой коллега Гоголь гораздо тщательнее и тоньше объяснил актерам эту роль.

Худощавый молодой господин с белыми волосами и истощенным вечной насмешкой лицом подошел к нам и принялся дружески пожимать руки актерам:

— Здравствуйте, Гаррики!

Нас познакомили.

— Вы тоже актер? — снисходительно спросил я.

— Что вы! — возразил он, оскаливая зубы. — Как это вы можете по первому впечатлению так дурно судить о человеке?! Я не актер, но в вашем деле кое-что понимаю. Вы давно на сцене?

Я погладил свои бритые щеки:

— Порядочно. Завтра будет три недели!

— Ого! Значит, через восемь дней можно уже и юбилей праздновать. Хе-хе... Воображаю, как вы волнуетесь на сцене!

— Кто — я? Ни капельки.

— Ну да, знаем мы! Конечно, если роль вызубрили, да под суфлера идете, да окружены опытными товарищами — тогда ничего. А представьте себе — на сцене какая-нибудь неожиданность, что-нибудь такое, что не предусмотрено ни автором, ни режиссером, — воображаю вашу растерянную физиономию и трясущиеся колени...

— Ну, — усмехнулся я. — Меня не легко смутить.

— На сцене-то? Да бывают такие случаи, когда и Варламова с Давыдовым можно, что называется, угробить!

— Меня не угробите.

— Люблю скромных молодых людей! — вскричал он.

Потом задумался, искоса на меня поглядывая. У меня было такое впечатление, что я действую ему на нервы...

— Что у вас идет завтра в театре?

— «Колесо жизни» Рахимова. Сам автор обещал завтра прийти посмотреть, как я играю Чешихина.

— Ах, вы играете Чешихина? И вы говорите, что вас невозможно на сцене смутить, сбить с толку?

— Да. По-моему, это гнилая задача.

Он зловеще улыбнулся, протянул костлявую руку.

— Хотите заклад? На 6 бутылок кахетинского, на 6 шашлыков.

— Не хочу.

— Почему?!

— Мало. По десяти того и другого, плюс кофе с бенедиктином.

— Молодой человек! Вы или далеко пойдете, или... плохо кончите. Согласен!

Таким образом состоялось это странное пари.

* * *

Шел второй акт «Колеса жизни». У меня только что кончилась бурная сцена с любимой девушкой, которая заявила мне, что любит не меня, а другого.

— Кто этот другой? — спросил я крайне мрачно.

— Это вас не касается, — гордо ответила она, выходя за двери.

Свою роль я хорошо знал. После ухода любимой девушки я должен схватиться за голову, поскрежетать зубами, уткнуться головой в диванную подушку, а потом вынуть из кармана револьвер и приставить к виску. В этот момент хозяйка дома, которая тайно любит меня, а я ее не люблю, — выбегает, хватая меня за руку и, рыдая на моей груди, признается в своем чувстве... Такие пьесы, скажу по секрету, играть не трудно, а еще легче — писать.

Я уже схватился за голову, уже по авторскому замыслу поскрежетал зубами и только что подскочил к дивану, чтобы «уткнуться головой в подушку», — как боковая дверь распахнулась, и худой молодец с белыми волосами — тот самый, который взял подряд как бы то ни было смутить меня на сцене, — этот самый парень вышел на первый план самым непринужденным образом.

С двух сторон я услышал два шипения: впереди — суфлера, из боковой кулисы — помощника режиссера. Из директорской ложи глянуло на нас остолбенелое лицо автора.

— Здравствуйте, Чешихин! — развязно сказал беловолосый, протягивая мне руку. — Не ожидали? Я на огонек завернул.

Впереди я слышал шипенье, сбоку за кулисой отчаянное проклятие.

— Здравствуй, Вася, — мрачно сказал я. — Только ты сейчас зашел не вовремя. Мне не до тебя. Может быть, завернешь в другой раз, а? Мне нужно быть одному...

— Ну, вот еще глупости! — засмеялся беловолосый нахал, развалившись на диване. — Посидим, поболтаем.

Публика ничего не замечала, но за кулисами зловещий шум все усиливался.

Я задумчиво прошелся по сцене.

— Вася! — сказал я значительно. — Ты знаешь Лидию Николаевну?

Он покосился на меня и, незаметно подмигнув, проронил:

— Конечно, знаю. Преаппетитная девчонка.

— А-а! — вскричал я в неожиданном порыве бешенства. — Так это, значит, ты тот, из-за которого она отказала мне?! (Суфлерская будка вдруг опустела, но я от этого почувствовал себя еще увереннее и легче.) Ты?! Отвечай, негодяй!

«Вася» поглядел испуганно на мои сжатые кулаки и сказал примирительным тоном:

— Бросьте... поговорим о чем-нибудь другом...

— О другом?! — заревел я, торжествующе поглядывая на автора, который метался в директорской ложе, как лошадь на пожаре. — О другом? Ты меня довел почти до смерти и теперь хочешь говорить о другом?! Отвечай! (Я бросился на него, стал ему коленом на грудь и стал колотить головой об спинку дивана.) Отвечай — как у вас далеко зашло?!

«Вася» побледнел как смерть и прошептал:

— Пустите меня, медведь! Вы так задушите! Шутки не понимаете, что ли?

— Ты сейчас умрешь! — прорычал я. — Другой раз тебе будет неповадно!

Он глядел на меня умоляющими глазами.

Потом прошептал:

— Ну, я проиграл пари, какого черта вам еще нужно? Пустите, я уйду.

— Смерть тебе! — вскричал я со злым торжеством — и так стукнул его голову о спинку дивана, что он крякнул и свалился на пол.

— Неужели я убил его?! — вскричал я, театрально заламывая руки. — Воды, воды этому несчастному!

Я схватил графин с водой и вылил щедрую струю на корчившееся тело «Васи».

Он испуганно закричал.

— Очнулся! — обрадовался я. — А теперь иди, несчастный, и постарайся на свободе обдумать свое поведение!

— Я взял его в охапку и почти вышвырнул в боковую дверь. Схватился за голову. Прислушался. По мягким звукам ударов и по заглушенным стонам за кулисами я понял, что передал неудачливого Васю в верные руки.

— Итак, вот кто ее избранник! — вскричал я страдальчески. — Нет! Лучше смерть, чем такое сознание.

Дальше все пошло как по маслу: я вынул револьвер, приставил к виску, из средних дверей выбежала любящая женщина, упала на грудь — одним словом, я опять стал на рельсы, с которых меня попробовали стащить так неудачно.

«Колесо жизни» завертелось: в будке показался суфлер, в ложе — успокоенный автор.

* * *

После спектакля мне подали в уборную записку:

«Жрите сегодня ваше вино и шашлык без меня. Я все оплатил. Иду домой сохнуть и расправляться. Будьте вы прокляты!»

РАССКАЗЫ ЦИНИКА
(1925)

р а с с к а з ы ц и н и к а

ИСКУССТВО И ПУБЛИКА (*Вместо предисловия*)

Вы — писатели, актеры и живописцы! Вы все (да и я тоже) пишете, играете и рисуете для того многоголового таинственного зверя, который именуется публикой.

Что же это за таинственный такой зверь? Приходило ли кому-нибудь в голову математически вычислить средний культурный и эстетический уровень этого «зверя»?..

Ведь те, с которыми мы в жизни встречаемся, в чьем обществе вращаемся, кто устно по знакомству разбирает наши произведения — эти люди, в сущности, не публика. Они, благодаря именно близости к нам, уже искушены, уже немного отравлены сладким пониманием тонкого яда, именуемого «искусством».

А кто же те, остальные? Та Марья Кондратьевна, которая аплодирует вам, Шаляпин, тот Игнатий Захарыч, который рассматривает ваши, Борис Григорьев, репродукции в журнале «Жар-Птица», тот Семен Семеныч, который читает мои рассказы.

Таинственные близкие незнакомцы — кто вы?

* * *

Недавно я, сидя на одном симфоническом концерте, услышал сзади себя диалог двух соседей по креслу (о, диалог всего в шесть слов).

- Скажите, это — Григ?
- Простите, я приезжий.

Этот шестисловный диалог дал мне повод вспомнить другой диалог, слышанный мною лет двенадцать тому назад; не откроет ли он немного ту завесу, за которой таинственно прячется «многоголовый зверь»?

Двенадцать лет тому назад я сидел в зале Дворянского собрания на красном бархатном диване и слушал концерт симфонического оркестра, которым дирижировал восьми-летний Вилли Ферреро*.

Я не стенограф, но память у меня хорошая... Поэтому постараюсь стенографически передать тот разговор, который велся сзади меня зрителями, тоже сидевшими на красных бархатных диванах.

— Слушайте, — спросил один господин своего знакомого, прослушав гениально проведенный гениальным дирижером «Танец Анитры». — Чем вы это объясняете?

— Что?

— Да вот то, что он так замечательно дирижирует.

— Простой карлик.

— То есть, что вы этим хотите сказать?

— Я говорю, этот Ферреро — карлик. Ему, может быть, лет сорок. Его лет тридцать учили-учили, а теперь вот — выпустили.

— Да не может этого быть, что вы! Поглядите на его лицо! У карликов лица сморщенные, старообразные, а у Вилли типичное личико восьмилетнего шалуна, с нежным овалом и пухлыми детскими губками.

— Тогда, значит, гипнотизм.

— Какой гипнотизм?

— Знаете, который усыпляет. Загипнотизировали мальчишку и выпустили. Все ученые заявили, что под гипнозом человек может делать только то, что он умеет делать и в нормальной жизни. Так, например, девушку можно под гипнозом заставить поцеловать находящегося вблизи мужчину, но никак нельзя заставить говорить ее по-английски, если она не знала раньше английского языка.

* Этот крохотный гениальный мальчик разъезжал по России, с огромным успехом в годы 1911–1913, выступая как дирижер огромного симфонического оркестра. Впечатление от его концертов было потрясающее. Несколько лет тому назад Вилли Ферреро умер. (Примеч. авт.)

- Серьезно?
- Ну, конечно.
- Тогда все это очень странно.
- В том-то и дело. Я поэтому и спрашиваю: чем вы объясняете это?
- Может, его мучили?
- Как это?
- Да вот, знаете, как маленьких акробатов... Рассказывают, что их выламывают и даже варят в молоке, чтобы у них кости сделались мягче.
- Ну, что вы! Где же это видано, чтобы дирижера в молоке варили?
- Я не говорю в буквальном смысле — в молоке. Может быть, просто истязали. Схватят его за волосы и ну теребить: «дирижируй, паршивец!» Плачет мальчик, а дирижирует. Голодом морят тоже иногда.
- Ну, что вы! При чем тут истязания. Вон даже клоуны, которые выводят дрессированных петухов и крыс, — и те действуют лаской.
- Ну, что там ваша ласка! Если и добиваются лаской, так пустяков, — петух, потянув клювом веревку, стреляет из пистолета, а крыса расхаживает в костюме начальника станции. Вот вам и вся ласка. А здесь — маленький мальчуган дирижирует симфоническим оркестром! Этого лаской не добьешься.
- Значит, по-вашему, его родители истязали? Странная гипотеза! — Он обиженно пожал плечами.
- Значит, по-вашему, выходит так: берем мы обыкновенного миловидного мальчика, начинаем истязать, колотить его по чем попало — и мальчишка через год-два уже дирижирует симфоническим оркестром так, что все приходят в восторг?! Просто же вы смотрите на вещи.
- Виноват! Вы вот все меня спрашиваете: объясни, да объясни. А как вы сами объясняете?
- Что? Вилли Ферреро?
- Да-с.
- Тут если и может быть объяснение, то гораздо сложнее. Последние завоевания оптической техники.
- Вы думаете — посредством зеркал?

— То есть?

— Знаете, зеркало под известным углом... Фокусники достигают того, что...

— Нет-с, это пустяки. А видел я летом в «Аквариуме» механического живописца. Маленький человек, который собственноручно портреты с публики писал. Представьте себе, я узнал, как это делается: он соединен электрическим проводом с настоящим живописцем, который сидит за кулисами и рисует на другой бумаге. И что же вы думаете? Устроено так, что маленький живописец гениально точно повторяет все его движения и рисует очень похоже.

— Позвольте! Механического человека можно двигать электричеством, но ведь Ферреро живой мальчик! Его даже профессора осматривали!

— Гм! Пожалуй. Ну, в таком случае — я прямо отказываюсь понимать, в чем же тут дело?!

Я не мог больше слушать этого разговора.

— Эй, вы, господа! Все, что вы говорили, может быть, очень мило, но почему вам не предположить что-либо более простое, чем электрические провода и система зеркал...

— Именно?

— Именно, что мальчик — просто гениален!

— Ну, извините, — возразил старик — автор теории об истязании. — Вот именно, что это было бы слишком простое объяснение!

* * *

Подумайте только: на красном диване позади меня сидели люди, для которых мы пишем стихи, рассказы, рисуем картины, Шаляпин для них поет, а Павлова для них танцует.

Не лучше ли всем нам, танцующим, поющим и пишущим, с Шаляпиным и Павловой во главе, заняться оптовой торговлей бычачьими шкурами? Я знаю немного бухгалтерию — возьму на себя ведение конторских книг.

А Вилли Ферреро будет у нас мальчишкой на посылках, — относить счета заказчикам... А?

НОВЫЙ МИЛЛИОНЕР

Здравствуй, племя младое,
незнакомое!..

Смешно сказать: в течение двух дней я встретил этого человека три раза; и он мне был совершенно чужд и ненужен! А существуют люди, которых любишь и с которыми хотел бы встретиться, — и не видишь их годами..

Первая встреча с этим человеком произошла у крупного ювелира, где я выбирал булавку для подарка, а «этот человек» (до сих пор не знаю, как его зовут) бессмысленно переминался с ноги на ногу у прилавка, тоскливо вздыхая и то распахивая, то запахивая роскошную шубу с бобровым воротником.

— Вам, собственно, что хотелось бы? — спрашивал терпеливый приказчик.

— Да вот этих купить... ну, каких-нибудь драгоценных камней.

— Каких именно?

— Эти беленькие — бриллианты?

— Да.

— Значит, бриллиантов. Потом еще голубых я взял бы... красных... А желтеньких нет?

— Есть топазы.

— Это дорогие?

— Нет, они дешевые.

— Тогда не стоит. Бриллианты — самые дорогие? Они как — поштучно?

— Нет, по весу.

— Вот вы мне полфунтика заверните.

— Видите ли, так, собственно, нельзя. Бриллианты продаются на караты..

— На что?

— На караты.

— Это скучно, я этого не понимаю. Тогда лучше поштучно.

— Вам в изделии показать?

— А что шикарнее?

— Да в изделии можно носить, а так, отдельные камни — они у вас просто лежать будут.

— Тогда лучше изделие.
— Желаете, колье покажу?
— Хорошо... Оно дорогое?
— Сто двадцать тысяч.
— Это ничего себе, это хорошо. Вот это оно? А почему же на нем одни белые камни? Хотелось бы чего-нибудь и зелененького...

— Вот вам другое, с изумрудом.
— Оно симпатичное, только куда я его надену?
— Виноват, это не мужская вещь, а дамская. Если жене подарить...

Незнакомец хитро прищурил один глаз:

— Экой вы чужак! А если я не женат?
— Гм! — промычал приказчик, усилием воли сгоняя с лица выражение отчаяния. — Вы, значит, хотели бы что-нибудь выбрать для себя лично?

— Ну да же! А вы что думали?

— Тогда возьмите кольцо.

— А оно сколько стоит?

— Смотря какое. Вот поглядите здесь: какое понравится.

— Вот это — почему? Голубенькое.

— Две тысячи пятьсот.

— Гадость. Мне тысяч на полтора, на двести.

— Тогда бриллиантовое возьмите. Вот это — редкая вода: семнадцать с половиной тысяч.

— А дороже нет?

— Нет. Да ведь вы можете три взять!

— И верно ведь. Заверните. Вы думаете, что они достаточно шикарны?

— О, помилуйте, м-сье!

— Вы меня извините, но я в этом ничего не понимаю.

Вот насчет бумаг я хорошо наместачился.

— Биржевых?

— Какая биржа! Я говорю о газетной бумаге, писчей, оберточной — все, что угодно! Получите за кольца. Вы их пришлите ко мне с мальчишкой — не хочется таскаться с этой ерундой. Или лучше я их на пальцы надену. Экие здоровые каменщца. Не выпадут?

— О, помилуйте...

— А то выпадут — и пропало кольцо. Куда оно тогда? Вместо камня, дырка. Будто окно с выбитым стеклом. Прощайте.

В тот же день вечером я увидел его в мебельном магазине...

— Послушайте, — горячился он. — Поймите: если бы вы сказали мне: хочу иметь самую лучшую бумагу — я ответил бы: вот эта лучшая. А вы мне не говорите прямо, что хорошо, что нет. Вы говорите, что эта гостиная розового дерева, а эта — Людовика, ну? Какая же лучшая?

— Какая вам понравится...

— А которая дороже?

— Розового дерева. Тридцать семь тысяч двести.

— Ну, вот эту и заверните. Затем — какие еще есть комнаты у вас?

— Кабинет, спальня, столовая, передняя...

— А еще?

— Будуары еще есть.

— Ну, это всего шесть. А у меня десять комнат! Чем же их заставлять прикажете?

— А кто у вас еще будет помещаться в квартире?

— Я один!

— Гм!.. Можно тогда библиотеку.

— Семь! А еще?

— Можно тогда какую-нибудь комнату в русском стиле. Потом, ну... сделайте второй кабинет. Один для работы, другой... так себе.

Оба глядели друг на друга бессмысленными от натуги глазами и мучительно думали.

— Это девять. А в десятую что я поставлю?

— А десятую... сдайте кому-нибудь. Ну, на что вам одному десять? Довольно и девяти. Сдайте — вам же веселее будет.

— Это идея. Мне бы хотелось, чтобы эта комната была стильная.

— В каком стиле, м-сье?

— В хорошем. Ну, вы там сами подберите. Охо-хо... Теперь подсчитайте — сколько выйдет?

А на другой день я, к своему и его удивлению (он уже начал привыкать к моему лицу), встретил его на картинной выставке.

Он поместился сзади меня, поглядел из-за моего плеча на картину, перед которой я стоял, и спросил:

— Это — хорошая?

— Картина? Ничего себе. Воздуху маловато.

— Да! Дышать нечем. А я уже, было, хотел купить ее. Вижу, вы долго смотрите — значит, думаю, хорошая. Я уже три купил.

— Какие?

— Да вот те, около которых стоят. Я себе так и думаю: те картины, около которых стоят, — значит, хорошие картины.

Я принял серьезный деловой вид.

— А сколько людей должно стоять перед картиной, чтобы вы ее купили?

— Не меньше десятка, — так же серьезно ответил он. — Не меньше. Три, пять, шесть — уже не то.

— А вы — сообразительный человек.

— Да, я только ничего не понимаю во многом. А природный ум у меня есть. Вы знаете, как ловко я купил себе автомобиль? Я ведь в них ничего не понимаю... Ну, вот, прихожу в автомобильный магазин, расхаживаю себе, гуляю. Вижу, какой-то господин выбрал для себя машину... осмотрел он ее, похвалил, сторговался, а когда уже платил деньги, я и говорю: «Уступите ее мне, пятьсот отступного»... Удивился, но уступил. Хороший такой господин.

— У вас, очевидно, большие средства?

— Ах, и не говорите. Намучился я с ними... Вы уже уходите? Пойдем, я вас подвезу на своей машине... Прогуляться хотите? Ну, пойдем пешком...

Взяв меня под руку, он зашагал подле, заискивающе глядя мне в глаза и согнувшись в своей великолепной шубе...

— Скажите, лошадь иметь — шикарно?

— Очень.

— Надо бы купить. Знаете что? Я в лошадях ничего не понимаю. Вы купите лошадь, с этой самой... с повозкой! А потом продайте мне с надбавкой. Заработаете — и мне спокойнее.

- Нет, я этими делами не занимаюсь.
 - Жалко. На кого это вы так посмотрели?
 - Дама одна прошла. Красивая.
 - Серьезно, красивая?
 - Да, очень. Эффектная!
 - Слушайте, а что если ее взять на содержание?
 - Почему непременно ее?!..
 - Я в этом, видите ли, ничего не понимаю, а вы говорите — красивая. Возьму ее на содержание, а?
 - Позвольте! А вдруг это порядочная женщина?
 - Ну, извинюсь. Большая беда. Сколько ей предложить, как вы думаете?
 - Ей-Богу, затрудняюсь.
 - Предложу три тысячи в месяц, черт с ним...
- Он догнал даму, пошел с ней рядом... Заговорил... На лице ее последовательно выразились: возмущение, удивление, смущение, недоверчивость, колебание и, наконец, — радость, розовым светом залившая ее красивое лицо.
- Покупатель бумаги нашел самое нужное в своей пустой жизни...

И подумал я:

«Теперь ты научишься и бриллианты покупать с толком, и обстановку выбирать в настоящем стиле, и лошадь у тебя будет не одна, а двадцать одна, и картины появятся такие, перед которыми будут останавливаться не десятки, а сотни, и во всем поймешь ты смысл и толк... и когда поймешь ты все это, как следует, — не будет у тебя ни картин, ни лошадей, ни бриллиантов, ибо есть справедливость на земле, ибо сказано: из земли взят, в землю и вернешься».

ЛЮДИ С ПРИЩУРЕННЫМИ ГЛАЗАМИ

I

Хотя близорукость — физический недостаток и хотя над физическими недостатками смеяться не принято, но я думаю, что несколько слов о близорукости мне можно сказать.

Постараюсь не хихикать, не подсмеиваться над несчастными, обиженными природой людьми, тем более что сам я близорук очень сильно и сам я перенес из-за этого много неприятностей и огорчений, о которых дальнорюкие люди и не слыхивали.

Вообще, дальнорюкие люди не могут себе представить, что такое близорюкость, а близорюкие смотрят на дальнорюких, как на что-то чудесное, непонятное и загадочное.

Однажды я, мельком, слышал такой разговор:

— Видите вы на той крыше кошку? Что это она там делает у водосточной трубы?

— Кошку? Я не вижу даже самой крыши!

— Как не видите? Вот эта большая, красная.

— Я вижу что-то красненькое, но, признаться, думал, что это флаг.

— Флаг?! Вы, наверно, притворяетесь... Просто дурачите меня.

— А я так, откровенно говоря, уверен, что это вы подсмеиваетесь надо мной. Я никак не могу понять, как это можно видеть на таком расстоянии кошку!

— Да? А вот вы убейте меня — я не пойму, как это на таком расстоянии можно *не увидеть* кошки! Она вся, как на ладони. Видите, лапой что-то скребет...

— Ха-ха! Может быть, она блоху поймала? Вы блохи не видите? Ну, признайтесь — ведь вы выдумали вашу кошку? Так они долго говорили на разных языках.

Часто близорюкие обладают странным свойством: тщательно скрывать свой недостаток. И из-за этого происходит много недоразумений, и многие попадают в неловкое положение.

Вы сидите в ресторане и неожиданно замечаете какого-то нового господина, который только что вошел в комнату. Вы не уверены — знаете вы его или нет. Лицо его сливается издали в бледное туманное пятно, на котором неясно отмечаются один глаз и какая-то черная повязка поперек лица.

Вы начинаете мучительно размышлять, знакомы вы с ним или нет?

Сомнения рассеиваются: новоприбывший сделал вам приветственный знак рукой, и вы, чувствуя, что он смотрит прямо на вас, меняете бессмысленное выражение лица на приветливо-радостное, вскакиваете с места и спешите к нему.

И, по мере приближения к этому господину, вы замечаете, что на его туманном, будто расплющенном лице появляется второй, недостававший ранее глаз, а черная трагическая повязка, которая казалась вам результатом какого-нибудь телесного повреждения, на самом деле — черные густые усы. И на расстоянии двух шагов от него вы уже начинаете сомневаться — знакомы ли вы с ним, а через один шаг уже уверены в том, что видите его в первый раз.

Но на вашем лице застыла первоначальная радостно-приветливая улыбка, и вы так и не успели согнать ее, а незнакомец уже заметил ваше поведение, заметил эту, такую глупую по своей ненужности, радостную улыбку, и смотрит на вас с чувством изумления и растерянности.

Чтобы рассеять как-нибудь это тяжелое глупое положение, вы, сохраняя на лице ту же глупейшую улыбку, глядите куда-то вдаль, делаете кому-то приветственные знаки, хотя впереди вас, кроме притворенной двери, никого нет, проскальзываете мимо незнакомца и в растерянности выпиваете у буфета рюмку водки, которая так противна после съеденных вами трубочек с кремом...

Еще более тяжелое впечатление получается, когда вы входите в ресторан, битком набитый публикой.

Проходя среди длинного ряда столиков, за которыми сидят странные люди без носов, глаз и губ, вы видите, что некоторые из них, как будто, при виде вас зашевелились и кланяются вам. Тогда вы, чтобы не показаться невежливым и вместе с тем не попасть в глупое положение, слегка наклоняете голову, делая что-то среднее между поклоном и отмахиванием от севшей на лоб мухи. А на лице блуждает та же бессмысленная неопределенная улыбка, и хочется скорее проскользнуть мимо этой проклятой публики со стертými белыми пятнами вместо лиц, — тем более что сзади вы ясно слышите дружеский голос, позвавший вас по имени.

Вы хотите улизнуть, но тот же голос еще раз ясно и настойчиво окликает вас и — здесь наступает самый трагический момент: вы поворачиваетесь, с глупой улыбкой посматриваете на расплывшийся ряд столов и недоумеваете — с какого же стола слышался голос? На всякий случай дружески киваете головой толстому брюнету, подносящему ко рту какое-то

желтое пятно (вино? яичница? платок?), в то самое время, как сзади вас дергают за фалды и говорят:

— Да здесь мы, здесь! Вот чудак! Неужели ты нас не видишь? Иди к нам.

«Неужели не видишь?!» Да конечно же не вижу! Господи...

II

Многие, вероятно, испытывали чувство, когда уронишь на пол пенсне и немедленно же попадаешь в положение человека, которому завязали глаза.

Человек, уронивший пенсне, прежде всего, как ужаленный, отскакивает от этого места, потому что боится раздавить ногами пенсне, отходит в самый дальний угол комнаты, становится на колени и начинает осторожно ползти, шаря по грязному полу руками. Его поиски облегчились бы, если бы на носу было пенсне, но для этого его надо найти, а найти пенсне, не имея его на носу, — затруднительно, сложно и хлопотливо.

Хорошо, если вблизи находится дальнорезкий человек. Он с молниеносной быстротой найдет пенсне, но при этом не упустит случая облить своего несчастного друга и брата — такого же человека, как и он сам, — ядом снисходительного презрения и жалости:

— Да где ты ищешь? Вот же оно! Эх ты! Слепая курица!

Я часто замечал, что дальнорезкие люди презирают нас и не прочь, если подвернется случай, подшутить, посмеяться над нами.

Один знакомый потащил меня в театр и там сделал меня целью самых недостойных шуток и мистификаций... А я даже и не замечал этого.

Сначала он не знал, что я близорук, и открылось это лишь благодаря простой случайности. В антракте после первого действия мы стояли в ложе бельэтажа, и мой знакомый рассматривал публику партера. Я стоял около и равнодушно обводил глазами тусклые белые пятна лиц, смутно проплывавших перед моими глазами.

— Смотрите, — сказал мой знакомый, дергая меня за руку. — Вот новый французский посланник!

— Где?!

— Вот видите, — внизу, около той ложи, в которой сидит декорированная дама в сером.

Я хотел сознаться, что не вижу ни дамы, ни ложи, но боязнь бестактных насмешек и разговоров удержала меня от этого.

Я наклонился через барьер, бросил бессмысленный взгляд на опущенный занавес и с деланным оживлением воскликнул:

— Ах, вижу, вижу. Вот он.

— Да не туда! Вы совсем не туда смотрите!.. Влево, около второй ложи.

Я покорно повернул голову влево и, стараясь, чтобы он не проследил направление моего бесцельного взгляда, сказал:

— Ага! Вот он. Теперь я его узнал.

— Удивительно! Он только что сейчас скрылся в проходе. Как же вы могли его узнать?

— Да вы про кого говорите? — смущенно спросил я. — Про того высокого в белых брюках, который стоит около оркестра?

— В белых брюках? — ахнул мой собеседник. — Протрите глаза! Там стоит господин, но цвета брюк его не видно, потому что его заслоняет дама в белом платье. Послушайте!.. Вы дьявольски близоруки...

Я стал энергично отрицать это, и мое нахальство обидело его.

Он помолчал и через минуту, взглядываясь в толпу, шевелившуюся внизу, сказал:

— Вот идет ваш знакомый Петрухин. Он кланяется вам. Почему же вы не отвечаете ему?

Я перевесился через барьер и неопределенно закивал головой, закланялся, заулыбался.

— Смотрите, — тронул меня за плечо знакомый. — Вдова Мурашкина с дочерьми — вон, видите, в ложе, что-то говорит о вас... Почему-то укоризненно грозит вам пальцем...

«Вероятно, — подумал я, — я им не поклонился, а Мурашкины никогда не прощают равнодушия и гордости».

Раскланялся я и с Мурашкиными, хотя никого из них не видел.

В этот вечер мой знакомый тронул меня до слез своей заботливостью: он беспрестанно отыскивал глазами людей, которые, по его словам, делали мне приветственные знаки, посылали дружеские улыбки, и всем им я, со своей стороны,

отвечал, раскланивался, улыбался, принимая при этом такой вид, что замечаю их всех и без указаний моего знакомого...

А когда мы возвращались из театра, этот пустой ничтожный человек неожиданно расхохотался и заявил, что он все выдумывал: ни одного знакомого в театре не было, и я по его указаниям посылал все свои улыбки, поклоны и приветствия черт знает кому — или незнакомым людям, или гипсовым украшениям на стенах театра.

Я назвал этого весельчака негодяем, и с тех пор ни одна душа не услышит от меня о нем доброго слова. Наглец, каких мало.

Вообще театры пугают меня после одного случая: однажды я приехал в театр с опозданием — к началу второго действия и, впопыхах сбросив пальто на руки капельдинера у вешалки, ринулся к дверям. Но капельдинер бешено взревел, бросил мое пальто на пол, догнал меня и схватил за шиворот.

— Как вы смеете, черт возьми? — крикнул он.

Оказалось, что это был полковник генерального штаба, приехавший за минуту до меня и только что раздевшийся у вешалки.

Мы стали ругаться, как сапожники, и я заявил, что пойду сейчас к околоточному составить на него протокол. Я побежал по каким-то коридорам, после долгих поисков нашел околоточного и задыхающимся голосом сказал:

— Меня оскорбили, г. околоточный. Прошу составить протокол.

— Убирайтесь к черту! — завопил он. — Какой я вам околоточный?!

Когда я рассмотрел его, — он оказался тем же полковником генерального штаба, на которого я снова наткнулся в полутьме.

Изрыгая проклятия, я опять побежал, нашел околоточного (уже настоящего) и, приведя его на место нашей схватки, указал на стоявшего у вешалки полковника:

— Вот он. Ругал меня, оскорблял. Арестуйте его.

И поднялся страшный крик и суматоха. Офицер назвал меня в конце концов идиотом, и я не спорил с ним, потому что после десятиминутных пререканий выяснилось, что это другой офицер, а тот, первый, давно уже ушел.

Все ругали меня: офицер, околоточный, капельдинеры...
Было скучно и неприветливо.

III

Однажды я изменил своим убеждениям.

Будучи прогрессистом, я, вообще, держусь такого взгляда, что с домашней прислугой обращаться должно строго и хотя и вежливо, но без тени фамильярности. Иначе прислуга портится.

В один дождливый вечер я зашел к знакомым. Радостно, всей гурьбой высыпали знакомые в переднюю встретить меня, и я стал дружески со всеми здороваться.

Седьмое рукопожатие предстояло мне проделать с молодой барышней в кокетливом переднике, но едва я протянул ей руку, — она спряталась назад и ни за что не хотела здороваться, хихикая и конфузясь. Сбитый с толку, недоумевающий, я настаивал, искал ее руку, а хозяева смущенно засмеялись и объяснили, что она — горничная.

Была преотчаянная минута всеобщего молчания и неловкости.

Не зная, что мне делать, я сказал:

— Все равно. Я все-таки хочу с ней поздороваться. Она такой же человек, как и мы, и, право, давно уже пора разрушить эти нелепые сословные перегородки...

Так как я настаивал, то горничная протянула мне руку, но немедленно после этого расплакалась и убежала.

Теперь я слышу среди знакомых чудачком, толстовцем, народником.

А когда я прихожу в тот дом, где мне случилось поздороваться с горничной, то, к великому изумлению новых гостей, здороваюсь с этой горничной, лакеем и швейцаром.

Иногда в передней сталкиваюсь с кучером, пришедшим за приказаниями. Здороваюсь и с ним. Что ж делать...

— Ах, он такой оригинал, — говорят обо мне хозяева.

Так говорят они, дальнзоркие люди.

Никогда им не понять близорукого человека!.. Несчастные мы!

АКУЛЫ

(*Биржевики на прогулке*)

...На берегу реки у взморья собралась кучка каких-то людей. Все прикладывают к глазам ладони щитком и напряженно всматриваются вдаль.

— Ой, рыба, — горячо говорит один.

— Ой, нет, — бойко возражает другой.

— Ах ты, господи! Да я ее лицо вижу так же хорошо, как ваше.

— Где же это вы у рыбы лицо нашли?

— А что же у рыбы?

— Морда.

— Мерси. Ну, все равно, морду вижу. И прямо на нас плывет. Поймать можно. Как к самому берегу причалит — так ее и бери руками.

— Серьезно? И скажите вы мне: можно различить ее породу или не видно?..

— Я так думаю — это не иначе, как большой сом.

— Что вы говорите? А почему нынче сомовина?

— А по рублю с четвертаком.

— И можете вы приблизительно определить, сколько в ней весу?

— В рыбе-то? Пятнадцать пудов.

— Это, значит, по оптовой выйдет рублей пятьсот на круг!

Голос сзади:

— Беру.

— Что вы берете?

— Весь, кругом. По восемьдесят фунт. Без хвоста и жабр.

— Даю по девяносто с хвостом.

Голос сбоку:

— Беру восемьдесят пять без хвоста.

— Губа не дура! Господа!! Даю девяносто без хвоста.

— Послушайте, Чавкин... Зачем вы играете на повышение? Это же недобросовестно.

— А что?.. Коммерция есть коммерция... Я ее в холодильнике выдержу, а потом по полтора на рынок выброшу.

— Вас самого выбросить нужно за такие штуки. Даю восемьдесят шесть.

— С хвостом?

— При чем тут хвост? Ну, пусть будет такой хвост: восемьдесят и шесть копеек, как хвост.

— Беру девяносто восемь.

— Даю.

— Что? Что вы даете? Это ваша рыба? Она уже у вас на руках? Вы ее поймайте раньше.

— И поймаю. Большая важность! Главное, твердую цену на нее установить, а поймать — плевое дело.

— Да прзвольте, господа... Рыба ли это? Вот оно ближе подплывает, и как будто бы это не рыба.

— А пропустите вперед, я взгляну... Ну, конечно! Какой это дурак сказал, что плывет рыба? Бревно! Самое обыкновенное бревно.

— Беру.

— Что вы берете?

— Вот это... Обыкновенное десятидюймовое бревно. Вы даете?

— Ну, хорошо. Даю. По восьми с полтиной.

— Беру по семи.

— Отлипните. А вы, молодой человек, что предлагаете?

— Я... по восьми... даю... Франко — склад.

— Ловкий вы какой. Теперь отсюда доставка не меньше пяти рублей. Даю девять, франко — склад.

— Умный вы, молодой человек, а дурак. Даю восемь без доставки.

— Беру.

— Опять вы повышаете?

— Что значит повышаю?! Я тут же по девяти с полтиной продам. Идете в долю? Господа, хорошее сухое бревно — даю по девяти с полтиной!

— Как вы говорите — сухое, когда оно по воде плывет?

— Внутренняя сухость. А наружно его полотенцем вытрешь, вот и все. Так берете?

— Беру.

— Даю.

— Слушай, зачем ты ему отдал?

— Чудак, я сейчас начну играть на понижение. Уроню до пяти рублей, а потом куплю.

— Вы даете?

— Что?! По морде я вам дать могу!! Какое это бревно? Откуда это бревно? Разве на бревне волосы бывают? И разве на бревне ноги торчат? Черти! Утопленником торгуют.

— А ведь верно — это человек.

— И, кажется, прилично одет.

— Беру!

— Что берете?

— Костюм.

— Даю за тридцать.

— Беру без сапог пятнадцать.

— Даю двадцать пять.

— Опять повышаешь? Чавкин, что это за ажиотаж?

— Беру костюм и сапоги за сорок пять.

— Сделано. Господа! Даю чистый вес без упаковки — десять рублей!

— Чистый вес? А куда он? Суп из него сварить, что ли?

— ...Позвольте! Как же вы мне предлагаете костюм, когда он плывет и руками размахивает?

— Кто, костюм?

— Не костюм, а то, что внутри. Это уже наглость! На живом человеке костюм — разве это спекуляция?

— Подплывает!

— Черта с два. Захлебывается. Помогите же ему! Вытащите его!

— Зачем его вытаскивать? Что это — рыба или бревно?

— Дураки вы, дураки. А может быть, если его вытащить, — ему можно будет спустить десяточек бугульминских? Бумага камнем лежит, а он с угару, пожалуй, не разберет.

— А верно!

Один из толпы бросается в воду и, рассекая волны руками, бодро кричит:

— Слушайте, как вас... утопающий! Даю пятьдесят бугульминских по семидесяти. Берете?

— Подавитесь ими, — хрипит, захлебываясь, утопающий. — У меня у самого сто, как свинец, осели.

— Свой, — разочарованно вздыхает спаситель и поворачивает к берегу.

АУКЦИОН

В ясное летнее утро уселся я в экипаж, который должен был доставить меня в Евпаторию.

Кроме меня места в экипаже были заняты: 1) прехорошенькой жизнерадостной белокурой дамой, в которую я, после двадцатиминутной внутренней безмолвной, но ожесточенной борьбы с самим собой, — тихо влюбился; 2) молодым развязным господином чрезвычайно активного вида.

Моя мужественная борьба с самим собой продолжалась все-таки 20 минут, а этот молодой человек безо всякой борьбы, в первые же две-три минуты всем своим поведением показал, что отныне единственная цель, единственное устремление его жизни — белокурая дама, — и ни на что другое он не согласен.

Тут-то и вышло между нами состязание, которое так блистательно завершилось битвой на аэроплане.

Надо сказать, что вообще женщины — прехитрое, проклятое бабье, и почти всю жизнь они устраивают свои делишки по принципу аукционного зала.

Предположим, существует в природе металлическая резная ваза для визитных карточек. Никому в мире она не нужна, и ни одному человеку в подлунной не пришла бы в голову малая мысль зайти в магазин и купить ее.

Но ее выставляют в аукционном зале; вы и тут все-таки не обращаете на нее никакого внимания, пока аукционист не провозгласил магического: «Кто больше?»

— Сто рублей! Кто больше?! — орет аукционист.

— Полтораста, — говорит ваш сосед.

Вы вдруг загораетесь («Если он хочет ее приобрести, то почему и мне ее не купить?») и бодро перебиваете:

— Сто семьдесят!

Сосед делается похожим на горящее полено, на которое плеснули керосином:

— Сто девяносто пять!!..

— И пять!!..

И пошла потеха.

И кончается потеха тем, что вы отдаете все, что имели за душой, за вещь, о которой десять минут тому назад у вас и грошовой мыслишки не было... Тащите ее домой, а в голове начинает ворошиться мысль, складывающаяся в знаменитую фразу крыловского петуха:

«Куда она? какая вещь пустая».

Вот так же и дамы. Они живут по принципам аукционного зала: если человек один, он, может быть, и не посмотрит, а если двое — тут-то в самую пору и крикнуть:

— Кто больше?!

Конечно, эта фраза произносится в самом высшем смысле, без всякой меркантильности.

Так у нас и пошло. Когда мы уселись, Голубцов (так звали этого человечешку) заявил, что он счастлив, имея такую визави, и прочее.

Я постарался покрыть его — заявлением, что хотя я и отвык от дамского общества, однако такое общество, как соседка, сократит путь по крайней мере в четыре раза.

Суетная душонка, Голубцов, сбросил с рук довольно крупного козыря, заявив, что, если у нее в Евпатории нет знакомых, он будет счастлив, если его скромная особа и т.д.

А я сразу шваркнул по всем его картам козырным тузом («Если вам негде будет остановиться, я устрою для вас комнату»).

Раздавленный Голубцов увял и осунулся, но ненадолго.

— Я вам должен сказать, Мария Николаевна («Кажется, так? Мария Николаевна? Мерси! Прехорошенькое имя!») ... Итак, я вам должен сказать, что русские курорты отталкивают меня своей неблагоустроенностью. То ли дело за граница...

— А вы были и за границей? (Огромный интерес со стороны Марии Николаевны. Сенсация.)

— Да... Я изъездил всю Европу. Исколесил, можно сказать.

Безмолвное лицо Марии Николаевны, обращенное в мою сторону, так будто бы и кричало: «Кто больше? Кто больше?!»

Я решил закопать этого наглого туристишку в землю, да еще и камнем привалить.

— А вы (ехидно спросил я) в Струцелле были?

— Ну, как же! Два раза. Только он мне, знаете ли, не особенно понравился...

— Кто?

— Струцель.

— А вы знаете, — отчеканил я. — Струцель — это вовсе не город. Это слоеный пирог с медом и орехами.

Молоток аукциониста уже повис в воздухе, чтобы ударить в мою пользу, чтобы тем же ударом заколотить этого слизняка в гроб, но... наглость его была беспримерна:

— Благодарю вас, — холодно ответил он. — Я это знал и без вас. Но вам, вероятно, неизвестно, что пирог назван по имени города. Может быть, вы будете утверждать, что и города Страсбурга нет только потому, что существует страсбургский пирог?! Да-с, Мария Николаевна... В этом Струцеле (Верхняя Силезия, 36 000 жителей) я даже имел одну замечательную встречу, о которой я вам расскажу когда-нибудь потом, когда мы будем вдвоем...

Я был распластан, распростерт во прахе, и колесница победителя проехала по мне, как по мостовой...

— Значит, вы хорошо говорите по-немецки? — приветливо спросила Мария Николаевна.

— Ну да. Как же! Как по-русски.

«А не врешь ли ты, братику?» — подумал я и вдруг стремительно наклонился к нему:

— Ви филь ур, мейн герр?..

— А? Чего? — растерялся он.

— Это я вас по-немецки одну штуку спрашиваю. А ну-ка, ответьте: «Ви филь ур, мейн либер герр?»

Он подумал минутку, выпрямил свой стан и сказал с достоинством, которого нельзя было и подозревать в нем:

— Видите ли что, молодой человек... Хотя я действительно говорю по-немецки, как по-русски, но с тех пор, как Германия, привив России большевизм, погубила мою бедную страну... я дал обет... Да, да, милостивый государь! Я дал обет не произносить ни одного слова на этом ужасном языке...

— Так вы ответьте мне по-русски...

— Постойте, я не кончил... я дал обет не только не говорить на этом языке, но и не понимать этого языка!.. О, моя бедная страна!..

— Неужели вы так любите Россию? — сочувственно спросила растроганная Мария Николаевна, и ее нежная ручка ласково легла на его лапу...

«Кто больше?!» — вопил невидимый аукционист, а у меня нечем было, покрыть: я обнищал.

В это время с небес донесся до нас шум мотора, — и прекрасный, изящный, похожий на стрекозу аэроплан бросил легкую тень на дорогу впереди нас. (О милый, так выручивший меня аэропланчик!.. Если бы у тебя был ротик и если бы это было возможно, я поцеловал бы тебя...)

Все мы задрали головы и стали с интересом следить за эволюциями легкокрылой стрекозы.

— Вы когда-нибудь летали? — обратилась Мария Николаевна... конечно, к нему! Не ко мне — а к нему.

— Я? Всю немецкую войну летал. Ведь я же летчик.

— Что вы говорите! Ах, как это интересно. И вы встречали когда-нибудь в воздухе вражеский аэроплан?

— Я? Сколько раз. Даже в драку вступал.

— Расскажите! Это так интересно... (Руку свою она так и забыла на его лапе.)

— Да что ж рассказывать? Как-то неловко хвастать своими подвигами.

Однако это похвальное соображение не удержало его:

— Однажды получил я приказ сделать разведку в тылу неприятеля... Ну-с... Подлил, как водится, в карбюратор бензину, завинтил магнето, закрутил пропеллер, вскочил на седло — и был таков. Лечу... Час лечу, два лечу. Вдруг навстречу на Блерио — немец. И давай он жарить в меня из пулемета очередями. Однако я не растерялся... Дернул выключатель, замедлил пропеллер, спустился на одно крыло к самому его носу, вынул револьвер, приставил к уху, говорю: «Сдавайся, дрянь такая!» Он — бух на колени: «Пощадите, — говорит, — господин». Но не тут-то было. Я его сейчас же за шиворот, перетащил на свою машину, а его Блерио привязал веревкой к своему хвосту, да так и притащил и немца, и его целехонький аппарат в наше расположение.

Во все время его рассказа *наше расположение* было пре-скверное. То есть только мое, потому что глаза Марии Николаевны искрились восторгом.

— Боже, какой вы герой! Скажите, а меня бы вы могли покатасть на аэроплане?..

— Сколько угодно, — беззаботно ответил этот храбрый боец.

— А вы меня не разобьете?

— Как в колыбельке будете!

— Впрочем, с вами я не боюсь. Вы такой... мужественный! Когда же вы меня покатаете?

— Хоть завтра. Только жалко, что в Евпатории у меня нет аппарата.

— А вы на всякой системе можете летать? — небрежно спросил я, делая вид, что все мое внимание занято кружащимся над нами аэропланом.

— О, на какой угодно, но предпочитаю Блерио. На этой старушке я чувствую себя как дома.

— Ну, так вам, господа, повезло, — торжественно сказал я, простирая руку к небу. — Дело в том, что у меня в Евпатории есть два совершенно исправных Блерио, только что собранных и проверенных. Извозчик! Мы когда приедем в Евпаторию? В два часа? Прекрасно! До четырех умоемся, переоденемся, приведем себя в порядок, пообедаем, а часиков в пять я вас повезу на аэродром. Сегодня же, Мария Николаевна, он вас и покатает.

Никогда я не видел человека более расплющенного, чем этот жалкий Голубцов.

Он пробормотал, что летает на бензине только фирмы Нобеля: я его успокоил, что у меня Нобель; он протявкал, что нужно еще проверить, какой сегодня ветер. Сколько баллонов (?) ... Я его успокоил, что ветра никакого нет. Тогда он прохрюкал, что для полета нужно специальное разрешение. Я вогнал его на три аршина в землю заявлением, что такое разрешение у меня имеется.

После этого он, подобно тому немцу, невидимо для глаз упал на колени, сдался и просил его пощадить, заявив, что сейчас же по приезде его ждет куча дел и что освободится он только дня через три-четыре и то часа на два... и то едва ли.

Теперь он лежал распростертый у моих ног... А я ходил по нем, как хотел, топтал его каблуками, пинал носком сапога в лживую пасть, и рука Марии Николаевны уже, как хорошенькая ящерица, переползла на мою руку, и уже Мария Николаевна смотрела только на меня и даже чуть-чуть прижималась ко мне, — а над нами парила мощная, так

прекрасно выручившая меня птица, и ее огромные крылья, распростертые над нами, будто благословляли нас — меня и Марию Николаевну, Марию Николаевну и меня!!

Голубцов представлял собой бесформенный мешок костей, будто он только что шлепнулся с аэроплана.

Наконец-то невидимый молоток аукциониста стукнул в мою пользу, и я торжественно перед самым носом конкурента мог унести выигранную мною вазу для визитных карточек.

А в общем, если бы не аукцион — на что она мне?..

ВОЙНА

Пройдет еще лет двадцать. Мы все, теперешние, сделаемся стариками...

Мировая война отойдет в область истории, о ней будут говорить как о чем-то давно прошедшем, легендарном...

И вот, когда внуки окружают кого-нибудь из нас у горящего камина и начнут расспрашивать о нашем участии в мировой войне, — воображаю, как тогда мы, старички, начнем врать!..

То есть врать будут, конечно, другие старички, а не я. Я не такой.

И так как я врать не могу, то положение мое будет ужасное.

Что я расскажу внукам? Чем смогу насытить их жадное любопытство? Был я на войне? Был. Кем был? Солдатом, офицером или генералом? Никем! Нелегкая понесла меня на войну, хотя меня никто и не приглашал.

Когда я, во время призыва, пришел в воинское присутствие, меня осмотрели и сказали:

— Вы не годитесь!

Я обиделся:

— Это почему же, скажите на милость?!

— У вас зрение плохое.

— Позвольте! Что у вас там требуется на войне? Убивать врагов? Ну, так это штука нехитрая. Подведите мне врага так близко, чтобы я его видел, и он от меня не уйдет!

— Да вы раньше дюжину своих перестреляете, прежде чем убьете одного чужого!..

Вышел я из этого бюрократического учреждения обиженный, хлопнув дверью.

Решил поехать на войну в качестве газетного корреспондента.

Один знакомый еврей долго уговаривал меня не ехать.

— Зачем вам ехать?! Не понимаю вашего характера! Что это за манера: где две державы воюют — вы обязательно в середку влезете!

Однако я поехал, и, как говорил этот мудрый еврей, — конечно, влез в самую середку...

На позициях (под Двинском) ко мне привыкли как к неизбежному злу.

Некоторые даже полюбили меня за кротость и веселый нрав.

Однажды подсел я к солдатам в окопе. Сидели, мирно разговаривали, я угощал их папиросами.

Вдруг — стрельба усилилась, раздались какие-то крики, команда — я за разговором и не заметил что, собственно, скомандовали.

Все закричали «ура!», выскочили из окопов, побежали вперед. Закричал и я за компанию «ура», тоже выскочил и тоже побежал.

Кто-то кого-то бил, колол, а я вертелся во все стороны, понимая по своей скромности, что я мешаю и тем, и другим... Люди делают серьезное дело, а я тут же верчусь под ногами.

Потом кто-то от кого-то побежал. Мы ли от немцев, немцы ли от нас — неизвестно. Вообще, я того мнения, что в настоящей битве никогда не разберешь — кто кого поколотил и кто от кого бежал...

Это уж потом разбирают опытные люди в главном штабе.

Бежал я долго — от врага ли или за врагом — и до сих пор не знаю. Может быть, меня нужно было наградить

орденом как отчаянного храбреца, может быть — расстрелять как труса.

Бежал я долго — так долго, что когда огляделся, — около меня уже никого не было.

Только один немец (очевидно, такого же неопределенного характера, как и я сам) семенил почти рядом со мной.

— Попался?! — торжествующе вскричал я.

Он вместо ответа взял на изготовку штык и бросился на меня.

Я всплеснул руками и сердито вскрикнул:

— С ума ты сошел?! Ведь ты меня так убить можешь!

Он так был поражен моим окриком, что опустил штык.

— Я и хочу тебя убить!

— За что? Что я, у тебя жену любимую увез или деньги украл?! Идиот!

Рассудительный тон действует на самые тупые головы освежающе:

— Да, — возразил он сконфуженно, ковыряя штыком землю. — Но ведь теперь война!

— Я понимаю, что война, но нельзя же ни с того ни с сего тыкать штыком в живот малознакомому человеку!!

Мы помолчали.

«Во всяком случае, — подумал я, — он мой пленник, и я доставлю его живым в наш лагерь. Воображаю, как все будут удивлены! Вот тебе и «плохое зрение»! Может быть, орден дадут...»

— Во всяком случае, — сказал немец, — ты мой пленник, и я...

Это было верхом нахальства!

— Что?! Я *твой* пленник? Нет, брат, я тебя взял в плен и теперь ты не отвертишься!..

— Что-о? Я за тобой гнался, да я же и твой пленник?

— Я нарочно от тебя бежал, чтобы заманить подальше и схватить, — пустил я в ход так называемую «военную хитрость».

— Да ведь ты меня не схватил?!

— Это — деталь. Пойдем со мной.

— Пойдем, — подумав, согласился мой враг, — только уж ты не отвертишься: я тебя веду как пленника.

— Вот новости! Это мне нравится! Он меня ведет! Я тебя веду, а не ты!

Мы схватили друг друга за руки и, переругиваясь, пошли вперед. Через час бесцельного блуждания по голому полю мы оба пришли к печальному заключению, что заблудились.

Голод давал себя чувствовать, и я очень обрадовался, когда у немца в сумке обнаружился хлеб и коробка мясных консервов.

— На, — сказал враг, отдавая мне половину. — Так как ты мой пленник, то я обязан кормить тебя.

— Нет, — возразил я. — Так как *ты* мой пленник, то все, что у тебя, — мое! Я, так сказать, захватил твой обоз.

Мы закусили, сидя под деревом, и потом запили коньяком из моей фляжки.

— Спать хочется, — сказал я, зевая. — Устаешь с этими битвами, пленными...

— Ты спи, а мне нельзя, — вздохнул немец.

— Почему?!

— Я должен тебя стеречь, чтобы ты не убежал.

До этого я сам не решался уснуть, боясь, что немец воспользуется моим сном и убежит, но немец был упорен как осел...

Я растянулся под деревом. Проснулся перед вечером.

— Сидишь? — спросил я.

— Сижу, — сонно ответил он.

— Ну, можешь заснуть, если хочешь, я тебя постерегу.

— А вдруг — сбежишь?

— Ну, вот! Кто же от пленников убегает.

Немец пожал плечами и заснул.

Закат на далеком пустом горизонте нежно погасал, освещающая лицо моего врага розовым нежным светом...

«Что, если я уйду? — подумал я. — Надоело мне с ним возиться. И потом — положение создалось совершенно невыносимое: я его считаю своим пленником, а он меня — *своим*. Если же мы оба освободим один другого друг от друга, то это будет как бы обмен военнопленными!»

Я встал и, стараясь не шуметь, пошел на запад, а перед этим, чтобы вознаградить своего врага за потерю пленника, положил в его согнутую руку мою фляжку с коньяком.

И он спал так, похожий на громадного ребенка, которому сунули в руку соску и который расплачется по пробуждении, увидев, что нянька ушла...

Вот и все мои похождения на театре войны.

Но как я расскажу это внукам, когда ничего нельзя выяснить: мы ли победили или враг; мы ли от врага бежали или враг от нас, я ли взял немца в плен или немец меня?

Теперь, пока я еще молодой, — рассказал всю правду. Состарюсь — придется врать внукам.

ИНДЕЙКА С КАШТАНАМИ

Жена заглянула в кабинет и сказала мужу:

— Василь Николаич, там твой племянник, Степа, пришел...

— А зачем?

— Да так, говорит, поздравить хочу.

— А ну его к черту.

— Ну, все-таки неловко — твой же родственник. Ты выйди, поздоровайся. Ну, дай ему рубля три, в виде подарка.

— А ты сама не можешь его принять?

— Здравствуйте! Я и то, я и се, я и туда, я и сюда, я и за индейкой присматривай, я и твоих племянников принимай?..

— Да, кстати, что же будет с индейкой?

— Это уж как ты хочешь. И сегодня гостей на индейку позвал, и завтра гостей на индейку позвал! А индейка одна. Не разорваться же ей... Распорядился — нечего сказать!!

— А нельзя половину сегодня подать, половину — завтра?

— Еще что выдумай! На весь город засмеют. Кто же это к столу пол-индейки подает?

— Гм... да... Каверзная штука. Ну, где твой этот дурацкий Степа — давай его сюда!

— Какой он мой?! Твой же родственник. В передней сидит. Позвать?

— Зови. Я его постараюсь сплавить до приезда гостей.

* * *

В кабинет вошел племянник Степа, — существо, совсем не напоминающее распространенный тип легкомысленных, расточительных, элегантных племянников, пользующихся родственной слабостью богатого дяди.

Был Степа высоким, скуластым молодцем, с громадным зубастым ртом, искательными, навсегда испуганными глазами и такой впалой грудью, что, ходи Степа голым, — в этой впадине в дождливое время всегда бы застаивалась вода.

Руки из рукавов пиджака и ноги из брюк торчали вершка на три больше, чем это допустил бы легкомысленный племянник из великосветского романа, а карманы пиджака так оттопыривались, будто Степа целый год таскал в каждом из карманов по большому астраханскому арбузу. Брюки на коленях тоже были чудовищно вздуты, как сочленения на индусском бамбуке.

Бровей не было. Зато волосы на лбу спускались так низко, что являлось подозрение: не всползли ли брови в один из периодов изумленности Степы кверху и не смешались ли там раз навсегда с головными волосами? В ущелье между щекой и крылом носа пряталась огромная розовая бородавка, будто конфузясь блестящего общества верхней волосатой губы и широких мощных ноздрей... Таков был этот бедный родственник Степа.

— Ну, здравствуй, Степа, — приветствовал его дядя. — Как поживаешь?

— Благодарю, хорошо. Поздравляю с праздником и желаю всего, всего... этого самого.

— Ага, ну-ну. А ты, Степа, тово... Гм! Как это говорится... Ты, Степа, не мог бы мне где-нибудь индейки достать, а?

— Сегодня? Где же ее нынче, дядюшка, достать. Ведь первый день Рождества. Все закрыто.

— Ага... Закрыто... Вот, брат Степан, история у меня случилась: индейка-то у нас одна, а я и на сегодня, и на завтра позвал гостей именно на индейку. Черт меня дернул, а?

— Да, положение ваше ужасное, — покорно согласился Степа. — А вы сегодня скажите, что больны...

— Кой черт поверит, когда я уже у обедни был.

— А вы скажите, что кухарка пережарила индейку.

— А если они из сочувствия на кухню полезут смотреть, что тогда?.. Нет, надо так, чтобы индейку они видели, но только ее не ели. А завтра разогреем, и будет она опять как живая.

— Так пусть кто-нибудь из гостей скажет, что уже сыты и что индейку резать не надо...

— Дядя, закусив верхнюю губу, задумчиво глядел на племянника и вдруг весь засветился радостью...

— Степа, голубчик! Оставайся обедать. Ты ж ведь родственник, ты — свой, тебя стесняться нечего — поддержи, Степа, а? Подними ты свой голос против индейки.

— Да удобно ли мне, дядюшка... Вид-то у меня такой... не фельтикультяпный.

— Ну вот! Я тебя, брат, за почетного гостя выдам, ухаживать за тобой буду. А когда в самом конце обеда подадут индейку — ты и рявкни этак посолиднее: «Ну зачем ее резать зря, все равно никто есть не будет, все сыты — уберите ее».

— Дядюшка, да ведь меня хамом про себя назовут.

— Ну, большая важность. Не вслух же, а может быть, и просто скажут: оригинал. Я, конечно, буду упрашивать тебя, настаивать, а ты упрись, да еще поторопи, чтобы унесли индейку, а то не ровен час кто-нибудь и соблазнится. Это действительно номер! Да ты чего стоишь, Степа? Присядь. Садись, Степанеско!

— Дядюшка, вы мне в этом году денег не давайте, — сказал Степа, критически и с явным презрением оглядывая свои заскорузлые сапоги. — А вы мне лучше ботинки свои какие-нибудь дайте. А то я совсем тово...

— Ну, конечно, Степан! Какие там могут быть разговоры... Я тебе, Степандряс, замечательные ботинки отхвачу!.. Хе-хе... А ты, брат, не дура, Степанадзе... И как это я раньше не замечал?.. Решительно — не дурак.

* * *

Когда гости усаживались за стол, Василий Николаевич представил Степу:

— А вот, господа, мой родственник и друг Стефан Феодорович! Большой оригинал, но человек бывалый. Садитесь, Стефан Феодорович, вот тут. Водочки прикажете или наливочки?

Степа приятно улыбнулся, потер огромные костлявые руки одну о другую и хлопнул большую рюмку водки.

— У меня есть знакомый генерал, — заявил он довольно громко, — так этот генерал водку закусывает яблоком!

— Это какой генерал, — заискивающе спросил дядя, — у которого вы, Стефан Феодорович, ребенка крестили?

— Нет, то — другой. То мелюзга, простой генерал-майор... А вот в Европе, знаете, — совсем нет генералов! Ей-Бо право.

— А вы там были? — покосился на него сосед.

— Конечно, был. Я вообще каждый год куда-нибудь. В опере бываю часто. Вообще не понимаю, как можно жить без развлечений.

Две рюмки и сознание, что какие бы слова он ни говорил, дядя не оборвет его, — все это приятно возбуждало Степу.

— Да-с, господа, — сказал он, с дикой энергией прожевывая бутерброд с паюсной икрой. — Вообще, знаете, Митюков такая личность, которая себя еще покажет. Конечно, Митюков, может быть, с виду неказист, но Митюкова нужно знать! Беречь нужно Митюкова.

— Стефан Феодорович, — ласково сказал дядя, — возьмите еще пирожок к супу.

— Благодарствуйте. Вот англичане совсем, например, супу не едят... А возьмите, например, мадам, они вас по уху съездят — дверей не найдете. Честное слово.

Худо ли, хорошо ли, но Степа завладел разговором.

Он рассказал, как у них в дровяном складе, где он служил, отдавило приказчику ногу доской, как на их улице поймали жулика, как в него, в Степу, влюбилась барышня, и закончил очень уверенно:

— Нет-с, что там говорить! Митюкова еще не знают! Но Митюков еще себя покажет. О Митюкове еще будут говорить, и еще много кому испортит крови Митюков! Да что толковать — у Митюкова, конечно, есть свои завистники, но... Митюков умственно топчет их ногами.

— Позвольте... да этот Митюков... — начала одна дама.

— Ну?

— Кто он такой, этот замечательный Митюков?

— Митюков? Я.

— А-а... А я думала — кто.

— Митюкова трудно раскусить, но если уж вы раскусили...

В это время как раз и подали индейку. Все жадно втянули ноздрями лакомый запах, а Степа встал, всплеснул руками и сказал самым великосветским образом:

— Еще и индейка? Нет, это с ума сойти можно! Этак вы нас всех насмерть закормите. Ведь все уже сыты, не правда ли, господа?! Не стоит ее и начинать, индейку. Не правда ли?

Все пробормотали что-то очень невнятное.

— Ну да! — вскричал Степа. — То же самое я и говорю. Не стоит ее и начинать! Унесите ее, ей-Богу.

— А, может быть, скушаете по кусочку, — нерешительно сказал хозяин, играя длинным ножом. — Индеечка будто хорошая... С каштанами.

Длинный Степа вдруг перегнулся пополам и приблизил лицо почти к самой индейке.

— Вы говорите, с каштанами?! — странно прохрипел он.

Губы его вдруг увлажнились слюной, а глаза сверкнули такой голодной истерической жадностью, что хозяин взял блюдо и с фальшивой улыбкой сказал:

— Ну, если все отказываются, придется унести.

— С каштанами?! — простонал Степа, полузакрыв глаза. — Ну, раз с каштанами, тогда я... не откажусь съесть кусочек.

Нож дрогнул в руке хозяина... Повис над индейкой... Была слабая надежда, что Степа скажет: нет, я пошутил — унесите!

Но не такой человек был Степа, чтобы шутить в подобном случае... Стараясь не встречаться взором с глазами дяди, он скомандовал:

— Вот мне, пожалуйста... От грудки отрежьте и эту ножку...

— Пожалуйста, пожалуйста, сделайте одолжение, — дрогнувшим голосом сказал хозяин.

— Тогда уж, раз вы начинаете — и мне кусочек, — подхватила соседка Степы, не зная, что такое Митюков.

— И мне! И мне!..

А когда (через две минуты) на блюде лежал унылый индейкин остов, хозяин встал и решительно сказал Степе:

— Ах, да! Я и забыл: вас генерал к телефону вызывал. Пойдем, я вам покажу телефон... Извините, господа.

Степа покорно встал и, как приговоренный к смерти за палачом, покорно последовал за дядей, догрызая индюшачью ногу...

Пока они шли по столовой, хозяин говорил одним тоном, но едва дверь кабинета за ними закрылась, тон его переменялся.

Вышло приблизительно так:

— Ах, Стефан Феодорович, этот генерал без вас жить не может... Да оно, положим, вас все любят. У вас такой

тонкий своеобразный ум, что... Что ж ты, мерзавец этакий, а? Говорил, что будешь отказываться. А сам первый и полез на индейку, а? Это что ж такое? Рыбой я тебя не кормил? Супом и котлетами не кормил? Думал, до горла ты набит, ухаживал за тобой как за первым человеком, а ты вон какая свинья? Уже все гости, было, отказались, а ты тут, каналья, вот так и выскочил, а?

Степа шел за ним, прижимая костлявую руку к груди, и говорил плачущим голосом:

— Дядечка, но ведь вы не предупредили, что индейка с каштанами будет! Зачем вы умолчали? А я этих каштанов с индейкой никогда и не ел... Поймите, дядечка, что это не я, а каштаны погубили индейку. Я уж совсем было отказался, вдруг слышу: каштаны! каштаны!

— Вон, негодяй! Больше и носу ко мне не показывай.

Дядя выхватил из Степиной руки обгрызанную ногу и злобно шлепнул ею Степу по щеке:

— Чтоб духом твоим у меня не пахло!!

— Дядя, вы насчет же ботинок говорили...

— Что-о-о-о-о?! Марина, проводи барина! Пальто ему!

* * *

Втянув шею в плечи, стараясь защитить от холода ветхим, коротким воротничком осеннего пальто свои большие оттопыренные уши, шел по улице Степа. Снег, лежавший раньше толстым спокойным пластом, вдруг затанцевал и стал как юркий бес вертеться вокруг печального Степы... Руки, не прикрытые короткими рукавами пальто, мерзли, ноги мерзли, шея мерзла...

Он шел, уткнув нос в грудь, как журавль, натываясь на прохожих, и молчал, а о чем думал — неизвестно.

ВЫСШАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Когда Раскатов ввалился в кабинет Кириллова — Кириллов недовольно поморщился:

— Вот еще черти тебя принесли. Тут человек работает, а ты зря шатаешься — только мешаешь.

Не обращая внимания на неудовольствие хозяина, Раскатов развалился на диване, похлопал перчаткой по колену и присвистнул...

— Работаешь? Тебе же хуже. Вот вы все — такие работнички: пока ты тут уткнулся в скучнейшие, дурацкие бумаги — живая жизнь проплывает мимо твоего носа!

Хозяин угрюмо промолчал, надеясь, что гость после такого сухого приема обидится и уйдет, но Раскатов был человек другой складки: он сладко потянулся, засвистал что-то из «Кармен» и вдруг сочно расхохотался.

— Ты чего? — угрюмо покосился хозяин Кириллов.

— Лимонова знаешь?!

— Что за странный вопрос: наш общий друг и приятель.

— То-то и оно, что приятель! Интересно мне сейчас взглянуть на его физиономию.

Кириллов лениво поинтересовался:

— А что с ним случилось, с Лимоновым?

— Ой, не могу молчать!! Ей-Богу, расскажу. Но... надеюсь, это будет между нами?

Кириллов промышчал что-то невразумительное — нечто среднее между: «Да ладно уж...» и «Провались ты в болото со своими секретами».

Но Раскатов горел таким свирепым желанием рассказать, что принял это подозрительное мычание как торжественную клятву.

— Ну, так слушай! Ведь правда, жена Лимонова, Ольга Михайловна, — очаровательное существо?

— Мм... предположим! Что ж из этого следует? Позавидуем Лимонову, да и все.

— Нет, брат, ты брось!! Теперь не Лимонову нужно завидовать, а мне!

Кириллов привскочил с кресла:

— Что это значит?!

— А то и значит. Видишь ли, она мне давно нравилась... То есть, конечно, влюбленности особой не было, а так... Просто лакомый кусочек. Ухаживал я за нею вскользь, лениво, совершенно не думая, что из этого выйдет. А сегодня встречаю ее на улице, и вдруг приходит мне в голову шальная мысль: предпринять более энергичные шаги. Ну... то да се — разговорились. Соврал я, что нынче день моего

рождения, и уговорил ее выпить по этому поводу бокал вина. Попали в ресторанчик, мигнул я лакею, чтоб дали отдельный кабинет, и вот... Началось невинными поцелуями, а кончилось... ха-ха-ха! Этакий бедняк этот Лимонов! Интересно бы на него сейчас взглянуть — какие у обманутых мужей лица бывают?..

Кириллов, негодующий и взволнованный, забегал по комнате.

— Послушай, Раскатов! Но ведь это же чудовищно. Ведь Лимонов твой друг...

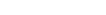
— Голубчик!! Какое же это имеет отношение? Дружба одно, а... а... хорошенькая женщина совсем другое...

— Но ведь ты же осквернил его семейный очаг!!

— Философия. Тургеневская розовая водица.

— Ты обманул его дружбу, доверие!..

— О-о! Розовый пастушок, пасущий белых овечек на зелененькой травке. Брось! Ты дьявольски сентиментален, Кириллов, — вот уже не подозревал в тебе этого. Теперешняя жизнь, брат, жестокая штука. Общий девиз — хватай, что плывет в руки!

Кириллов молчал, о чем-то задумавшись, потом спросил странным дрогнувшим голосом:

— Значит, по-твоему, отбить у лучшего приятеля его законную жену — это ничего?

— А что делать, братуха! Нынче всяк сам за себя.

Кириллов неожиданно вскочил и, схватив руку Раскатова, горячо пожал ее.

— Спасибо, дружище!! Если бы ты знал, если бы только мог подозревать, как ты облегчил мою совесть!!..

Раскатов очень удивился.

— А что... такое? Что ты хочешь сказать?

— О, Раскатов! Если бы ты знал, как я терзался последнее время. Как мне было трудно, невыносимо трудно и тяжело — глядеть тебе прямо в глаза... Но твое признание, конечно, сняло камень с моей души.

— Экую ерунду человек мелет! Да что случилось-то?

Голос Кириллова звучал вдохновенно, почти экстазно:

— Слушай, Раскатов! Какое счастье, что я теперь могу тебе признаться во всем! Знай же, о, Раскатов, что я сделал по отношению к тебе такой же поступок, как ты — по отношению к Лимонову.

Раскатов застыл на месте, протянул вперед руки, будто защищаясь.

— Ты... ты... Стой! — беззвучно зашептал он дрожащими белыми губами. — Не хочешь ли ты сказать, что моя жена, Катя...

— Да!! Каюсь. Подошел такой момент, подхватил вихрь и закрутил! Она ведь у тебя красавица...

Раскатов застонал как раненый зверь и бессильно опустился на диван.

— И ты... ты мог так поступить со мной?! Со своим лучшим другом?

— Да ведь ты же поступил так с Лимоновым...

— Э, «Лимонов, Лимонов»... Сейчас мы *обо мне* говорим, а не о Лимонове!! Боже мой, Боже, какая подлость...

— Почему?.. — хладнокровно спросил Кириллов. — Ведь ты же давеча радовался своей победе — дай же и мне порадоваться.

— Будь ты проклят!! Ты разбил мою семейную жизнь...

— Брось! Тургеневская розовая водица.

— И ты еще смеешься, ты — мой близкий друг!!

— Розовые барашки на зеленой травке. Жизнь, брат, жестокая вещь. Нынче такое время, что хватай, если в руки плывет. Твоя же, брат, философия.

Раскатов вдруг поднялся с дивана; его розовое упитанное лицо исказилось и посерело...

С трудом выдавливая из себя слова, будто глотая застрявший в горле комок, он прохрипел:

— Ну, так слушай же ты!.. «Друг!» Я тебе *все это выдумал*, насчет Ольги Михайловны Лимоновой. Ничего между нами не было!! Просто я хотел похвастать лишней победой. Она для меня так же неприкосновенная, как и для тебя. Ну? Что ты теперь скажешь?!

Он с трудом проглотил бешеную слюну, давившую его.

Лицо Кириллова просияло, и он, подскочив к Раскатову, принялся энергично, благодарно трясти его за руки...

— Ты... Говоришь правду?! Ничего между вами не было?! Слава Богу, слава Богу!!..

— Да... — угрюмо покачал головой Раскатов. — Между мною и мадам Лимоновой ничего не было! Сознаюсь! Солгал. Но — ты?! Ты? Вползти в мой дом, как змея, вскружить жене голову, обмануть мое доверие...

Кириллов рассмеялся лучезарно и весело и обнял Раскатова за плечи:

— Да ведь и между мной и твоей женой ничего не было!!.. Клянусь тебе. Просто я хотел наказать тебя за твою подлость по отношению к Лимонову. И сочинил насчет Катерины Георгиевны — да простит она мне эту гнусность!

На лице Раскатова снова появился яркий живой румянец, сразу окрасивший его осунувшееся лицо.

— О? Правда? — радостно заторопился он. — Серьезно? Серьезно между тобой и Катей ничего не было? Ты можешь в этом поклясться?!

— Матерью своею клянусь, — серьезно и честно сказал Кириллов, открыто глядя в глаза гостю.

Гость совсем расцвел, и розы снова заиграли на его щеках и губах. Так восходящее солнце окрашивает мгновенно серый пейзаж, дремавший до того во мраке. Он минуты две глядел на хозяина, потом уголки его губ дрогнули и он закатился таким смехом, что должен был, склонившись, опереться о спинку кресла...

— Что? Что с тобой?! — даже испугался хозяин.

— Да ведь... О-ой, не могу. Да ведь... я тебе опять соврал — насчет жены Лимонова. Было, голубчик, все было!! Я просто хотел испытать тебя — ох, не могу, сдохну от смеха — испытать тебя насчет своей жены, Кати!!.. А раз у меня дома все в порядке — вот же тебе! Пили мы вино с Лимонихой!! И целовались мы с Лимонихой!! И вообще. А ты мне клятву дал! Ишь, плутишка. Хотел своего друга напугать.

От его былой тревоги и страдания не осталось и следа. Лицо сияло, и глаза сверкали победно-торжествующе.

— Знаешь что?.. — брезгливо сказал Кириллов, — уходи! Ты мне мешаешь работать со своими глупостями. Проваливай-ка.

— Ой, уйду! Уйду, милый... Насмешил ты меня.

И, схватив шляпу, он покровительственно потрепал хозяина по плечу — и вышел.

Оставшись один, Кириллов прислушался к звуку хлопнувшей парадной двери и снял телефонную трубку.

— Девяносто два — четырнадцать! Квартира Раскатовых? Это вы, Катерина Георгиевна? Да, я, Кириллов! В прошлую среду вы сказали мне, что будете моей только в том случае, если муж вам изменит. *Он вам изменил. А?* Да. Сейчас был у меня, рассказывал. Ну... Я думаю — подробности лично? Приезжайте! Жду.

И трубка, повешенная на рычаг, звякнула — будто поставила точку на этом проявлении Высшей Справедливости.

СОКРОВИЩЕ

Тугоухов говорил своему знакомому — молодому человеку Бычкову:

— Отчего вы к нам никогда не зайдете? Я вас познакомлю с женой. Чудная у меня жена! Красавица, умница. Попьем чайку, познакомлю с женой. Право, приходите. Поет, играет.

«Какие все мужья дураки», — подумал Бычков, окидывая Тугоухова сожалительным взглядом. А вслух сказал:

— Хорошо, приду.

— Вот спасибо. Она у меня образованная, и потом сложена, — божественно!

«Вот дурак-то!»

Вслух:

— Спасибо. Завтра же приду.

Бычков сидел у Тугоуховых и, как тонкий эстет, восхищенно любовался белыми проворными ручками Елены Ивановны, ловко перетирившими чайную посуду.

«Чудная женщина», — одобрительно думал он.

— Да-с, — будто угадав его мысли, воскликнул Тугоухов. — Жена у меня — чистое сокровище! Вот сейчас должен я идти на собрание акционеров и жалко ее оставлять дома. Аленушка, сокровище мое, ты не будешь скучать? Впрочем, я предоставлю в твое распоряжение Виктора Викторовича. Развлеките ее.

— С удовольствием!.. — дрогнувшим голосом пообещал Бычков.

— Я вернусь к одиннадцати. Раньше не ждите, прощай, мое сокровище! До свиданья, мой молодой друг.

Прошло две недели.

Снова Бычков сидел у Тугоуховых — на этот раз в большой просторной гостиной, сидел у рояля рядом с Еленой Ивановной, а муж, о чем-то задумавшись, большими шагами ходил по гостиной. И так как он то приближался к сидевшей у рояля парочке, то удалялся к противоположному концу огромной комнаты — благодаря именно этому и разговор у Елены Ивановны с Бычковым был странный, путанный.

Она говорила:

— Отчего ты уже три дня не приходил к нам, противный?! Я так стосковалась...

В это время сзади слышались шаги мужа, и она сразу круто поворачивала руль разговора:

— ...и потом в этом имении, где я жила у дяди, было масса земляники. А я обожаю землянику...

Шаги удалялись.

— ...и тебя я обожаю еще больше! Я так соскучилась без твоих поцелуев, так было тоскливо, что (шаги) прямо-таки целыми днями я с сестрой лежала среди земляничных кустов и все ела, ела... а, может быть, у тебя завелась другая женщина — ты смотри, я такая ревнивая, что... никогда не могла допустить, чтобы сестра съела больше ягод, чем я. Бывало, кричу... узнаю что-нибудь — оболью уксусной эссенцией... да... эссенция... очень хорошо с ней чай пить, с этой земляничной эссенцией!

Так мирный монолог тянулся долго, пока слово не перешло к Бычкову.

— На кого же я могу тебя променять, мое сокровище, моя птичка!.. Гм! Не то это была канарейка, не то щегленок, но пела удивительно. Один раз я забыл насыпать ей корму, а на другой день... вернее, завтра я приеду к тебе, когда твой муж уберется на свое чертово акционерное заседание!

И в этом месте Бычков сбился вдруг с ритма беседы самым жестоким образом...

Именно: когда муж был на другом конце комнаты, Бычков вяло тянул свое повествование о канарейке, а когда муж приблизился, то тут Бычков и перешел на «я приеду к тебе, когда твой муж уберется»...

— Так, так... — раздался за спиной беседующих кроткий страдальческий голос мужа. — Хорошо вы, молодой человек, воспользовались моим доверием!.. Что ж... я могу «убраться»... могу убраться совсем! Чтоб не мешать влюбленным голубкам.

Жена с криком испуга простерла к нему руки, но он тихо отстранил ее и покачал головой:

— Не надо ни оправданий, ни объяснений! Глаза мои открылись! Я ухожу! Я ухожу. Буду один вдали от вас переживать эту душевную тяжкую драму и... если на мое имя, вообще, будут письма, — прошу пересылать их в отель «Бристоль».

Когда муж, сложив вещи, ушел поспешно и со странно опущенной головой, Елена Ивановна расплакалась и упала на грудь Бычкова.

Но потом отстранила голову от бычковской груди, вытерла слезы и спокойно сказала:

Ну, и черт с ним! Мы с тобой славно заживем, о, мое солнце незакатное!..

Прошел месяц.

Бычков сидел в номере «Бристоля» у Тугоухова и сердито говорил ему:

— Вы со мной поступили подло, по-предательски!

Тугоухов ухмылялся:

— То есть это почему же? Я ушел, чтобы не мешать вашему счастью.

— Врите больше. Просто подбросили мне надоевшую вам жену, а я, как дурак, попался.

— Да вы разве не довольны?

— Черта с два — доволен. Не женщина, а укус. Злая, лживая, ревнивая, как дьявол, и глупа так, что иногда по-

колотить ее хочется. Вы ведь это сами хорошо знаете. Хорошего дурака вы из меня состряпали!

Тугоухов лежал в удобной позе на диване и безмятежно улыбался.

— И уйти от нее нельзя — не пускает! Скандалом грозит.

— Да, это на нее похоже, — кротко согласился муж.

— Иван Федосеич! Вы со мной, конечно, поступили подло, но... я все вам прощу, все забуду, если вы посоветуете... найдете выход!

— Выход? А кто вам мешает поступить так же, как я? Найдите приличного молодого человека... да и...

— Да где его найдешь, такого дурака?!

— Я же нашел. Да и при чем тут дурак? Согласитесь, что первое впечатление она производит очаровательное. Женщинам это как-то удается.

— Иван Федосеич! Посоветуйте. Может, у вас есть кто в виду?

— Гм! Действительно, поступил я с вами подло, а вы человек пресимпатичный. Кого бы вам посоветовать? Послушайте! Аграмантов подойдет!! Он еще весной бросал взгляды на это мое «сокровище».

— Аграмантов? Гм! Вы думаете?

В ложе уютного ресторана сидели Аграмантов и Бычков.

Хлопая Аграмантова по коленке, Бычков оживленно говорил:

— Послушайте! Что вас давно не видно? Приходите к нам. Я ведь сейчас на семейном положении — с Еленой Ивановной. Чудная женщина — поет, играет, и потом, сложена, как богиня! Чистое сокровище! Право, пришли бы чайку попить. Елена Ивановна уже несколько раз о вас спрашивала. Приходите, а?

«Вот-то дурак», — размышлял саркастически Аграмантов, разглядывая Бычкова с видом презрительного сожаления.

Вслух пообещал:

— Обязательно приду. Завтра же.

Через месяц Аграмантов встретился в театре во время антракта с Иволгиным и бросился к нему с распростертыми объятиями:

— А-а! Ну что за счастливая встреча! Беру с вас слово, что навестите меня. Я сейчас на семейном положении... Новая моя жена, Елена Ивановна — чудная. Приходите, познакомлю. Красавица, умница и поет дьявольски...

Иволгин равнодушно отстранил его:

— Позвольте, позвольте... Это не та ли Елена Ивановна, которая была раньше женой Тугоухова?

— Да... да... А... что?

— Так не трудитесь: это я был тот первый, который сплавил ее Тугоухову!.. Так что — не трудитесь: сыт по горло! Аграмантов угрюмо молчал.

Круг замкнулся.

ФОКСТРОТ

— Вы любите ли сыр? — спросили раз ханжу.

— Люблю, — он отвечал: я вкус в нем нахожу.

А другого ханжу спросили прозой:

— Вы любите фокстрот?

— О, да! — восторженно отвечал он. — Чудный танец. Сколько в нем огня, грации. Какая глубина мысли.

Человечество сразу вдруг поглупело.

Каждая эпоха вообще, а особенно эпоха глупости, — должна иметь свой танец. И мои «главою скорбные» современники выдумали фокстрот.

Эпохи ума, красоты, изящества и настоящего блеска отмечались последовательно: менуэтом, мазуркой, величественным полонезом, венским вальсом, даже сногшибательным канканом.

Наша убогая эпоха отмечена фокстротом.

«Фокстрот» — название по-английски. По-французски этот танец называется «данс д'Имбесиль», а на честном прямолинейном русском языке — «пляска дураков».

Во всех шантанах и дансингах мира ежевечерне происходит по окончании программы одна и та же сцена: середина зала очищается от столов и стульев, и откуда-то выползает

странный оркестр, очевидно нарочно созданный для вышеуказанного танца... Два-три бездельника начинают тренькать на банджо, пианист в это время сводит личные счета с беззащитным пианино, кое-кто дудит в дудку, а самый главный — большею частью джентльмен с черным лицом и белыми зубами — ведет себя совсем по-издевательски: окружен он барабанами, тарелками, ложками, вилками — целым столовым прибором. Но этого мало: странная машина, стоящая около него, увешана всем, что не нашло полезного применения в хозяйстве: пустыми бутылками, старыми сковородками, платяными щетками, испорченными частями автомобиля и чайными ситечками... по всей этой рухляди чернокожий вдруг начинает свирепо колотить барабанными палками, присвистывая, икая и огогокая.

Он дудит, пищит, стонет, трезвонит, бьет палкой по стульям, по полу, по бутылкам, чайным ситечкам и по вывешенному тут же портрету своего предка..

И под эту музыку его родины, звучавшую еще при Линвингстоне, когда в котлах варились взятые в плен горемычные враги, а тут же сбоку еще живым рубили головы, как капусту, — под эту музыку начинается фокстрот.

Вяло, скучаяще выбредает на середину дама. За ней плетется кавалер, а на лице его, вместо радости предстоящего танца, написаны все невзгоды, обрушившиеся с утра: неоплаченная квартира, холодная комната, ехидно лопнувший ботинок и предстоящее возвращение домой по слякоти.

Угрюмо обвивает он красной лапой худосочную талию дамы и принимается топтаться, уставившись с беспросветным видом в угол потолка.

Потоптался. Потряс плечами. Потрясла плечами и дама. Судорожно дернул крупом. Дернула и дама. Потом ноги его, как отварные макароны, заплелись одна за другую. Расплелись. Снова потоптался.

Тяжелая работа, скучная. А надо!

Вот ты, каналья, топчешься тут, будто виноград на вино давишь, а ты бы лучше дома посидел. Книжку бы почитал! Небось, Достоевского, Диккенса и не нюхал, об Оскаре Уайльде не имеешь и понятия, а туда же — в светскую жизнь ударился — я, дескать, вращаюсь в светском вихре!

Еще можно понять тех джентльменов и леди, которые за весь этот страдальческий выпляс получают по два, по три доллара в вечер: такая же работа, как и скучное ведение бухгалтерских книг или набивание папирос.

Но как проникнуть в таинственные изгибы психологии тех добровольцев, которые без всякого понуждения и выгоды тоже выходят на середину, с лицами людей, только что приговоренных к долгосрочному тюремному заключению, и начинают под грохот сковородок, угрюмо, с окостеневшим взором, семенить ногами, даже не бросив косога взгляда, не поинтересовавшись: а что это за прекрасная девушка тут же судорожно бьется под моей рукой, извиваясь, трясясь и спотыкаясь...

А может быть, это царица красоты, под огнем глаз которой пышно забурлит кровь и сладко забьется сердце?!

Кой черт! Он даже руки ей не пожмет после танца: затихла музыка, дико взвизгнув напоследок, — и кончилась пляска заводной куклы.

Щелкнула раскрутившаяся пружинка, и обе куклы с сонными лицами распадаются.

— Братцы! Да ведь вы же цари природы!! Что же это за поведение такое?!

Однажды был я с приятелем в кафешантане, и полюбился нам один фокстротист пуще ясна сокола. Это был парень с лицом ацтека и головой микроцефала... На макушке рос густым кустарником пук волос, нос занимал на лице такое командующее положение, что рту и глазкам буквально некуда было деваться. Ослепительно короткие брюки выказывали пару фокстротных тощих ног — о, как полюбился нам этот паренек с наружностью выгнанного конторщика!

В тот вечер он сделал верст пятнадцать, не считая всех сплетений ногами и трясений плечами и крупом.

И он заметил тоже, что полюбился нам, — это немного оживило окостеневшего беднягу, — по крайней мере, он даже в нашу честь выкинул два-три фортеля ногами, расставив их ножницами, а потом согнув с хитрым подскоком.

Мы его поощряли, как могли, — улыбались, подмигивали, — и этот бедный заброшенный цветок совершенно расцвел.

Из пятнадцати топтавшихся кавалеров он был единственным, который проявил некоторые признаки жизни в этом царстве анабиоза.

И теперь, когда я, сидя в позе созерцателя в каком-нибудь дансинге, натыкаюсь взглядом на знакомый куст волос на макушке и короткие панталоны, болтающиеся на тонких ногах, — мы оба молчаливо оживляемся, и лица наши светлеют: он видит во мне тонкого ценителя искусств, доку и знатока. Я в нем вижу честного работягу — самого большого дурака между фокстротистами и самого искусного фокстротиста между дураками.

Прощай, милый микроцефалический ацтек!.. Земля тебе пухом, когда ты будешь выделявать свои кренделя, ножницы и макароны...

ПЯТЬ РАССКАЗОВ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Дорогие читатели! Позвольте вам преподнести пять воспитательных рассказов... По некоторым причинам я могу восторженно отзываться об этих рассказах — и не моя вина, если мое мнение разоидется с читательским.

Вот — читайте:

НЕУДАЧЛИВЫЙ ПАССАЖИР

Один господин, спеша по делу, решил сесть в трамвай. Сказано — сделано. Но второпях он влез не в тот вагон трамвая, который был ему нужен, и поэтому трамвай завез его в противоположную сторону. С досадой в душе он сел в другой трамвай, но и в этом случае ошибся. На все эти уморительные недоразумения было потрачено часа полтора, и господин опоздал на важное свидание.

УПРЯМЫЙ МАГНИЙ

Группа лиц решила однажды вечером сняться фотографическим путем. Сказано — сделано. Явился фотограф

с аппаратом и с машинкой, которая автоматическим путем зажигает магний для вспышки.

Фотограф усадил группу и, после долгой возни, сказал: — Приготовьтесь! Сейчас будет вспышка!!

Нажал пружину — чик! — вспышки нет.

Опять — чик! — опять нет вспышки. И так он пять раз пытался безуспешно произвести вспышку. Наконец ему эти попытки надоели, он вынул спички и зажег магний простым способом.

Это было очень смешно.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ СО СТАРИКОМ

Один старик, приезжий из Гамбурга, шел во время дождя по улице. Вдруг — мимо него автомобиль... Боясь, чтобы автомобиль не забрызгал его грязью, он в ужасе отскочил в сторону и — как раз попал обеими ногами в глубокую лужу.

Надо было видеть комическую ярость старика из Гамбурга! Кстати, приехал он из Гамбурга покупать кожу для обувной фабрики, да, кроме того, привез с собою большую жену, чтобы посоветоваться со знаменитым профессором о состоянии ее здоровья.

ОКРАШЕННАЯ ДАМА

Стоя на высокой лестнице, маляр мазал краской по фасаду дома. А в это время внизу проходила дама — и маляр нечаянно забрызгал ей платье и шляпу краской. Дама подняла крик, произошел скандал, и явилась даже полиция...

Даме было лет 28–30.

РАССЕЯННАЯ КУХАРКА

Кухарка (по имени Марья) наливала у себя на кухне в ведро воду из водопроводного крана... А в это время барыня зачем-то позвала ее в комнаты. Сказано — сделано. Наша кухарка пошла на зов барыни, да и застряла там. А вода все лилась да лилась, перелилась из ведра, затопила кухню, да еще просочилась через пол на потолок нижнего этажа, испортив штукатурку...

По требованию нижних жильцов кухарку пришлось считать. Сказано — сделано. Кстати, внизу жил один почтовый чиновник с женой. Была раньше с ними и дочь, но ее перед этим выдали замуж за провизора, который не совсем-то ладно живет со своей женой. Ох, уж эта семейная жизнь!

Вот и все пять рассказов.

Теперь, когда читатель их дочитал, я могу сказать откровенно: ни один из пяти рассказов мне не нравится. Более того, я отношусь ко всем пяти с отвращением. А читатель обязан быть от них в восторге!!

Ведь это подлинное творчество моего читателя.

Дело в том, что читающая публика, будучи осведомлена о моих литературно-юмористических способностях, преследует меня всюду: в театре, в железнодорожном вагоне, в ресторане и даже является ко мне домой.

Явится такой господин или госпожа и говорит самым дружелюбным образом:

— Послушайте, Аверченко! Вы пишете смешные вещи — вот вам тема, которую вы с вашим талантом хорошо работаете: «Один старик, приезжий из Гамбурга»...

Или:

«Одна кухарка наливала воду в ведро»...

Или:

«С одной моей знакомой дамой был случай, который так и просится под ваше острое перо... Проходила эта дама вчера под маляром» и т.д.

В некоторых случаях сердобольные рассказчики, видя на моем лице выражение беспросветного уныния, спешили украсить свой рассказ подробностями, каковые, по их мнению, могли дать более увлекательную, более выпуклую картину...

Таким образом, меня детально осведомляли о причинах приезда гамбургского старика, о возрасте окрашенной дамы, о семейной жизни дочери залитого водой почтамтского чиновника...

Я страдаю от этих авторов «тем» каждый день, каждый день делаю гигантские усилия, чтобы перекроить выражение

отвращения на лице в выражение напряженного интереса и тихого восторга.

Пусть же читатель хоть сегодня испытает часть того, что я испытываю каждый день!..

Ведь эти пять рассказов — его творчество...

.....

ОХОТНИК НА СЛОНОВ

Сидя в кафе на диване с высокой спинкой, я услышал донесшуюся до меня с другой стороны дивана одну из самых замечательных фраз, когда-либо прозвучавших на нашем дряхлом земном шаре:

— ...Когда я в Америке охотился на слонов, то...

Я заглянул за спинку дивана: белобрысый вялый молодой человек, наклонившись к двум прехорошеньким дамам, сидевшим против него, рассказывал, а они обе слушали его со сверкающими глазками, с полуоткрытыми розовыми ротиками...

— ...Надо вам сказать, что американские слоны отличаются особенной свирепостью...

Мое честное, бурно бьющееся в груди сердце — не выдержало. Я встал, приблизился к разговаривающим и, поджентльменски извинившись перед дамами, наклонился к вышеописанному парню:

— Вы лжете, — сказал я, глядя на него открытым взором. — Не могу выносить, когда лгут.

Молодой человек вскочил, и в тусклых глазах его сверкнули молнии.

— Милостивый государь!! Вы за это ответите!

— Это другой вопрос. Но... вы сейчас солгали этим дамам.

— Он нам только рассказывал, — вступилась одна из дам, — как он охотился в Америке на слонов.

— Сударыня! Я очень понимаю ваше вполне законное спортивное любопытство, но... дело в том, что в Америке слонов нет! Слоны водятся только в Африке и Азии.

— Что вы говорите?! А как же он рассказывал, что убил в Америке двух слонов?

— Очень просто — солгал.

— Милостивый государь! — воскликнул белобрысый с отчаянной храбростью. — Вы за это мне ответите!

— Когда, где и как угодно. Но слоны в Америке от этого не заведутся.

Одна из дам неожиданно рассмеялась.

Это так обидело их спутника, что он, вспыхнув, как утренняя заря, обратился ко мне:

— Надеюсь, вы сами понимаете...

— Что, дуэль? Пожалуйста! Давайте вашу карточку.

Он мрачно порылся в бумажнике и с видом завязтого бретера протянул мне карточку.

Мы церемонно раскланялись, и я ушел.

Я человек не из трусливых, но... дуэль есть дуэль. К этим вещам я отношусь серьезно. Предстояло много традиционных хлопот: найти секундантов, врача, написать родным на всякий случай предсмертные письма — только на другой день вечером все было устроено. Вечером же явились и секунданты с ответом:

— Все готово! Завтра в семь утра. За дубовой рощей. На пистолетах.

— Он не ломался? Не трусил?

— Нет, представьте. Очень мужественный. Сразу согласился.

Без четверти семь я уже был со своими секундантами и врачом на месте, а через десять минут вдали показался автомобиль моего противника.

Мои секунданты направились к нему, поговорили с его секундантами и, отмерив расстояние, вручили нам пистолеты. Как всегда бывает — мы оба старались до выстрелов не замечать друг друга. Особенная — не то деликатность, не то презрение к врагу.

Стали у барьера. Я поднял свой пистолет, навел на противника и, вдруг... мой пистолет от изумления опустился и бессильно повис в руке.

— Послушайте! — удивленно окликнул я своих секундантов. — Что за черт?! Это тот самый?

— Кто?

— Да противник-то? Тот, у кого вы вчера были?

— Ну да, а какой же?! Отправились по адресу, вызвали и точно исполнили все, что требовалось.

— Да ведь он брюнет!! А тот, кто меня вызвал, блондин.

Почти такой же разговор происходил там вдали, где стоял мой противник.

— Кой черт!! — кричал он так, что нам было слышно. — Что это там за человек, с пистолетом? Я его первый раз вижу!

Мои секунданты возмутились.

— Позвольте! Но ведь мы были вчера именно у вас. И вы согласились!!

Обе группы сблизилась, горячо жестикулируя.

— Да, я согласился, потому что думал, вы явились именно от того господина, кого я вызвал. А против этого господина я ничего не имею. Он даже кажется мне чрезвычайно симпатичным. Здравствуйте! Как поживаете?

— Мое почтение, — дружески пожал я ему руку. — Скажите... это ваша визитная карточка?

— Моя. Я дал ее тому белобрысому негодяю, который...

— Постойте! — радостно вскричал я, — такой худосочный блондин, с рыбьими глазами, врет так, что волос дыбом...

— Ну да, он! Уверял при мне публику, что был женат на Саре Бернар и что она из-за него сломала себе ногу. Из ревности. А я схватил его за шиворот и... тово...

— А у меня с ним вышло из-за слонов. Рассказывал, как в Америке слонов убивал. Каково?

Мы оба разговорились и общей дружной компанией вернулись в город. Пообедали вместе. После обеда решили прогуляться по городу.....

.....
Мой новый приятель дернул меня за рукав.

— Слушайте! Вот он!

— Кто?

— Муж Сары Бернар и американский охотник на слонов! Впереди нас с дамой идет.

Мы догнали его и прислушались к разговору:

— Да, знаете, сударыня, — дуэли для меня не новинка. Но мужчины сделались такие трусливые, что ужас. Да вот,

например... За эти три дня у меня было два вызова на дуэль — и что же! Ни тот ни другой так и не прислали своих секундантов. За собственную шкуру испугались! Хе-хе... А я-то, по наивности, сидел эти дни дома и ждал. Вот, думаю, еще пара выстрелов на голодный зуб. Вообще, я люблю сильные ощущения. Когда мне пришлось в Шотландии переплывать Ниагару...

Мы оба расхохотались и повернули обратно.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА *(Научная статья)*

За всю мою жизнь мне пришлось прочесть целую уйму книг, но больше всего я любил читать правдивые истории о различных приключениях и испытаниях, случившихся с разными отважными, храбрыми людьми.

Подумать только — сколько иной человек перенес за свою богатую опытом бурную жизнь — так это в десяти книгах не упишешь!

Читаю, бывало, а у самого глаза горят, щеки пылают, а рука сжимается в кулак, будто сжимает эфес шпаги, а колени тоже сжимаются, будто сдавливают бока кровного скакуна, а грудь порывисто дышит, а горло... да, вообще, что говорить — очень живо я все напечатанное переживал, — будто сам участвовал во всех этих схватках, битвах и любовных приключениях, бок о бок с д'Артаньяном, Казановой и Гордоном Пимом...

Но вот, на днях иду я мимо книжного магазина, гляжу — на витрине выставлена книжка: «Путешествия и приключения барона Мюнхгаузена»...

Сердце мое так и дрогнуло: вот те раз! Все, кажется, в своей жизни прочитал, а приключений барона Мюнхгаузена не знаю...

Купил... Ознакомился...

Не знаю, как относятся к приключениям барона Мюнхгаузена другие, но я могу только головой покачать.

Да еще разве плечами пожать. Да еще разве только недоверчиво подмигнуть.

Я с детства привык благоговейно верить печатному слову: напечатано — значит, так и было, — но все же есть границы.

Допускаю, что бывают чудесные совпадения и неслыханные удачи...

Например, тот случай, когда барон Мюнхгаузен, спасаясь от медведя на дереве, уронил кинжал, и так как дело было зимой, то барон принялся плевать на рукоятку кинжала; до тех пор, пока плевки, замерзая, не выросли в ледяную сосульку, что дало барону возможность, ухватившись за эту сосульку, втащить кинжал на дерево...

Что ж... Это, конечно, очень трудно, но возможно, я думаю, если брать правильный прицел.

Я допускаю также случай с оленем, в лоб которого Мюнхгаузен выстрелил вместо пули вишневыми косточками, после чего, через несколько лет, на лбу оленя выросло вишневое дерево, украшенное спелыми вишнями.

Конечно, здесь требуется целая вереница удач и совпадений, — я это прекрасно понимаю: нужно было, чтобы вишневая косточка пробила твердую лобную кость, чтобы при этом ударе ее покровы оказались ненарушенными и годными для прорастания; нужно, чтобы вещество оленьего мозга доставляло необходимое питание и влагу слабому нежному ростку; нужно, чтобы корни, постепенно увеличиваясь в росте, не разрушили мозговое вещество, а поползли по всем извилинам и разветвлениям мозга; нужно, чтобы олень не вступал в битвы с другими оленями, во время которых, как известно, олени ломают друг другу рога, так что, конечно, не удержалось бы и хрупкое деревце на лбу...

И если все эти счастливые случайности в данном случае имели место, то, несмотря на кажущуюся чудесность описанного, — всякий логически мыслящий человек может допустить вероятность описанного.

Я пойду дальше! Даже случай с лошадьё и колокольней я допускаю!! (Барон рассказывает, как он в Польше зимой ночью привязал лошадь к острому колу, торчавшему из снежного сугроба, а сам лег прямо в снег и, усталый, крепко уснул. Проснувшись же, он увидел себя на церковном дворе, а сверху донеслось до него конское ржание...

Взглянув наверх, барон увидел свою лошадь привязанной к кресту колокольни.)

Барон объясняет это так:

«Деревню за ночь всю занесло снегом. Потом погода резко изменилась; во время сна я незаметно опускался все ниже и ниже по мере того, как таял снег, пока не достиг твердого грунта; а то, что я принял в потемках за сломанное деревце, торчавшее из сугроба, был крест колокольни; к нему-то я и привязал лошадь»...

Я того мнения, что все эти объяснения с некоторой натяжкой можно признать... Правда, такие резкие изменения температуры и быстрота таяния снега почти неслыханны... Но они возможны! Правда, удивительно, что висящая на громадной высоте лошадь не порвала своей тяжестью уздечки или не задохлась благодаря этой же уздечке.

Но предположите, что ремни уздечки были сделаны из какой-нибудь гиппопотамьей кожи, что уздечка была так надета, что не стягивала дыхательных органов, — и все делается допустимым, все делается понятным...

Как говаривал Эпиктет:

«Это более, чем чудесно, — это возможно».

Но если теперь мы обратимся к другим «приключениям» Мюнхгаузена, нам останется только развести руками — правдивость их, этих приключений, не выдерживает даже самой снисходительной критики! Я готов признать все, самое неслыханное по ряду совпадений, самое невероятное, но при условии... Слышите? При условии, если это неслыханное не противоречит законам физики, биологии, баллистики и проч., и проч., и проч.

Барон рассказывает, как он после битвы вздумал напоить свою лошадь из водоема, и как лошадь пила целый час, и как он, случайно оглянувшись, увидел, что весь зад лошади с крестцом и ляжками был отрублен прочь, почему вся выпитая вода выливалась сзади, не принося лошади ни прохлады, ни облегчения...

В этом месте мой долг — долг читателя и логически мыслящего человека — воскликнуть:

— Барон! Вы лжете! Вы лжете, барон, потому что лошадь, лишенная половины своего тела, не могла не только нести, но даже удержать вас на себе (закон равновесия); она не могла даже и без вашей тяжести устоять на месте (закон потери крови), а не только глотать воду целый (?) час (?!!).

Другими словами, эта несчастная лошадь должна была, лишась своей задней половины, немедленно же и неукоснительно издохнуть на месте, а не носить вас по полю битвы, милостивый государь! А не пить воду в продолжение часа, господин барон!

Но барон этим не ограничивается! Он имеет *смелость* (избегаю поставить в этом месте другое слово, более резкое, но и более уместное), он имеет наглость утверждать, что вторая половина лошади, задняя, не только осталась, как говорится, жива и здорова, но еще имела мужество лягаться, а затем, сокрушив врагов, мирно отправилась на пастбище (?), где завела даже несколько интрижек с пасущимися кобылицами... но нет! Всякому лганию, даже самому беззастенчивому, есть границы.

И вы думаете, что барон этим ограничивается? О, если бы он только этим и ограничился! Мы бы тогда еще могли подыскать ему кое-какие оправдания. Мы бы могли допустить некоторую жизнеспособность отрубленных частей тела в течение некоторого времени, ибо, по утверждению ученых, отрубленная голова казненного преступника в течение нескольких секунд продолжает жить, закрывая и открывая глаза... Мы бы вспомнили о змеях и ящерицах, которые, будучи разрублены надвое, продолжают ползать — каждая часть сама по себе.

Но нет барону оправдания! Потому что вы знаете, до чего он договаривается? Что при помощи ветеринара он сшил побегам лавра (?) обе разрубленные части лошади, и они снова срослись!! И он стал снова пользоваться своим конем!! И побеги лавра пустили корни! И он ездил впоследствии под сенью лавровых ветвей!

Нет, барон! Ищите себе легковых дураков в вашей злополучной Германии, а у нас в России вы их не найдете.

Вы рассказываете, как вы хотели попасть в неприятельскую крепость, для чего стали около самой большой пушки

и когда из нее выстрелили, то вскочили (?) верхом (!?) на ядро и полетели в крепость.

Кому вы это рассказываете? Да знаете ли вы, что я, не доверяя себе, спросил о возможности этого случая одного знакомого артиллериста — и он только рассмеялся мне в лицо.

Но барону, видите ли, и этого «полета» было мало. Он рассказывает дальше, что, летя на своем ядре, он вдруг впал в раздумье — что его ожидает в неприятельской крепости? И он, видите ли, на полдороге решил вернуться! Как же он это делает? Да просто: в этот момент мимо него пролетало встречное ядро, летящее в его лагерь, — он на него и перескочил!! Подумаешь, какой простой способ возвращения!.. Я, не доверяя себе, снова обратился с вопросом к знакомому артиллеристу — возможно ли это?

Он назвал меня дураком — за что? Не понимаю.

Тогда я прочел несколько трудов по баллистике, ознакомился со скоростью полета пушечного снаряда и теперь уверенно и твердо могу бросить в лицо барону:

— Барон Мюнхгаузен! Вы солгали! Мы вам не верим.

Может быть, вы, барон, возразите мне, что в ваше время ядра летали так медленно, что проворный человек мог успеть вскочить на ядро верхом, — хорошо... допустим...

Но, в таком случае, я окончательно доканаю вас вашей же историей с бешеной собакой и шубой.

Барон, видите ли, приводит картинный рассказ о том, как в одном из переулков Петербурга на него бросилась бешеная собака и впилась зубами в его меховую шубу из голубых песцов. Барон, вернувшись домой, повесил шубу в гардероб вместе с прочей одеждой...

Кажется, до сих пор все возможно? Все допустимо? Но... предоставим дальше слово самому барону:

«Каков же был на другое утро мой испуг, когда в квартире у меня поднялся адский гвалт, и я услышал голос своего лакея Ивана, громко звавшего меня: — Пожалуйте сюда, г-н барон, ваша шуба взбесилась!

Прибежав на его зов, я увидел, что почти все мои платья разбросаны по полу и разорваны в клочья. Иван в самом деле не ошибся: моя любимая шуба взбесилась (?), вероятно, от укусов бешеной собаки. Я застал ее на том, как

она яростно напала на мой новый камзол, и давай трясти его, топтать и возить по полу»...

И опять я, читатель, как и в случае с ядром, не поверил своим глазам, своим ушам, своему опыту и логике...

Отправился к знакомому ветеринару и спросил его:

— Может ли неодушевленный предмет взбеситься от укуса бешеной собаки?

— Что?!!

Я повторил вопрос.

Он долго смотрел на меня и потом спросил:

— Это не вас ли укусила собака?

— Нет, шубу. Может шуба взбеситься?

— Может. Если ее носит такой кретин, как вы.

Мне очень жаль, что я не учился в Пастеровском институте для прививки бешенства. Окончив это учебное заведение, я имел бы под собой твердую почву. За неимением этого пришлось обратиться к научным трудам.

И что же — барон и тут, в случае с шубой, солгал!

Да и действительно: как может шуба, не имеющая ни живой ткани, ни желез для выработки слюны, ни кровообращения, — пострадать от укуса бешеной собаки?! *Чем* она могла топтать камзол? Где у нее пальцы, которыми она могла разорвать платье в клочья?

Нет, барон... Всему есть мера! Я могу поверить в зайца, у которого, по вашим словам, две вторые пары ног были на спине, могу поверить в оленя с деревом во лбу, — но катанье верхом на бомбе?! Но бешеная шуба?! Но сшитая лаврами лошадь?!..

Это меня так возмущает, что я громко возвышаю свой голос и громко кричу всем читателям прошедшего, настоящего и будущего:

— Не верьте барону Мюнхгаузену. Не менее половины всего рассказанного им — ложь!

НЕУДАЧНИК

...Это был маленький полутемный аптекарский магазин. Костлявый длинноносый молодец с выражением застывшей горечи на лице перегнулся через стойку и спросил:

- Что прикажете?
- Конфет от кашля!

Он взял с полки одну банку... подумал, поставил рядом другую... через минуту присоединил к ней третью.

— Из какой же банки вам дать?.. — задумчиво проборотал он. — Эх, на риск! дам из второй.

Не успел я расплатиться, как в лавку вошел грузный господин с пакетом в руке.

— Вот вам, — сердито сказал он, бросая пакет на прилавок. — Ваших рук дело — получайте!

Угрюмый хозяин испуганно взглянул на покупателя и развернул пакет.

— Дохлая мышь, — горько усмехаясь, сказал он. — От чего она издохла?

— Вам лучше знать!! — взревел покупатель. — Представьте себе (обратился он ко мне), купил я вчера у этого мошенника кусок туалетного мыла. Вечером развернул его, да вижу — еще у меня остался обмылок прежнего... Умылся остатком, а новое оставил нетронутым и лег спать. Просыпаюсь сегодня — и что же?! На новом мыле следы мышиных зубов, и две дохлые мыши тут же лежат, рядышком... Одну из них принес, как доказательство!

— Чего ж вы волнуетесь? — попытался я успокоить его. — Зато у вас в доме двумя грызунами меньше.

— Двумя грызунами?! А умойся я вчера этим мылом, — может быть, на месте этих грызунов лежал бы я?! Дверь открылась, и вошел третий покупатель.

— Скажите, — ласково обратился он к хозяину. — Ведь на этой улице нет больше аптекарских магазинов?

— Нет, — ободренный его тоном, гордо сказал хозяин. — Мой — единственный.

— Значит, это у вас я купил прекрасное средство для ращения волос?

— У меня, у меня, — приветливо улыбнулся хозяин.

— Так, убить тебя, подлеца, мало за это средство!!! — зарычал посетитель, бросая в него какой-то банкой. — Будь ты проклят!!!

— А что? Разве волосы не растут? — донесся глухой голос хозяина, предусмотрительно нырнувшего под стойку.

— Растут!! О, они растут! Чтоб на могиле твоего отца росли такие волосы!!

— А что случилось? — с любопытством спросил я.

— Что?! Я зеленый!! У меня вместо головы изумрудный луг! Вчера один мотылек два квартала за мной летел! Я не удивлюсь, если в моей траве заведутся кузнечики!! Поглядите!

Он сдернул с головы шляпу и — действительно, никогда я не видел более чудесного зеленого цвета.

— Мошенник!! — гремел он. — Ты мне продал мазь для ращения волос, а я позеленел!! Ты всучил мне коробку крысиного яда, а крысы у меня едят его, как булку, и только жиреют!! Учить надо таких!!

Он засунул руку под стойку, вытащил хозяина за волосы и стал трепать его налево и направо. Покупатель мыла издал ряд одобрительных звуков и, засучив рукава, присоединился к зеленому человеку.

Били они его так прилежно, что мне наскучило смотреть.

— Ну, довольно, — примирительно сказал я. — Отдохните-ка лучше.

Оба оторвались от хозяина, сели на диван и закурили папиросы.

— Я его вздул за волосы, — сказал зеленый человек. — А вы за что?

— А я за мыло. Дал мне, каналья, такого туалетного мыла, что сегодня утром я нашел около этого мыла целую гирляндудохлых мышей.

— Правда? — обрадовался зеленый. — А меня мыши, представьте, одолели. Дайте мне ваше мыло, а я вам дам свою краску для ращения волос.

— А она материи может красить?

— Великолепно! Я втирал ее в голову полотенцем. Получилось прекрасное зеленое полотенце. С мылом мыли — не отходит!

— Знаете, это мысль! Я перекрашу свою серую домашнюю куртку в охотничью!

Завершив эту странную сделку, оба дали еще по лишней затрещине хозяину и удалились под руку.

Мы остались вдвоем с хозяином.

Сердце у меня доброе. Поэтому я сказал:

— У вас на лице два синяка. Приложите к ним свинцовую примочку.

— Боюсь, — робко сказал он.

— А что?

— Да у меня там в углу стоит бутылка свинцовой примочки. Я и боюсь.

— Чего?

— Сделаю компресс, а у меня вдруг на ушибленном месте волосы вырастут или зубы.

И нерешительно добавил:

— Не сделать ли примочку лимонной кислотой? Или пастой для зубов? Авось, поможет.

Мы разговорились.

— Ах, как мне не везет в жизни, — жалобно сказал хозяин. — Вот, например, такой случай... Однажды я голодал. Один владелец паноптикума познакомился со мной и нанял меня на ампулу «знаменитого голодателя». Подрядился я за солидную сумму голодать в стеклянном ящике 40 дней — рекламу он закатил хорошую. Запечатали меня при публике и оставили одного. А ночью так мне захотелось есть, что я разбил ящик, вылез, пробрался в комнату хозяина и съел целый окорок ветчины, гуся и двадцать яиц. Тогда он стал рекламировать меня как знаменитого обжору! Дела пошли хорошо, но я совершенно объел его, и он разорился... И так все у меня в жизни. Думаешь, — сделаешь одно, а выходит другое. Изобрел мыло, а оно от мышей, выдумал мазь для ращения, а она, оказывается, самая прочная краска в мире! Вот и теперь: есть у меня девушка на примете — молодая, красивая, скромная такая, что лишнего кусочка тела не покажет... Никаких декольте, никаких вольных разговоров. Прекрасная для меня пара, а боюсь!

— Чего же вы боитесь?

— Уж поверьте, — что-нибудь случится.

— Да что же может случиться?!

— Мало ли: или окажется, что она мужчина, или что у нее до меня уже есть два живых мужа.

— Глупости! Наоборот, такая жена может вас от многого уберечь. Женитесь, пока другие молодцы не опередили.

— Вы... думаете?
Расстались мы друзьями...

Дома я вспомнил о купленных пилюлях от кашля.

Это было что-то клейкое и на вкус неприятное. Я пососал с минуту и с отвращением выплюнул на пол.

Проаживаясь по комнате, стал раздумывать о странной судьбе моего нового приятеля.

Сделал несколько шагов и вдруг — прирос к месту! Одна нога будто вросла в землю. Я дергал ею, вертелся на месте, кидался из стороны в сторону — все было напрасно!

Я присел на пол, расшнуровал ботинок и вынул из него ногу.

Осмотрел приклеившийся ботинок — так и есть: пилюля от кашля!

Вообще эти пилюли оказались превосходным средством: разобьется ли у меня ваза для цветов, или отлетит от стула ножка — кусочек пилюли связывает все так, что вещь делается еще прочнее, чем целая...

Недавно, проходя мимо магазина моего приятеля, я вспомнил о нем и зашел.

— Здравствуйте! Я пришел предупредить вас, что если вы будете продавать ваши пилюли от кашля как клей, — наживете большие деньги.

— Так я и знал! — горестно всплеснул он руками.

— Что-нибудь в этом роде должно было случиться! А вы помните, я вам говорил насчет невесты? Женился!

— А-а! Поздравляю! Ну, что ж? Все благополучно? Она не оказалась мужчиной? У нее не было до вас двух живых мужей?

Он горько усмехнулся:

— Хуже!

— Вы меня пугаете?!

— *Татуирована!!* Да как! Живого места на теле нет. Обнять ее не могу, — будто китайскую ширму с драконом обнимаешь!

— Чудеса! Послушайте!.. Ведь вы могли бы ее за деньги перед публикой демонстрировать.

— Вот то-то и оно!! А я вместо этого на ней женился! Всегда у меня так: делаешь то, чего не нужно, а что было бы хорошо — так узнаешь об этом слишком поздно!!

.....

КАНИТЕЛЬ

— Подсудимый Шишкин! За что вы ударили палкой по темени потерпевшего Мирона Заявкина?

— За то, что он, господин судья, непочтительно отозвался о моей жене.

— Как же он о ней отозвался?

— Он назвал ее «женственной».

— Да позвольте! Разве же это обида для женщины, если назвать ее женственной?!

— А что ж, по-вашему, комплимент, что ли?

— По-моему, комплимент.

— Мерси вас за такое юридическое постановление. А я нахожу, что это обида — назвать человека женственной...

— Почему же?

— Потому что женственная, это я понимаю, что на самом деле значит... это значит: дура.

Это жестокое определение могло бы быть использовано даже как эпиграф к моему рассказу, но я не хочу делать этого, потому что не в моих правилах обижать женщин.

Лучше и справедливее будет, если я искренне, просто и без утайки расскажу все, что знаю об отношениях Софьи Григорьевны к Матильде Леонидовне...

Первое мое знакомство произошло у Перевозовых. Меня подвели к живописной группе, состоявшей из двух женщин, причем брюнетка положила голову на плечо светловолосой,

а светловолосая нежно держала узкую красивую руку брюнетки в своих пухлых ручках.

В них было много женственности, в этих двух очаровательных куколках.

— Очень приятно, — ласково признался я. — Я вижу, что вы обе очень дружны.

— О-о! — засмеялась блондинка, — если я узнаю, что вы обидели Софью Григорьевну, я вам нос откушу.

— Если бы вы осмелились хоть взглядом оскорбить при мне Матильду Леонидовну, — поддержала брюнетка, целуя подругу в щеку, — я бы вам выколола оба глаза своей шляпной булавкой.

— Да, я вижу, ссориться мне с вами не расчет. Давайте лучше дружить!

Обе залились жемчужным смехом:

— Давайте. Мы любим таких простых ребят, как вы.

Я ответил не менее приветливо:

— Девицы, подобные вам, всегда были близки моему измученному сердцу.

— Мы не девицы. Мы дамы.

— Успели уже?! — удивился я. — И кто вас так гонит, не понимаю? Мужья-то, по крайней мере, хорошие, или как?

— У Сонечки муж хороший, — сказала Матильда Леонидовна, — а мой так себе.

— Тилли! И тебе не стыдно так говорить о своем муже? Не верьте ей, у нее муж тоже хороший.

— Нет, уж я лучше буду верить. Так как Матильда Леонидовна говорит, что ее муж «так себе», то я с этого момента начинаю за ней ухаживать, хи-хи!

— Соня, — обернула к подруге Матильда Леонидовна свое розовое как весенний закат личико, — можно, чтобы он за мной ухаживал?

— Можно, — милостиво согласилась Софья Григорьевна.

Мы все трое сплели наши руки, и с того времени я всем сердцем прилепился к этим милым добросердечным безделушкам.

Через неделю я был уже у Матильды Леонидовны своим человеком: возился с крохотной дочкой, доставал билеты в театр и если не виделся с ней каждый день, то по телефону мы разговаривали утром, в обед и вечером.

Однажды звоню:

— Алло! Это вы, Матильда Леонидовна?

— Я?! Кто говорит?

— Заведующий воспитательным домом. У нас освобо-
дилась вакансия... Не отадите ли свою дочку?

— А, чтоб вас дождем намочило! Не можете без глупос-
тей. Здравствуйте. Послушайте! У меня плохое настроение,
и мне скучно.

— Ваша скука нынче же будет истерзана, разорвана в клоч-
ки и развеяна по ветру. У меня есть ложа в цирк — хотите?

— Вот это мысль, — обрадовалась Матильда Леонидов-
на. — А кто будет?

— Кроме нас? Софью Григорьевну сманю и брата Пе-
ревозовой.

Маленькая пауза.

— Ах так?.. Да-а... Но там, вероятно, в ложе вчетвером
тесно. Нет, уж поезжайте лучше без меня.

— Да ведь ложа на четыре персоны!!..

— Да-а... На четыре. Ну, возьмите кого-нибудь четвертого.
Мадам Перевозову, что ли...

— Однако ведь вы хотели поехать.

— Хотела, а теперь раздумала.

— В чем дело?!

— Отстаньте. Если бы вы знали, как вы мне все надоели...
Треск. Отбой.

Странно.

Вызываю другой номер:

— Это Софья Григорьевна?

— Да. Кто говорит?

— Агент сыского отделения. Послушайте, Софья Григо-
рьевна... Что побудило вас срезать ридикуль у купеческой
вдовы Талдыкиной? Вы сознаетесь в этом?

— Что-о-о?!.. Фу ты, как вы ловко меняете голос. Здрав-
ствуйте. Что подельываете?..

— Сичу дома, пью чай. Сейчас только беседовал с ва-
шим другом.

— С кем?

— Да с Матильдой же Леонидовной!!

— А-а... А вы все еще ее верный рыцарь? Удивляюсь,
как это она позволяет вам звонить ко мне.

— Тетенька, что с вами?! Откуда такие слова?! Ведь Матильда Леонидовна так вас любит...

— Ах, слушайте, не будьте ребенком! «Любит, любит». Я была такая же глупая, как вы, верила всему этому свято, но...

— Но?!

— Как я могу хорошо относиться к человеку, который готов меня в ложке воды утопить...

— Софья Григорьевна! Милый друг! Я ушам своим не верю. Матильда Леонидовна такой добрый, мягкий парень...

— Ну, вот и целуйтесь с этим мягким парнем, а я...

Трубка звякает. Мертвое молчание. Зеркала напротив нет, но я и так чувствую, что лицо у меня глупое.

Вечером узнал доподлинно: только вчера произошла тяжкая ссора из-за того, кому продавать на благотворительном вечере цветы и кому — программы. То ли, кажется, Матильда хотела «сидеть на программах», а Софья «на цветах», то ли наоборот, — точно мне не удалось выяснить.

Ну, поссорились и поссорились. Жаль, но мало ли кто ссорится. Во всяком случае, они и порознь настолько милы, что я могу продолжать свою дружбу с каждой отдельно.

А как, спрашивается, наилучше продолжать с женщиной дружбу?

Очень просто: ругать ее врага.

Немного это, как будто, нечестно, но отчего не сделать хорошему человеку приятное. Я добрый.

Был у Софьи Григорьевны на обеде. Встретила она меня так радостно, что я был тронут.

Усадила в кресло, и первый вопрос ее был:

— Встречаете ли Матильду Леонидовну?

— Вы спрашиваете об этой розовой невыпеченной булке?

Нет, признаться, я этой размазни не видел два дня.

На лице Софьи Григорьевны мелькнуло выражение ужаса:

— Вы с ней поссорились?!

— Нет, — слегка удивился я. — Это вы с ней поссорились.

— А вы, значит, по-прежнему в хороших отношениях?

— Д... дда... А что?

— И вам не стыдно так отзываться о бедной Тилли?! Вот, говорят, женщины злоязычны. Куда нам до вас! Обождите, — Тилли сейчас приедет, я ей расскажу, как вы...

— Куда приедет?!

— На обед. Ко мне. Чего это вы так всполохнулись?

— А ваша... взаимная... ненависть?!

— Ну, вы тоже скажете — ненависть! Тилли, в сущности, очень хороший человек, только вспыльчива свыше меры. Порох! Да вот и она.....

.....
Они стояли передо мной ласково, любовно обнявшись: головка блондинки тихо покоилась на плече брюнетки, а рука брюнетки нежно обняла полную талию блондинки.

— Ах, господа! — радостно говорил я. — Сегодня для меня Пасха. Я так рад!.. Давно бы так, мои милые чудесные девушки. Если бы я был другого пола, — я расцеловал бы вас обеих прямо в мордочки.

Обе лучезарно засмеялись.

— Черт с вами, целуйте.

Сколько было в этой грубой фразе мило-интимного, вечно женственного.

На картинной выставке встретился с Софьей Григорьевной.

— Здравствуйте, Софья, что по-гречески значит Мудрость! Целую вечность не виделись. Я, чай, дня три не целовал вашего носика.

— Полно врать. Вы его раньше не целовали.

— Все равно — хотел.

Она поглядела в сторону и спросила:

— Матильду Леонидовну встречаете?

— Вчера. Вскользь. Просила передать вам тысячу приветов.

— Она мне передала привет?! — странным дрогнувшим голосом спросила Софья Григорьевна.

— М... да, — не совсем уверенно подтвердил я.

Сказал я о привете на всякий случай. Виделись мы с Матильдой буквально на лету, и я даже не расслышал, что она мне крикнула с экипажа.

— Да, она... Этого. Кланялась вам.

— Ну, это уж, знаете, наглость, — закипела вдруг Софья Григорьевна. — После того, что она позволила в отношении меня, — передавать поклоны — это я считаю форменным издевательством!!!

— Поссорились?! — простонал я.

— Ах, вы и не знаете. Только нынче на свет родились?! Весь город возмущен ее подлым поступком со мной на аукционе... Неужели вы ее еще не раскусили?!

— Да, — вяло поддержал я. — Она, действительно, тяжелый человек. В ней есть что-то, как бы это сказать: змеиное!

— Ага, и вы заметили?!

— Да, да, — уныло пополз я дальше. — У нее темперамент заменяется всегда резким, рвущим барабанные перепонки визгом. Визжит, визжит, а что толку?

Заехал к Матильде Леонидовне выпить стакан чаю и для укрепления дружбы ругнуть Софью Григорьевну. Это, по моему мнению, должно было очень освежить застоявшуюся атмосферу.

Еще в передней радостно закричал:

— Здравствуйте, цветочек! Все хорошеете? А я недавно видел эту выдру, Соньку... Боже, как она подурнела! Черная, страшная.

— По-вашему, она выдра?! — звонко расхохоталась Матильда Леонидовна. — А вот мы ее сейчас сами спросим... Сонечка! Разве ты похожа на выдру? Давай булавку, мы ему сейчас язык наколем... Ей-Богу, он нахал. Тебя называет выдрой, меня — змеей, у которой темперамент заменяется визгом, рвущим барабанные перепонки. Хорош!!

Вышедшая из другой комнаты «Сонечка» обвила рукой талию хозяйки, а та положила ей золотистую головку на плечо, и они слились в такую прелестную женственную группу, что всякий другой на моем месте пришел бы в восторг.

Я опустил бессильно в кресло и тихо сказал:

— Сколько в вас женственности... Вы так напиханы этой женственностью, что она лезет у вас из глаз, изо рта, из ушей... Поменьше бы женственности, а? Хорошо бы было, роскошно

было бы! Но если уж вы настолько женственны, то оставьте хоть меня в покое, или устройте меня так, чтобы я был вне всего этого... Поймите, что я настолько неповоротлив, что не могу угнаться за всеми вашими прихотливыми изгибами, поворотами и бросаниями из одной крайности в другую. Я прошу, я, наконец, требую, чтобы периоды ссор отмечались какими-нибудь внешними признаками: ленточку черную на шею себе нацепляйте или флаг на крыше вашего дома выбрасывайте, чтобы я мог безошибочно руководствоваться. Нельзя же так — поймите вы меня!!!

Они стояли передо мной, сияющие молодостью, красотой и женственностью, любовно прильнув друг к другу, и смотрели на меня с любопытством и удивлением.

— Какой смешной! — сказала белокурая.

— Да... Неужели он думает, — подхватила черная, — что мы теперь еще когда-нибудь поссоримся?!

— За то, что вы такой нехороший, достаньте нам два билета на «Дон-Кихота».

— Слушаю-с! Прикажете рядом или в разных сторонах?

— Почему в разных? Вот глупый!

— Ничего не глупый. Не забывайте, что спектакль еще через четыре дня.

.....

ВЕЧНО-ЖЕНСКОЕ

Начался вечер очень мило: я сидел у Веры Николаевны и оживленно беседовал с ней о литературе, о любви, о морях-океанах, о преимуществе жареных пирожков над печеными, об искусстве смешивать духи, о нахалах, пристающих на улицах, и о полной допустимости загробной жизни.

Звонок в передней прервал мое заявление о том, что паюсную икру, размятую с сардинами и соком лимона, — никак нельзя приправлять сливочным маслом.

— Гм... Звонок... Это, вероятно, моя школьная подруга. Я ее не видела двенадцать лет.

«Чтоб ее черт унес», — подумал я.

Вслух продолжал:

— Я знал даже людей, которые присыпали ее зеленым луком и петрушкой.

— Подругу? — удивилась хозяйка.

— Икру!..

— Какую? — рассеянно переспросила хозяйка, прислушиваясь.

— Паюсную!..

Я ревниво отметил, что внимание ее было уже не около меня, а в передней, откуда доносился стук сбрасываемых ботинок и шелест снимаемых одежд.

— Ну да, это она! — просияла хозяйка. — Боже ты мой... двенадцать лет! Ведь мы расстались совсем девчонками! С седьмого класса...

Сначала в комнату влетело что-то темно-коричневое, потом ему навстречу шумно двинулось зеленовато-голубое, потом эти два кружащихся смерча соединились, сплелись воедино и образовали один бурный, бешено вращающийся на своей оси смерч, в котором ничего нельзя было разобрать, кроме мелькающих рук, писка и чмоканья... Жуткое зрелище!..

В отношении поцелуев разгон был такой, что инерция еще долго не могла прекратиться. Но на третьей минуте подруга засбоила, то, что называется у коннозаводчиков «сошла с круга», и отстала в одном темпе: именно, хозяйка чмокала ее в то самое время, когда щеки подруги отрывались от хозяйкиных губ; чтобы вознаградить хозяйку за этот холостой поцелуй в воздух, подруга ретиво возвращала лобзанье, но в этот момент хозяйкина щека, в свою очередь, уже отрывалась от подругиных губ, и снова поцелуи, как петарды, безвредно разряжались в воздухе.

Наконец смерч распался на свои основные цвета — темно-коричневый и зеленовато-голубой, подруги отдышались, фыркнули, точно запаренные лошади, отчетливо, как по команде, вынули из сумочек какие-то красные палочки, намазали губы, попудрили носы, еще раз обменялись радостными взглядами, и только тогда их внимание обратилось на меня, скромного, забытого, оглушенного, ослепленного шумом и треском.

— Позволь тебе представить, Ньюра, мой большой друг.

Подруга бросила на меня рассеянный взгляд и швырнула в мою сторону, как собаке кость:

— Очень приятно.

— Я думаю! — самодовольно хихикнул я, радуясь уже тому, что они обратили на меня внимание.

— Что вы сказали?!

— Я говорю, что Вера Николаевна много мне о вас говорила.

Соврал. Для того и соврал, чтобы они обратили на меня хоть какое-нибудь внимание.

Но нет ничего ужаснее зрелища двух встретившихся после долгой разлуки подруг. От созерцания такой пары холодеет кровь и свертывается мозг у самого стойкого человека.

Они уселись на диван по обе стороны от меня, и с этого момента я превратился в ничтожество, в диванную подушку, через которую можно переговариваться, совершенно ее не замечая.

Глаза их восторженно вперились в лица друг друга, а руки сплелись через меня и невозмутимо покоились на моих коротких коленях.

— Так вот оно, значит, как, — проворковала хозяйка.

— Да-а...

— А ты помнишь Кузика?

Обе дружно рассмеялись.

— Ну, еще бы! «Медам, берит на себе труд». Ха-ха!
А где сейчас Лили?

— Ну, как же! Она вышла за Савосю Брыкина!

— Что ты говоришь?! Вот не думала. А Жужуточка?

— Он ведь во Владивосток уехал. Алика на войне убили.

— А помнишь Мику в ящике?

— Ха-ха-ха...

— Какого Мику? — спросил я с наружным интересом.

— Ах, этого вам нельзя знать. Не совсем прилично. Костя Лимончик сделался таким интересным, что не узнаешь. На виолончели играет.

— Что вы говорите?! — ахнул я, будя внутри себя дремлющий интерес к неведомому виртуозу Косте. — Неужели на виолончели играет? Кто бы мог подумать! Ну и ну!..

— А вы его знаете?

— Мм... Нет.

— Ну, так и не суйтесь не в свое дело. А где сейчас Григорий Кузьмич?..

— Он же живет до сих пор на Почтовой, 82.

Незнакомые имена, фамилии, адреса мелькали передо мной так быстро, будто бы я помимо воли погрузился в чтение старой телефонной книги.

На меня перестали обращать какое бы то ни было внимание. Лица горели, глаза сверкали, а из уст, вперемешку со смехом, сыпались десятки Аликов, Жужуточек и Григорий Кузьмичей. Но не такой я человек, чтобы примириться с небрежностью в отношении, подобной мне, важной особы... Мне скучно, на меня не обращают внимания — так мне сейчас будет весело, и меня почтят самым лихорадочным вниманием! Я внутренне подобрался, подстерегая удобный момент для прыжка...

— А где теперь тот студент, который, помнишь, за тобой ухаживал?

— Адя Берс?

— Адя Берс?! — воскликнул я. — Неужели вы о нем ничего не знаете?

— А вы с ним знакомы?

— Ну!! друзья! Мне его так жалко, что и рассказать невозможно.

— А что с ним?

— Ну, как же. Сварился. В мыле.

— В каком мыле?

— Целая история. Жуткая. Вы Костю Драпкина знаете?

— Нет...

— Ну, еще бы. Так у этого Кости был мыльный завод...

— Не тяните, Господи!!

— ... Как-то раз осматривали они с Адей чан, где варилось мыло. Адя нечаянно оступился, да и вниз! Бух! Я до сих пор не могу опомниться от этого кошмара. Как только умываюсь, так и поглядываю на мыло — вдруг найду Адину пуговицу или клочок волос.

— Какой ужас! Воображаю горе его сестры Людмилочки.

— Ей все равно, — горестно качнул я головой. — Раздавлена.

— ???!

— Сенокосилкой. В имении графа Келлера. В пьяном виде.

— Что за вздор?! Разве Люда пила?

— Как лошадь. Алкоголизм. Наследственность. Вместе с Жужуточкой и пили.

— А вы и Жужуточку знаете?

— Как свои пять пальцев. Его повесили в Харбене. Организовал шайку хунгузов. Поймали в опиокурильне. Отбивался как лев. Семь человек.

Я достиг своего. Внимание подруг было приковано ко мне всецело. Роты их доверчиво раскрылись от избытка интереса и груди порывисто дышали.

Некоторая мрачность и трагизм, которыми были окрашены последние минуты целой вереницы старых друзей обеих подруг, до известной степени искупалась захватывающим интересом и романтичностью фабулы.

Не обошлось и без легкомысленного элемента: Миля пошла на сцену, в кафешантан, и теперь танцует со своим партнером, негром, тустеп.

Я сделался душой маленького общества: все-то я знал, обо всех-то я рассуждал с видом близкого приятеля и общего конфидента.

Царил я около получаса.

После одной из пауз, посвященных отдаванию последнего долга трагически погибшему при пожаре кинематографа, учителю немецкого языка Кузику, — хозяйка вздохнула и спросила:

— А ты помнишь Катину «Липовку»!.. Что с ним?

— Я знаю, — вырвался я вперед. — Он женился на цыганке из хора Шишкина, и она его от ревности отравила. Совсем на днях. Сулемой. В пирожке дала. С капустой. Как сноп! Предстоит сенсационный процесс!..

Обе подруги внимательно взглянули в мое лицо.

— Кого? — в один голос спросили обе.

— Что — кого?

— Кого отравили?

— Этого самого... Липовку, как вы его... Гм!.. Назвали. Катиного Липовку отравили... Такого человека отравить, а? Здоровяк был. И пел — как малиновка.

— Кто?

— Да этот же, Боже мой... Липовка!

Хозяйка встала с дивана с видом, не предвещавшим ничего для меня доброго и радостного...

— Вы знаете, *что такое Липовка?*

— Это... он... Такой... Липовка. По прозвищу. Брюнетик такой.

— Послушайте, вы! Нахал вы этакий! «Липовка» — это Катино имение, и оно не могло жениться на цыганке из хора, и его не могли отравить!! Как малиновка он пел, чтоб вы пропали?! Я уже давно заметила, что вы слишком развязно отправляете всех на тот свет. Теперь я понимаю...

— Прогони его, — посоветовала разъяренная подруга. — Пусть он уйдет вон!

— Ты когда уезжаешь, Нюра? — спросила хозяйка.

— Через десять дней.

— Так вот что, расторопный молодой человек!.. Уходите и являйтесь не ранее, чем через десять дней. Я накладываю на вас эпитимью.

Я цинично захохотал, послал дамам воздушный поцелуй и, крикнув: «Привет от меня Жужутке» — вышел в переднюю.

Натягивая пальто, услышал:

— Вот нахал-то. Без него, по крайней мере, наговоримся. Послушай, а где Диночка Каплан?

— В Курске. Уже четверо детей. Ха-ха-ха! А помнишь апельсинное желе на пикнике?..

— А помнишь...

— А помнишь...

Неуклюжая громоздкая машина воспоминаний запыхтела и двинулась, увозя упоенных подруг в туманную даль.

Эх, жизнь наша!

Все мелочь, все тлен, дорогой читатель.....

.....

ПЫТКА

Восемь лет тому назад, сидя за конторкой перед огромными бухгалтерскими книгами, я получил такую записку:

«Милый Сергей Иванович! Ради всего святого умоляю вас — приезжайте немедленно ко мне. Может быть, вы не будете так на меня негодовать, если узнаете, что я отрываю вас от дела в последний раз. Ваш друг Полина Черкесова».

Было двенадцать часов дня.

«Господи, — недовольно подумал я. — Чего еще этой сумасбродке от меня нужно? Придется ехать».

Услышав мою просьбу об отпуске «на часочек», бухгалтер раскусил зубами невидимый лимон и, изобразив на лице соответствующую мину, сухо сказал:

— Который это раз вы уезжаете среди занятий? Идите, но к часу будьте здесь обязательно. Сами, кажется, знаете, что работы гибель.

Полина Черкесова снимала крошечный флигелек в глубине большого двора и жила в двух комнатках совершенно одна.

— Здравствуйте, — сказал я, здороваясь. — Какое землетрясение случилось с вами?

Она бледно улыбнулась и усадила меня на оттоманку. Села напротив и, разглядывая собственные руки, сказала:

— Я вас позвала на минутку. Я знаю, вы всегда относились ко мне хорошо, и, я думаю, не сочтете навязчивостью то, что я втайне называю вас своим другом. Как вы знаете, у меня друзей вообще нет... Ну, вот. В последний раз мне захотелось увидеть дружеское лицо.

— Как — в последний? — удивился я.

— Так. Через несколько минут, когда вы уйдете, меня уже не будет на свете.

Я вскочил и схватил ее за руку.

— В своем ли вы уме?!!

Она с тихой улыбкой покачала головой и указала на ящик письменного стола.

— Пузырек уже заготовлен. Надеюсь, вы не будете отговаривать и препятствовать мне. Это решение не случайное, а продуманное в течение долгого времени.

— Да почему? — сердито закричал я. — Что за глупости? Что случилось?

— Особенного ничего. Тоска, одиночество, ничего впереди. О смерти я мечтаю, как об избавлении. И потом — знаете что? Не будем отравлять последних минут пустыми и пошлыми уговорами и спорами. Мне сейчас так хорошо, так легко.

Человек стоит на берегу тихой речки и, вдыхая запах травы, безмятежно любуется видом залитой солнцем по-

лянки и темно-синего дальнего леса на горизонте. Кто-то подкрадывается сзади и вдруг с размаху ударяет созерцателя палкой по затылку...

Сейчас я, приблизительно, был в положении этого выбитого из колеи созерцателя жизни...

— Ну, бросьте! — сказал я неопределенно. — Сейчас просто у вас плохое настроение, а пройдет — и все опять будет хорошо. Здоровая, интересная, молодая женщина — и вдруг такие мрачности. Как не стыдно?! Хотите — пойдем нынче вечером в театр?

Она усмехнулась.

— Театр... Ах, как вы меня не понимаете! Теперь театры, и люди, и все человечество так далеко-далеко от меня. Знаете, меня даже уже немного интересует, — что там?

Я совершенно не знал, какого тона мне нужно держаться. Уговаривать, — она на уговоры отвечала только снисходительным покачиванием головы. Принять это все в шутку и, поболтав пять минут о пустяках, уйти, — а вдруг она в самом деле после моего ухода выкинет какую-нибудь непоправимую глупость.

У меня даже мелькнула неопределенная бесформенная мысль: побежать в участок и заявить обо всем околоточному.

— Довольно! — сурово крикнул я. — Все это глупости. Мы сейчас это прекратим.

Я подскочил к письменному столу, выдвинул ящик, схватил какую-то бутылочку с аптекарским ярлыком и через открытое окно вышвырнул ее на каменные плиты двора.

— Что вы делаете? — испуганно вскрикнула она, но сейчас же успокоилась:

— Ребенок! Неужели вы думаете, что дело в этой бутылочке? Через десять минут у меня будет другая, — аптека ведь здесь в десяти шагах.

— Я пойду в аптеку и сделаю заявление, чтобы вам ничего не отпускали.

— Всех аптек не обойдете... Да и, кроме того, у меня в надежном месте припрятан револьвер на самый крайний случай... А веревка? Неужели вы будете сейчас сдирать все шнурки от портьер...

— Зачем вы меня мучаете, — закричал я. — Зачем вы меня позвали?!

— В последний же раз! Неужели вам так трудно пожертвовать одним-единственным часочком? Подумайте: ведь всю вашу остальную жизнь никогда, никогда я не отниму больше у вас времени.

Мы замолчали. Она сидела в кресле, подперев ладонью щеку, я метался по комнате...

— Я не допущу этого!! Я не уйду отсюда. Я не могу допустить, чтобы человек погибал у меня на глазах...

— Ах, — возразила она, — не сегодня, так завтра. Днем раньше, днем позже — это не имеет никакого значения.

«Уйти, что ли? — подумал я. — Кстати, старик бухгалтер, вероятно, уже рвет и мечет, ожидая меня. Ему нет ведь дела до таких вещей. Вместо часа прошло уже полтора... Гм! Может быть, попросить ее обождать до вечера... Глупо как-то».

— Послушайте, — нерешительно сказал я. — Подождите меня до вечера — я хочу поговорить с вами. Ради Бога! Ладно?

Она печально улыбнулась.

— Вам скучно со мной?

Я хотел сказать, что дело не в скуке, а просто истекает срок моего отпуска, и бухгалтер меня заест за то, что я запоздаю со списком дебиторов.

Но тут же я устыдился — около меня умирающий, расстающийся с прекрасной жизнью человек, а я лезу с каким-то списком дебиторов. Как это все мелко и неважно.

«Вам все неважно, — зазвучал у меня в ушах скрипучий голос бухгалтера. — По списку дебиторов нужно сделать к 15-му распределение платежей, а вы, проклятый лентяй, и ухом не ведете».

— Ну, слушайте, — ласково и задушевно сказал я, беря Полину за руку. — Ведь вы этого не сделаете, да? Ну, успокойте меня... В жизни еще может быть столько хороших минут... Обещайте, что мы вечером увидимся!

Она вяло покачала головой:

— К чему? Лучше теперь же покончить — и ладно!

«Проклятая баба, — подумал я. — Вот-то послал мне Господь удовольствие».

Жалость легко и без боя уступила в сердце моем место злости и ненависти к этой женщине.

Сердце сделалось жесткое, как камень.

«Не понимаю я этих людей, — думал я. — Хочешь отравиться — сделай это без грома и шума, без оповещений и освещений бенгальским огнем. Нет, ей обязательно нужно поломаться перед этим, оповестить друзей и знакомых... Она бы еще золотообрезные карточки разослала: «Полина Владимировна Черкесова просит друзей и знакомых на *soirée* по случаю предстоящего самоубийства через отравление...»

Она сидела в прежней позе, задумчиво опершись на руку и глядя в стену.

«Уйти, — гудело у меня в мозгу. — Но как уйти?»

Обыкновенно это не представляет никаких затруднений. Сидишь, сидишь, потом зашевелишься, озабоченно взглянешь на часы и скажешь, вставая: «Ну, я пошел...» или «Ну, поползем, что ли...»

— Куда ж вы, — говорит хозяин. — Посидите еще.

— Нет, надо. Я и так уж засиделся. Завтра, надеюсь, увидимся в клубе или в театре... Да?..

И расстаешься довольный, смягчивший неловкость разлуки перспективой завтрашнего свидания.

Я вздохнул и подошел к Полине.

— Ну? Обещаете меня ждать вечером? Даете честное слово?

— Честное слово надо сдержать, — пожалала плечами хозяйка. — А я боюсь дать его. К чему эти отсрочки? Отговорить меня не может никто в мире. Позвольте... вы, может быть, спешите по делам? Так идите. Простимся — и я освобожу вас.

«Простимся, — екнуло сердце. — Нет, я никогда не был убийцей! Я не могу ее оставить одну».

«Еще бы, — прошипел отравленный злостью голос бухгалтера. — Список дебиторов, значит, может подождать? Директор его будет делать? Или, может быть, швейцар? Если вам так трудно и тяжело служить, — зачем себя насиловать. Гораздо честнее уйти и не вредить делу».

Две, три, четыре минуты протекли в нудном, тянущем за душу молчании...

Ах, надо же что-нибудь сказать, чтобы отвлечь эту сумасшедшую!

— Прягина давно видели? — спросил я.

— Что? Прягина? Давно. Он, кажется, уехал.

— Говорят, что у него с женой что-то неладно. Опять он у этой немки стал бывать каждый день.

— Что же, с ней и уехал? Или один?

Я ответил с излишней готовностью:

— Не знаю, но могу узнать. Хотите завтра узнаю и сообщу вам. Ладно?

— Нет, зачем же. Мне это не нужно. И потом завтра! (Она иронически улыбнулась.) Вы, кажется, все думаете, что я шутила все это время?

— Ах, не говорите мне об этом!!

Я обвел комнату тоскливым взором и обратил внимание на пятно сырости, проступившее в углу стены, на обоях. Сказать ей об этом, посоветовать переменить квартиру? Она, конечно, улыбнется своей проклятой улыбкой и скажет: «К чему?»

Стенные часы пробили половину третьего.

Это была жестокая мысль, но она пришла мне в голову:

«Тебе-то хорошо: решила отравиться и спокойна! Сидишь... Никуда тебе не надо спешить и никто тебе ничего не скажет, не поднимет скандала... А я все-таки с головой сижу в этой проклятой жизни, и завтра мне будет за сегодняшнюю неявку такая головомойка, что подумать страшно!»

— Ну, не будьте таким скучным, — ласково сказала будущая самоубийца. — Хотите чаю? Самовар стоит горячий.

— Ах, до чаю ли мне! — нервно закричал я.

— Почему? Чай все-таки хорошая вещь.

Она пошла в другую комнату и вернулась с двумя стаканами чаю.

В голову мне лезли только жестокие, чисто механические мысли:

«Сама травиться хочет, умирать собралась, а сама чай пьет. А на службу я уже так опоздал, что и являться не стоит! Я-то вот опоздаю — попаду в историю, а ты, может быть, и не отравишься совсем. Да и странно это как-то. Самоубийство такая интимная вещь, что приглашать в это время гостя и заниматься чаепитием, по меньшей мере, глупо и бестактно! И, кроме того, нужно было бы иметь элементарную догадливость и такт... Раз я прошу отложить до вечера, могла бы пообещать мне это, — чтобы я ушел успокоенный, с чистой совестью. А там можешь и не держать

своего слова — твое дело. Но нельзя же меня, черт возьми, меня ставить в такое положение, что уйти невозможно, а сидеть бесполезно».

— Полина Владимировна! — тихо и проникновенно сказал я. — Вы жестоки. Подумали ли вы, кроме себя, и обо мне. В какое ставите вы меня положение... Чего вы от меня ожидали? Неужели думали, что я, услышав о вашем решении, хладнокровно кивну головой и скажу: «Ах, так. Ну, что ж делать... Раз решено — так тому и быть. Травитесь, а мне спешить на службу нужно, меня бухгалтер ждет». Поцелую вашу ручку, расшаркаюсь и уеду, оставив вас наливающей себе в стакан какого-нибудь смертельного зелья. Не могу же я этого сделать!

— Ради Бога, простите! Я знаю, что это вас нервирует, но неужели мое последнее, предсмертное желание — увидеть дружеское лицо — так тяжело для вас? На вашей совести ведь ничего не будет, раз я уже решила сделать это. Вот взглянула на вас, поговорила — и теперь вы можете спокойно уехать, удовлетворенный тем, что скрасили своему ближнему последние минуты.

«Вот дерево-то», — с бешеной злобой подумал я.

Она опустила голову и сняла с юбки приставшую к ней пылинку; потом разостлала на колене носовой платок и стала заботливо и тщательно его разглаживать.

«Зачем разглаживать платок, зачем чистить платье, если думаешь умирать?! Что за суетность...»

«Надо уходить!» — внутренне решил я.

Но никакая «формула перехода к очередным делам» не приходила мне в голову. «Ну-с, я пошел»? — пусто и не соответствует моменту. «Ну-с, прощайте, царство вам небесное»?.. Это логически самое здравое, но кто ж так говорит?

Я выбрал среднее.

— Ну-с, — сказал я, поднимаясь. — Я ухожу, и ухожу в твердой уверенности, что вы одумаетесь и бросите эту мысль. *До свидания.*

— *Прощайте!* — сказала она не менее значительно. — Постойте, я вам дам что-нибудь на память обо мне. Вот, разве кольцо. Оно вам на мизинец будет впору. Все-таки изредка вспомните...

Я швырнул кольцо на пол, схватился за голову и выскочил из передней с тяжелым стоном:

— Не могу! Пропадайте вы, провалитесь с вашими глупостями, с вашими кольцами — я больше не могу. Я измучился! Выбежав на улицу, я зашагал медленнее.

Шел и думал:

«Мог ли я сделать что-нибудь другое? И если бы я сидел до самого вечера, никакого толку из этого бы не вышло. Раз она относится к этому так спокойно — почему я должен страдать и подвергаться неприятностям?»

А неприятность будет:

«Конечно, я так и знал, отпросились на час, а исчезли на четыре... Я думаю, что до конца месяца вы дотянете, а там...»

И я незаметно окунулся с головой в омут мелких житейских мыслей и гаданий об ожидающих меня передрягах.

Это было восемь лет тому назад, а вчера один из приятелей сообщил мне, между прочим, в длинном письме:

«Помнишь нашу общую знакомую Полину Черкесову? Две недели тому назад она отравилась. Нашли ее уже мертвой...»

СОСТЯЗАНИЕ

I

Если кому-нибудь из вас случится попасть на финляндское побережье Балтийского моря и набрести на деревушку *Меррикярви* (финны думают, что это город), то вы никогда не упоминайте моего имени...

К имени Аркадий Аверченко жители этой деревушки (города?) отнесутся без должного уважения, а пожалуй, даже и выругаются...

Спорный вопрос — деревушка Меррикярви или город? — я уверен, всегда будет решен в мою пользу...

У финнов — мания величия. Для них изготовить из деревушки город ничего не стоит. Способ изготовления прост: они протягивают между домами ленсмана и пастора телефонную проволоку, и тогда все место, где проделана эта немудрая штука, называется городом, а сама проволока — телефонной сетью.

С такой же простотой, совершенно не понятной для русского человека, устраиваются и общественные библиотеки.

Дачник, гуляя по полю, дочитывает книгу и пару газет, которые были у него в кармане. Дочитав, он, по своему обыкновению и лени, чтобы не таскаться с двойным грузом (книга в руках и книга в голове), — бросает книгу, газеты на землю и уходит домой.

На брошенные дачником драгоценности набредают финны. Сейчас же закипает работа: вокруг книги и газет возводятся стены, сверху покрывают крышей, сбоку над дверьми пишут: «Общественная библиотека города (деревушки?!!) Меррикярви» — и в ближайшее же воскресенье все население уже дымит трубками в этом странном учреждении.

Первое время я совершенно не знал о существовании Меррикярви, так как жил в тридцати верстах от него в деревушке *Куомяках*.

Мы жили вдвоем: я и моя маленькая яхта, на которой я изредка совершал небольшие прогулки.

Через три дня после моего приезда в Куомяки я узнал, что неисправимые финны называли сходни, около которых стояла яхта, — «Яхт-клубом», а меня — президентом клуба.

Сначала я хотел отказаться от этого почетного звания, совершенно мною не заслуженного, но потом решил, что если проволока у них называется сетью, то почему я, скромный писатель, не могу быть президентом?

Как бы то ни было, но слава о Куомякском Яхт-клубе и обо мне, как его президенте, разлетелась далеко по окрестностям и долетела до злополучного Меррикярви.

Я не чувствую себя ни в чем виновным — начали-то ведь первые они...

II

Однажды я получил такую бумагу на печатном бланке:

Меррикярвинское общество спорта
и содействия физическому здоровью
Господину президенту Куомякского Яхт-клуба
Аркадию Аверченко

Милостивый государь!

Для поощрения и развития морского спорта Меррикярвинское общество предлагает Вашему яхт-клубу устроить парусные гонки на скорость, избрав конечным пунктом гонок наш город Меррикярви.

Для поощрения и соревнования гг. гонщиков названное меррикярвинское общество со своей стороны предлагает назначить призы: первому пришедшему к нашей пристани — почетный кубок и золотой жетон; второму и третьему — почетные дипломы.

Гонки — в ближайшее воскресенье, в 2 часа дня от отправного пункта.

О согласии благоволите уведомить.

С почтением, председатель
Мутонен

Я сейчас же сел и написал ответ:

Куомякский Яхт-клуб
Господину президенту Меррикярвинского
общества спорта и содействия физическому
здоровью — Мутонену

Милостивый государь!

Куомякский Яхт-клуб, обсудив в экстренном заседании Ваше предложение, благодарит Вас за него и принимает его единогласно.

Принося также благодарность за назначение Вами поощрительных призов, имею честь сообщить, что гонки от отправного пункта будут начаты в ближайшее воскресенье, в 2 часа дня.

С почтением, главный президент
Аркадий Аверченко

III

Наступило «ближайшее воскресенье».

Я спокойно позавтракал, около двух часов оделся, сел в свою яхточку и, распустив паруса, не спеша двинулся к загадочному, не знакомому мне городу Меррикярви.

Это было очень милое, тихое плавание.

Так как торопиться было некуда, я весело посвистывал, покурил сигару и размышлял о величии Творца и разумном устройстве всего сущего.

Встретив рыбацью лодку, я окликнул ее и спросил рыбаков: далеко ли еще до города Меррикярви.

— Лиско, — ответили мне добрые люди. — Ве или ри версты.

Финны — удивительный народ: в обычной своей жизни они очень честны и с поразительным уважением относятся к чужой собственности. Но стоит только финляндцу заговорить по-русски, как он обязательно утащит от каждого слова по букве. Спросите его — зачем она ему понадобилась?

Возвратив трем словам три ограбленные у них буквы, я легко мог выяснить, что до Меррикярви «близко: две или три версты».

Действительно, минут через десять у берега вырисовалась громадная гранитная скала, за ней — длинный песчаный берег, а еще дальше — группа домишек и маленькая пристань, усеянная народом и украшенная триумфальной аркой из зелени.

Я бросился к парусам, направил яхту прямо к пристани, повернулся боком — и через минуту десятки рук уже подбрасывали меня на воздух... дамы осыпали меня цветами...

Сами по себе финляндцы очень флегматичны и медлительны, но между ними затесалось несколько петербургских золотушных дачников, которые шумели, производили кавардак и этим подстегивали меррикярвинских исконных граждан...

— Ур-р-ра! — ревели десятки глоток. — Да здравствует Аверченко, первый яхтсмен и победитель! Ур-ра!

Сердце мое дрожало от восторга и гордости. Я чувствовал себя героем, голова моя инстинктивно поднималась выше, и глаза блистали...

О, моя бедная далекая матушка. Почему ты не здесь? Отчего бы тебе не полюбоваться на триумф любимого сына, которого наконец-то оценила холодная равнодушная толпа?!

— А остальные... далеко еще? — спросил меня, когда восторги немного утихли, один дачник.

— А не знаю, право, — чистосердечно ответил я. — Я никого и не видел.

— Ур-ра! — грянули голоса с удвоенным восторгом.

Одна девушка поднесла мне букет роз и застенчиво спросила:

— Вы, вероятно, неслись стрелой?

— О нет, сударыня... Я ехал потихоньку себе, не спеша. Никто не хотел верить...

— Дадим ему сейчас приз! — предложил экспансивный дачник. — Чего там ждать других?! Когда-то еще они приедут.

Я попытался слабо протестовать, я указывал на то, что такая преждевременность противна спортивным законам, — восторженная толпа не хотела меня слушать.

— Дайте ему сейчас жетон и кубок!! — ревела чья-то здоровая глотка.

— Дайте ему! Давайте качать его!

В то же время все поглядывали на море и, не видя на горизонте и признака других яхт, приходили все в больший и больший восторг.

Я, наоборот, стал чувствовать некоторое беспокойство и, потоптавшись на месте, отозвал председателя Мутонена в сторону.

— Слушайте!.. — робко прошептал я. — Мне бы нужно... гм... домой вернуться. Некоторые делишки есть, хозяйство, знаете... гм...

— Нет! — крикнул председатель, обнимая меня (все кричали «ура!»). — Мы вас так не отпустим. Пусть это будет противно спортивным правилам, но вы перед отъездом получите то, что заслужили...

Он взял со стола, накрытого зеленым сукном, почетный кубок и жетон и, передав все это мне, сказал речь:

— Дорогой президент и победитель! В здоровом теле — здоровая душа... Мы замечаем в вас и то и другое. Вы сильны, мужественны и скромны. Сегодняшний ваш подвиг будет жить в наших сердцах как еще один крупный шаг в завоевании бурной морской стихии. Вы — первый! Получите же эти скромные знаки, которые должны и впредь поддерживать в вас дух благородного соревнования... Ура!

Я взял призы и сунул их в карман, рассуждая мысленно так:

«Как бы то ни было, но ведь я пришел первым?! А раз я пришел первым, то было бы странно отказываться от радости и доброты меррикярвинских спортсменов. По справедливости, я бы должен был получить и второй приз, так как могу считаться и вторым, но уж Бог с ними».

Сопровождаемый криками, овациями и поцелуями, я вскочил в яхту и, распустив паруса, понесся обратно, а меррикярвинские спортсмены и граждане уселись на скамейках, расположились на досках пристани, спустили ноги к самой воде и принялись терпеливо ждать моих соперников, поглядывая выжидательно на широкое пустынное море...

Если бы кому-нибудь из читателей пришлось попасть на побережье Балтийского моря, набрести на кучу домишек, именуемую — Меррикярви, и увидеть сидящих на пристани в выжидательной позе членов «меррикярвинского общества спорта и содействия физическому развитию», — пусть он им скажет, что они ждут понапрасну. Пусть лучше идут домой и займутся своими делами.

А то что ж так сидеть-то...

БЕЛАЯ ВОРОНА

Он занимался кристаллографией. Ни до него, ни после него я не видел ни одного живого человека, который бы занимался кристаллографией. Поэтому мне трудно судить — имелась ли какая-нибудь внутренняя связь

между свойствами его характера и кристаллографией, или свойства эти не находились под влиянием избранной им профессии.

Он был плечистый молодой человек с белокурыми волосами, розовыми полными губами и такими ясными прозрачными глазами, что в них даже неловко было заглядывать: будто подсматриваешь в открытые окна чужой квартиры, в которой все жизненные эмоции происходят при полном освещении.

Его можно было расспрашивать о чем угодно — он не имел ни тайн, ни темных пятен в своей жизни — пятен, которые, как леопардовая шкура, украшают все грешное человечество.

Я считаю его дураком, и поэтому все наше знакомство произошло по-дурацки: сидел я однажды вечером в своей комнате (квартира состояла из ряда комнат, сдаваемых плутоватым хозяином), сидел мирно, занимался, — вдруг слышу за стеной топот ног, какие-то крики, рев и стоны...

Я почувствовал, что за стеной происходит что-то ужасное. Сердце мое дрогнуло, я вскочил, выбежал из комнаты и распахнул соседнюю дверь.

Посредине комнаты стоял плечистый молодец, задропированный красным одеялом, с диванной подушкой, нахлобученной на голову, и топал ногами, издавая ревущие звуки, приплясывая и изгибаясь самым странным образом.

При стуке отворенной двери он обернулся ко мне и, сделав таинственное лицо, предостерег:

— Не подходите близко. Оно ко мне привыкло, а вас может испугаться. Оно всю дорогу плакало, а теперь утихло...

И добавил с гордой самонадеянностью:

— Это потому, что я нашел верное средство, как его развлечь. Оно смотрит и молчит.

— Кто «оно»? — испуганно спросил я.

— Оно — ребенок. Я нашел его на улице и притащил домой.

Действительно, на диване, обложеное подушками, лежало крохотное существо и большими остановившимися глазами разглядывало своего увеселителя...

— Что за вздор? Где вы его нашли? Почему вы обыкновенного человеческого ребенка называете «оно»?!

— А я не знаю еще — мальчик оно или девочка. А нашел я его тут в переулке, где ни одной живой души. Орало оно, будто его режут. Я и взял.

— Так вы бы его лучше в полицейский участок доставили.

— Ну, вот! Что он, убил кого, что ли? Прехорошенький ребеночек! А? Вы не находите?

Он с беспокойством любящего отца посмотрел на меня.

В это время ребенок открыл рот и во всю мочь легких заорал.

Его покровитель снова затопал ногами, заплясал, помахивая одеялом и выкидывая самые причудливые коленца.

Наконец, усталый, приостановился и, отдышавшись, спросил:

— Не думаете ли вы, что он голоден? Что «такие» едят?

— Вот «такие»? Я думаю, все их меню заключается в материнском молоке.

— Гм! История. А где его, спрашивается, достать? Молока этого?

Мы недоумевающе посмотрели друг на друга, но наши размышления немедленно же были прерваны стуком в дверь.

Вошла прехорошенькая девушка и, бросив на меня косой взгляд, сказала:

— Алеша, я принесла вам взятую у вас книгу лекций профес... Это еще что такое?

— Ребеночек. На улице нашел. Правда, милый?

Девушка приняла в ребенке деятельное участие: поцеловала его, поправила пеленки и обратила вопросительный взгляд на Алешу.

— Почему он кричит? — строго спросила она.

— Не знаю. Я его ничем не обидел. Вероятно, он голоден.

— Почему же вы ничего не предпринимаете?

— Что же я могу предпринять?! Вот этот господин (он, кажется, понимает толк в этих делах...) советует покормить грудью. Не можем же мы с ним, согласитесь сами...

В это время его взор упал на юную, очевидно только этой весной расцветшую грудь девушки, и лицо его озярилось радостью.

— Послушайте, Наташа... Не могли бы вы... А?

— Что такое? — удивленно спросила девушка.

— Не могли бы вы... покормить его грудью? А мы пока вышли бы в соседнюю комнату... Мы не будем смотреть.

Наташа вспыхнула до корней волос и сердито сказала:

— Послушайте... Всяким шуткам есть границы... Я не ожидала от вас...

— Я не понимаю, что тут обидного? — удивился Алеша. — Ребенку нужна женская грудь, я и подумал...

— Вы или дурак, или нахал, — чуть не плача сказала девушка, отошла к стене и уткнулась лицом в угол.

— Чего она ругается? — изумленно спросил меня Алеша. — Вот вы — человек опытный... Что тут обидного, если девушка покормит...

Я отскочил в другой угол и, пряча лицо в платок, затрясся.

Потом позвал его:

— Пойдите-ка сюда... Скажите, сколько вам лет?

— Двадцать два. А что?

— Чем вы занимаетесь?

— Кристаллографией...

— И вы думаете, что эта девушка может покормить ребенка...

— Да что ж ей... жалко, что ли?

Содрогание моих плеч сделалось до того явным, что юная парочка могла обидеться. Я махнул рукой, выскочил из комнаты, побежал к себе, упал на кровать, уткнул лицо в подушку и поспешно открыл все клапаны своей смешливости. Иначе меня бы разорвало, как детский воздушный шар, к которому приложили горящую папироску...

За стеной был слышен крупный разговор. Потом все утихло, хлопнула дверь, и по коридору раздались шаги двух пар ног.

Очевидно, хозяин и гостя, помирившись, пошли пристраивать куда-нибудь в более надежные руки свое сокровище.

* * *

Вторично я увидел Алешу недели через две.

Он зашел ко мне очень расстроенный.

— Я пришел к вам посоветоваться.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, заражаясь его озабоченным видом.

— Да! Скажите, что бы вы сделали, если бы вас поцеловала чужая дама?

— Красивая? — с цинизмом, присущим опытности, спросил я.

— Она красивая, но я не думаю, чтобы это в данном случае играло роль.

— Конечно, это деталь, — сдерживая улыбку, согласился я. — Но в таких делах иногда подобная пустяковая деталь важнее главного!

— Ну да! А в случае со мной главное-то и есть самое ужасное. Она оказалась замужем!

Я присвистнул.

— Значит, вы целовались, а муж увидел?!

— Не то. Во-первых, не «мы целовались», а она меня поцеловала. Во-вторых, муж ничего и не знает.

— Так что же вас тревожит?

— Видите ли... Это в моей жизни первый случай. И я не знаю, как поступить? Жениться на ней — невозможно. Вызвать на дуэль мужа — за что? Чем же он виноват? Ах! Это случилось со мной в первый раз в жизни. Запутанно и неприятно. И потом, если она замужем — чего ради ей целоваться с чужими?!

— Алеша!

— Ну?..

— Чем вы занимались всю вашу жизнь?

— Я же говорил вам: кристаллографией.

— Мой вам дружеский совет: займитесь хоть ботаникой... Все-таки это хоть немного расширит ваш кругозор. А то — кристаллография... она, действительно...

— Вы шутите, а мне вся эта история так неприятна, так неприятна...

— Гм... А с Наташей помирились?

— Да, — пробормотал он, вспыхнув. — Она мне объяснила, и я понял, какой я дурак.

— Алешенька, милый... — завопил я. — Можно вас поцеловать?

Он застенчиво улыбнулся и, вероятно вспомнив по ассоциации о предприимчивой даме, сказал:

— Вам — можно.

Я поцеловал его, успокоил, как мог, и отпустил с миром.

* * *

Через несколько дней после этого разговора он робко вошел ко мне, поглядел в угол и осведомился:

— Скажите мне: как на вас действует сирень?

Я уже привык к таинственным извивам его свежей благоухающей мысли. Поэтому, не удивляясь, ответил:

— Я люблю сирень. Это растение из семейства многолетних действует на меня благотворно.

— Если бы не сирень — ничего бы этого не случилось, — опустив глаза вниз, пробормотал он. — Это «многолетнее» растение, как вы называете его, — ужасно!

— А что?

— Мы сидели на скамейке в саду. Разговаривали. Я объяснял ей разницу между сталактитом и сталагмитом — да вдруг — поцеловал!!

— Алеша! Опомнитесь! Вы? Поцеловали? Кого?

— Ее. Наташу.

И, извиняясь, добавил:

— Очень сирень пахла. Голова кружилась. Не зная свойств этого многолетнего растения, не могу даже разобраться: виноват я или нет... Вот я и хотел знать ваше мнение.

— Когда свадьба? — лаконически осведомился я.

— Через месяц. Однако как вы догадались? Она меня... любит!..

— Да что вы говорите?! Какое совпадение! А помните, я прошлый раз говорил вам, что ботаника все-таки выше вашей кристаллографии. О зоологии и физиологии я уже не говорю.

— Да... — задумчиво проговорил он, глядя в окно светлым, чистым взглядом. — Если бы не сирень — я бы так никогда и не узнал, что она меня любит.

* * *

Он сидел задумчивый, углубленный в свои новые, такие странные и сладкие переживания, а я глядел на него, и мысли — мысли мудрого циника — копошились в моей голове.

Да, братец... Теперь ты узнаешь жизнь... Узнаешь, как и зачем целуются женщины... Узнаешь на собственных детях, каким способом их кормить, а впоследствии узнаешь, может быть, почему жены целуют не только своих мужей, но и чужих молодых человек. Мир твоему праху, белая ворона!..

**ШУТКА МЕЦЕНАТА,
ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РОМАН
(1925)**

рассказы циника

Часть I. КУКОЛКА

Глава I. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СКУЧАЕТ

— Должен вам сказать, что вы все — смертельно мне надоели.

— Меценат! Полечите печень.

— Совет неглупый. Только знаешь, Мотылек, какое лучшее лекарство от печени?

— Догадываюсь: всех нас разогнать.

— Вот видишь, почему я так глупо привязан к вам: вы понимаете меня с полуслова. Другим бы нужно было разжевывать, а вы хватаете все на лету.

— Ну, что ж... разгоните нас. А через два-три дня приползете к нам, как угрюмый крокодил с перебитыми лапами, начнете хныкать — и снова все пойдет по-старому.

— Ты, Мотылек, циничен, но не глуп.

— О, на вашем общем фоне не трудно выделиться.

— Цинизмом?

— Умом.

— Меня интересует один вопрос: любите вы меня или нет?

— Попробуйте разориться — увидите!

— Это опасный опыт: разориться не штука, а потом, если увижу, что вы все свиньи, любящие только из-за денег, — опять-то разбогатеть будет уже трудно!

— Я вас люблю, Меценат.

— Спасибо, Кузя. Ты так ленив, что эти четыре слова, выданные безо всякого принуждения, я ценю на вес золота.

В большой беспорядочной, странно обставленной комнате, со стенами, увешанными коврами, оружием и картинами, — беседовали трое.

Хозяин, по прозвищу Меценат, — огромный, грузный человек с копной полуседых волос на голове, с черными, ярко блестящими из-под густых бровей глазами, с чувственными пухлыми красными губами — полулежал в позе отдыхающего льва на широкой оттоманке, обложенный массой подушек.

У его ног на ковре, опершись рукой о края оттоманки, сидел Мотылек — молодой человек с лицом, покрытым прихотливой сетью морщин и складок, так что лицо его во время разговора двигалось и колыхалось, как вода, подернутая рябью. Одет он был с вычурной элегантностью, резко отличаясь этим от неряшливого Мецената, щеголявшего ботинками с растянутыми резинками по бокам и бархатным черным пиджаком, обильно посыпанным сигарным пеплом.

Третий — тот, кого называли Кузей, — бесцветный молодец с жиденькими усишками и вылинявшими голубыми глазами — сидел боком в кресле, перекинув ноги через его ручку, и ел апельсин, не очищая его, а просто откусывая зубами кожуру и выплевывая на ковер.

— Хотите, сыграем в шахматы? — нерешительно предложил Кузя.

— С тобой? Да ведь ты, Кузя, в пять минут меня распласташь, как раздавленную лягушку. Что за интерес?!

— Фу, какой вы сегодня тяжелый! Ну, Мотылек прочтет вам свои стихи. Он, кажется, захватил с собой свежий номер «Вершин».

— Неужели Мотылек способен читать мне свои стихи? Что я ему сделал плохого?

— Меценат! С вами сегодня разговаривать — будто жевать промокательную бумагу.

В комнату вошла толстая старуха с сухо поджатыми губами, остановилась среди комнаты, обвела ироническим взглядом компанию и, пряча руки под фартуком, усмехнулась:

— Вместо, чтоб дело какое делать, — с утра языки чешете. И что это за компания такая — не понимаю!

— А-а, — радостно закричал Мотылек, — Кальвия Криспинилла! *Magistra libidinium Neronis!*

— А чтоб у тебя язык присох, бесстыдник! Этакими словами старуху обзываешь! Боря! Я тебя на руках нянчила, а ты им позволяешь такое! Нешто можно?

— Мотылек, не приставай к ней. И что у нее общего, скажи, пожалуйста, с Кальвией Криспиниллой?

— Ну, как же. Не краснейте, Меценат, но я пронюхал, что она ведет регистрацию всех ваших сердечных увлечений. *Magistra libidinium Neronis!*

— Гм... А каким способом ты будешь с лестницы спускаться, если я переведу ей по-русски эту латынь?..

— Тссс! Я сам переведу. Досточтимая Анна Матвеевна! «*Magistra libidinium Neronis*» — по-нашему «женщина, украшенная добродетелями». А чем сегодня покормите нас, звезда незакатная?

— Неужто уже есть захотел?

— Дайте ему маринованного щенка по-китайски, — посоветовал Кузя. — Как ваше здоровье, Анна Матвеевна?

— А! И ты здесь. И уж с утра апельсин жрешь. Проворный. А зачем шкурки на пол бросаешь?

— Что вы, Анна Матвеевна! Я, собственно, бросал их не на пол, а наоборот, в потолок... но земное притяжение... сами понимаете! Деваться некуда.

— Эко, язык у человека без костей. Боря, чего заказать на завтрак?

— Анна Матвеевна! — простонал Меценат, зарывая кудлатую голову в подушки. — Неужели опять яйца всмятку, котлеты, цыплята? Надоело! Тоска. Мрак. Знаете что? Дайте нам свежей икорки, семги, коньяку да сварите нам уху, что ли... И также — знаете что? Тащите все это сюда. Мы расстелим на ковре скатерть и устроим этакий пикничок.

— В гостиной-то? На ковре? Безобразие какое!

— Анна Матвеевна! — сказал Мотылек, поднимаясь с ковра и приставляя палец к носу. — Мы призваны в мир разрушать традиции и создавать новые пути.

— Ты не смей старухе такие слова говорить. То-то ты весь в морщины пошел. Взять бы утюг хороший да разгладить.

— Боже вас сохрани, — лениво сказал Кузя, вытирая апельсиновый сок на пальцах подкладкой пиджака, — его морщины нельзя разглаживать.

— Почему? — с любопытством осведомился Меценат, предвидя новую игру вялого Кузиного ума.

— А как же! Знаете, кто такой Мотылек? Это «Человек-мухоловка». В летний зной — незаменимо! Гений по ловле мух! Сидит он, расправив морщины, и ждет. Мухи и рассядутся у него на лице. Вдруг — трах! Сожмет сразу лицо — мух двадцать в складках и застрянут. Сидит потом и извлекает их, полураздавленных, из морщин, бросая в пепельницу.

— Тьфу! — негодуяще плюнула старуха, скрываясь за дверь.

Громкий смех заглушил стук сердито захлопнутой двери.

Глава II. ПЕРВОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Не успел смех угаснуть, как послышался топот быстрых ног и, крутясь, точно степной вихрь, влетел высокий, атлетического вида человек, широкая грудь которого и чудовищные мускулы плеч еле-еле покрывались поношенной узкой студенческой тужуркой.

Он проплясал перед компанией какой-то замысловатый танец и остановился в картинной позе, бурно дыша.

— Вот и Телохранителя черт принес, — скорбно заметил Кузя. — Прощай теперь две трети завтрака.

— Удивительно, — промямлил Мотылек, — у этого Новаковича физическая организация и моральные эмоции, как у черкасского быка, но насчет свежей икры и мартелевского коньяку — деликатнейшее чутье испанской ищейки.

— Так-то вы меня принимаете, лизоблюды?! — загремел Новакович, схватывая своими страшными руками тщедушного Кузю и усаживая его на высокий книжный шкаф. — А я все стараюсь, ночей для вас не сплю!..

— Телохранитель, — жалобно попросил Кузя. — Сними меня, я больше не буду.

— Сиди!

— Телохранитель! Я знаю, твоя доброта превосходит твою замечательную силу. Сними меня. У тебя тело греческого бога...

Новакович самодовольно усмехнулся и, как перышко, снял Кузю со шкафа.

— Тело греческого бога, — добавил Кузя, прячась за кресло, — а мозги, как греческая губка.

Раздался писк мыши в могучих кошачьих лапах — снова Кузя, как птичка, вспорхнул на шкаф.

— Меценат! — прогремел Новакович. — Вы скучаете?

— Очень. Ты ж видишь. У этих двух слизняков нет никакой фантазии.

— Меценат! Можете заплатить за хорошее развлечение 25 рублей?

— Потом.

— Нет, эти денежки — мои кровные. Предварительные расходы. Надо вам сказать, ребята, что нынче утром выхожу я из дома, сажусь в экипаж...

— В трамвай!.. — как эхо отозвался с высоты Кузя.

— Ну, в трамвай, это не важно. Подкатываю к ресторану...

— ... называемому харчевней, — поправил Кузя.

— Что? Ну, такое, знаете... Кафе одно тут. Вроде ресторана. Сажусь, заказываю бутылочку шипучего...

— ... кваса, — безжалостно закончил Кузя.

— Что-о? — грозно заревел Новакович.

— Сними меня — тогда ври, сколько хочешь. Слова не скажу.

— Сиди, бледнолицая собака. Ну, ребята, долго ли, коротко ли — неважно, но познакомился я в этом кафе с одним молодым человеком... Ароматнейший фрукт! Бриллиантовая капля росы на весеннем листочке! Девственная почва. Представьте — стихи пишет!! А? Каков подлец?! Будто миру мало одного Мотылька, пятнающего своими стихирами наш и без того грязный земной шарик!

— Телохраниль! — прошипел, как разъяренный индюк, Мотылек. — Не смей ругать мою землю. В Писании о тебе сказано: из земли ты взят, в землю и вернешься. И чем скорее, тем лучше.

— Ага! Не любишь беспристрастной критики?! Кстати, вы знаете, какие стихи мастачит мой новый знакомый? Я запомнил только четыре строчки:

В степи — избушка.

Кругом — трава.

В избе — старушка

Скрипит едва!..

— Каково? Запомните, чтоб цитировать. Я его с собой привел.

— Кого?!

— Этого самого. Внизу ждет. Я ему сказал, что это очень аристократический дом, где нужно долго докладывать.

В скупающих глазах Мецената загорелось, как спичка на ветру, ленивое любопытство.

— Веди его сюда, Новакович. Если он действительно забавный, — пусть кормится. Нет — сплавим.

— Двадцать пять рублей, — хищно сказал Новакович, — я на него потратил. Ей-Богу, имея вас в виду! Верните, Меценат.

— Возьми там. В ящике стола. Вы, дьяволы, для меня хоть бы раз что-нибудь бесплатно сделали.

— Ах, милый Меценат. Жить-то ведь надо. Хорошо вам, когда сделал в чековой книжке закорючку, — и сто обедов с шампанским в брюхе. А мы народ трудящийся.

Когда он прятал вынутые из ящика деньги, Мотылек сказал, поглаживая жилетный карман:

— Телохранитель! Ты теперь обязан из этих денег внести четыре рубля за мои часы в ломбарде. Иначе я испорчу твоего протеже. Все ему выболтаю — как ты его Меценату продаешь.

Меценат удивился:

— Опять деньги на часы? Да ведь ты у меня вчера взял на выкуп часов?!

— Не донес! Одной бедной старушке дал.

— Не той ли, что скрипит в избушке, а кругом трава?

— Нет, моя старушка городская.

— Как теперь быстро стареют женщины, — печально сказал Кузя сверху. — В двадцать два года — уже старушка.

Мотылек покраснел:

— Молчи там, сорока на крыше!

Вышедший во время этого разговора Новакович вернулся, таща за руку так разрекламированную им «бриллиантовую каплю росы».

Глава III. КУКОЛКА

Это был застенчивый юноша, белокурый, голубоглазый, как херувим, с пухлыми розовыми губами и нежными шелковистыми усиками, чуть-чуть видневшимися над верхней губой. Одет он был скромно, но прилично, в синий, строгого покроя костюм, в лаковые ботинки с серыми гетрами и с серой перчаткой на левой руке.

— Вот он — тот, о котором я говорил. Замечательный поэт! Наша будущая гордость! Байрон в юности. А это вот тот аристократический дом, о котором я вам рассказывал. Немного чопорно, но ребята все аховые. Тот, что на диване, — хозяин дома — Меценат, а этот низший организм у его ног — Мотылек. Он — секретарь журнала «Вершины» и может быть полезен вам своими связями.

— Очень приятно, — робко пролепетал юноша, тряся пухлую Меценатову руку с длинными холеными ногтями. — Я очень, очень рад. Новакович много о вас говорил хорошего. Моя фамилия — Шелковников. Имя мое — Валентин. Отчество — Николаевич...

— Бабушку мою звали Аглая, — в тон ему сказал Кузя, свесивая голову с вершины шкафа. — Мопсика ее звали Филька. Меня зовут Кузя. Познакомьтесь и со мной тоже и, если можете, — снимите меня со шкафа.

Шелковников с изумлением поглядел наверх и только теперь заметил Кузю, беспомощно болтавшего ногами.

— Простите, — смущенно воскликнул он. — Я вас и не заметил. Очень приятно. Моя фамилия Шелковников... Мое имя...

— И так далее, — сказал Кузя. — Снимете меня или нет?

— Не трогайте его, — схватил Шелковникова за руку Новакович. — Это я наказал его за грубость нрава. Пусть сидит.

Вошла Анна Матвеевна с приборами на подносе, с двумя бутылками коньяка и скатертью под мышкой.

— Этого еще откуда достали, — ворчливо сказала она, оглядывая новоприбывшего. — Ишь ты, какой чистенький да ладный. И как это вас мамаша сюда отпустила?

Заметив, что гость окончательно смутился, Меценат попытался ободрить его.

— Не обращайтесь на нее внимания — это моя старая Анна Матвеевна. Она вечно ворчит, но предобрая.

Юноша вежливо поклонился, чуть-чуть прищелкнув каблуком, и почел нужным представиться старухе:

— Очень рад. Моя фамилия Шелковников, мое имя...

— Уху сварили, Кальвия Криспинилловна? — осведомился Мотылек, оттирая плечом нового гостя. — Знаешь, Телохрани- тель, у нас сегодня пикник в этой комнате. На ковре будем уху есть. Ловко?

— Взять бы хорошую палку... — добродушно проворчала старуха, — да и... А вы чего же, сударь, стоите? Присели бы. А лучше всего, скажу я вам, не путайтесь вы с ними. Они — враги человеческие! А на вас посмотреть — так одно удовольствие. Словно куколка какая.

— Ур-ра! — заревел Новакович. — Устами этой пышной матроны глаголет сама истина. Гениально сказано: «Кукол- ка!» Мы сейчас окрестим вас этим именем. Да здравствует Куколка! Меня зовите Телохрани- телем, ибо я в наших похождениях охраняю патриция Мецената от физической опасности, а то птичье чучело на шкафу называется Кузя.

— Снимите меня, — попросил Кузя, обрадованный, что вспомнили и о нем.

— Сиди! Там наверху воздух чище. Дыши горным воз- духом!

Новокрещеный Куколка, оглушенный всеми этими спо- рами и криками, не знал, в какую сторону поворачиваться, кого слушать...

Меценат ему показался самым уравновешенным, самым спокойным. Поэтому он деликатно протискался бочком сквозь заполнивших всю комнату Мотылька и Телохра- нителя, придвинул к Меценату стул и сел, осведомившись с наружно независимым видом:

— Как поживаете?

— Благодарю вас, — вежливо отвечал Меценат, пряча в седеющие усы улыбку полных и красных губ. — Скучаю немножко.

— А вы бы искусством занялись. Поэзией, что ли?

— Хорошо, займусь, — согласился покладистый Меце- нат. — Завтра же.

— Я еще молодой, но очень люблю поэзию. Это как музыка... Правда?

— Совершеннейшая правда.

— Скажите, это ваша фамилия такая — Меценат?

— Фамилия, фамилия, — подскочил Мотылек, протискиваясь между разговаривающими и фамильярно присаживаясь на оттоманку. — Наш хозяин сам родом из римлян. Происходит из знаменитого угасшего рода. В нем умер Нерон, и слава Богу, что умер. А то бы, согласитесь сами, неприятно было попасть в его сад в виде смоляного факела. А теперь это — какое прекрасное угасание! А? И от всей былой роскоши осталась только Кальвия Криспинилла — *Magistra libidinium Neronis*.

— Это... латынь? — простодушно спросил Куколка.

— Испанский, но не важно. Скажите, вы не родственник одного очень талантливого поэта — Шелковникова?

— Нет... Не знаю... А что он писал?

— Ну, как же! У него чудные стихи. Одни мы даже заучили наизусть. Как это?..

В степи — избушка.
Кругом — трава.
В избе — старушка
Скрипит едва!..

Чудесно! Кованый стих.

— Позвольте, — расцвел как маковый цвет Куколка. — Да ведь это же мои стихи!.. Откуда вы их знаете? Ведь я их даже не печатал!

— Помилуйте! По всему Петербургу в рукописных списках ходят. Неужели это ваши?! Да что вы говорите? Позвольте мне позвать вашу руку!.. Это чудно! Какая простота и какая чисто пушкинская сжатость!.. Кузя, тебе нравится?

— Я в форменном восторге, — сказал сверху Кузя, позевывая. — Кисть большого мастера. Ни одного лишнего слова: «В степи — избушка!» Всего три слова, а передо мной рисуется степь, поросшая ковылем и ароматными травами, далекая, бескрайняя... И маленькой точкой на этой беспредельной равнине маячит покосившаяся серая избушка с нахлобученной на самые двери крышей...

И Кузя замолчал, погрузившись в задумчивость. На самом деле он был так ленив, что ему не хотелось лишний раз повернуть языком. Впрочем, немного потрудился: поднял голову и подмигнул, предоставляя дальнейшее подвижному Мотыльку.

Мотылек сложил свое гуттаперчевое лицо в гармонику и пылко продолжал:

— А это: «Кругом — трава!» Трава, и больше ничего. Стоп. Точка. Но я чувствую аромат этой травы, жужжание тысячи насекомых. Посмотрим дальше... «В избе — старушка». И верно! А где же ей быть? Не скакать же по траве, как козленку. Не такие ее годы. И действительно, поэт тут же веско подкрепляет это соображение: «Скрипит едва». Кругом пустыня, одинокая старость — какой это, в сущности, ужас! Что ей остается? Скрипеть!

Меценат опустил голову и закрыл рукой лицо с целью скрыть предательский смех, а Куколка ясным взором восторженно оглядывал всю компанию и поддакивал:

— Да, да!.. Я вижу, вы поняли мой замысел.

— Мотылек! — сказал расставшийся окончательно со своей тоской Меценат. — Ты должен устроить эти стихи в какой-нибудь журнал.

Обязательно устрою. За такие стихи всякая редакция зубами схватится.

Новакович отвел Куколку в сторону и спросил шепотом:

— Ну, как вам нравится общество, в которое я вас ввел?

— Чудесное общество. Они все такие тонкие, понимающие...

— Еще не то будет. Вы коньяк пьете?

— Да... собственно, не пью...

— Ага! Ну, значит, выпьете. Анна Матвеевна! Надеюсь, икорка у вас на льду стояла?

— Для тебя еще буду на лед ставить!..

— Анна Матвеевна! Не забывайте, что я знал вашего папу.

— Врешь ты все, — проворчала скептическая старуха. — Он уж лет тридцать будет, как помер.

— Ну, что ж. А мне уже под пятьдесят. Вы не смотрите, что я такой молодежавый. Это я в спирту сохранялся. Боже, как быстро жизнь мчится! Как сейчас помню вашего отца... Веселый был старик! Мы с ним часто рыбу удили...

— Да, неужто ж, верно, знал отца?! — зацепилась на удочку старуха. — Нешто ты тоже зарайский?

— Я-то? Всю жизнь. Еще, помню, у вашего папы коровка была... серенькая такая...

— Бурая.

— Во-во. Серовато-бурая. Хорошее молоко давала. Старик часто меня угощал. «Сережа, — говорит, — ты мне первый друг. Жалко, — говорит, — что моя дочка Анюта уже замуж вышла. А то был бы ты мне зятем».

— Скажете тоже! — застыдилась Анна Матвеевна, растила на ковре скатерть.

У Новаковича была странная натура: он мог так нахально рассказывать о самых невероятных вещах, способен был так просто и самоуверенно лгать, что одним своим тоном мог поколебать недоверие самого скептического слушателя.

Почему-то из всей компании нянька Мецената отдавала предпочтение именно Новаковичу и даже изредка высыпала ему в карман целую сахарницу колотого сахара, который он ел, уверяя всех, что сахар придает крепость костям.

Друзьям он рассказывал:

— Отчего я такой сильный? Исключительно от сахара. Да еще сырую морковь ем, как заяц. Поэтому медный пятак мне согнуть в трубку ничего не стоит.

— Ну, вот тебе пятак — согни его.

— Зачем же его портить, — хладнокровно говорил Новакович, опуская пятак в карман, — он мне на трамвай пригодится.

— Экий ты, братец. Ну, вот тебе еще пятак — согни.

— Вот спасибо. На первый пятак я проеду только туда, а на второй смогу вернуться обратно.

И второй пятак находил успокоение вместе с первым в широком кармане студенческих брюк Новаковича.

Куколка сидел притихший, широко раскрытыми глазами глядя на приготовления к завтраку, которые никак не вязались с «чопорным аристократическим домом», как характеризовал квартиру Мецената Новакович.

— Почему эта старуха накрывает завтрак на полу? — робко шепнул он Новаковичу.

— О, это странная история, — с готовностью объяснил Новакович. — У нее была семья из восьмидесяти двух человек, и все они один за другим умирали, и всех их она видела мертвыми на столе! И поэтому с тех пор стол, по ее понятиям, — святое место, которое не должно оскверняться икрой и коньяком!..

— Как это удивительно! — воскликнул Куколка.

— По-моему, вот сюжет для жуткой баллады в стиле Жуковского.

— И очень просто! Вы бы записали, чтоб не забыть.

— Ей-Богу, запишу.

Когда все, кроме забытого Кузи, улеглись на ковер спинами вверх и принялись за коньяк с икрой, Кузя взвыл:

— Телохранитель! Сними — или я прыгну вниз и сломаю ногу.

— Какие у меня мозги?

— Замечательные! Галилей, Коперник, Ньютон и Эдисон — причудливо соединились в твоей черепной коробке.

— Не люблю грубой лести. Сиди.

Видя, что яства и пития исчезают с поражающей быстротой, Кузя решил помочь себе сам: лег на верхушку шкафа и, открыв его дверцы, принялся сбрасывать огромные тома «Словаря» с верхних полок на пол.

Меценат равнодушно поглядывал на такое варварское обращение с его библиотекой, а Новакович и Мотылек тихо хихикали, ерзая животами по ковру.

Когда груда сброшенных книг оказалась достаточной, Кузя повис на шкафу и сполз вниз, приветствуемый кощунственными словами Мотылька:

— Сошествие Святого Духа на апостолов.

Икру ели столовыми ложками из объемистой миски, коньяк пили из чашек, потому что наливание в рюмки отнимало, по словам Новаковича, массу времени. Меценат был щедр, как король, и радушно потчевал Куколку, чуть ли не вмазывая ему в рот полные ложки икры.

Подвыпивший Куколка болтал без умолку:

— Я раньше не верил в себя, а теперь, с сегодняшнего дня, верю! Я напишу целую книгу и посвящу ее господину Меценату!

— Пиши, старик, пиши, — поддакивал Мотылек. — Мы тебя не покинем! Здорово это у тебя вышло о старушке:

В лесу старушка
Сидит в кадлушке,
Скрипит избушка...

— Позвольте... Вы перепутали...
— Неважно! Главное — музыка стиха.
— А что, Куколка? — спросил Новакович. — Что, если переложить эти стихи на музыку? Я бы и переложил.
— Да разве вы композитор?
— Я-то? Вы оперу «Майская ночь» слышали?
— Но ведь это вещь Римского-Корсакова?!
— Вот я и говорю — знаете «Майскую ночь» Римского-Корсакова? Так я могу написать в десять раз лучше!
— А вы в шахматы играете? — осведомился Кузя.
— Очень плохо.
— То-то и оно. Я вам могу дать вперед коня и пешку.
— Неужели вы так хорошо играете?
— Замечательно! — скромно заявил Кузя.
— Он может играть с вами партию не только не глядя на доску, но даже не спрашивая, какой ход вы сделали.
— Да как же это так? — изумился Куколка.
— Догадывается. О, это прехитрая бестия.
Мотылек нашел нужным сказать и свое слово:

— Читали мои стихи?
— А вы тоже... поэт?
— Гм... конечно, не такой, как вы, однако половина моих стихов попала во все гимназические хрестоматии.

Один Меценат молчал, но видно было, что он искренне наслаждался беседой, изредка расширяя ноздри, будто вдыхая аромат невероятного простодушия, наивности и доверчивости Куколки.

После ухи Меценат поднял чашку за здоровье своего юного гостя и попросил Мотылька:

— Сыграй нам Шопена.

Желание Мецената всегда для всех было законом.

Мотылек вскочил, сел за рояль и запел очень приятным голосом:

В степи стоит себе избушка,
Кругом трава, трава, трава...
Живет себе в избе старушка.
И хоть скрипит себе едва,
Но, в руки взяв вина стакан,
Танцует все канкан, канкан...

— У меня немножко не так... — попытался нерешительно протестовать Куколка.

— Я знаю, но по музыке нельзя иначе.

Развеселившийся Меценат велел подать шампанского, и все с бокалами в руках спели застольную песню все о той же безропотной старушке.

Ушел Куколка, очарованный обществом, крепко потрясая всем руки и обещая, что он «никогда, никогда не забудет этого чудного дня и что он, если позволят, будет приходить часто-часто»...

Когда амфитрион и его веселые клеветы остались одни, Новакович стал посреди комнаты, засунул руки в карманы и вызывающе сказал:

— Ну??!!

— Этот человек действительно стоит 25 рублей, — тоном специалиста определил Меценат. — Его нужно прикормить здесь.

— Хотите, я для смеху напечатаю его стихи в журнале? — предложил Мотылек.

— Надо сделать больше, — подхватил Кузя. — Мы должны сделать из него знаменитость. Я завтра дам в свою газету о нем заметку.

— Одну? Нужно дать ряд заметок. А потом мы устроим вечер его произведений!

Таким образом — однажды в сумерки была организована эта противоестественная издевательская кампания, направленная против святой простоты доверчивого, наивного, глуповатого юноши...

Глава IV. ВООБЩЕ О МЕЦЕНАТЕ

Странный господин этот Меценат. По существу, неплохой человек, он с ранней юности был заедаем скукой, и эта

болезнь вела его жизнь по самым причудливым, прихотливым путям.

Богатство избавляло его от прозы добывания средств к существованию, и поэтому неистошимый запас дремавшей в нем энергии и пылкой фантазии он направлял в самые неожиданные стороны.

Много путешествовал, но без толку. Приехав в любую страну, он не знакомился с ней, как все другие путешественники, не осматривал музеев и достопримечательностей, а, осев где-нибудь в трущобном кабачке, заводил знакомства с рыбаками, матросами, дружил с этим полуоборванным людом и, угостив шумную компанию, потом с наслаждением созерцал их бурные споры, ссоры и потасовки.

Горячо любил всякую живую жизнь, но как-то так случилось, что искал он ее не там, где нужно.

Писал очень недурные рассказы, но не печатал их. Прекрасно импровизировал на рояле, но тут же забывал свои творения.

Временами целые дни валялся на диване с «Историей французской революции» или «Похождениями Рокамболя» в вялых руках, а потом вдруг на него нападала дикая энергия, и он носился с компанией своих приспешников из подозрительных трактиров в первоклассные рестораны и обратно, шумя, втягивая в свою орбиту массу постороннего народа, инсценируя ссоры, столкновения и разрешая их гомерическим пьянством.

И потом после двух-трех таких бурных дней снова тихо опускался на дно, как безгласный труп утопленника...

Он был женат, и это, пожалуй, можно назвать самой большой нелепостью его жизни... Зачем он женился?

Ответ можно было найти один: Меценат пылко, истерически любил всякую красоту — в красках ли, в звуке, в шелесте спелой ржи или в текучей изменчивости подвижного лица прекрасной женщины.

Поэтому встреча с Верой Антоновной и решила его бесполовую судьбу.

Она была прекрасна — высокая пышная брюнетка с мраморным телом и глазами, как две звезды освещавшими матово-бледное лицо. Такой соблазнительной ножки и трепетных гибких рук Меценат не встречал за всю свою жизнь, и поэтому он решил вопрос просто:

— Или эта женщина будет моей, или я умру.

Из того, что он не умер, ясно для читателя решение этой дилеммы в его пользу.

Эта роскошная красавица была невероятно ленива, ум ее и тело были всегда в дремлющем состоянии; поэтому, когда Меценат впервые ее поцеловал, она, полуразбуженная, недоумевающе осведомилась:

— Чего это вы там возитесь около моего лица?

Такой вопрос еще больше привел его в восхищение:

— О, прекрасная мраморная статуя! Это я вас поцеловал.

— Здравствуйте! Была охота. Неужели это вам доставляет удовольствие?

— Слушайте, — пылко сказал Меценат. — Мне бы очень хотелось, чтобы вы вышли за меня замуж! Я вижу, вы любите спокойную малоподвижную жизнь — я дам вам ее! Я настолько богат, что могу окружить вас чисто восточной роскошью, полной неги, лени и наслаждений!

— А? — переспросила она музыкальным, но сонным голосом. — Простите, я не расслышала.

И добавила с очаровательной простотой:

— Я, кажется, задремала... Повторите, что вы сказали.

Меценат повторил, разукрасив свое предложение пышными цветами своей дикой иступленной фантазии.

— Жениться на мне хотите, что ли? — кратко сформулировала она поток его красноречия.

— Да, да, божественная статуя Киприды!..

— А вы не будете меня... тормошить?..

— О нет. После медового месяца — полная свобода.

— Слушайте... только, по-моему, женитьба — это такая возня... Портнихи, какие-то документы, обручение. Вы человек очень приятный, но... нельзя ли без этого?

— Без... чего?

— Без того, чтобы меня тормозили.

— Вот что... У вас завтра найдется полчаса свободного времени?

— Увы, я уж чувствую, что это будут «несвободные полчаса времени». Чем вы хотите меня занять?

— Я все устрою раньше. Ваше дело только — заехать в церковь обвенчаться.

— Неужели это можно так просто? — поглядела она на него, приятно удивленная.

— Да, да — только полчаса. А потом мы с вами поедem путешествовать.

— Только поедem куда-нибудь подальше. Хорошо? В вагоне экспресса так удобно. А вылезешь — бррр... Носильщики, суeta, толпа на вокзале... В отеле нужно устраиваться... Что вы так на меня смотрите? Послушайте! Неужели я вам нравлюсь *такая*?

— Больше, чем когда-либо! Да ведь это клад — спящая красавица! По крайней мере, лень помешает вам говорить и делать глупости...

— А? Что вы говорите?

Он пылко целовал ее, а она, сложив классически извьянные руки на прекрасных коленях, погрузилась в сладкую дремоту...

После свадьбы Меценат сделал все по желанию Веры Антоновны: полтора месяца они носились в экспрессах по всей Европе — он пылкий влюбленный, она в состоянии сладкой неподвижности и полудремоты... Никогда еще в мире не было большего контраста между бешено мчавшимся экспрессом и этим роскошным неподвижным телом, безмятежно покоящимся в его железных недрах.

Через полтора месяца эта удивительная пара вернулась, и Меценат любовно устроил жену на отдельной квартире, потому что, как объяснила она, «так меньше беспокойства».

Жили они дружно, потому что Меценат, насытившись первым пылом страсти, не докучал ей своими посещениями, снова погрузившись в мир Мотыльков, Телохраниителей и пикников с ухой на дорогом персидском ковре в своей дикой гостиной... Перебесился, благосклонно объясняла нянька, преклонявшаяся перед Меценатом.

Глава V. О КЛЕВРЕТАХ МЕЦЕНАТА

Эту странную коллекцию «развратных молодых людей, впоследствии разбойников» — как называл своих клеветров Меценат, пользуясь ремаркой Шиллера, — он составлял постепенно...

Первым к нему пристал Кузя.

Однажды Меценат сидел в задней комнате темного кафе, играя с незнакомым унылым старцем в шахматы.

Кузя, ленивый репортер одной плохо читаемой газеты, сидел тут же и, хлопая отяжелевшими веками, следил за игрой...

После одного из ходов унылого старика Кузя посоветовал:

— Возьмите у него коня.

— Что вы, милый мой! Да ведь тогда он делает королю и королеве «вилку» и забирает королеву.

— Ах, да!.. — сконфуженно сказал Кузя.

Через два-три хода Кузя снова дал преглупый совет:

— Двиньте этой пешкой, двиньте!

— Да ведь тогда король открывается.

— Ах да!..

— То-то вот «ах да»! — добродушно сказал Меценат, делая старичку мат. — Гнилой вы игрок, я вижу. Хотите, сыграем, я вам дам вперед королеву.

— Не знаю уж, как и быть... — нерешительно пробормотал Кузя. — Уж больно я плохо играю, По рублику разве одну партию.

Сыграли. Кузя выиграл с большим трудом и усилиями. Сыграли вторую партию. Эту Кузя выиграл легче.

— Нет, королеву вперед мне трудно, — признался Меценат. — Хотите коня?

— Давайте коня, — после некоторого колебания согласился Кузя и... выиграл и эту партию.

— Желаете ли на квит без форы?—предложил Меценат, совершенно обескураженный таким странным случаем.

— Желаю, — коротко согласился Кузя и... выиграл.

На седьмой партии уже Кузя давал Меценату вперед коня — и к концу игры толстый бумажник Мецената значительно похудел.

— А вы ловкий парень, — рассмеялся Меценат, кончая игру.

— Да, я ловкий, — согласился Кузя. — А вам наука: не играйте так азартно с незнакомыми.

— Ну теперь, я надеюсь, мы не будем незнакомы, — любезно сказал восхищенный его цинизмом Меценат. — Пойдем, я угощу вас ужином.

— Нет, лучше я угощу. Я совершенно вас обыграл.

— О, у меня дома еще много денег.

И, увидев, как Кузя, не вынимая правой руки из кармана, пытался одной левой зажечь спичку о коробку, лежавшую на столе, воскликнул с неподдельным восторгом:

— Послушайте! Вы почти так же ленивы, как моя жена.

— Шахматный ум, — лаконически пояснил Кузя. — В обычной жизни дремлет.

— Вы шахматами только и живете?

— Нет, я репортер в «Голосе Утра». Если вас кто-нибудь ночью ограбит — позвоните ко мне. Я опишу это так, что сам преступник будет плакать, как дитя.

После ужина Меценат затащил Кузю к себе, и до утра за рюмками шартреза оба с приятностью поспорили об Эдгаре По, о лучших способах обнаруживать преступления и о красоте донских казачек.

Оба были энциклопедисты.

Встреча с Новаковичем произошла при более трагических обстоятельствах.

В 3 часа ночи в трактире «Иордань» — месте, наименее всего подходившем по своему характеру к этому кроткому библейскому наименованию, — карманный вор Гриша с пылом объяснял заинтересованному Меценату сложные приемы своего ремесла, демонстрируя способ ощупывания «пассажира», расстегивания пуговиц и извлечения бумажника.

Меценат не брезговал и таким обществом, потому что, как сказано было выше, любил «живую жизнь во всех ее проявлениях», а карманный вор Гриша был яркой личностью и специалистом в своей опасной профессии.

Поэтому Меценат забавлялся новинкой, как дитя, и, когда Гриша, показывая некоторые позиции правой и левой руки, ловко вытащил Меценатовы золотые часы уже не с целью демонстрации, а с корыстолюбивыми намерениями, Меценат тут же, повторяя Гришины пассы, незаметно извлек из Гришиного галстука бриллиантовую булавку, после чего оба, хохоча, как дети, вернули друг другу вещи по принадлежности.

— А вы тоже ловкий, — отпустил Гриша галантный комплимент. — Вам бы подучиться, могли бы с нами вместе работать.

Тут же он, окликнутый товарищем, отошел на минуту от польщенного Мецената, а к Меценату приблизился кроткий, елейного вида мужчина с ласковыми глазами и предложил:

Не хотите ли перекинуться в картишки? Тут, в задней комнате. Пойдем, господин, много выиграть можете, ежели повезет.

«Шулер, — мелькнуло в голове Мецената, — любопытно с ним сразиться...»

— Ну что ж, пойдем, — благодушно согласился он вслух.

И уже собрался идти, как к столу приблизился огромный плечистый студент в узкой порыжевшей тужурке — мирно уплетавший до этого объемистое блюдо сосисок с пивом за соседним столом, — приблизился и сказал спокойно, но увесисто:

— Нет, вы с ним не пойдете играть в карты.

— Почему? — с любопытством осведомился Меценат.

— Потому что...

— Послушайте, молодой человек... — кротко сказал елейный игрок. — Вы лучше бы не мешались не в свое дело, а?

— А ты, голубчик, лучше отойди, — не менее кротко посоветовал атлетический студент.

У «голубчика» лицо мгновенно изменилось, елейность слетела, как шелуха, и бешеный волк с горящими, как угли, глазами ощерился и защелкал зубами.

— Ну, ну, брось, — спокойно, но серьезно сказал студент. — Отойди. А! Чер-р-рт!

Последующее произошло так быстро, что Меценат не успел бы сосчитать до трех: елейный человек сделал неуловимое движение рукой, и в ней вдруг сверкнул, будто бы схваченный в воздухе, короткий финский нож. Он так и застыл на весу, потому что студент, сделав не менее неуловимое движение, уже держал руку «игрока» с ножом немного повыше локтя.

Студент стоял очень спокойно, а «игрок» вдруг побледнел, и рука его задрожала мелкой дрожью...

— Видишь, чудак... я ж предупреждал.

— Как вы думаете, — спросил студент, глядя на Мецената открытым ясным взглядом, — сломать ему руку или просто выкинуть его?

— Неужели можно сломать? — заинтересовался Меценат, более, впрочем, академически, как любитель спорта.

— О, пустяки. Один резкий поворот наружу и...

Нож со звоном выпал из посиневшей руки «игрока».

— Отпустите, — угрюмо сказал он, корчась от боли. — Я уйду.

— Иди, милый, иди с Богом. Нечего тебе тут делать. Пойди займись чем-нибудь другим.

Когда они остались одни, Меценат спросил:

— Кто это такой?

— О, страшная скотина. Тот первый, с которым вы сидели давеча, очень приличный малый. Обыкновенный вор. В крайнем случае, лишились бы бумажника — и все, а этот... и табаком глаза засыплет, и ножичком ткнет при удобном случае, не задумываясь. А мы еще не знакомы: студент Новакович.

Вернувшийся Гриша, узнав, в чем дело, в полной мере подтвердил слова Новаковича:

— У нас его тоже не любят... Мы на «мокрое дело» никак не пойдем, а ему это — все равно как «Отче наш» прочитать. Чуть что — сейчас за «перо», нехороший человек, наши его избегают... Разрешите пощупать ваши мускулы? — вежливо отнесся он к Новаковичу.

— Сделайте одолжение. Вишь ты, они у меня какие. Это от сахара, да еще моркови ем я много.

Тут же он самым простым убежденным голосом рассказал новым знакомым такую невероятную, неправдоподобную историю, что и Меценат, и Гриша до упаду смеялись.

С этого дня Новакович сделался неизменным спутником, а иногда и телохранителем Мецената во всех авантюрах благодушного скучающего богача.

Позднее всех прилетел на Меценатов огонек беззаботный поэт Паша Круглянский, прозванный Мотыльком, потому что первое время, являясь в компанию даже в десять часов утра, он неизменно говорил извиняющимся тоном:

— А я к вам на огонек зашел.

Впервые обнаружил его Меценат у витрины большого книжного магазина.

* «Перо» — на воровском жаргоне — нож. (Примеч. авт.)

Мотылек стоял, собирая свое морщинистое лицо в чудовищные складки и снова распуская их, и вполголоса ругался:

— Ослы! Подлецы! Скоты несуразные. Черти.

— Кто это «ослы»? — ввязался Меценат в его телеграфический монолог.

— Издатели, — доверчиво пояснил Мотылек. — Что они выпускают? Что печатают? Разве это стихи?

— А вы, собственно, какие стихи предпочитаете?

— Свои. Вот послушайте...

И, прислонившись спиной к витрине, Мотылек принялся с пафосом декламировать какую-то элегическую балладу.

— Правда, хорошо?

— Очень. Кстати, хотите привести в порядок мою библиотеку?

— А у вас большая?

— Тысячи три томов.

— Пойдем! — решительно сказал Мотылек, хватая Мецената за руку.

— Да не сейчас, чудак. Это успеется. Сейчас время завтрака.

— Пойдем завтракать! — не менее бурно ухватился за эту мысль, а равно и за руку Мецената Мотылек. — Только вот что...

Он выпустил Меценатову руку, вынул тощее портмоне и принялся задумчиво пересчитывать серебряную мелочь.

— Гм! Хватит ли на двоих, а?

— С моими хватит, — успокоил его Меценат. — В общем, у нас с вами тысячи полторы наберется. — И повлек оглушенного Мотылька за собой.

С тех пор так и повелось, что за всех расплачивался Меценат. Нельзя сказать, чтобы клеветы были корыстолюбивы, но все они рассуждали вполне справедливо, что, если бы им вздумалось тянуться в расходах за Меценатом, каждый из них лопнул бы через два дня, а расстаться из-за этих пустяков с Меценатом никому и в голову не приходило — очень уж они привязались к Меценату, более того, полюбили Мецената.

Впрочем, Меценат, субсидируя их наличными, хорошо знал, что часть его денег попадала к их посторонним приятелям, еще более нищим, чем они, и поэтому ничто не нарушало его благодушного равновесия.

— Справедливое распределение между населением благ земных, — говорил он иногда, посмеиваясь.

Несмотря на всякие шуточки и подтрунивания, эта банда очень уважала Мецената, и все по молчаливому уговору обращались к нему на «вы», в то время как Меценат ласково, бесцеремонно всех называл на «ты».

— Между собой «клеветы Мецената», как они сами себя величали, жили дружно, только Новакович изводил Кузю, играя с ним, как огромный дог со щенком, да Кузя иногда любил «топить Мотылька», что выражалось в следующем: декламирует Мотылек перед всем обществом свои новые стихи или рассказы. Кончит — и несколько секунд перед аплодисментами царит восхищенное молчание.

— Н-да-с, н-да-с, н-да-с, — скучающе говорит Кузя. — Хороший рассказец, очень славный. Только я его уже читал у другого писателя раньше.

— У кого ты читал?.. — полусмущенно, полусердито допрашивает Мотылек.

— У этого, как его... забыл фамилию. И фабула та же, и даже выражения одинаковые.

— Нет, так нельзя, — стонет возмущенный Мотылек. — Ты обязан указать, где ты читал!!

— Да это не важно. Чего ты волнуешься. Я где-то в немецком журнале читал..

— Да ведь ты не знаешь немецкого языка!

— А ты знаешь?

— Я-то знаю.

— Ну вот, значит, ты и «воспользовался». А мне переводил один знакомый. Ну, прямо-таки у тебя слово в слово, что и там. Знакомого Семен Семенчем зовут, — заканчивал Кузя, заимствуя этот прием «достоверности» у Новаковича.

Мотылька такая неуловимая туманная клевета расстраивала почти до слез. В самом деле — пойди проверь: «Твердо знаю, что читал то же самое в немецком журнале, а в каком — не помню».

Однако в глубине души тот же Кузя признавал большой литературный талант Мотылька, и они часто с Меценатом в интимной беседе горевали, что их столь одаренный приятель не может добиться известности. Вот каковы были люди, организовавшие шутку в «титанических размерах»,

по словам одного из них, избрав целью этой шутки глуповатого, наивного, как дитя, но самоуверенного в своем простодушии юношу...

Глава VI. МЕЦЕНАТ И ЕГО КЛЕВРЕТЫ ПРОДОЛЖАЮТ РАЗВЛЕКАТЬСЯ

Несколько дней спустя после первого появления Куколки можно было наблюдать в знаменитой квартире Мецената мирную семейную картину: сам Меценат, облаченный в белый халат, прилежно возился около станка, на котором возвышалась груда сырой глины, и под его проворными гибкими пальцами эта груда принимала постепенно полное подобие сидящего тут же в гордой позе Мотылька.

В другом углу обнаженный до пояса могучий Новакович тренировался гантелями, широко разбрасывая свои страшные, опутанные, как веревками, мускулами руки, ритмично сгибаясь то в одну, то в другую сторону...

— Телохранитель! — воззвал Меценат, округляя большим пальцем лоб глиняного Мотылька. — У меня руки в глине, а как назло щека зачесалась. Почеси, голубчик.

— Которая? — деловито приблизился к нему Телохранитель. — Эта, что ли?

Он почесал Меценатову щеку и, склонив голову на сторону, уперев руки в бока, принялся разглядывать произведение Мецената.

— Морщин маловато, — критически заметил он. — Еще бы десяточек подсыпать.

— Довольно, довольно! — испуганно закричал Мотылек. — Ты рад из меня старика сделать!

— Ну какой же ты старик! У тебя только кожа на лице плохо натянута. Ты бы сходил к обойщику перетянуть.

— Отстань, черт.

— Мотылек!

— А?

— Сколько парикмахер берет с тебя за бритье?

— Что значит — сколько? Обыкновенную плату: 15 копеек.

— Да ведь работы-то ему какая уйма! Сначала должен выкосить все бугорки и пригорки, потом, перекрестившись, спуститься в мрачные ущелья твоих морщин и там, внизу, во тьме, спотыкаясь, почти ощупью бедняга должен выкорчевать все пеньки и корни.

— Ну, поехал. Глупо.

— Был у меня, братцы, приятель, — начал, сев верхом на стул, Новакович одну из своих идиотских историй, которые он всегда рассказывал с видом полной достоверности. — И у этого приятеля, можете представить, совершенно не росли усы. А дело его молодое — очень ему хотелось каких-нибудь усишек. И придумал он вещь неглупую: выдрал с затылка сотни две волосков вместе с луковицами, потом сел у зеркала, вооружился увеличительным стеклом, иглой и — пошла работа! Иглой ткнет в верхнюю губу и сейчас же туда волос с луковицей ткнет и луковицу в дырочку посадит. Прямо будто виноградные черенки сажал.

— Врешь ты все, Телохранитель.

— Не такой я человек, чтобы врать, — эта история потом наделала в сферах много шума. Посадил он, стал каждое утро водичкой поливать. И что ж вы думаете — ведь принялась растительность! Но только ужас был в том, что растительность эта, новенькая-то, не лежала на губе, как у других, под углом в 45 градусов, а торчала перпендикулярно, потому что он луковицы торчмя вгонял. Очень терзался бедняга.

Меценат, выслушав эту историю, рассмеялся, а Мотылек возмущенно воскликнул:

— Телохранитель! Всякому вранью есть границы.

— Ты думаешь, я вру? А если я тебе назову фамилию этого человека — Седлаков Петр Егорыч, — тоже, значит, вру? Он жил на Кирочной, а теперь переехал не знаю куда. Можешь сходить к нему. Эта история подробно описана в одном немецком жур... А! Кузя! Откуда Бог несет?

Кузя влетел, бодро помахивая пачкой свежих газет.

— Вот, друзья, какова сила печати! Не только Куколку — берусь Анну Матвеевну всероссийской знаменитостью сделать.

— А что?

— Вот! Заметка первая — в «Столичном Утре». «На днях в роскошном особняке известного Мецената и покровителя искусств (это я вам так польстил, Меценат) в присутствии

избранной литературно-художественной публики (Мотылек, цени, это я о тебе так!) впервые выступил молодой, но уже известный в литературных кругах поэт В. Шелковников. Он прочитал ряд своих избранных произведений, произведших на собравшихся неизгладимое впечатление...»

Одобрительный смех встретил эту заметку.

— Это не все, господа! Вот литературная хроника «Новостей Дня»: «В литературных кругах много толков вызывает появление на нашем скудном небосклоне новой звезды — поэта Шелковникова. По мощности, силе и скульптурной лепке стиха произведения его, по мнению знатоков, оставляют далеко позади себя таких мастеров слова, как Мей и Майков. В скором времени выходит первая книга стихов талантливого поэта».

— Ай да старушка в избушке верхом на пушке! — воскликнул Мотылек, злорадно приплясывая. — Смеху теперь будет на весь Петербург.

— И наконец, последняя заметка, — самодовольно улыбаясь, сказал Кузя. — «Нам сообщают, что Академией наук возбужден вопрос о награждении Пушкинской премией молодого поэта В. Шелковникова, произведения которого наделали столько шума». Все!!

— Кузя! Да как же редакторы газет могли напечатать такую галиматью?

— Э, что такое редакторы, — цинично рассмеялся Кузя. — Они по горло сидят в большой политике, и их сухому сердцу позиция Англии в китайском вопросе гораздо милее и ближе, чем интересы родного искусства... Признаться, в своей газетке я заметочку сам подсунул, в чужих — приятелей из репортеров подговорил... Сейчас у «Давыдки» стон стоит от хохота. Там уже балладу сложили насчет скрипучей старушки, признаться, очень неприличную.

— Интересно бы сейчас увидеть Куколку... Вот, поди, именинником ходит!

— А ведь он, ребята, по своей глупости все это всерьез примет!

— Портрет свой у Дациаро выставит!

— Фабриканты выпустят папирасы «Куколка»!

Громкий смех веселой компании заглушил робкий стук в дверь.

Только чуткий Меценат расслышал.

— Стучат, что ли? Кто там? Входите!

Вошел он... Куколка. Элегантный, дышащий свежестью молодости.

Оглядел всю компанию своими мягкими лучистыми глазами и кротко улыбнулся.

— Я вам помешал, господа? Вы почему-то очень громко смеялись?

— Это я о своем отце рассказывал, — нашелся Телохранитель, — понимаете, он был до того высок ростом, что, когда ему приходилось высморкаться в платок, он на колени становился.

— Как странно, — удивился Куколка. — Зачем же это он так?

— А вот спросите! Глеб Иваныч его звали.

Куколка помедлил немного, потом глаза его засияли небесным светом, и он тихо сказал:

— Господа... я, может быть, глуп и неловок, я сам сознаю это... И ненаходчив тоже. Но я сейчас пришел сказать вам, что... *таких людей, как вы*, я встречаю первый раз в своей жизни!!!

Это горячее восклицание Куколки было так двусмысленно, что все опасливо переглянулись.

— Неужели сорвалось? — испуганно пробормотал Мотылек на ухо Меценату. — Неужели догадался?

— Куколка, — сухо сказал Кузя. — Мы не понимаем, что вы хотите сказать этими словами? Мы такие горячие почитатели вашего чудного таланта...

— Я знаю, знаю! — в экстазе воскликнул Куколка. — Вот поэтому-то я и говорю, что людей, подобных вам, я встречаю впервые в жизни! До встречи и знакомства с вами все другие, даже друзья мои, — только бессмысленно трещали мне в уши, говорили мне хорошие слова, а вы не только обласкали меня, но и сделали для совершенно неизвестного вам человека то, чего не сделал бы и отец родной! Вы мне дали крылья, и я, до сих пор скромно ползавший, как червяк, по пыльной земле, теперь чувствую себя таким сильным, таким... мощным, что кажется мне — несколько взмахов этими сильными новыми крыльями, и я взлечу к самим небесам!!

— Куколка, не улетайте от нас, — сентиментально попросил Новакович.

— О нет! Вы для меня теперь самые родные, и я вас никогда не покину!! Я должен быть около вас, вдыхать, впитывать тот благородный аромат чистой поэзии, который вас окружает и который я буду вдыхать одной грудью с вами. До встречи с вами я был мелок и вял — теперь я будто окреп и вырос! Друзья! Я, конечно, знаю, что в ваших газетных заметках обо мне много дружеского преувеличения, многого я еще не заслужил... Но, друзья! Я сделаю все, чтобы оправдать эти ваши даже преувеличенные надежды на меня! Теперь у меня появился смысл и цель работы, и я клянусь, вам, что наступит время, когда вы сами будете гордиться мной, и скажете вы тогда: «Да, это мы поддержали первые робкие шаги Куколки, и это благодаря нам он сделался тем человеком, который и свою долю внес в благородный улей русского искусства...» И когда румяный Феб взметнет свою золотую колесницу к солнцу...

— Коньяк-то... дома будете хлестать али куда пойдете? — деловито спросила Анна Матвеевна, незаметно вошедшая во время пылкого монолога Куколки. — Ежели дома, то я послала бы за коньяком... Что было старого запаса — как губки высосали!

— Кальвия Криспинилла! — завопил Мотылек. — Как вы можете говорить о пошлом земном коньяке, когда мы пили сейчас божественный напиток, изливающийся из уст Куколки!..

— Анна Матвеевна! — высокопарно сказал Новакович. — Вы вошли в ту самую минуту, когда, может быть, в мире в муках рождался истинный, Божьей милостью поэт!..

И прозаично dokonчил шепотом:

— Нет ли у вас сахарцу, многоуважаемая? Я бы пожевал сладенького.

— Бестолковый вы народ, как погляжу я на вас, — проворчала Анна Матвеевна, доставая из кармана горсть сахара и суя в руку Новаковича. — А ты чего, сударь, с ними разговариваешь? Погубят они тебя. Плюнул бы на них да пошел бы прочь, в хорошую чистую компанию.

— Имею честь кланяться, — ласково приветствовал ее Куколка. — Как ваше здоровье, дорогая Анна Матвеевна?

— Здравствуй, здравствуй, голубчик! — благосклонно кивнула ему головой нянька. — Какое там наше старушечье здоровье. С ногами что-то нехорошо. Не то ревматизм, не то что другое.

— Муравьиным спиртом советую натереть, — авторитетно посоветовал Куколка.

— Как приятно видеть, — тонко усмехаясь, сказал Меценат, — сочетание в одном лице Эскулапа с Аполлоном. Куколка, будем пить коньяк?

— Я... собственно, не пью...

— Но выпьете. Выпьем за появление на свет нового поэта, большой успех которого я провижу духовными глазами!

— О, как вы все добры ко мне! — чуть не со слезами воскликнул Куколка, поворачиваясь во все стороны. — О, какая сладкая вещь — дружба!

— То-то и оно! Кальвия Криспинилловна — распорядитесь.

— Какая я тебе Кальвия, — огрызнулась старуха. — И что это за человек? В морщинах весь, а ругается.

— Да морщины-то, может, и породили во мне скепсис, мамаша. Будь я такой красавчик, как Куколка... О-о! Тогда бы я покори́л весь мир.

Г л а в а VII. МОТЫЛЕК ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБЫ

Когда на столе появился коньяк и закуска, Мотылек первую рюмку выпил за успех Куколки.

— Куколка! — воскликнул Кузя. — Хотите, я научу вас играть в шахматы? Это разовьет точность мысли и способность к комбинациям, что никогда не помешает такому поэту, как вы.

— Да ведь я уже играю в шахматы, — с сияющей улыбкой признался Куколка. — Только плохо.

— «Знаем мы, как вы плохо играете».

Новакович дружески посоветовал:

— Куколка, раз вы теперь входите в известность — вам бы сняться нужно. Будете дарить поклонникам свои портреты.

— Да я уже и снялся, позавчера. У Буассона и Эглер. Они обещали, что портреты будут превосходные.

Все значительно переглянулись, а Меценат одобрил:

— Молодец. Не зеваешь. Действительно, надо ковать железо, пока горячо. Фрак бы вам тоже нужно. Для публичных выступлений.

— Вчера заказал у Анри. Хороший будет фрак.

— Ну и Куколка же! Вот голова! Обо всем подумал.

— Я и книжку своих стихов собрал, — застенчиво признался Куколка. — Вдруг найдется издатель, ан — книжка уже и готова.

— Что это за человек, — чуть не захлебнулся коньяком Мотылек. — Только что-нибудь подумаешь, а он уже все предвидел и все сделал. В одном теле и Аполлон, и Наполеон.

— Господа, — воскликнул Меценат. — Я предлагаю устроить пышный праздник коронавания Куколки в поэты! Устроим это у меня, и тогда можно будет пригласить и Яблоньку. Я сначала думал снять отдельный кабинет в какой-нибудь таверне, но в таверну Яблонька не пойдет.

— Праздник с Яблонькой?! — пришел в восторг Кузя. — Да это же будет великолепно!

— Кто это — Яблонька? — с любопытством спросил Куколка.

Новакович заметно удивился:

— Яблонька-то? Если вы не знаете Яблоньки — вам незнакома подлинная красота мира, вы не поймете по-настоящему смысла в шелесте изумрудной травы, вы не поймете музыки журчания лесного ручья, пения птицы и стрекотания кузнечика — одним словом, в Яблоньке вся красота мира видимого и невидимого...

— Послушайте, Новакович, — радостно сказал Куколка, — да ведь вы тоже поэт!

Раздался общий смех, который окрасил мужественные ланиты Новаковича в ярко-багровый цвет. Он смущенно пробормотал:

— Не обращайтесь на них внимания, Куколка. Они бывают иногда утомительно глупы. Они ничего не знают.

— Нет, мы многое знаем. Я, например, знаю способ, с помощью которого физическое напряжение мускулов путем перегонки превращается в букет дорогих, привозимых из Ниццы белых роз и гвоздик!

— Кузя! На шкаф посажу!

— Ты меня можешь засунуть даже в карман... Но тогда у тебя в кармане, как говорил один древний мудрец, будет больше ума, чем в голове!

Меценат заинтересовался:

— Да как же это можно, Кузя: перегонять человеческую мускульную силу в цветы?

— Ах, вы не знаете, Меценат? А как вы назовете это, если человек вопреки своим спортивным принципам напяливает на голову черную маску, поступает инкогнито в цирковой чемпионат, кладет на лопатки несколько идиотов, получает за это деньги и вместо того, чтобы сшить себе новый костюм, посылает Яблоньке букет роскошных белых роз в день ее рождения?! Так сказать: цветок цветку.

Новакович сидел, опустив голову, угрюмый, совершенно раздавленный ядовитым рассказом Кузи.

Меценат внимательно глядел на Новаковича и вдруг покачал своей мудрой беспутной седеющей головой. В глазах его на один миг мелькнула чисто отеческая ласка.

— Телохранитель! Я и не знал о твоих подвигах на арене! На кой черт ты это сделал? Превосходно мог бы взять деньги у меня. Тем более — для Яблоньки.

— Вы знаете, Меценат, — тихо сказал Новакович, — я залезаю в ваш карман без всякой церемонии слишком часто и знаю, что вы выше этих пустяков, но я хотел сделать Яблоньке приятное на собственные заработанные деньги.

Кузя захихикал:

— *Как* заработанные? *Как!* На этих белоснежных лепестках сверкала не роса, а капли борцовского пота, выдавленно-го из несчастных «чемпионов Африки и Европы» твоими медвежьими нельсонами...

— Кузя! Ты можешь об этом больше не говорить? — нахмурился, сказал Новакович.

— И верно! — увесисто подкрепил Меценат. — Где замешана Яблонька — клеветы должны безмолвствовать.

Кузя вдруг завопил:

— Шапки долой перед святой красотой!! Телохранитель, я люблю тебя.

— Я был бы счастлив познакомиться с этой достойной девицей, — жеманно заявил Куколка.

— Я думаю! Губа-то у вас не дура. Я того мнения, Меценат, что Яблонька должна короновать нашего поэта собственными руками... А?

— Конечно, впрочем, я выработаю подробный ритуал всего празднества. Куколка! Куда же вы?

— А мне нужно спешить... я должен обработать одно мое стихотворение...

— Неужели такое же, как о старушке в избушке?! — восторженно ахнул Кузя.

— Нет, в другом роде. Однако неужели, господа, вам так понравилась «Печаль старушки»?

— О, это вещь высокого напряжения. То, что немцы называют: «Шлягер»! Я ее недавно декламировал в одном доме — так все чуть с ума не сошли!

— Ей-Богу? — расцвел Куколка. — И за что вы все так меня любите, не понимаю!

— За талант, батенька, исключительно за талант! За редким растением и уход особенный.

— Спасибо. Хотите, я свои новые стихи посвящу вам?

— О, достоин ли я такой чести, — сказал Кузя таким жалобно-уничижительным тоном, что Новакович отвернулся и приснул в кулак.

А Куколка, ничего не подозревая, обводил всех ясным, доверчивым взглядом, и сияла в этом взгляде ласка и собачья любовь к каждому из них.

— Жалко мне с вами расставаться, но ничего не поделаешь: искусство выше всего. Зайду только проститься с уважаемой Анной Матвеевной и помчусь домой. До свидания, мои хорошие.

Он вышел. Все помолчали. Потом Новакович почесал затылок и сказал:

— Меценат! Каков экземпляр, а? Это я его нашел. И за такого человека я получил всего 25 рублей. То есть так продешевить могу только я. Нет, не гожусь я в торговцы живым товаром.

— Послушайте-ка, господа, — и Меценат озабоченно обвел взглядом клеветов. — Шутка наша хороша, конечно... Она забавна, тонка и остроумна. Но как мы из нее в конце концов выпутаемся?! Представьте себе, что этот бездарный идиот вдруг действительно каким-нибудь чудом

выпустит книжку своих стихов. Что тогда? Ведь скандал будет на весь мир?!

Мотылек, сидевший до этого в глубокой задумчивости, вдруг вскочил и, собрав свое лицо в такие складки, что они оказались трепетавшим клубком судорожно извивавшихся змей, вдруг прошипел с самой настоящей злобой в голосе:

— И пусть! И пусть! Я давно уже жажду такого звонкого мирового скандала! Ведь подобного болвана, как эта Куколка, в сто лет не отыщешь! И какой самоуверенный болван! Пусть будет скандал! Так и надо! Так и надо!

— Чего ты, — даже отшатнулся от него Кузя. — Смотрите, взбесился человек! Лицо-то у тебя — будто черт лапой смял. Эй, морщины! Вольно! Марш по местам!

— Я давно, давно поджидал такого случая!! Обратите внимание на меня! Я пишу, творю вещи кровью моего мозга, изливаю лучшие свои чувства, щедро бросаю в тупую толпу целые пригоршни подлинных бриллиантов — и что же?! Я, как слизняк, пребываю во тьме, в неизвестности! Критика даже не замечает меня, публика глòтает мои произведения, как гиппопотам — апельсины или как та гоголевская свинья, которая съела мимоходом цыпленка и сама этого не заметила!! Так я ж тоже плюю на них на всех! Более того! Я хватаю эту Куколку и швыряю ее им всем в гиппопотамью морду!! Натe, нате вам! Вот достойный вас поэт. Смакуйте его, жуйте вашими беззубыми челюстями! Эввива, поэт Шелковников! Кузя!! Друг ты мне или нет? Так пиши еще о Шелковникове, звони, ори на весь мир — я буду тебе помогать! Я буду читать лекции о новом поэте Шелковникове, устрою целый ряд докладов, лекций, рефератов — и когда толпа, как стадо, ринется к его ногам, я плюну им в лицо и крикну: «Вот ваш бард! Я, как Диоген с фонарем, отыскал самое бездарное и самоуверенное, что есть в мире, и, хохоча, склонил ваши воловьи шеи перед этим апофеозом пошлости! Кланяйтесь ему, кланяйтесь, скоты!»

Он упал в кресло и, закрыв лицо руками, погрузился в молчание.

Остальные трое, ошеломленные этой неожиданной бешеной вспышкой, стояли вокруг него, не зная, что сказать. Они хорошо знали Мотылька, но сейчас на них глянуло совсем другое, новое лицо этого беззаботного человека.

Когда же молчание сделалось невыносимым, Кузя решил смягчить общее настроение.

— Здорово! — усмехнулся он. — Мы-то в простоте душевной думали, что «игра с Куколкой» — просто новенькая забава скучающей части русского мыслящего общества, а Мотылек — вишь ты, дай Бог ему здоровья — взял да и подвел под эту дурацкую историю прочный идеологический фундамент... Умная голова — наш Мотылек!

Меценат засвистел, подошел к неоконченному бюсту Мотылька и, оглядывая свое произведение, сказал:

— Попробую сделать тебе такое лицо, которое я видел сейчас, и назову это произведение: «Ярость».

— Трудно это, Меценат! — подхватил Новакович. — Для морщин на лице места не хватит.

Все шутили, но... в глубине души были очень удивлены. Чрезвычайно.

Впервые веселый Мотылек повернулся ко всем столь неожиданной стороной своей разнообразной натуры.

Глава VIII. О ЯБЛОНЬКЕ И ЕЕ ФИЗИЧЕСКИХ И ДУШЕВНЫХ СВОЙСТВАХ

У Мецената и его клеветов была непонятная страсть: награждать всех, кто с ними соприкасался, прозвищами. Этим как будто вносился какой-то корректив в ту слепую случайность, благодаря которой человек всю жизнь таскает на своих плечах имя, выбранное не по собственному вкусу или вкусу других, а взятое черт знает откуда: почему этот элегантный, одетый с иголочки парень именуется Иван Петрович Кубарев, а не Виктор Аполлоныч Гвоздецкий, почему та пышная черноволосая красавица называется Людмила Акимовна, когда по всяким соображениям гораздо более подходило бы ей пышное черноволосое имя: Вера Владимировна?

Бессознательно, но, вероятно, именно поэтому клеветы крестили всех окружающих по-своему.

Самой удачной, меткой кличкой у компании считалась Полторажида — кличка, которую прицепили к невероятно

длинному рыжему унылому еврею-портному, часто освещавшему несложный гардероб клеветов.

И совсем уже несправедливо звучала «Кальвия Криспинилла» — *Magistra libidinium Neronis*, как окрестили добрую русскую няньку Анну Матвеевну... В ее характере ничего не было общего с «профессоршей Неронова разврата», хотя Мотылек и божился, что она не только снисходительно относится к объектам Меценатовых сердечных увлечений, но даже сортирует их на «стоящих» и «нестоящих» и ведет с ними по телефону длинные беседы принципиального свойства.

Одной из удачных кличек считалась также сокращенное «Яблонька» или официальное — «Яблонька в цвету», потому что это поэтическое название вполне соответствовало внешности Нины Иконниковой.

Высокая гибкая блондинка с огромными синими глазами, любовно озиравшими весь Божий мир, с пышной короной белокурых, нежных, как шелковая паутина, волос, вся белая, ароматная, будто пахнувшая яблочным цветом, с высокой грудью и круглыми плечами, упругая, здоровая и свежая, как только что вылупившееся яичко. Походка у нее была изумительная: идет и вся вздрагивает, будто невидимые волны пробегают по телу, будто спелый колос волнуется от налетевшего теплого летнего ветерка...

Однажды некий экспансивный прохожий не выдержал: остановился посреди улицы, сложил молитвенно руки и пылко воскликнул:

— Боже мой! И пошлет же Господь в мир такую красоту!

Она несколько не была шокирована этим восклицанием; приостановилась и, мило улыбнувшись, поблагодарила:

— Спасибо вам за ласковое слово. Мне приятнее всего, что в вашем комплименте дважды встречается слово «Бог». Значит, что вы хороший человек.

И пошла дальше как ни в чем не бывало, прямая и гибкая, как молодой тополь, по-прежнему приветливо улыбаясь синему небу.

Первым познакомился с Яблонькой Мотылек. Этот расторопный поэт однажды долго шел за ней по боковой аллее Летнего сада и потом, восхищенный, потеряв над собой

власть, как он вообще всегда терял власть над своим бурным темпераментом, вдруг подошел к ней и вступил в разговор.

— Куда вы идете? — порывисто спросил он.

— В библиотеку. Книгу менять.

— И я пойду с вами.

— Вы тоже идете книгу менять? — спросила она просто, без всякой иронии.

— Нет... я этого... Давно собирался абонироваться... Да представьте себе, не знаю, как это сделать. Это сложно?

— Совершенно несложно, — мило рассмеялась она. — Пойдемте, я вам это устрою.

Мотылек бурно зашагал за ней, но, когда оба предстали перед прилавком, на котором лежали толстые каталоги, Мотылек вдруг ощутил, что он оступился и летит вниз головой в глубокую пропасть: он сейчас только вспомнил, что у него в кармане всего тридцать копеек, а плата за абонемент в месяц с залогом превышала эту сумму ровно в семь раз.

— Вот вам бланк, — сказала будущая Яблонька, — обязательно напишите ответы на вопросы и здесь подпишитесь.

Чтобы отсрочить окончательно гибель и позор, Мотылек долго возился над маленьким листком, собирал и распускал свои знаменитые морщины, раза два даже смахнул тайком пот со лба, каллиграфически выписал свою фамилию, сделал росчерк — роковой час расплаты придвинулся вплотную.

— Ну, что ж вы? — поощряла его Яблонька. — Теперь остается только заплатить и выбрать книгу по каталогу.

Мотылек тоскливо поглядел на ее свежие губы, поскреб яростно холодными пальцами затылок и вдруг брякнул:

— Послушайте... Можно вас отозвать в сторону на два слова?

— Что случилось? Пожалуйста.

Они отошли в сторону.

— Милая девушка! Видели вы еще когда-нибудь такого мерзавца, как я?

Ее губы дрогнули, и глаза немного затуманились...

— Что вы такое говорите... Разве можно так?

— Мерзавец! — в экстазе воскликнул Мотылек. — Форменный подлец! Слушайте же, как кается Мотылек! Слушай

весь православный народ! Книга мне была нужна? По морде мне нужно было хлопнуть несколько раз этой книгой! Ведь это я к вам просто пристал давеча в Летнем саду — пристал, как самый последний уличный нахал!! А вы, святая душа, даже не догадались! Вы, как Красная Шапочка, доверчиво разговорились с Серым Волком...

— Да вы не похожи на Серого Волка, — рассмеялась одними лучистыми синими глазами Яблонька. — У вас доброе лицо. А я боюсь только пьяных. И то я одного пьяного однажды вечером устыдила. С ними только нужно побольше простой примитивной логики. Подходит он ко мне вечером на Владимирской улице и говорит: «Пойдем со мной, барышня». Конечно, можно было бы позвать городского — в двух шагах стоял, — но мне жалко сделалось этого пьяненького. «Куда же, — я говорю, — мне с вами идти?» — «Пойдем поужинать». — «Смотрите-ка, — говорю, — какая жалость... А я уже поужинала!» — «Да что вы, — опечалился он. — Экая жалость! Ну, вина выпьем, что ли?» — «Вина мне нельзя! Доктор строго запретил». Призадумался: «Как же быть?» — «Уж я и не знаю». — «Что ж мне с вами делать все-таки? А может быть, бокальчик бы одолели? Попытались бы, а?» — «Да нет уж, и пытаться не стоит». Совсем он сбился с толку. «Что ж мне с вами делать?» — «Да уж придется, верно, махнуть на меня рукой. А вы бы спать лучше пошли... а? Вон у вас вид какой усталый. Небось заработались». Всклипнул он, утер мокрые усы и говорит: «А что вы думаете — и пойду! Никто меня не понимает, а вы поняли! Главное теперь — спать». Снял котелок, поклонился — и разошлись мы в наилучшем расположении духа.

— Вот вы какая! — восхитился Мотылек. — Вам бы с Меценатом познакомиться — он бы вас очень оценил.

— Кто этот Меценат?

— Кто?! А вот кто: у вас два рубля есть?

— Есть.

— Дайте мне на несколько минут. Вот спасибо. Теперь я беру вашу книгу — что там у вас? Новая книга Локка. Меценат, наверное, не читал. А вы возьмите свеженькую — и пойдем.

— Куда? — засмеялась Яблонька.

— Я вам долг отдам. Я, миленькая моя, человек честный. Ну, живо, живо!

— Да куда вы меня тащите, сумасшедший человек!

Но Мотылек уже запылал, задергался, как он пылал и дергался всегда... Взял Яблоньку под руку, озабоченно собрал в дорогу все свои морщины и повлек сбитую с толку Яблоньку на улицу.

— Вы очень странный человек, — робко успела пролететь Яблонька.

— Да уж и не говорите. Кончу я жизнь или знаменитым поэтом, или в сумасшедшем доме... Девушка! Любите ли вы красоту мира? Она во всем: в плакучей иве, склонившейся над тихо плывущей рекой, в угрюмой прямизне петербургской улицы, в новом интересном человеке, а человек этот... Девушка!! Что может быть интереснее Мецената? Нашего доброго мудрого благородного Мецената — этого ленивого льва с львиной гривой на львиной шкуре, льва, наполовину бросившего свою прекрасную львицу — ради красоты, свободы и созерцательности!

— Я вас не совсем понимаю, — мягко возражала Яблонька, пытаясь освободить свою руку.

— И не надо! Сейчас не понимаете — потом поймете! Скоро поймете. Даже сейчас! Вот мы уже у Меценатова подъезда. Эй, швейцар! Немедленно же вызовите из второго номера хозяина — скажите, по очень важному, спешному делу. Живо!

— Вы очень странный, — покачала головой Яблонька. — Очень; но вы не страшный. Только зачем Меценат? Может быть, он занят сейчас чем-нибудь, а вы его отрываете. Не лучше ли в другой раз?

— Ни-ни! Да вот уже его шаги. Видите, как он мягко спускается — как старый добрый лев. А за ним слышен тяжкий бег буйвола — это, конечно, Телохранитель.

Меценат, а за ним Новакович, оба без шапок, выскочили на улицу и, увидев около Мотылька белокурую красавицу, замерли, молчаливые, удивленные.

— Меценат! Я вас сейчас же, сейчас, прямо-таки вот немедленно познакомлю, но... дайте мне сначала два рубля. Вот вам за это книга. Вы абонированы! Локка книга. Читайте

ее, она интересная. Ведь книга интересная? — стремительно обратился он к Яблоньке.

— Интересная, — спокойно улыбнулась она, разглядывая странную группу: Меценат в засыпанном пеплом бархатном пиджаке и выглядывающего из-за его плеча мощного студента Новаковича.

— Скорей два рубля, Меценат! Спасибо! Вот вам, благодетельная фея, мой долг, а теперь можно и познакомить вас. Это Меценат. Правда, чудный? А тот пещерный медведь сзади — Телохранитель. Новакович! Дай тете ручку и шаркни ножкой. Господа! Эта девушка — лучшая в столице. Я с ней заговорил на улице, как мерзавец, а она ответила мне, как святая. А красота какая! Хотите, мы будем на вас молиться? Лампадку зажжем! Песнопение для вас сочиним. Телохранитель! Подбери глаза — а то на мостовую рассыплешь. Меценат! Видите, как я вас люблю! Увидел воплощение красоты, и первая моя мысль — о Меценате!.. «Меценат! — подумал я. — Ты будешь бедный, если не увидишь ее хоть издали!» А Новакович, светлая девушка, тоже хороший — двумя руками девять пудов выжимает.

— Мотылек с ума сошел, — усмехнулся первый пришедший в себя Меценат. — Позвольте узнать ваше имя?

— Нина Иконникова.

— А вы знаете, как я вас назвал, когда вы так вот стояли, белая, ласковая, около этого корявого пня? Подумал я: яблонька в цвету!

— Гип, гип, ура, Яблонька! — заорал Мотылек на всю улицу.

— Вы не обидитесь, — улыбаясь, спросил Меценат, — если я предложу вам зайти к нам отдохнуть от трескотни Мотылька. Они оба люди, которые могут с непривычки ошеломить, но публика, в общем, не страшная.

— Я должна спешить домой, — ответила, подумав, Яблонька, — но, если вы не будете меня задерживать, я минут десять посижу.

— Яблонька, — сказал Новакович, выдвигаясь вперед. — За то, что вы нас сразу поняли и доверились и идете к нам, я отныне даю присягу быть вашим рыцарем, защищать вас

от всяких невзгод, а если кто-нибудь посмеет что-нибудь лишнее — оторву голову и суну ему под мышку. Господа! Дорогу Яблоньке!

И, когда Яблонька шагнула на площадку Меценатовой квартиры, Новакович одним движением снял с себя тужурку и почтительно подбросил ее под ножки Яблоньки.

«И жители восторженно встречали ее, — неизвестно откуда процитировал Новакович, — и расстилали плащи перед ней, чтобы ее нежной стопы не коснулась грубая земля».

— У вас сзади рукав рубашки разорвался, — заботливо заметила Яблонька, осматривая рукав Новаковича. — Если у вас найдется нитка и иголка — я зашью.

— Вот девушка!.. Если бы я был достоин — я поцеловал бы край ее платья, — вздохнул Новакович, толкнув Мотылька плечом.

Яблонька вступила в знаменитую гостиную Мецената и с любопытством огляделась.

— Уютно у вас, а только странно. И солнца мало. Отчего портьеры задернуты? А для пепла полагается пепельница, а не ковер и не плечи бархатного пиджака. Где у вас щетка? Я вас почищу немного...

Яблонька посидела самую чуточку, скушала одну грушу, поправила висящую криво картину и уже надевала перед зеркалом воздушную шляпку, собираясь уходить, как в дверях показалась Анна Матвеевна.

— Экое чудо у нас, — охнула она, разглядывая Яблоньку. — Вы бы, барышня, подальше от них были! Это ведь сущие разбойники — обидят они вас.

— Меня, бабушка, невозможно обидеть, — рассмеялась Яблонька. — Я в Бога верю и всех людей люблю. Какие же они разбойники? Странные немного, но милые.

— Эткими милыми в пекле все дорожки вымощены. Как звать-то вас?

— Яблонька, — выскочил сбоку Мотылек.

— Яблонька и есть. До чего ж ладная девушка. Хоть бы вы их, барышня, усовестили, чтоб коньячища этого не лакали спозаранку...

— Анна Матвеевна! Да ведь мы по рюмочке!

— Знаю, что по рюмочке. В этакую рюмочку тебя и поп при святом крещении окунал. Скушать чего не хотите ли, сударыня?

— Нет, спасибо, мне идти надо... Буду в этих местах — зайду еще посмотреть, как вы тут живете. А коньяк лучше не пейте. Хорошо?

— Сократимся, — усмехнулся Меценат. — А если вам нужны какие-нибудь книги — так моя библиотека к вашим услугам. Ройтесь, разбрасывайте — у нас это принято.

Яблонька ушла, звонко поцеловав Анну Матвеевну на прощание.

После ее ухода нянька подошла к креслу, грузно уселась в него и, посмотрев на победоносно переглядывавшихся клеветов, строго сказала:

— Ну, ребята... Не пара она вам. Не по плечу себе дерево рубите.

— Кальвия, — возразил Мотылек, обнимая ее седую голову. — Где же это видано, чтобы Мотыльки да рубили Яблоньки? Наоборот, я буду порхать около нее, вдыхая аромат, буду порхать — вот так!

Он вспрыгнул на оттоманку, перемахнул на стол, оттуда обрушился на плечи Новаковича и наконец, тяжело дыша, сполз с Новаковича на пол.

— Мотылек, — сказал размягченный Меценат. — За то, что ты сегодня вспомнил, подумал обо мне — я дарю тебе изумрудную булавку для галстука. Она тебе нравилась.

— А я, — торжественно подхватил Новакович, — никогда больше не позволю Кузе говорить, что все твои произведения читал у чужих авторов в немецких журналах!! Ты совершенно оригинальный писатель, Мотылек!

— А я, — проворчала нянька, — оборву тебе уши, если ты будешь бросать мне на ковер апельсиновую шелуху.

— Кальвия! Я вас так люблю, что отныне буду есть апельсины вместе с кожурой.

И все впоследствии не исполнили своих обещаний, кроме Мецената, булавка которого навсегда украсила тощую грудь Мотылька как память о Яблоньке, изредка, как скупой петербургский луч, заглядывавшей в темную Меценатову гостиную.

Часть II. ЧЕРТОВА КУКЛА

Глава IX. В КАВКАЗСКОМ КАБАЧКЕ

В уютном, увешанном восточными коврами и уставленном по стенам тахтами отдельном кабинете кавказского погребка на Караванной улице заседала небольшая, но очень дружная компания под главным председательством и руководством Мецената.

Кроме него были: Кузя, Новакович и великолепная Вера Антоновна, которая, как это ни странно, но выехала в свет *из-за своей лени*.

Сегодня как раз был день ее рождения, и Меценат, созвав с утра своих клеветов, предложил отпраздновать этот замечательный, с его точки зрения, день в квартире Веры Антоновны. Но, когда ей сообщили об этом по телефону, она вдруг высказала чрезвычайную, столь не свойственную ей энергию, заявив, что лично прибудет к Меценату для обсуждения этого сложного вопроса.

Приехала и, устало шуря звездоподобные глаза, заявила:

— Послушайте, в уме ли вы?! Ведь это сколько хлопот, возни?.. Да ведь я после праздника буду три дня лежать совершенно разбитая! Неужели вы не знаете, что быть гостеприимной хозяйкой — это нечеловеческий труд! Пожалейте же меня — не приезжайте. Ну, не стыдно ли вам так мучить меня; я ведь красивая и добрая...

Мотылек застонал:

— Кто же, кто вас мучит, Принцесса?! Кто это осмелится, Великолепная (две клички Веры Антоновны, которыми наделили ее неугомонные клеветы при молчаливом одобрении Мецената)?! Укажите мне такого мучителя — и я объемлю с его костей! Разве мы вас не понимаем?! Действительно — адская работа: встретить каждого гостя отдельно, да скажи ему, подлецу, несколько ласковых слов, да еще, пожалуй, придется ему подкладывать кушанья на тарелку?! А предлагать вино? А приказывать переменить приборы?! Да ведь еще же меню сочинять придется! Нам ли с вами такая тяжесть под силу?..

— Да, да, Мотылек! Вот видите, вы меня поняли!

И, когда вся компания покатила со смеху, Вера Антоновна обвела всех недоумевающими глазами и, дернув Мотылька за ухо, сказала:

— Что это? Вы, кажется, издевались сейчас надо мной, Мотылек? Кузя! Пойдите поближе ко мне... Вы единственный, который меня понимает.

— Этот поймет! — засмеялся Новакович. — Вам бы, Принцесса, за него нужно было выйти замуж, а не за Мецената. Был вчера такой случай: захожу я к Кузе, а он лежит в кровати и стонет... «Что с тобой, Кузя?» — «Ах, Телохранитель, испытывал ли ты когда-нибудь мучительную жажду? Я вот уже целый час терзаюсь!» — «Так ты бы воды выпил, чудак!» — «А где же возьмешь, воду-то?» — «Да вот же графин, на умывальнике стоит, в десяти шагах от тебя!» — «Это, — говорит, — не вода». — «А что же это такое?» — «Перекись водорода». Потом стал стонать, как издыхающая лошадь. «Что с тобой?» — «Совсем, — говорит, — я расхворался. А тут из окна дует. Телохранитель, — говорит, — передвинь мою кровать к умывальнику». Ну, и я передвинул кровать к умывальнику вместе с ним... И что же вы думаете? Едва он очутился на таком расстоянии от графина, что мог достать рукой, как схватывает его — и ну глотать жидкость, как ожившая лошадь!..

— Неужели перекись водорода пил? — удивился Меценат.

— Какое! Простая вода в графине была.

— При чем же тут перекись?

— А видите, в чем дело: скажи он мне, чтоб я дал ему воды, я бы из принципа не дал. Не люблю поощрять его гомерическую лень. Вот он и выдумал историю с окном, из которого дует, и с перекисью. Да это еще не все! Прохаживаюсь я по комнате, ругаю его последними словами, вдруг — хлоп! Сапог мой цепляется за гвоздь, высунувшийся из деревянного пола, и распарывается мой старый добрый сапог!! «Кузя! — кричу я. — У тебя тут гвоздь из пола вылез!!» А он мне: «Знаю!» — говорит. «Так чего ж ты его не вытащишь или не вобьешь обратно?» — «А зачем? Я уже привык к этому гвоздю и всегда инстинктивно обхожу его. А посторонние пусть не шляют зря!» Взял я угольные

щипцы, вбил гвоздь по шляпку и этими же щипцами отколотил Кузю.

— Грубый у тебя нрав, Новакович, — вяло возразил Кузя. — Как ты не понимаешь, что гвоздь торчал вне моего фарватера, который ведет от кровати к умывальнику и от умывальника к зеркалу. Глупый ты! Ведь гвоздь-то торчал не на моей проезжей дороге!

— Как это вам понравится, Принцесса?!

— Что такое? — медленно подняла на него свои огромные сонные глаза Принцесса.

— Да вот история с Кузей!

— А я, простите, не слышала, замечталась. Кузя! О вас тут рассказывали какую-то историю? Вы здесь самый симпатичный, Кузя. Принесите мне платок из ридикюля. Он в передней.

— Сейчас, — с готовностью откликнулся Кузя, не двигаясь с места. — Вы твердо помните, что ридикюль в передней?..

— Ну да.

— А где именно положили вы ридикюль в передней? На подзеркальнике или на диване?

— Не помню, да вы посмотрите и там, и там.

— У вас какого цвета ридикюль? — допрашивал Кузя, потонув по-прежнему в мягком кресле.

— Ах ты Господи! Да ведь не сто же там ридикюлей?!

— Я к тому спрашиваю, чтоб вас долго не задерживать поисками. А то, может, он завалился за диван, так в полутьме сразу и не найду... Кроме того... Ах, вот он!

Он взял ридикюль из рук уже вернувшегося из экспедиции в переднюю Новаковича и любезно протянул его Принцессе.

— Спасибо, Кузя. Вы милый.

— Вот дура горничная, — заметил будто вскользь Новакович. — Забыла в передней ведро с мыльной водой, а чье-то пальто упало с вешалки да одним рукавом в ведро и попало. Мо-окрое!

— А какого цвета пальто? — ухмыляясь, спросил Мотылек.

— Серенькое, кажется.

— Так это ж мое! — испуганно закричал Кузя и, как заяц, помчался в переднюю.

— Действительно ты видел пальто в ведре?

— Ничего подобного. Просто хотел, чтобы Кузя размял себе ноги. Это ему наказание за ридикюль!

Вошла Анна Матвеевна, расцеловалась с Принцессой, села напротив, поглядела на нее, укоризненно покачала головой и вступила с Принцессой в обычную для них обеих беседу:

— Где дети?

— Какие дети? — удивилась Принцесса.

— Как какие? Твои!

— Да у меня, нянечка, нет детей.

— А почему нет?

— Не знаю, нянечка. Бог не посылает.

— «Бог не посылает». Леня все твоя проклятая. И в кого ты такая уродилась?!

— В кого? В Венеру Милосскую, — подсказал Мотылек.

— В Кузю, — поправил Новакович. — Впрочем, это одно и то же: если Кузе оборвать руки — получится форменная Венера Милосская для бедных.

— Ах, милые мои, — сказала старая нянька, пригорюнившись. — То есть до чего мне хочется ребеночка нянчить — сказать даже невозможно.

— Да, — грустно улыбнулся Меценат. — Этого товара не держим. Так как же, господа, насчет сегодняшнего торжества?

Мотылек выручил:

— Да очень просто! На Караванной есть превосходный кавказский кабачок с восточными кабинетами. Пойдем туда — чудное винцо!

— А тебе бы только винцо, бесстыдник, — упрекнула нянька.

— Я не виноват, пышная Кальвия. У меня мамка была пьяница. У нее даже два сорта молока было: левая грудь — бургундское, правая — бордосское.

— Тьфу! — негодуя сплонула Анна Матвеевна. — С вами поговоришь — только нагробишь. В постный день оскоробишься.

Решили идти на Караванную. Мотылек заявил, что он еще должен заехать в редакцию своего журнала, устроить редактору скандал, после чего не замедлит явиться; а все прочие с гамом и шумом, резко выделяясь на сонном фоне невозмутимой статуарной Принцессы, зашагали по улице,

и, когда ввалились в кабачок, изо всех занятых кабинетов высунулись обеспокоенные шумом головы.

Вера Антоновна выбрала самый уютный уголок, окружила себя подушками и замерла, как изумрудная ящерица на горячем солнце, откинув на спинку дивана свою великолепную голову.

— Что вы будете кушать, Ваше Высочество? — спросил Меценат, нежно целуя ее руку. — Есть шашлык карский, есть обыкновенный.

— А какая разница? — осведомилось дремлющее Ее Высочество.

— Обыкновенный шашлык маленькими кусочками, на вертеле, карский — большим куском.

— Так его еще резать надо? Лучше тогда обыкновенный!

— И мне! — присоединился Кузя.

Через двадцать минут приехал Мотылек. Губы его дрожали, и глаза метали гневные молнии. Число морщин на лбу возросло в угрожающей лицу прогрессии.

— Подлецы! — закричал он еще с порога. — Подлые рабы!

— Что случилось, Мотылек? — беспокожно глянул ему в глаза Меценат. — Ты чем-то расстроен?

— Ах, Меценат! Вы представить себе не можете, что за олух наш редактор! Я уже три года секретарь журнала и считаю, что приобрел себе известный вес и положение... Сдаю в набор свое стихотворение «Тайна жемчужной устрицы», помните, еще оно вам очень понравилось, вдруг он мне заявляет: «По техническим условиям не может быть напечатано!» — «Это что еще за технические условия?!» — «Размер велик! 160 строк». — «Да ведь стихотворение хорошее?!» — «Замечательное». — «Так чего ж его не напечатать?!» Он опять: «Потому что длинное!» — «Но ведь хорошее?» — «Хорошее». — «Так почему не напечатаете?» — «Размер велик». Взвыл я. «У Пушкина, — говорю, — поэмы были на две тысячи строк! Вы бы и Пушкина не напечатали?!» — «Нет, — говорит, — не напечатал бы». Ну, знаете, Меценат... Насчет себя бы я еще мог простить, но — Пушкин! Озверел я. «Да вы знаете, кто такой Пушкин?!» — «А вы знаете, что такое технические условия?» Я ему Пушкиным по голове, а он мне техническими условиями по ногам. Встал я и говорю: «Сегодня мой приятель Новакович о Кузин гвоздь сапог

разорвал!» — «А мне, — говорит, — какое дело?» — «А такое, что — не почитините ли?» — «Что я вам, сапожник, что ли?» Я и говорю: «Конечно, сапожник!» Крик у нас был на всю редакцию. «Вы, — говорит, — невоспитанный молодой человек!» — «А вы воспитанный в цирке старый осел, умеющий скакать только по ограниченной арене!» Забрал свои рукописи, хлопнул дверью и ушел.

— Промочи горло, Мотылек, — посоветовал Новакович. — Хочешь, я пойду отдую твоего редактора?

— Нет, я ему лучшую свинью подложил! Иду к вам, встречаю нашу знаменитую Куколку. «Что с вами, Мотылек?» — «Куколка! Вы, как человек тонких эмоций, как Божьей милостью поэт, меня поймете!» Рассказал ему всю историю, а он мне: «А знаете, Мотылек, Пушкин действительно очень пространно писал. Теперь так уже не пишут! Нужна концентрация мыслей». Посмотрел я на него и говорю: «Пойдите к редактору, попроситесь в секретари — он вас с удовольствием возьмет!» А он замялся, да и спрашивает меня таково деликатно: «Я не знаю, как и быть. Боюсь, что это будет не по-товарищески по отношению к вам...» — «Ничего, идите. Я буду очень рад. Все равно в этом доме мне больше не бывать!» Он и потащился. Воображаю разговор этих двух ослов! Кстати, я его потом сюда пригласил. Вы не против этого, Меценат?

— Я очень рад! Послушайте, Принцесса! Вы ничего не будете иметь против, если сюда придет один очень милый, воспитанный молодой человек?

— А он меня не заговорит? — опасливо спросила Принцесса.

— То есть как?

— Да вдруг начнет меня расспрашивать — бываю ли я в театрах... или еще что-нибудь? Тоска!

— Не бойтесь, Великолепная, — хитро ухмыльнулся Кузя. — Мы представим ему вас как настоящую кровную принцессу... Язык у него и прилипнет к гортани...

— Ну вот, глупости... я не хочу быть самозванкой.

— Ну, Принцессочка, позвольте. Мы ведь в шутку... Он так глуп, что всему верит! Сделайте этот пустяк для нас.

— Это будет сложно?

— Ни капельки! Сидите, как великолепная статуя, а мы около вас будем порхать и щебетать, как птички.

Глава X. ТОСТЫ. ПЕРВАЯ УДАЧА КУКОЛКИ

Когда подали вино и шашлыки, произошло общее движение, полное восторга, почти экстаза.

Новакович глянул хищным оком на шашлыки и простонал:

— О, как я люблю этого зайца!

— Да это не заяц, а шашлыки.

— Ну, все равно, я люблю эти шашлыки.

И блестяще доказал это. Шашлыки понесли от его зубов полное поражение. Увлеченный его аппетитом, Меценат заказал еще несколько порций, потом встал с бокалом в руках и провозгласил:

— Этот бокал я выпью за вечную немеркнущую красоту мира! И воплощение этой красоты — в сегодняшней нашей имениннице — Принцессе, которая одной своей улыбкой способна осветить все кругом! О, конечно, вы можете возразить мне, что женская красота — предприятие непрочное, но я смотрю на это шире: когда красота поблекнет, когда наступит мудрая красивая старость, за ней смерть, а потом разложение жизненной материи на первоначальные элементы, то из элементов моей дорогой жены снова получится что-либо не менее прекрасное: вырастет стройная белая кудрявая березка, под ней свежая шелковая травка, а над ней проплывет душистое жемчужное облачко, прольется несколькими жемчужными каплями и протечет светлым ручейком... И во всем этом — в березке, в облачке, в мураве и в каплях весеннего дождя — будет часть красоты моей прекрасной жены, именины которой мы сейчас так чинно и благородно празднуем. Принцесса! За ваше великолепное здоровье!!

— Вот тебе, — прошептал пригорюнившийся Новакович, — начал Меценат за здравие, а кончил за упокой.

А интересно, братцы, куда, в какие элементы перейду я после смерти?

— В силу справедливости, — ухмыльнулся Кузя, — ты бы должен был целиком перейти в барана...

— Почему? — грозно спросил Новакович.

— Потому что сейчас целый баран со всеми своими элементами и даже с почками, которые ты стащил с моей тарелки, потому что целый баран перешел в тебя. Нет, гос-

пода, вот я скажу речь, так это будет речь, а не разложение живого человека на первичные элементы. Друзья! Никто из вас так не понимает Принцессу, как я. Нам говорят: «Вы ленивы! Вам не хочется даже пальцем пошевелить, лишний шаг сделать...» Слепцы! Да разве ж это не самое прекрасное, не самое благодетельное в мире?! Вот мы ленивы — да разве ж мы способны поэтому сделать кому-нибудь зло? Ох, бойтесь, господа, активных людей! Мы-то, может быть, наполовину и приятные такие, что мы ленивы. Да дайте Принцессе подвижной, деятельный характер, дайте ей инициативу — сколько она нашего мужского человека погубила бы на своем пути?! Этакая красавица, да если бы она не дремала в прямом и переносном смысле этого слова, — ряд мужских трупов окружил бы ее, как цветочная гирлянда на голове неумолимой богини Кали! Есть чудачки, которым мил ураган, разметывающий тучи, как щепки, ломающий вековые деревья и срывающий с домов крыши, есть любители бешеной бури на море, когда скалы стонут под напором озверевших волн! Я не из их числа! Мне мила тихая зеркальная заводь, где дремотные ивы, склоняясь, купают свои элегические зеленые ветви в застывшей воде и где я вижу свое отражение, тоже мирное, кроткое, не возмущенное рябью никакого беспокойного ветра!

— Однако ты довольно ловко приплел себя к этому тосту, — ядовито перебил его Мотылек, — все «я» да «я»! «Мне мило то-то», «я смотрю туда-то», «я люблюсь собою там-то и там-то». Нарцисс паршивый.

— Молчи, изгнанник из редакционных недр! Придержи язык, заступник Пушкина! Я перехожу сейчас непосредственно к Принцессе. Сегодня вместе с ней на нас сошла сама прекрасная Тишина, наши души окутал сладкий покой нирваны, мы будто стоим на берегу южного знойного моря, заснувшего в такой прекрасной неге, что взять бы крикнуть: «Остановись, мгновение, на всю жизнь! Ты прекрасно!» Но не хочется нарушать криком этого знойного душистого молчания, и стоишь так молча — зачарованный колдовской волшебной царицей лени и сладкой неподвижности. За ваше здоровье, Принцесса! Вы согласны со мной?

— А? Что вы такое сказали? Я, признаться, немного замечталась... Простите!

Общий смех не смутил Кузю. Он сделал рукой знак помолчать.

— Не гогочите. Клянусь вам, что в жизни своей я не произносил такой длинной речи, и еще клянусь, что вопрос великолепной Принцессы есть лучшее подтверждение моих слов и лучший для меня комплимент. Я сейчас молился, понимаете вы это? Моя душа звенела, как золава арфа... Мотылек, дай мне спичку.

— Какую тебе спичку?! Моя коробка у меня в пальто, а твоя лежит около тебя.

— О, толстокожий! Как ты не понимаешь, что твоя коробка в пальто ближе к тебе, чем моя здесь же на столе! Тебе легче...

— Я не помешаю? — раздался мягкий голос из-за портьеры. — Можно к вам?

Вошел Куколка, свежий, застенчиво улыбающийся красными пухлыми губами, как всегда, безукоризненно одетый в свежий черный костюм, в элегантно галстук, с перчаткой на левой руке...

— А, Куколка! Вас только и недоставало до ансамбля. Входите! Позвольте вам представить. Это Ее Высочество Принцесса Остготская. Ваше Высочество! Разрешите вам представить нашего юного друга, чудного поэта, для которого наши духовные очи провидят большое будущее.

— Очень счастлив, — сказал, склоняя кудрявую голову, Куколка. — Мое имя Шелковников Валентин... мое отчество...

— Подробности письмом, — бесцеремонно перебил его Мотылек, целуя вместо него на лету белую душистую руку, протянутую Принцессой, — садитесь, сын Аполлона. Ну, что... вас можно поздравить? — осведомился он, подмигивая всей компании.

— С чем?

— С секретарским местом! Ведь я же вас давеча туда направил.

— Ах, — вспыхнул Куколка, — а я и забыл поблагодарить вас! Экая неучтивость. Вы знаете, Мотылек... (Вы позволите мне вас так называть?) родной брат не сделал бы мне того, что сделали вы!

— Да что такое? — нервно перебил его Мотылек.

— Дело в том... (Ох, как я вам благодарен. О, какая, господа, это великая вещь — дружба!) Дело в том, что я пошел почти безо всякой надежды... единственно потому, что решил во всем вас слушаться. Ведь я знаю, что вы желаете мне добра...

— Да не мямлите. Ближе к делу! — проскрежетал нерпеливо Мотылек.

— Ну, что ж... Ваш редактор оказался очень симпатичным. Когда он узнал, что я тот самый поэт Шелковников, о котором последнее время так много писали в газетах, то сделался вдвое любезнее. «Буду, — говорит, — счастлив сделать для вас все что ни попросите». — «Я, — говорю, — слышал, что у вас освободилось место секретаря редакции, так вот нельзя ли?..» — «Видите ли, — говорит, — мой принцип — избирать себе помощников только среди людей, хорошо мне известных, но я вижу, что характер у вас хороший, покладистый, да и имя вы себе уже кое-какое приобрели... А кроме того, явились вы под горячую руку!! Так что приступайте с Богом к своим обязанностям...» — «Простите, — говорю я, — я буду согласен на все ваши условия, но разрешите мне поставить только одно свое: я могу занять место лишь тогда, если вы пообещаете напечатать стихи моего предшественника — «Тайна жемчужной устр...»

— Ни за что! — дико закричал Мотылек, вскакивая с места. — Кто вас просил ставить такие условия?! Не хочу! Завтра же отбираю свою «Тайну устрицы»!!

— Постойте... Да ведь он согласился. Я его убедил.

— Вы его убедили?! — угрюмо сказал Мотылек, обведя всю компанию непередаваемым взглядом. — *Вы его убедили?!* Я его не мог убедить, а *вы* его убедили...

— Я же хотел вам приятное сделать, — моляще прошептал Куколка, прижимая к груди руки. — Если бы я знал, что этого не следовало...

— Он его убедил, — простонал Мотылек, роняя голову на руки.

Потом встряхнулся и угрюмо поглядел на Куколку.

— Короче говоря — место за вами?

— Да, за мной. Но если хотите, я завтра же...

— Нет, нет! — с дикой энергией вскричал Мотылек. — Вы должны, обязаны занять это место! Я так хочу. И вы пишите в этом журнале! Пишите больше!!

— Он и просил у меня стихотворение для следующего номера. У меня и сюжет в голове есть.

Воцарилось долгое молчание, которое каждый переживал по-своему... Один Меценат был царственно невозмутим, тихо посмеиваясь в свои пышные седеющие усы... Да еще Куколка: он с детским любопытством поглядывал на Принцессу и потом, не выдержав, склонился к уху своего соседа, Новаковича.

— Скажите, эта дама — действительно принцесса? Настоящая принцесса?

— О да, — с готовностью отвечал шепотом Новакович. — Только она не любит, когда ей говорят о ее царственном происхождении. Это вообще тяжелая история... Она недавно пережила большую душевную драму. Дипломаты ее родины задумали выдать ее замуж за абиссинского негуса, а она, понимаете, не может переносить черного цвета... Это, кажется, называется дальтонизм. Или еще проще — идиосинкразия! Она сначала хотела лишиться себя жизни посредством фиалкового корня, но ее спасли, тогда она подкупила слуг и бежала, севши в корзинку воздушного шара, который для забавы был привязан в роскошном саду ее владетельного отца... Северо-восточный ветер и принес ее в Петербург.

— Как же вы с ней познакомились?

— Целая история! Пошел я однажды ночью прогулки ради на Горячее Поле, вдруг вижу — воздушный шар низко-низко над полем летит... А внизу конец гайдропа болтается... так сажени на полторы от земли. Ну, вы же знаете мою силу и ловкость; подскочил я, ухватился за конец и притянул корзинку. В корзинке принцесса в обмороке и мертвый, уже разложившийся, как говорит Меценат, на свои составные элементы слуга. Извлек я Принцессу, привел в чувство, и с тех пор, вы видите: нас водой не разольешь, такие друзья. Только вы, Куколка, не забывайте ей этой истории... Вы понимаете, как тяжело!.. Слугу Рудольфом звали, — добавил Новакович ни к селу ни к городу.

— О, я понимаю, совершенно понимаю, — пылко воскликнул Куколка. — Однако, Новакович, какой это замечательный сюжет для стихотворения, правда?

— Чудный сюжет, — согласился Новакович, запихивая в рот кусок шашлыка. — Вы бы поговорили с Ее Высочеством. А то наши ребята перед ней робеют. А вы такой находчивый.

— Чего ж тут робеть, — улыбнулся Куколка. — Я могу вести какой угодно разговор.

И изысканным тоном обратился к дремлющей Принцессе:

— Как поживаете, Ваше Высочество?

Принцесса открыла глаза и впервые взглянула на Куколку.

— Что вы говорите?

— Я спрашиваю: как вы себя чувствуете?

— Спасибо, очень хорошо. Только они все такие шумные. Давеча даже речи какие-то в мою честь говорили. А вы тоже из их компании?

— Да, я имел счастье недавно познакомиться с Меценатом и его друзьями, и вы знаете, Ваше Высочество, они ко мне отнеслись как к родному. В их обществе я себя чувствую чудесно.

— Отчего они называют вас Куколкой?

Куколка зарумянился и опустил свои длинные шелковые ресницы.

— Право, не знаю... Это меня впервые Анна Матвеевна — достойнейшая женщина! — так окрестила, а им и понравилось.

— Я вас тоже буду называть Куколкой. Можно?

— Пожалуйста, Ваше Высочество.

— А вы не шумите?

— То есть как? Нет, я вообще тихий.

— Ну, тогда хорошо. Заезжайте когда-нибудь ко мне, я вас чаем попою.

— Буду счастлив. Не замедлю.

— А они все такие шумные, — капризно пожаловалась Принцесса. — Новакович однажды Кузю в ковер закатал... Мне же пришлось его потом и раскатывать.

— Какой ужас! — искренно огорчился Куколка. — Но, если не ошибаюсь, господин Кузя, кажется, очень тихий?

— Да он ничего, только однажды в мою раскрытую шка-тулку с бриллиантами окурков насовал.

— Пепельница далеко стояла, — вразумительно пояснил Кузя. — Но я люблю бывать у Принцессы. Тихо так, никто не беспокоит. Я один раз у нее часа три в кресле проспал.

— А вы любите поэзию? — осведомился Куколка.

— Люблю, — согласилась, немного подумав, Принцесса, — только чтоб стихи были короткие.

— Мои не длинные, — успокоил Куколка.

— Господа! — нетерпеливо стукнул по столу хмуρο молчавший до сего Мотылек. — Когда же мы устроим коронавание Куколки в поэты?!

— Не нравится мне что-то Мотылек, — шепнул Кузя Меценату. — Мы все шутим, смеемся, а у него в истории с Куколкой какой-то надрыв.

— Мотылька надо понять, — качнул сидящей головой Меценат. — Он талантливее нас всех, а не складывается у него, у бедняги, литературная судьба. Вот он и дергается... Денег дать ему, что ли? Да нет, это его не устроит.

— Когда коронавание? — капризно повторил Мотылек, ударяя ладонью по столу. — Хочу короновать Куколку.

— Да можно в субботу. У меня. Только Яблоньку нужно бы предупредить.

— Хорошо, — поспешно подхватил Новакович с деланно-равнодушным видом. — Я зайду ей сказать.

Кузя толкнул Мецената локтем в бок.

— Да зачем же тебе затрудняться? Я почти мимо ее дома прохожу. Зайду утречком.

— Где тебе! Ты так ленив, что на площадке лестницы заснешь. Не трудись лучше — я сам зайду.

— Нет, я!

— Кузя! Опять в ковер закатаю!

— А я высуну голову из ковра да и крикну на весь крещеный мир: «Православные! Телохранитель влюбился в Яблоньку!»

— Дурак! — прошептал Новакович, отворачивая лицо к стене. — Ах, какой ты дурак! И с чего взял, спрашивается.

— Что я взял?

— Что я... этого... люблю Яблоньку.

— Ах, значит, ты ее не любишь? Завтра же доложу ей: «Телохранитель сказал, что он вас не любит!»

— Да чего ты пристал к нему, как комар, — вступился Меценат. — Не смей обижать моего Телохранителя!

— Как это они хотят вас короновать? — спросила Принцесса, мерцая из полутьмы своими черными звездами-глазами.

— Не знаю, — добродушно усмехнулся Куколка. — Но это, вероятно, очень забавно и весело.

Разошлись поздно. Решили всем обществом проводить Веру Антоновну. Ночь была ясная, звездная, и дышалось после душного кабинета легко. Шли так: впереди Куколка вел Принцессу под руку, за ними Меценат об руку с Мотыльком — что-то тихо, но горячо доказывал своему погасшему другу-неудачнику, а сзади Новакович с Кузей энергично доругивались по поводу все той же Яблоньки...

А она, даже не подозревая, что служит предметом спора, уже давно спала в своей белоснежной девственной постельке... Белокурые волосы, как струи теплого золота, разметались по подушке, а полубнаженная свежая девичья грудь дышала спокойно-спокойно...

Глава XI. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К КОРОНОВАНИЮ КУКОЛКИ

— Какой у вас тут беспорядок, — критически заметил Новакович, оглядывая Меценатову гостиную, — отчего вы не прикажете вашим слугам прибраться?

— Ну, слуги! Они тут такой беспорядок сделают, что потом ничего не найдешь. А у меня все на месте.

— Именно что. Например, эта пачка старых газет на ковре около оттоманки, кусок глины на подзеркальнике, грязный полотняный халат на дверце книжного шкафа — все это придает комнате очень уютный, чисто будуарный вид! На крышке рояля такой слой пыли, что все письменные работы можно исполнять на этой крышке. Вот я вам тут напишу сейчас один вопль!

И он четко вывел по слою пыли на крышке рояля:

«Ребята, позвольте рекомендоваться: я — пыль. Братцы, да кто же меня сотрет наконец?!»

Кузя привстал с кресла, прочитал «воплъ» и деловито объяснил:

— Эту пыль нельзя трогать. Она уже осела и лежит себе спокойно, не попадая ни в чьи легкие... А начни ее стирать — наши легкие погибнут.

— А эти бутылки на полу в углу? А грязные пивные стаканы? Удивляюсь, Меценат, как вам не противно!

— Да что тебя вдруг обуял такой бес аккуратности?! — удивился Меценат. — Никогда я этого за тобой не замечал.

— Мне-то, в сущности, все равно, но сегодня у нас будет дама... Ну, как ее посадить в такое кресло, на котором пепла столько же, сколько на голове древнего горящего еврея?! Яблонька не любит грязи!

Все значительно переглянулись и в один голос монотонно затанули:

— А-а-а!

Когда один уставал и замолкал, другой подхватывал эту заунывную ноту и тянул дальше, пока его не сменял первый.

— А-а-а!.. А-а-а!..

— Честное слово, я расскажу Яблоньке, как вы надо мной издеваетесь, приплетая ее имя!!

К Яблоньке «клеветры» относились молитвенно, поэтому после угрозы Новаковича рты моментально захлопнулись, как пустые чемоданы.

Впрочем, Кузя не утерпел:

— Телохранилитель, когда свадьба?

— Чья? — не понял сразу Новакович.

— Ваша же, ваша! Ты ведь сохнешь так, что даже сахар Анны Матвеевны не помогает. Сдашь государственные экзамены — надевай фрак, белый галстук и делай предложение.

Новакович, уныло свесив голову, помолчал, потом вдруг встряхнулся и сказал с неожиданной откровенностью:

— До чего бы это было хорошо! Конечно — фрак ерунда, но вообще, помимо фрака... Эх, братцы, грех вам смеяться над таким чувством.

— Да мы не смеемся, чужак. Мы сочувствуем. Я это понимаю. Я сам один раз был влюблен в некую вдову — так влюблен, что и сказать невозможно. До того дошло однажды, что я на пол повалился и стал ножку стола грызть.

— Что общего? — возмутился Мотылек. — Тут чистая, благородная, благоуханная девушка, а этот шахматный Кузя со своей затрапезной вдовой вылез да еще ножкой стола подпер! Новаковича я понимаю, тем более что Яблоньку чудесным образом отыскал именно я. И горжусь!

И закончил прозаически:

— Тем более это стоило Меценату всего два рубля! Куколка обошелся нам в двенадцать с половиной раз дороже...

— Мотылек, не будь циником, — мягко упрекнул шокированный такой странной математической выкладкой Меценат.

— Моя вдова не затрапезная, — обиженно сказал Кузя, думая о своем, — у нее был муж полковник и такая грудь, что вы таких грудей не видывали! А волосы! А губки!

Новакович счел нужным перебить его:

— Анатомия полковничьих вдов в твоем живописном изложении не является тем предметом, который увлек бы нас! Меценат! Разрешите все-таки, мы тут приведем все немного в порядок. А?

— Как хотите! Разве я могу в чем-нибудь вам отказать? А прислугу не допущу! Она порядок путает.

— Ну-ка, Мотылек, Кузя! Долой пиджаки. Приступим.

Кузя снял пиджак, уселся в кресло и сказал:

— Начинайте! Я буду руководить вами. Мотылек, собери газеты, накрой глину тряпкой и сунь ее под стол подальше! Новакович, сними халат с дверцы шкафа, оботри им пыль и стряхни пепел на пол. Потом подметешь.

Работа закипела, а Кузя, потонув в кресле, изредка командовал Новаковичем и Мотыльком, ворча себе под нос в паузах:

— Хм! «Затрапезная вдова»! Да она бы вас к себе и на кухню не пустила. А ноги у нее какие были — красота! Беленькие, пухленькие... Вот тебе и «затрапезная»! Аристократы нашлись! Отнеси теперь халат к Анне Матвеевне — пусть в грязное белье бросит! А шейка у нее была — мрамор! Бывало, оскалит белые зубки... Окурки, окурки не забудьте смести с подоконника!

Меценат в это время тоже не сидел без дела: он усердно мастерил из золоченой бумаги и разноцветных осколков стекла великолепную корону.

— Порфиру бы ему еще соорудить, черту полосатому, — сказал Мотылек, отрываясь от работы, — да не из чего!

— Послушайте, — задумчиво почесал за ухом Меценат, — а что если он раскусит нас и обидится... Неловко будет.

Мотылек собрал складки своего лица в очень причудливый рисунок и хихикнул:

— Он-то? Да представьте вы себе — он сейчас плавает в океане блаженства! Я его раздул, как детский воздушный шар! Не встречал я дурака самонадеяннее! Все принимает за чистую монету, строит самые наглые планы насчет своей литературной карьеры и... Да ведь вы знаете, что он каким-то чудом все-таки удержался на моем бывшем месте в редакции... Я, признаться, думал, что дело окончится скандалом, а он... приспособился! Вот именно такие ничтожества таким болванам, как редактор, и нужны! Впрочем, я спокоен: он удержится до выхода первого очередного номера. А как тиснет в журнале свою «старушку в избушке, кругом трава» — так ведь, как пустое ведро по лестнице, загремит! И опять, хамы такие, придут ко мне на поклон... Тут-то я и поиздеваюсь. А-а, скажу, аршинники, самоварники... О, мне Куколка еще нужен! Я все редакции взорву этим Куколкой... Пусть они его подхваляют да замечочки о нем печатают, вроде как вчера: «Входящий в известность поэт В. Шелковников, о котором в последнее время так много писали, выпускает свою первую книгу, ожидаемую литературными гурманами с большим интересом...» Нет, Куколку обязательно нужно короновать в короли поэтов! А потом я им преподнесу: «Глядите, остолопы! Вот тот властитель мыслей, которого вы заслуживаете!»

— Одна вещь только меня заботит... — обеспокоенно сказал Новакович, крутя свой рыжий ус. — Ведь по проекту церемониала участие в этом идиотском короновании должна принять и Яблонька?

— Конечно! Она увенчает его короной!!

— Ну, вот. Как же мы поступим: объясним Яблоньке, что Куколка — жалкий болван, или оставим ее в неизвестности, придав сей церемонии вид настоящего преклонения перед этим «Божьей милостью» поэтом?

— По-моему, признаться во всем Яблоньке, да и дело с концом! Она же с нами и повеселится.

Новакович твердо посмотрел всем в глаза.

— Нет, ребята, значит, плохо вы знаете Яблоньку! Могу сказать заранее, что будет: узнав, что мы мистифицируем этого жалкого парнишку, она возмутится, назовет нас жестокими, бессердечными, пристыдит нас, укажет на то, что мы зря издеваемся над Божиим творением, что у этого «творения» тоже есть живая страдающая душа — и прочее, и прочее. Одним словом, сорвет всю нашу игру. Вы об этом не подумали?

— Тогда можно Яблоньке вообще ничего не говорить... Представим его как нового Шиллера, Пушкина и Байрона, вместе взятых, и что мы, дескать, хотим почтить это гигантское дарование!!

Новакович покачал головой.

— Значит, вы предлагаете попросту обмануть нашу Яблоньку?

— Да чего ты заныл преждевременно? — вскипел Мотылек. — Сегодня Яблоньке ничего не скажем, а завтра явимся все к ней, падем на колени, поцелуем край ее платья да и покаемся. Кто открыл Яблоньку? Ты, что ли? Я ее открыл! Значит, я за все отвечаю!

Комната была уже прибрана и приняла чрезвычайно свежий вид: посередине на ковре, покрытом шкурой белого медведя, стояло кресло, в свою очередь покрытое великолепной персидской шалью; по бокам кресла — две развесистые пальмы в кадках, задрапированных одеялами. В стороне — маленький столик, на столике красная шелковая подушка, а на ней — сверкающая разноцветными камушками чудесная корона, которая под искусными пальцами волшебника Мецената превратилась в подлинное художественное произведение. В стороне стол — с цветами и фруктами.

Мотылек ходил вокруг, любовно осматривая все эти вещи, и только кричал от удовольствия. Все поработали сегодня достаточно — даже Кузя внес свою лепту в общие труды; разбил фарфоровую вазу для цветов.

Когда Анна Матвеевна выплыла с заказанным шампанским и бокалами, — она остановилась посреди комнаты совершенно остолбенелая...

— Это чего такого вы тут настроили?

— Красиво, бабуса? — с гордостью спросил Кузя. — Видите, как я тут все прибрал?!

— Да что это вы... женить кого собрались, что ли? Что за праздничек придумали?

— О, благодетельная Кальвия, — выскочил вперед Мотылек. — Все это для вас! Мы пронюхали, что ровно сорок лет назад вы погасили огонь Весты; уронили пылающий факел девственности и, упав в объятия супруга, перешли на брачное положение. Этот угрюмый факт мы и решили отметить!

— И кто тебе, лешему, такой язык привесил?! — сердито сказала Анна Матвеевна. — Ты бы лучше в церковь ходил да Богу молился!

— Нет, уж вы его не заставляйте Богу молиться, — вступился Кузя. — А то он лоб разобьет — кто будет чинить церковные плиты? Вы, что ли?

За дверью свежий звучный голос произнес:

— Разбойнички!.. А здесь Яблонька! Впустите!..

Глава XII. КОРОНОВАНИЕ

Рев восторга приветствовал гостью. Гибкая, золотистая, в платье персикового цвета, с обнаженными руками и открытой шеей — будто кусочки белого мрамора мелькнули перед глазами восхищенных клеветов, — она была обворожительна в своей не искушенной кокетством юности.

От пышных волос, окружавших прекрасное лицо золотым сиянием, до маленьких ножек, обутых в серебристые туфельки, — она вся теплилась, как радостная пасхальная свечка.

— Яблонька, — восхищенно воскликнул Меценат. — Если я ослепну от вашей красоты, как старый Велизарий, будете ли вы водить меня за руку, как тот мальчик, который питал Велизария?

Новакович вздохнул и мрачно ответил за Яблоньку:

— Не такой она человек, чтобы водить за руку. Она за нос водит...

Яблонька в это время здоровалась с Анной Матвеевной, и поэтому горькая тирада Новаковича не достигла ее ушей.

— Голубка ты моя белая, — обратилась к ней нянька. — Хучь ты объясни мне: чего это тут затевается?! От них нешто добьешься толку?! Такое мне объяснили, что тебе, девушке, и слушать неподобно!

— А вы думаете, нянечка, я знаю? Прилетает ко мне Новакович, сует в руку две груши и наказывает, чтоб обязательно я сегодня пришла в самом парадном виде! Спрашиваю — зачем. Мычит что-то.

— Мудреные они, — сокрушенно сказала нянька. — Ты бы их остерегалась, девушка, а то втянут они тебя в историю. Ведь я их знаю — сущие мытари!

— Настало время объяснений, — напыщенно сказал Мотылек. — Сегодня мы коронуем одного чудного поэта, а имя этому поэту: Куколка.

— Что за коронация? — забеспокоилась нянька. — Чего надумали?! Нешто он царь какой?

— Король, бабуся! Король поэтов.

— Ну, дай ему Бог, — смягчилась нянька. — Очень он ладный парнишка: деликатный такой, почтительный — не вам, бесстыжим, чета. Да вот он — легок на помине.

Куколка появился, одетый, как и подобает королю поэтов, в черную бархатную тужурку, ловко обрисовывавшую его стройную талию... Черный глубокий тон бархата резко оттенял бледно-розовую свежесть его красивого лица и мягкий блеск белокурых волос.

— Вот они, — любовно сказала нянька, поглядывая то на него, то на Яблоньку. — Две золотые головушки! Будто ангелята в ад слетели.

— Тссс! — зашипел Мотылек, приложив палец к носу. — Частные разговоры не допускаются! Без прозы! Все по местам!

Он низко поклонился Куколке, взял его деликатно за пальцы, усадил в торжественное кресло на белой медвежьей шкуре, подскочил к роялю и, обрушив на клавиши свои проворные пальцы, стройно заиграл полонез из «Сказок Гофмана»...

Кончил. Схватил со стола заранее приготовленный том Пушкина, развернул его, как Евангелие, на заранее приготовленном месте и звучно прочел:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон —
В забавы суетного света
Он малодушно погружен.
Когда ж в избе старушки скрип
До слуха чуткого коснется...
Тотчас к бумаге он прилип
И от нее не оторвется!..

Так он и откатал все стихотворение, причудливо мешая звучащий медью пушкинский стих с пресловутыми Куколкиными стихами о старушке. Окончив, захлопнул книгу, благоговейно поцеловал ее и начал речь:

— Ваше Величество, дорогой Куколка! В жизни почти всякого большого поэта есть одна неизбывная трагедия... Современники его или недостаточно ценят, или совсем не ценят, и только после смерти поэта приходят признание, слава, почести. Это ужасно!! И вот мы, люди хрупкой утонченной духовной организации, почуяв, что в отношении вас может совершиться та же вековая несправедливость, решили по мере своих слабых сил дать вам при жизни то, на что при других условиях вы бы имели право после смерти! Мы создадим вам славу, потому что вы достойны ее, и сегодняшний день — это первый робкий шаг в страну Очаровательных Возможностей, которые ожидают вас на вашем пути, на том пути, с которого мы заботливо сметем все камни преткновения, все шипы, чтобы шествие ваше встречало по сторонам только цветущие розы, только благоухание цветов и приветственные улыбки благодарного народа, который вы вознесете и облагородите вашим волшебным талантом! Настоящих поэтов коронуют так же, как подлинных королей, поэтому, о прекраснейшая из русских женщин — Яблонька, — благоволите покрыть сверкающее будущим гением чело этой королевской короной. Ур-ра!!

Яблонька, ласково улыбаясь, взяла с подушки корону, надела ее на кудрявую голову «короля поэтов», а «король поэтов» с серьезным видом преклонил одно колено и благодарно поцеловал гибкую душистую ручку...

И все клеветы во главе с Меценатом грянули могучее «ура!», а в углу сидела нянька, растроганная речью Мотылька, и тихо плакала, утирая глаза белым фартуком.

«Ура» продолжало греметь, клевреты выхватили из ваз благоухающие цветы и принялись забрасывать ими сияющего, глубоко растроганного Куколку.

Когда овации утихли, Яблонька подняла с белой медвежьей шкуры темно-красную розу и, приколов ее к корсажу, обратилась к Куколке:

— К сожалению, я еще не читала ваших произведений, но я доверяю литературному вкусу всех, кто находится здесь, и поэтому присоединяю свои поздравления и пожелания... Вот что скажу вам: работайте, рвитесь вперед, не удовлетворяйтесь внешним успехом, а главное — не застывайте на одном месте! В искусстве — все в стремлении.

— Спасибо! А мы с вами еще не знакомы. Позвольте представиться: моя фамилия Шелковников, мое имя...

— Имя ваше можете не произносить, — перебил его Мотылек. — Оно будет прочтено миллионами на обложке ваших сочинений. Господа! Теперь по бокалу шампанского! Яблонька! Предложите королю из ваших ручек.

Когда Мотылек подскочил к разливавшей шампанское Анне Матвеевне, старуха взяла его за ухо и доброжелательно сказала:

— Ведь вот и шут ты, и сущий разбойник, а сказал давеча так, что меня, старуху, слеза прошибла. Тебе бы остепениться — из тебя бы человек вышел.

— Э, бабуся! Куда мне в люди выходить... Я на себя рукой махнул. Дай Бог других в люди вывести! А я — ни в чем мне нет удачи...

И среди этого напускного веселья густое облако грусти напозло на морщинистое лицо Мотылька, и такое это было густое облако, что часть влаги осела в одной из морщин под глазом, задержалась на минуту и потом окончательно скатилась на борт пиджака.

— Фу ты, — развязно сказал Мотылек, — сколько газу в этой шампане. Инда до слез!..

А на другой стороне комнаты огорченный Кузя с бокалом шампанского, спрятавшись в глубокое кресло, как черепаха в свой панцирь, бормотал, глядя выцветшими глазами в пространство:

— «Затрапезная вдова»! Да вы, может, таких вдов еще и не нюхали! Грудь как слоновая кость, упругая, как на пру-

жинах, и на рояле хорошо играла... А мужа, может быть, и генералом бы сделали, да он сам не хотел. Зачем, — говорит, — мне! Я не чинов, — говорит, — добиваюсь, а дело люблю делать. Дело, дело и только, дело! Вот тебе и «затрапезная»!

Глава XIII. БОЛТОВНЯ НА КОВРЕ

Пить вино на полу — было затея Кузи. Он объяснял ее уютностью такого положения, оправдывал примером древних римлян, которые, дескать, тоже всегда во время пиров возлежали, но на самом деле эта мысль имела своим источником отчаянную лень этого вялого шахматиста. Ему очень хотелось полежать, но в обществе растянуться вдруг ни с того ни с сего на оттоманке было невежливо, а если сделать из этого общую забаву, то ему, Кузе, будет удобно, а всем вообще весело...

В центре большого персидского ковра поставили объемистую вазу с крюшоном, а вокруг нее радиусами разлеглась вся компания, не исключая и Яблоньки, которой пылкий влюбленный Новакович смастерил царственное ложе: шкура белого медведя, на шкуре плюшевый плед, а на пледе — Яблонька, положившая круглый алебастровый подбородок на огромную пушистую голову страшного зверя.

— Дорогие друзья, — предложил Меценат, — мы могли бы заняться светским разговором, но нет ничего более нудного и тягучего, чем эта болтовня, в которой не больше содержания, чем в пустом орехе! Вместо этого пусть каждый из нас расскажет самую диковинную, самую замечательную историю из своей жизни и практики. Это всегда весело и поучительно, а тем более в такой торжественный день. Ну-ка, Телохранитель, зачинай! Какой самый удивительный случай был в твоей многоцветной жизни?

Умный Меценат неспроста начал с Новаковича, потому что труднее всего в таких случаях начинать первому, а известно, что Новакович в карман за словом не лазил и в любой момент способен был с самым хладнокровным видом состряпать самую чудовищную историю.

— Извольте, — с готовностью сказал Новакович. — Только в моей истории будет одна девушка и один поцелуй, так что я заранее прошу у Яблоньки прощения за некоторую фривольность сюжета.

— Рассказывайте, Телохранитель, — рассмеялась мягким всепрощающим смехом Яблонька. — Я не такая наивная, чтобы не знать, что некоторые девушки целуются.

— И даже очень! — подхватил Кузя с таким фатовским видом, который ясно указывал, что в этих отклонениях от девичьей добродетели он, Кузя, играл не последнюю роль.

— Кузя! Девушки не твоя среда, помолчи. Вот когда девушка выйдет замуж, да муж ее сделается полковником, да потом умрет, да она останется вдовой с белыми ножками и прочим...

— А вы сегодня мою вдову напрасно обидели, — опять омрачился Кузя. — Как она играла на рояле! И когда играла, так ямочки на плечах, как живые, прыгали...

— Это ты нам расскажешь без Яблоньки, — сурово прервал его пуританин Новакович. — Ну, так вот вам, почтенные, моя история... Называется она —

ПОЦЕЛУЙ В КАЮТЕ

Должен я начать с самой интимной подробности моей прошлой жизни: в дни своей юности я влюбился... Чувства свои я подарил одной очень достойной девушке, а отвечала она мне взаимностью или нет — я не знал, и это чрезвычайно терзало меня!

(При этих словах рассказчик бросил косой взгляд на Яблоньку, ожидая, что веки ее или углы губок предательски дрогнут, но Яблонька самым безмятежным образом была погружена в вылавливание розовым язычком ананаса из бокала с крушоном. Рассказчик тоскливо вздохнул и стал продолжать.)

Я и теперь, господа, застенчив и робок с женщинами, а в те времена взглянуть даже на женщину дерзновенным взглядом было для меня подвигом совершенно невозможным. И случилось так, что любимая мною девушка и я должны были ехать на пароходе из Одессы в Севастополь. Я только издали поглядывал на нее да вздыхал, а она была

весела, как никогда: каждую минуту подходила ко мне, шутила, подтрунивала надо мной, а когда ее заинтересовывало что-нибудь из жизни моря — мимо идущий корабль, или плывущий обломок лодки, разбившейся где-нибудь о скалы, или резвящаяся за корабельной кормой стая дельфинов, или поле водорослей, колышущееся на поверхности воды, — она обо всем этом меня расспрашивала, и я толково объяснял ей, потому что в морских делах очень хорошо понимаю и во мне, может быть, заглох какой-нибудь морской корсар, и слава Богу, что заглох, потому что за эти штуки по головке не гладят.

Вот так-то беседуем мы с ней, а она вдруг и спроси меня:

— У вас, кажется, есть коллекция открыток с картин Третьяковской галереи?

— Есть, — говорю. — Хорошая коллекция.

— Покажите. Только вы не тащите всего этого сюда, а я, — говорит, — лучше пойду в вашу каюту. Можно?

А у меня была отдельная каюта — капитан был приятелем, так дал.

Услышав предложение любимой девушки, я засиял, как бриллиант Кох-и-Нор, и, конечно, помчался вперед самым гостеприимным образом. Входим мы, и как остановилась она посреди каюты, красивая, будто наша Яблонька, сверкающая черными глазами, белыми перламутровыми зубками, освещенная ярким полуденным солнцем из открытого иллюминатора, как наклонилась она над альбомом жарко дышащей грудью — вспыхнул я, как солома на огне.

И уж буду с вами откровенен до конца — до того захотелось мне поцеловать эту прекрасную девушку, что чуть не до крику.

Собственно, другой на моем месте, может быть, и сделал бы это, потому что девушка относилась ко мне чрезвычайно ласково, но, как я вам говорил уже, характер у меня был дико застенчив. Как так? Среди бела дня вдруг ни с того ни с сего — чмок! Еще если была бы темная ночь — тогда не так стыдно... А то как назло: солнце нагло лезло всеми своими лучами, как осьминог лапами, прямо в открытый иллюминатор, так что я мог пересчитать все выющиеся мягкие волосики на ее склоненном затылке...

И воззвал я ко Господу:

«Всемогущий! Если для тебя действительно нет ничего невозможного — пошли сейчас ночную тьму, чтобы я мог наглядно объяснить этому твоему прекрасному созданию волнующие меня чувства!»

Не успел я вознести к Богу эту краткую молитву, вдруг — трах! В каюте наступает мгновенно такая темнота, что хоть глаз выколи... Не помня себя, я хватаю любимую девушку в объятия, целую, и — о счастье! — она отвечает мне таким же горячим поцелуем!! Оказалось, что я ей давно уже не только не противен, а совсем даже наоборот...

Божье чудо!

Новакович умолк, благоговейно склонив голову на ковер и бросая косые взгляды на Яблоньку, заливавшуюся самым беззаботным, безоблачным смехом.

— Послушай, Новакович, — значительно начал Кузя. — Я в течение нашего знакомства выслушал много твоих историй, но эта сегодняшняя история... гм!! Не находишь ли ты, что всему на свете все-таки должны быть какие-нибудь границы?!

— Почему? А что тут невероятного? — хладнокровно пожал плечами Новакович.

— Не будешь же ты утверждать, проклятая Эйфелева башня, — заревел выведенный из своего дремотного состояния Кузя, — что ради твоего поцелуя на небе погасло солнце?! Осмейся сказать это — и ваза с крушоном будет у тебя на голове!!

— Нет, солнце не погасло.

— Значит, вы оба на несколько минут ослепли?!

— Зрение наше было в совершеннейшем порядке.

— Телохранитель, — вступился Меценат, увидев, что Кузя потерял все свое безмятежное спокойствие и вот-вот готов броситься на Новаковича. — Телохранитель! Если ты нас не дурачишь, то объясни же: откуда среди бела дня вдруг спустилась ночь?

— Ах, простите, я и забыл сказать вам! Дело в том, что у борта парохода резвилась стая дельфинов... И вот один, наиболее прыткий, подпрыгнул выше других и, попав в иллюминатор моей каюты, плотно заткнул своим туловищем отверстие иллюминатора, каковым поступком произвел

совершеннейшую темноту, столь благоприятствовавшую ворам и влюбленным. То, что я рассказал, факт! Можете проверить у капитана! Он теперь плавает на «Императрице Екатерине», Чайкин фамилия его.

Все прыснули со смеху, а Куколка поднял на Новаковича свои прозрачные, как лесное озеро, голубые глаза и воскликнул с увлечением:

— А вы знаете, Телохраниитель, вот прекрасная тема для рассказа в эксцентричном английском стиле!

— Я думаю! Запишите, чтоб не забыть.

— Кузя, — скомандовал Меценат, выпив залпом бокал холодного крушона и утирая усы. — Твоя очередь.

— Моя история коротка, — проворчал ленивый Кузя. — В ней нет ни девушек, ни дельфинов, а есть только —

ДВУНОГАЯ СОБАКА

О двуногой собаке я говорю не в ироническом смысле — это была настоящая собака, и жила она во дворе той гимназии, где я получил свое блестящее воспитание.

Когда я учился в третьем классе, это была обыкновенная четвероногая собака, но когда я перешел, засыпанный наградами, в четвертый класс (хотя моя карьера и не имела прямого отношения к трагическому случаю с псом), то однажды этот ординарный пес потерпел самое оригинальнейшее крушение! Именно: перебегая дорогу, попал под автомобиль, да так попал, что колесом ему начисто отрезало переднюю левую и заднюю правую лапу.

— Какой ужас, — покачала головой сердобольная Яблонька. — Неужели издох?!

— В том-то и дело, сударыня, что выжил! Мы, гимназисты, его и лечили. Но тут вот и начинается самое диковинное: остался он, песенок этот, с одной правой передней и левой задней ногой, причем ходить, конечно, не мог. Это, знаете, как стол, у которого отломаны две ножки по диагонали. Никак его, черта, не поставишь. Но прошло некоторое время — и собака наша стала показывать чудеса... Лежит, бывало, у стенки, греется на солнышке, вдруг — свистнешь ее! Подползет она на брюхе к стенке, обопрется об нее боком да вдруг как побежит!!

— Послушай, Кузя, да ведь это невозможно!

— Почему невозможно?! Она бегала по принципу двухколесного велосипеда: сразу приобретала инерцию и мчалась как сумасшедшая! Но стоило ей только остановиться, как она сваливалась на бок, тоже вроде двухколесного велосипеда! И так как ноги ее были расположены не на одной линии с направлением туловища по оси, а вкось, по диагонали, то она бегала не прямо, а всегда загибалась самые крутые выражи.

Кузя поглядел на Новаковича с убийственной иронией и закончил:

Я вижу, что вы мне не совсем верите, но утверждаю, что собака такая была, и, как любит говорить Новакович, это легко проверить: ее звали Лорд! А владельца звали Гусаков! Он теперь тоже плавает где-то на чем-то.

После некоторого молчания — дани общего удивления странной Кузиной собаке — перст Мецената направился на Мотылька:

— Твоя очередь, Мотылек. Твой стиль обладает большими литературными достоинствами, и поэтому ты не будешь калечить собак или затыкать дельфинами иллюминаторы! Алло! Мы слушаем.

— Моя история не будет веселой, потому что я нынче настроен не особенно хорошо, хотя коронавание Куколки для меня большой праздник! Кстати, Куколка! Благополучно ли вы несете ваши секретарские обязанности?

— О, спасибо! Я вам бесконечно благодарен. С редактором мы ладим, хотя знаете что? Он мне говорил, что собирается оставить «Вершины»... Его приглашают редактировать большую ежедневную газету. Хотите, я вас помирю, и он устроит вам в газете заведование литературным отделом?

— Нет, где там! Я его так тогда отделал, что придется мне жить отдельно от этого отдела — простите за плохой каламбур. А за вас я рад, очень рад, Куколка! Вы оправдываете мои надежды!

Мотылек собрал лицо в клубок морщин, странно поглядел на Куколку и сказал:

— Однако к делу. Моя история под статью моему настроению — будет во вкусе болезненного, причудливого, как

орхидея, художника Гойи. Тем более что и в истории этой главное действующее лицо — художник! Итак —

О ХУДОЖНИКЕ, КОТОРЫЙ НЕ МОГ ПОПАСТЬ ДОМОЙ

Я, подобно Меценату, люблю побродить по разным трущобам, поэтому да не покажется вам удивительным, что однажды судьба, прихоть и ноги занесли меня в мрачный трактиришко на Обводном канале, нечто подобное той «Иордани», где Телохранитель при первом знакомстве удержал Мецената от карточной игры с елейным убийцей...

Трактир, в который я попал, был переполнен публикой, плохо одетой и еще хуже воспитанной, что неопровержимо доказывалось двумя висящими на стене суровыми плакатами:

«ЗА ПОТРЕБОВАННОЕ ПЛАТИТЬ ВПЕРЕД»

И

«ЗА ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ГОСТЕЙ,
ПОЛОЖЕННЫЕ НА СТОЛ,
ХОЗЯИН НЕ ОТВЕЧАЕТ».

Я полчаса просидел среди шумливой рвани, попивая скверное теплое пиво, как вдруг мое внимание приковал к себе один человек, сидевший налево от меня в полутемном углу этого прокопченного дымом и пропитанного зловонием устаревших кушаний трактира.

Лицо этого человека было бело как мел, углы рта опустились в какой-то невыносимой смертельной тоске, а глаза угрюмо и будто испуганно сверкали из-под надвинутой на лоб широкополой шляпы. Он тоже поглядел на меня длинным тяжелым взглядом из своего угла и вдруг задал странный вопрос:

— А вы чего сюда пришли?

Вот это маленькое словечко «а» впереди фразы и особое ударение на местоимении «вы» главным образом и поразило меня. Благодаря этому фраза приобретала определенную окраску: «Я, мол, пришел сюда потому, что иначе не могу, а какие дьяволы тебя принесли в такое место?»

— Я зашел случайно — люблю понаблюдать низы, — вежливо отвечал я на его странный вопрос. — И потом,

не находите ли вы, что в этой грязи и отчаянности падения есть своего рода живописность?

— Не правда ли? — ответил он, забирая свою бутылку вина и переключившись к моему столику. — Но на такую картину ни кармина, ни берлинской лазури не потребуется ни капельки — сплошная сепия и терр-де-сиена, с щедрой примесью жженой кости!

— Вы художник?

— Художник. Слушайте, будем пить и разговаривать — у меня есть деньги, я вас угощу. Только, пожалуйста, разговаривайте, разговаривайте больше!..

— Что это, у вас как будто странное настроение? — с любопытством спросил я.

— Ничего не странное! Ничуть не странное — самое обыкновенное! Но... будем разговаривать! Говорите что-нибудь — не могу выносить молчания.

Я принялся рассказывать ему какой-то вздор, и он слушал меня с интересом, даже иногда оживлялся, но сейчас же потухал, и уголки его губ опускались самым демонски угрюмым образом.

«Черт его знает, — подумал я, — не убил ли нынче этот Веласкес какого-нибудь человека?»

— Слушайте, — вдруг спросил я, оглядываясь на шумевшую сзади толпу оборванцев, среди которой я чувствовал некоторую опору в безумной смелости моего вопроса. — Вы сегодня никого не убили?

Нисколько не удивившись моему дикому вопросу, он болезненно поморщился и заторопился.

— Нет, тут не то. Это совсем другое! Впрочем, о смерти не стоит. Вы же сейчас говорили об Анатоле Франсе! Вернемся к Анатолю Франсу.

Вернулись мы к Анатолю Франсу, потом перешли к Малларме, переехали на Барбе д'Оревильты — всех трех странный художник знал превосходно.

Особенно взволновала и растрогала его история, которую я незадолго до этого прочитал во французских газетах: однажды на рассвете на скамейке одного из бульваров Парижа нашли мертвого старика, как потом оказалось, поэта. И в карманах его ничего не обнаружили — ни денег, ни документов, — кроме трех вещей: свертка рукописных

стихов, штопора для откупоривания бутылок и пряди тонких женских белокурых волос, завернутых в полуистлевшую бумажку. Вот что было в кармане трупа на бульварной скамейке. Смерть настоящего поэта!

— Вот это я понимаю, — воскликнул художник, выслушав историю парижского поэта. — Да, это так! Он был настоящий поэт, как и я, может быть, настоящий художник!

Я огляделся: трактир уже опустел, так как незаметно нахлобучилась на беспокойную голову столицы сырая петербургская ночь.

Слуга, изжеванной судьбой наружности, усыпанный веснушками, как паркет маскарадного зала — конфетти, подошел к нам и твердо предложил:

— Идите домой. Заведение закрывается.

— Голубчик, мы еще немножко... Еще полчаса посидим. Я заплачу!

— И что это вы за господин такой! — угрюмо и подозрительно проворчал слуга. — И вчера не хотели уходить, и позавчера... У нас с полицией строго — такой час, что закрываем!

— Может, кабинетик какой есть или вообще комнатка?.. Вы бы нам — полдюжины вина, телятинки холодной и свечей пару! Ничего больше не потребуется, и можете спать...

— Собственно, и мне пора домой, — нерешительно пробормотал я.

— Дорогой, милый, — ни за что! Оставайтесь. Вы еще расскажите что-нибудь, выпьем вина — хорошо? Не оставьте меня одного!

Я не совсем благосклонно пожал плечами и по темной скрипучей лестнице поднялся следом за ним наверх.

Уселись. Выпили еще вина.

Только наш неожиданный, причудливый, призрачный Петербург может щегольнуть такой зловещей комбинацией: мрачная сырая комната без всякой мебели, кроме тяжелого стола, покрытого сырой дырявой скатертью, комната, где будто застоялся запах старого убийства; за окном густая, как кисель, сырая ночь, дышащая в лицо тифом, а против меня — тускло освещенный единственной свечкой человек, из опущенных углов рта которого вопияла смертная тоска, а глаза испуганно, умоляюще вонзались в меня с молчали-

вым криком: не умолкайте! Говорите о чем угодно, но не молчите!

Однако наступил момент, когда я совершенно иссяк и умолк, устало прикрыв глаза веками.

— Ваши родители живы? — вдруг спросил меня художник вне всякой связи с предыдущим разговором.

— Отец жив; мать умерла.

— Умерла?! Неужели? А что ж вы с ней сделали, когда она умерла?

— Да что ж с покойницей делать? Как полагается — похоронили честь честью.

— А как?! Как это делается? Расскажите!

Я невольно отодвинулся от него к окну. Мелькнула мысль: сумасшедший.

— Вы думаете, я сумасшедший? Даю вам слово — нет. Тут не то. Тут другое. Не знаю, поймет ли кто-нибудь меня...

Я решительно встал с места.

Вот что, дорогой маэстро! Если вам мое общество приятно — вы сейчас же немедленно расскажете мне, что с вами такое делается! Если нет — сейчас же уйду! Ну вас к черту с вашими истерическими вопросами и с тоскующими глазами птицы Гамаюн! В чем дело?

Он подошел к окну и, вперив в него лицо, долго вглядывался в серую слепую сырую слизь, которая в Петербурге пышно именуется «ночь».

Потом отвечал. Не мне, а этой унылой ночи:

— У меня умерла жена.

— Это огромное несчастье, — деликатно ответил я. — Но нельзя же быть таким... странным!

— Я знаю. Но у меня нет мужества вернуться домой... И потом — не смейтесь! — я не знаю, как это делается!!

— Что делается?!

— С покойниками. Первый раз в жизни. Пятые сутки брожу по трущобам. Дома не был.

— А жену когда похоронили?

— Не хоронил еще. Дома лежит. Слабое сердце. Получила телеграмму о смерти отца — не выдержала. Упала. Разрыв сердца.

— Безумец вы! Пять дней — и она лежит непогребенная?! Почему не похоронили?!

— Поймите — мы здесь одни жили: без друзей, без знакомых... Ну, вот — смерть. А как с ней обращаться, со смертью-то — не знаю. Первый раз в жизни. Ушел я из дому и... не могу туда вернуться. И страшно, и не знаю: что же делать с ней. Жenu я очень любил — поймите. А там... ведь это обмывать как-то нужно, свечи разные. Псалтырь читать — откуда я все это знаю? Вот и отдаляю момент возвращения. Пью. Страшно там, поди. На полу так и лежит. Пять дней. И чем дальше, тем все страшнее пойти.

— Знаете что? Стол этот достаточно большой. Ложитесь-ка на нем до утра. А мне дайте ваш адрес, ключ, я все устрою — потом вернусь за вами, когда уже будет готово...

Он поглядел на меня, как на Бога, благоговейно сложив руки, и покорился во всем, как дитя. Лег на стол, положив под голову пиджак, вздохнул и сказал извиняющимся тоном:

— Я над ней больше суток просидел. Пожалуй, даже не плакал — все смотрел на мертвое лицо. А когда обоняние мое почувствовало странный и неприятный запах, совсем жене не присущий, — испугался и убежал из дому.

Было уже светло. Я заехал к себе домой, захватил там квартирную хозяйку, старуху, очень понимающую во всех этих погребальных штуках, потом в участок, взял околоточного и доктора, вошли мы в мастерскую художника. Действительно, на полу лежит женщина, и первый, кто устроил ей погребальный обед, были крысы, порядком объевшие покойницу. Да... Нелегко дышалось в этой комнате!

К вечеру вся процедура была закончена, мастерская проветрена, покойница запрятана в мокрую зловонную трясику, именуемую в столице кладбищенской могилкой, и я торжественно ввел во владение мастерской художника, терпеливо дожидавшегося меня в трущобе на Обводном канале. И что ж вы думаете? Когда он вошел в мастерскую, первым долгом поглядел на то место на полу, где лежала жена, благодарно поцеловал меня, пробормотал: «Сейчас буду писать ее в раю, куда она, я полагаю, попала», — и, как ни в чем не бывало, принялся загрунтовывать свежий холст. Писал до вечера.

Это он хорошо делал. Потом я видел картину... Прекрасная! Этакая мистическая вещь. На выставке была.

Мотылек обвел удовлетворенным взглядом притихших слушателей и добавил:

— А что вы думаете, Меценат! Этот непрактичный художник, это божье дитя любил «живую жизнь» еще больше, чем мы с вами!

— Ты меня обокрал, Мотылек! — печально улыбнулся Меценат. — Я хотел рассказать историю в том же грустном зловещем стиле, а ты меня опередил!

— О, милый Меценат, — поощрительно возразила Яблонька. — Вовсе не обязательно, чтобы история была веселая. Мотылек, например, очень угодил мне своим рассказом во вкусе Гойи. Начинайте и вы!

— Яблонька может вертеть мной, как ребенок погремушкой. Тряхнула — и я начинаю греметь. Позвольте мне назвать свою историю —

О СУМАСШЕДШЕМ, КОТОРОГО ОБМАНУЛИ

Два года тому назад проживал я летом в одном из своих имений... Река, сенокос, парк, огромный плодовый сад — хорошо! Приехал ко мне в гости приятель, кандидат прав — Зубчинский. Уселись мы с ним на веранде, увитой диким виноградом, играть в шахматы — оба были страстные шахматисты. Сбоку столик, на столике белое вино со льдом, ягоды, бисквиты — хорошо! Передвигаем фигуры, болтаем о том о сем, вдруг он, сделав удачный ход, на минутку призадумался, посмотрел на меня странными глазами и говорит:

— Что, если шахматного коня сеном накормить? Можно тогда партию выиграть?

Шутка была глупая. Я пожал плечами, снисходительно усмехнулся и говорю:

— Что за дикая мысль пришла тебе в голову?

— Нет не дикая! (И смотрит на меня нехорошими глазами.) Нет-с! Не! Дикая! Сено — великая вещь. Если теноров кормить сеном, они как соловьи будут петь! А вам все жалко?! Лошади у вас живут без сена — безобразие!

— Николай Платоныч, — испуганно говорю я. — Что это ты, от жары, что ли? Опомнись!

Завизжал он дико, пронзительно:

— Не потерплю! У самого сенокосы по пятьсот десятин, а он лошадей с голоду морит!! Во мне, может быть, душа лошади— и я страдаю! Подлецы!!

Волосы у него сделались влажными, встали дыбом.

Я его взял за руку, а он как обожженный отскочил, закричал, перекинулся через перила веранды и давай по клумбам сгигать, точно жеребенок...

— Ход коня! — кричит снизу. — Видишь? Парируй, подлец!

Прыгал он, прыгал, наконец, очевидно, острый пароксизм прошел, утомился, притих, улегся на ступеньках веранды и принялся тихо, жалобно плакать.

Я долго стоял над ним в раздумье. Положение было жестокое и глупое. Что Зубчинский мой сошел с ума, — я, конечно, не сомневался. Но что с ним делать дальше? Помешательство, очевидно, буйное. Связать его и запереть в сарай — жаль. Все-таки приятель. До ближайшего доктора двадцать верст, до губернского города, в котором была и лечебница для умалишенных, — около тридцати. Но как довести его туда, этакое сокровище? Сумасшедшие необычайно подозрительны, хитры, и, конечно, мой Николай Платоныч сразу догадается, куда я его везу... А догадается — страшных вещей может наделать. Силища у них в этом состоянии непомерная — и Телохранителю, пожалуй, не справиться.

Пока я стоял так над ним в раздумье, приблизился мой управляющий — человек со светлой головой, бывший провинциальный актер, потянувшийся за мной на лоно природы. Он из окна своего флигеля видел, какие курбеты выделывал на клумбах мой кандидат прав, и поспешил на помощь.

Я отвел его в сторонку, посвятил в двух словах во всю эту глупую историю, спрашиваю:

— Что делать?

— Не иначе как в город везти нужно, в сумасшедший дом.

— Да ведь как его отвезешь-то? Ведь он тут все переломает и нас перекалечит.

— Хитростью надо взять.

Призадумался я — и вдруг, как птица крылом по воде, зацепилась у меня в мозгу мимолетная, но очень светлая мысль.

— Вот что... — сказал я. — Вы можете часа на четыре притвориться сумасшедшим?

Смотрит на меня управляющий умными глазами, ухмыляется:

— Конечно, могу. Актером я был неплохим.

— Ну и ладно. Попробую подловить на это беднягу. Сядьте-ка там за столом и скроите физиономию по возможности наиболее идиотскую. А я с ним поговорю.

А Николай Платоныч плакал, плакал и затих. Задремал, что ли... Сел я около него на ступеньки веранды, потряс его за плечо и говорю:

— Николай Платоныч, а Николай Платоныч!

Поднял он измученное, осунувшееся лицо и спрашивает:

— Что тебе?

— Послушай... У меня, брат, большое несчастье!

— А что такое?

— Мой управляющий с ума сошел.

В его тусклых глазах блеснул интерес.

— Да что ты? Гаврилов? С ума сошел? С чего же это он?

— А черт его знает. Понимаешь, стал уверять, что он нынче утром крысу проглотил.

— Вот дурак-то! Как же это человек может проглотить крысу?

— То же самое и я ему говорю! Никаких резонов не принимает — сидит внутри крыса, да и только!

— А знаешь что? Дай я с ним поговорю. Может, урезоню.

Подошел к управляющему. Стал разглядывать его с огромным интересом и сочувствием.

— Послушайте, что с вами случилось?

— Крыса внутри сидит. Нынче нечаянно проглотил.

— Ну, Гаврилов, голубчик! Подумайте сами: ведь это вздор. Как это человек может проглотить крысу? Ведь вы человек интеллигентный, знаете строение гортани, пищевода...

У моего Гаврилова лицо до того тупо-идиотское, что смотреть противно.

— Раз я вам говорю, что у меня внутри крыса, значит, она там. Вот приложите руку к животу — слышите, как скребет когтями внутри?

— Поймите, что никакое живое существо не выдержит температуры желудка...

— Не морочьте голову... Вы подкуплены хозяином.

Плюнул Николай Платоныч, отошел ко мне.

— Форменный сумасшедший! Я ему логически доказываю, что не может быть живая крыса в человеческом животе, а он черт его знает что несет. Послушай... Давай его полечим, а?

— Чем же его лечить?!

— Покормим сеном. Живые соки, которые находятся в стебельках свежего сена, могут оказать очень благотворное действие на серое вещество мозга. Понимаешь — сочное сено! Накормим его, а?

Я сделал вид, что размышляю.

— Сено, конечно, очень полезная вещь. Но как его дозировать? Очень сильная доза может оказаться убийственной. Здесь без доктора не обойдешься.

— Так отвези его в сумасшедший дом, там его поставят на ноги.

— Я бы и отвез, но одному трудно. Друг Николай Платоныч, выручи! Давай его вместе отвезем.

— Послушай... А вдруг он догадается, куда мы его провожаем?

— А ты с ним поговори. Соври что-нибудь.

Николай Платоныч сомнительно покачал головой, приблизился к Гаврилову и сказал, хитро на меня поглядывая:

— Вот что, друг Гаврилов! Мы тут обсудили этот вопрос с крысой и решили вас везти в город на операцию. Раз крыса в желудке, нужно его вскрыть и извлечь оттуда инородное тело. А потом уж я буду долечивать вас сеном — согласны?

— Я боюсь докторов! Вообще же есть у меня один приятель — доктор, да он в доме умалишенных служит.

Глаза сумасшедшего радостно блеснули.

— Ну, вот мы вас к нему и отвезем. Конечно, знакомый доктор лучше!

Он подошел ко мне на цыпочках и подмигнул на Гаврилова с дьявольски лукавым видом:

— Все устраивается как нельзя лучше. Этот болван со своей глупой крысой внутри сам лезет в лапы психиатров. Вели закладывать лошадей — мы его живо домчим.

И вот, когда мы уселись в экипаж, нужно было видеть, с какой трогательной заботливостью относился настоящий сумасшедший к поддельному. Он закрывал ему ноги пледом, хлопотливо засовывал за жилет клочок сена («Жизненная эссенция сена очень хорошо размягчает инородные тела внутри организма...»), изредка во время пути обращался к Гаврилову, сочувственно кивая головой:

— Ну, что, Гаврилов?.. Успокоилась крыса?

— Нет, ворочается, проклятая.

— Ах ты ж, история какая. Ну, потерпи, голубчик... вот привезем тебя, сделаем операцию — и все как рукой снимет.

Приехали. У ворот дома умалишенных Зубчинский заботливо помог Гаврилову выйти из экипажа и, деликатно поддерживая под локоть, стал всходить с ним по ступенькам лестницы.

Я шел сзади, а сердце отчего-то тоскливо ныло.

На наше счастье в приемной находился в тот момент доктор с ассистентом и два здоровенных служителя в белых халатах.

— Чем могу служить? — деловито спросил доктор.

Оставаясь благоразумно около входных дверей, я сделал незаметный знак доктору и сказал:

— Да вот приятель у меня захворал. Не можете ли вы его освидетельствовать?

— Понимаете, доктор, — развязно вступил в разговор Зубчинский. — Вообразил он, что в его животе сидит крыса, и...

— Дело, собственно, не во мне, — вежливо шагнул вперед, кланяясь и делая знак доктору, Гаврилов. — А мы привезли к вам господина Зубчинского...

Доктор опытным взглядом окинул лица обоих и сразу понял, в чем дело.

— То есть он шутит, — насильственно улыбаясь и странно дрожа, сказал заискивающе Зубчинский. — Если крыса действительно сидит внутри, то препарат свежего сена...

— Хорошо, хорошо. Но вы, господин Зубчинский, пока отдохните, вы устали с дороги. Уведите этого господина в восьмой номер!

Глаза Зубчинского странно округлились, он дернулся вперед, но четыре могучие руки уже клещами держали его сзади. Он увидел ясно сразу, все в один момент: Гаври-

лова, деловито что-то шепчущего на ухо доктору, и меня, отворачивающего от него смущенное лицо, меня, который уговорил его помочь, меня, который уже взялся за ручку двери, чтобы уйти, покинуть его.

И страшный, как лязг железа, стон прорезал застоявшийся больничный воздух:

— Обманули!!! Доктор, они меня обманули!! Погиб!!

Не помня себя я выскочил из приемной, кубарем скатился с лестницы и опомнился только тогда, когда Гаврилов догнал меня на улице, усадил в экипаж и мы выехали снова на степной простор среди желтеющих полей. Гаврилов молчал, но, если бы даже он заговорил, я бы не слышал его голоса. Все заглушалось этим до сих пор звенящим в ушах пронизительным криком, в котором слилось все человеческое отчаяние, ужас, страшный упрек и огромное страдание при столкновении с подлостью людской:

— Обманули!!!

Рассказ произвел большое впечатление. После общего молчания лежащий около Яблоньки Новакович вздохнул своей могучей грудью так, что даже приподнялся корпусом, и сказал задумчиво:

— Эти две истории — ваша, Меценат, и Мотылька — навалились на меня, как две надгробные плиты. Я возлагаю большие надежды на Яблоньку в смысле освежения этой склепообразной скелетоподобной атмосферы. Рассказывайте, что хотите, Яблонька, и если даже вы заткнете какой-нибудь иллюминатор дельфином, все равно окружающие будут в восторге.

Яблонька погладила нежной, как лепестки розы, рукой огромную голову белого медведя и, сжав значительно губки, погрузилась в задумчивость... Потом решительно тряхнула жидким золотом своих растрепавшихся волос.

— История моя так же коротка, — улыбаясь, сказала она, — как и случай с двуногой собакой, хотя я и не так ленива и односложна, как ее автор Кузя. Так как у нас уже установилось правило, чтобы давать рассказываемым историям заглавия, то моя история должна называться несколько легкомысленно —

СВЯЗАЛСЯ ЧЕРТ С МЛАДЕНЦЕМ

Два года тому назад жила я с родными на даче. При даче был небольшой парк, который непосредственно переходил в лес, отделяясь от него деревянным высоким забором. По сю сторону забора стояла скамья, на которой я любила сживать с томиком Тургенева или Гончарова, пригретая солнышком, овеянная смолистым ароматом деревьев...

Сию однажды, читаю, вдруг — слышу за забором шорох. Сначала я подумала, что это пробирается кто-нибудь из гуляющих дачников, переждала немного, опять углубилась в чтение, вдруг ухо мое ясно уловило за забором чье-то дыхание. Человек всегда инстинктивно чувствует, что за ним наблюдают, и я это сразу почувствовала: за забором в щель меня кто-то разглядывал...

— Кто там? — строго спросила я.

И вслед за этим услышала шорох чьих-то быстро удаляющихся шагов.

Тут же этот пустяк сразу и вылетел из моей головы, но вечером, когда я вернулась с прогулки по озеру в свою комнату, мне в глаза бросилась странная вещь: на туалетном столике, прислоненный к зеркалу, стоял образ святителя Николая Чудотворца в золоченой ризе. Вне себя от удивления, я позвала прислугу, опросила всех домашних — все выразили полное недоумение: такого образа ни у кого в доме не было и в мою комнату никто не заходил, тем более что дверь была мною заперта.

Мы все в душе немного Шерлоки Холмсы, поэтому я, оставшись одна, стала на колени и внимательно освидетельствовала ковер. Следов, конечно, никаких не было, но по линии от раскрытого окна до туалетного столика я обнаружила несколько песчинок, лежавших небольшими островками на определенном друг от друга расстоянии. Конечно, это мне ничего не объяснило, так как и сама могла занести на подошвах эти песчинки — пришлось предать чудотворный случай с Николаем Чудотворцем забвению.

Но дня через два повторилось то же самое: утром чье-то дыхание за забором и шорохи, вечером на туалетном столике я обнаружила флакон французских духов, уже откупоренный и начатый.

Я опять взяла всех на допрос, и снова все отозвались полным незнанием, а горничная посоветовала запереть мое окно, выходящее в сад.

Я так и сделала, но на четвертый день окно оказалось открытым, а на столике лежало несколько книг в великолепных переплетах, но по содержанию их подбор был самый странный: два тома Энциклопедического словаря, том стихов Бодлера, роскошное издание «Бабочки Европы» Мензбира и «Семь смертных грехов» Эжена Сю в русском переводе...

Мне сделалось не по себе. Очевидно, кто-то через окно являлся в мою комнату, как к себе домой, и хотя ничего не уносил, а, наоборот, одаривал меня же, но, согласитесь, неприятно чувствовать, что «мой дом — моя крепость», это фундаментальное правило англичан, уже кем-то неоднократно нарушено.

На другое утро я, не переставая размышлять об этой дурацкой истории, захватила томик Бодлера и «Бабочки Европы» с целью рассмотреть все это и направилась к своей любимой скамейке. Снова за забором шорох и чье-то дыхание... Я подождала немного, сделала вид, что всецело погружена в разглядывание раскрашенных политипажей, — и вдруг, как молния, внезапно обернулась назад. Взгляд мой успел схватить чью-то рыжую голову в жокейской фуражке, при моем движении вдруг провалившуюся вниз с легким восклицанием.

— Послушайте, молодой человек, — строго сказала я. — Подглядывать неблагородно. Лучше уж покажитесь, чем прятаться за забором, как заяц.

— Я не прячусь, — сконфуженно пробормотал рыжий «молодой человек», снова выглянув из-за забора. — Я тут... вообще на сад люблюсь.

Вдруг взгляд моего нового знакомца упал на книгу Мензбира, которую я держала в руках, и лицо его засияло от удовольствия:

— Понравилось вам, барышня? — спросил он, указывая грязной рукой на книгу. — Книжонка, кажется, стоящая. А? Чудеса, можно сказать, природы!

И тут я сразу догадалась, кто был автором всех этих нелепых подношений.

— Значит, это вы лазите через окно в мою комнату? — сурово спросила я, еле удерживая улыбку при виде его смущенного лица.

— Простите, барышня. Я ж ничего и не взял у вас. Наоборот, презентовал кой-чего на память.

— Зачем же вы это делаете?

— Очень вы мне приятны, лопни мои глаза! На вас и поглядеть-то — одно удовольствие. Сломайте мне два ребра, ежели вру!!

Объяснение в любви от такой нелепой рожи не могло польстить моему женскому тщеславию, и я сказала еще суровее:

— Чтоб этого больше никогда не было, слышите? И потом, я не хочу, чтоб вы тратили деньги на подобные глупости!

— Тю! Кто это? Я трачу; об этом не извольте беспокоиться — ни копейки-с! Все задаром. А образок я вам, как говорится, на счастье. А ежели что не нравится, так мигните — все настоящее предоставляю: из материи что али из брошков, с браслетов...

— Да вы что, купец, что ли?

— Так точно, — хитро ухмыльнулся он. — Почти что купец. Некупленным товаром торгую.

Я хотя и девушка, почти не знающая жизни, но сразу сообразила, что это за купцы такие, которые «некупленным товаром торгуют».

— А что, если я на вас полиции донесу?!

— Ни в жисть не донесете, — спокойно сказал он, пяля на меня свои глупо-влюбленные глаза. — Не такой вы человек, чтоб другого под монастырь подвести. Нешто такие беленькие доносят?

Этот вор был большим психологом. Я помолчала.

— Что же вам от меня нужно?

— Разик на вас глазом глянуть да презент какой исделать — больше мне ничего и не требуется. Уж такая вы барышня, что прямо на вас молиться хочется. Два ребра сломайте, ежели вру!

— Молиться, говорите, а сами для меня вещи воруете.

— Зачем специально для вас? Я кой-что и для себя делаю.

Посмотрела я на его рыжую расплывшуюся физиономию, и почему-то жалко мне его стало.

— Слушайте, голубчик... Если я вас о чем-то попрошу, вы сделаете?

— В один секунд! Голову себе или кому другому сверну, а добуду! Два ребра!..

— Вы меня не поняли!.. Я прошу вас о другом: бросьте это ваше... занятие!

Он призадумался, изящно почесывая оттопыренным большим пальцем рыжую голову.

— «Работу» бросить? Гнилой это план ваш, прекрасная барышня. Делу я никакому не приучен — только «работать» могу. Да кто меня и возьмет на дело? Извольте полюбоваться на личность — прямо на роже волчий паспорт нарисован, за версту от меня воров пахнет.

Ах, бедняга! В этом он был категорически прав, даже не клянясь двумя сломанными ребрами.

Представьте себе, долго я с ним беседовала, и хотя, несмотря на все доводы, не могла направить его на правильный путь, но расстались мы друзьями. Он даже дал слово не таскать мне в окно «презентов», вымолил только разрешение «чествовать меня лесными цветочками».

Я видела, что встречи со мной доставляют ему огромную радость, и думаю я, что помимо этого невинного удовольствия — никаких утех в его горемычной жизни, исключая пьянство и чужие сломанные ребра, — никаких других утех не было!

Приходил он к забору в течение лета несколько раз. Я ему связала в «презент» гарусный шарф, а он перекидывал мне через забор «лесные цветочки», но и тут раза два по своей воровской натуре сжульничал, потому что однажды презентовал мне цветущий розовый куст, выдернутый с корнем, а другой раз преподнес букет великолепных оранжерейных цветов, бешено клянясь при этом всеми сломанными ребрами мира, что сорвал в лесу. Дикий человек был (закончила Яблонька с ясной светлой улыбкой) — что с него взять!

— Где же он теперь, этот ваш рыцарь без страха, но с массой упреков?.. — ревниво спросил Новакович.

— Ах, я боялась этого вопроса, — уныло, со вздохом прошептала Яблонька. — Конец этой истории такой грустный, что я хотела не наводить на вас тоски... но раз вы

спрашиваете — закончу: когда я уже жила в Петербурге, мне однажды какой-то оборванец принес безграмотную записку на грязном клочке бумаги. Недоумеваю, как он узнал мой адрес... В записке значилось: «Если вы точно что ангел, то не обессудьте, придите проститься. Очень меня попортили на последней работе — легкие кусками из горла идут. Повидаться бы!! Лежу в Обуховской больнице, третья палата, спросить Образцова... Ежли ж когда придете — оже помру, — извините за беспокойство».

— Что ж... пошли? — тихо спросил Меценат.

— Конечно! Как же не пойти. Труд небольшой, а ему приятно. Засиял весь, как увидел. Этакый рыжий неудачник, прости его Господи. При мне же и умер... Сдержал-таки свою любимую клятву «сломанными ребрами»: доктор говорил — три ребра сокрушили ему.

Вдруг Яблонька вздрогнула и, отдернув руку, лежавшую около Куколки, поднесла ее к лицу.

— Кто? Что это? Неужели Куколка? То, что вы поцеловали мою руку, — так и быть, прощаю вам, но что на ней ваши слезы — нехорошо. Мужчина должен быть крепче.

— Господи! — в экстазе вскричал Куколка, приподнявшись с ковра на колени и молитвенно складывая руки. — Неужели такие женщины существуют? Как же, значит, прекрасен Божий мир!!

Мгновенную легкую неловкость развеял Мотылек:

— А ваша история, чувствительная Куклиная душа?! Вы должны ее рассказать — чтоб мне два ребра сломали!!

— О, друзья! Позвольте мне ничего не рассказывать... После истории Яблоньки все другие истории покажутся шакальим воем. Да если вы хотите — самая чудесная история в моей жизни — это та, которую вы знаете: знакомство с такими замечательными людьми, как вы, и та сила, та мощь, которую вы в меня вдохнули и которая, я чувствую, сыграет огромную роль в моей жизни!! Последний бокал пью за ваше здоровье и счастье, мои родные друзья!! Уже поздно. Не пора ли спать? Этого вечера я никогда не забуду!..

Домой шел Куколка, пышно освещенный полной луной. Глаза его, полные слез, были обращены к небу, и там в неизмеримой роскошной глубине он видел прекрасного Бога, окруженного сонмом сверкающих серафимов, и не чувство-

вал в этот момент Куколка под собой земли, потому что когда наткнулся на уличную проститутку, то даже вопреки своему обыкновению не извинился.

Глава XIV. КУКОЛКА ВХОДИТ В МОДУ

Случаются в Петербурге такие воскресные дни, когда воздух делается как-то чище и светлее, небо ярче и солнце светит, точно праздничная русская девушка в алом сарафане, идущая в церковь под бурный и радостный колокольный звон, — солнце светит тоже по-праздничному... Тогда будни уползают, как серые старые змеи, куда-то далеко и на душе весело, радостно. Тогда музыка городской суеты звучит ленивее и гармоничнее, а золотые пылинки в дружески теплом луче солнца, протянутом от неплотно задернутой портьеры до узорчатого ковра над кроватью, — пылинки пляшут особенно беззаботно и лихо...

Хоровод этих крошек особенно затанцевал и закружился, когда Куколка потянулся в своей постели и раскрыл сонные глаза.

Утренний церковный благовест разлился круглыми, тугими, упругими, как литые мячи, звуками, и несколько таких медных мячиков-звуков запрыгало в Куколкиной комнате, схватившись за руки с пляшущими золотыми пылинками.

Этот веселый утренний бал окончательно вернул Куколку от сна к жизни.

Он бодро вскочил, накинул халатик, заказал хозяйке кофе с филипповскими пирожками, принял ванну и, освеженный, особенно благодухный в предвкушении праздничного дня, важно развернул свежую газету. В отделе литературной хроники было написано и о нем:

«Входящий в известность писатель В. Шелковников едет в скором времени в Италию на Капри, где будет работать над задуманным им романом».

Куколка улыбнулся и с дружеским упреком покачал головой.

— Ах, Мотылек, Мотылек! Вечно он что-нибудь выдумает... Впрочем, это он для меня же. Какой такой роман?

И в голове даже не было. А роман хорошо бы написать. Толстый такой. В трех частях.

Снова гулко и тяжело грянули воскресные колокола; Куколка при этих звуках вдруг бросил газету и всплеснул руками.

— Боже ты мой! А помолиться-то я и забыл!..

Очевидно, для Куколки это было важное упущение («Пойди-ка потом исправь! Как исправишь?»), потому что он немедленно же опустился перед образом на колени и вознес к Богу ряд мелких и крупных молитв, где причудливо смешались воедино прошения и благодарения за посланное свыше: молился он за мать, за Россию, за Мецената и Мотылька, за Кузю и Новаковича — его новых, таких преданных друзей; за то, чтобы тираж «Вершин», где он секретарствовал, вырос вдвое, благодарил Бога за ниспосланный ему талант, вознес самую пышную гирлянду лучших отборных молитв за прекрасную, чудную Яблоньку, а вспомнив, кстати, и о ее знакомом рыжем воре, испросил и для него у Господа Бога мирного упокоения в селениях праведных.

Чистая душа был этот Куколка, и сердце его возносилось с просьбами ко Вседержителю с такой же сыновней простотой, с какой мальчишка выпрашивает у матери лишнюю горсть орехов.

Покончив с религиозными хлопотами и заботами, Куколка бодро нырнул в светские дела, а именно: выпил большую чашку кофе с двумя популярными филипповскими пирожками, еще тепленькими, и принялся писать матери в провинцию восторженное письмо о своих блестящих шагах на поприще литературной славы, о верных друзьях меценатовской плеяды, о Яблоньке, которая, по его меткому утверждению, была лучшим Божьим созданием на земле, о романе в 3–4 частях, который он предполагает писать (так здоровое зерно, брошенное в черноземную почву, немедленно дает роскошные ростки), о взаимоотношениях редактора и издателя «Вершин», о своей квартирной хозяйке — о многом писал Куколка, много зернистых мыслей и сведений опрокинул со дна чернильницы на бумагу, много дряни и трухи втиснул туда же, инстинктивно памятуя, что родительский желудок все, все, решительно каждую крупичу с жадностью поглотит и все с благодарностью переварит...

Только что окончил Куколка письмо, как в дверь постучали.
— Пожалуйста, войдите, — разрешил Куколка.

Господин с жесткой щетиной на лице и искательными глазами, в узкой, отлакированной временем, венскими стульями и пивными столиками без скатерти визитке, в брюках, чудовищно вздутых на коленях, будто он сунул туда два футбольных мяча, — такого вида господин вошел в комнату и поклонился с принужденной грацией щедро получившего на чай трактирного слуги.

— Простите, что врываюсь. Праздник. Отдых. Знаю. Но пресса безжалостна. Чудовище. Сжевывают зубами в конце концов всего человека.

— К новоприбывшему чудовище-пресса, однако, отнеслась довольно милостиво: кроме наполовину сжеванного галстука и объединенного низа брюк, он почти не пострадал от зубов прессы.

— Да, насчет прессы вы верно отметили, — благосклонно согласился Куколка. — Чем вообще могу служить?

— Я от редакции «Вечерняя Звезда». Прислан. Интервьюировать. Вас. Разрешите!

Сердце Куколки бешено забилося и сладко, как на качелях, опустилось вниз, чтоб сейчас же еще слаще взлететь в поднебесье.

— Да что вы... Мне, право, так неловко. Зачем же вам беспокоиться... Я бы сам пришел, если нужно.

На лице щетинистого изобразился благоговейный ужас.

— О, что вы! Как же мы осмелились бы беспокоить такого масти... (он чуть не сказал «маститого», но, взглянув на юное простодушное лицо Куколки, спохватился) такого... популярного человека! Итак, разрешите?

— Извольте! — засуетился Куколка. — Да вы не хотите ли кофе выпить?.. Вот и булочки, масло, пирожок есть.

— Я, собственно, уже завтракал, — пробормотал интервьюер «Вечерней Звезды», в то же время обрушиваясь на предложенные продукты с такой яростью, что его слова о съеденном завтраке должны были бы относиться к эпохе семидесятых годов. — Эх, под такой бы пирожок бы да рюмочку бы водки... двуспальную!

На лице Куколки отразилось совершеннейшее отчаяние.

— Ах ты, несчастье какое, Боже мой! Водки как раз и нет! И как это я упустил?! Впрочем, есть красное вино. Вы выпьете красного?!

Интервьюер закивал головой и промычал набитым ртом так энергично, что было очевидно — окраска предложенного напитка являлась для него мельчайшей деталью.

Наконец, отвалившись от стола, он допил последнюю каплю вина и сказал в виде оправдания своему хищному поведению:

— Прогулка, знаете, дьявольски развивает аппетит! Где родились?

— В Симбирске.

— Хороший город. Непременно побываю. Так и запишем: «Место рождения — Симбирск». Учились?

— Учился.

— И правильно. Ученье, как говорится, свет. Почему начали писать?

— Тянуло меня к литературе.

— Благоднейшая тяга! Другого паршивца к бильярду тянет, ботифончик этакий заложить, а избранные натуры непременно к литературе взор свой обращают или там к музыке какой ни на есть. На какие языки переведены?

— Собственно, еще ни на какие...

— Так и запишем: «Две поэмы вышли в английском переводе в «Меркюр-де-Франс».

Репортер откинул назад голову и с такой восторженной любовью и гордостью артиста поглядел на четко выписанное им в памятной книжке название иностранного журнала, что у Куколки не хватило духу протестовать.

— Кого из классиков лично знали: Тургенева, Достоевского, Гончарова?

— Помилуйте, меня и на свете тогда не было.

— Прискорбно. Строк тридцать похитила у меня эта ваша молодость. Впрочем, черкнем штришок: «В бытность свою в Симбирске великий Тургенев взял однажды на руки Шелковникова — тогда еще малютку — и пророчески воскликнул: «Вот мой продолжатель!»

— Но... ведь этого..., не было!

— А почему вы знаете? Вдруг было, да вы по младенчеству не обратили внимания. Ваш любимый писатель?

— Пушкин.

— Так и занесем: «Пушкин и Достоевский». Говорят, роман пишете?

— Видите ли... я еще не знаю...

— Так-с. Тайна. Понимаю. Тайна — святое дело. Из какого быта? Я полагаю, насчет оскудения интеллигенции. Э!

— Как вам сказать... — в отчаянии пробормотал Куколка.

— Так и запишем: «В будущем произведении жестоко бичуются уродливости русских Рудиных, оторвавшихся от земли...» Курите?

— Ну, это такая деталь, что стоит ли указывать...

— Нет, мне бы, мне папироску. Ужасно курить хочется! Я в том смысле. Скажите еще что-нибудь копеек на тридцать! Для округления.

Куколка беспомощно взглянул на него. Что ему сказать? У бедняги даже мелькнула мысль предложить интервьюеру эти недостающие тридцать копеек наличными, но тот уже вдохновенно перебил его:

— Спортом занимаетесь? Вы, по-моему, хороший боксер легкого веса. Нет? Ну, все равно займетесь на свободе. «Наш собеседник очень увлекается, кроме литературы, и той отраслью спорта, о которой еще знаменитый Расплюев отзывался: «Просвещенные мореплаватели — и вдруг бокс». Тот Расплюев, который в изображении артиста Давыдова вырастает в...» Ну, во что он вырастает, я после допишу. Дома.

Он перечитал написанное и вытянул губы трубочкой.

— Гм... суховато немного вышло. Ну, я дома еще иллюминую; красочкой кое-где трону. Ну, я побежал. Еще один фрукт на очереди. Посланник. Балканский вопрос. Рубля на четыре. Счастливо оставаться. Еще папиросочку. Можно? Три? Ну, три! Или пять? Для округления. Так, в Саратове родились? Чудный город. Обязательно побываю. Так сказать, на месте преступления. Чудно! Пляж. Фактории. «Эх ты, Волга», — как говаривал покойный Степан Разин. Эпос, а? До скорейшего.

Этот бедный поденщик пользовался в литературных кругах популярностью за одну свою странную особенность: получив в конце месяца из редакции деньги — рублей пятьдесят — он, вместо того чтобы освежить свой туалет или расплатиться с пребывавшей в хронической панике

квартирной хозяйкой, вместо этого он брал лихача на дутых шинах, мчался в «Аквариум», заказывал великолепный ужин в ложе, выходящей к сцене, пил шампанское, закуривал «гавану» и, купив у продавщицы пук красных роз на деньги, оставшиеся после уплаты по счету, барским жестом швырял цветы какой-нибудь пляшущей на сцене испанке, после чего пешком возвращался домой, опустошенный, но бодрый, бормоча себе под нос:

— По-великокняжески провел вечер! Ай да мы, Пегоновы! Вот это жизнь! Красота! Ракета!

Манера разговаривать у него была тоже особенная, никому другому не свойственная. Мотылек почему-то называл эту манеру «фонетическим методом».

При встрече с Мотыльком он еще издали кричал:

— Здравствуйте, красавец! Зарабатываете? Красота! А галстучек-то! Мода! Король Эдуард пуговицу на жилетке для моды расстегивал! Англичане! Гибралтарский вопрос! Думаю в Испанию поехать — кастаньеты, танцовщицы, в «Аквариуме» давно были? Осетрина беарнез чудная! Рыбный вопрос! Думаю рыбной ловлей заняться! Море — Черное — Каспийское — Нефтяные вышки — Нобель — керосиновый король — красавец — зарабатывает!!

Эта бесконечная лента могла тянуться полчаса.

Теперь, когда он вышел от Куколки, Куколка минут пять сидел оглушенный, будто его посадили под жерлом пушки и выстрелили.

Но не успел он прийти в себя, как в двери снова постучали.

— Можно?

— Можно.

Вошел седобородый старец, казалось весь сделанный из мягкого серебристого плюша, благостный, импозантный, в сером сюртуке и с плюшевой шляпой в руке.

— Жаждал познакомиться... — мягким серебристым баском проворковал он, окружая руку Куколки двумя пухлыми ладонями, будто пуховой периной. — Вот вы какой!.. Совсем молодой. А мы уже старики-с! Да-с... На исходе. Вы в гору — мы под гору. Вот и зашел посмотреть, чем молодежь дышит.

— С кем имею честь?.. — пробормотал Куколка.

Посетитель назвал свою фамилию, и Куколка так и отпрянул в благоговейном ужасе: носитель фамилии был крупный, по петербургскому масштабу, писатель, гремевший своими романами в прошедшем десятилетии.

Что его привело к бедному, в шутку раздутому, «как детский воздушный шар», по выражению Мотылька, Куколке? Захотелось ли ему при взгляде на Куколку вспомнить себя самого — молодым, входящим в моду, «взбирающимся на высокую гору»? Или уж очень он боялся отстать от века? Или захотел старый литературный слон, грешным делом, заручиться признательностью и дружбой будущей знаменитости? Бог его знает. Темны и извилисты пути артистической души на закате!..

— Боже ты мой! — засуетился радостно смущенный, растерянный Куколка. — Я даже не знаю, какое кресло вам предложить! Ведь вы наш учитель! На какое почетное место посадить вас?!

— Э! Все равно в конце концов в калошу посадите, хе-хе. Впрочем, шучу. Вы имеете, кажется, отношение к редакции «Вершины»?

— Да... я там... секретарем.

— Хороший журнал. В моду входит. Я вам, кстати, чтоб не с пустыми руками заходить, вещицу принес. Кажется, удалась. Хотите, берите для журнала!

Куколка бросил косой взгляд на извлеченную из сюртучного кармана трубкаобразную «вещицу», и хотя был он восторжен и неопытен, как дитя, но не мог не заметить, что «вещица» уже бывалая. Следы ее путешествий ясно обозначались в виде стертых, потрепанных краев и карандашных ядовито-синих, не поддающихся резинке пометок на обложке: «*К возвр.*».

Тем не менее Куколка вещицу благоговейно взял и тут же заверил, что со своей стороны приложит все усилия, чтобы в ближайшее время... и так далее.

Был он еще мягок и сердечен, резко отличаясь от старых очерстевших редакционных тигров, жестоких палачей, живодеров, убийц и крушителей как робких, радостно начинающих, так и угрюмо кончающихся дарований.

— Ну, теперь я пойду... А то вы тут, может, творили что-нибудь... хе-хе... вечное, а я, старый брюзга, мешаю.

Еще раз Куколкина рука нырнула, как в душную пуховую перину, в две чисто вымытые пухлые ладони, и плюшевый мягкий старик вышел, покачивая серебристой бородой, опираясь на трость с серебряным набалдашником.

После его ухода Куколка посидел еще немного в задумчивости, перечитал письмо к маме, дописал несколько строк и сказал сам себе, потирая лоб:

— Что-то мне еще нужно сделать?.. Неприятное, но необходимое... Гм! Со вчерашнего дня собираюсь. Ах да! Разыскать Мецената и поговорить с ним.

Куколка с гримаской почесал затылок, вынул из ящика письменного стола какую-то светло-фиолетовую записочку, перечитал ее, вздохнул и, энергично одевшись, решительно вышел из дома.

Глава XV. МАТ МЕЦЕНАТУ

Изменял ли жене Меценат? Никто из клеветов не мог сказать об этом ничего положительного или отрицательного. Вообще, эта сторона жизни Мецената была окутана абсолютным мраком. В орбите его разнообразной жизни вращались кроме клеветов и несколько очень недурненьких девушек сорта, совершенно противоположного Яблоньке, но у Мецената к ним отношение было более отеческое, чем галантное. На ухаживание за ними вездесущего Мотылька Меценат смотрел сквозь пальцы, сам же ограничивался благодушным подшучиванием над всеми этими Мусями и Лелями, подкармливая Мусю и Лелю ужинами при упадке их личных дел и снабжая малой толикой денег под деликатным предлогом, что «мне твоя красная шляпа, Муся, действует на нервы. Возьми себе эту бумажку и купи что-нибудь менее кровавое!».

И Муси жались к нему при всяких невзгодах, как попавшие под ливень пичуги к могучему гостеприимному дубу.

И сегодня — в этот воскресный день — Меценат тоже кайфовал не один, а обсаженный с двух сторон Мусей и Лелей. Сидели они в том самом кабинете кавказского погребка, где не так давно праздновался день рождения

Принцессы, столь прекрасно воспетой Кузей в его импровизации о красоте лени.

Муся сидела справа от Мецената, Леля — слева.

Леля была брюнетка в серой шляпе, Муся — блондинка в черной, с эспри. Кроме этого, ничем они друг от друга не отличались. Муся как Леля, Леля как Муся. Одним словом, девушки как девушки.

— Понимаете, Меценат, — рассказывала, волнуясь, Леля. — Когда мы познакомились, он уверял меня, что учится студентом в Лесном институте, а оказался простым приказчиком на дровяном складе вовсе. Как это вам покажется?

— Отчаяние и ужас, — серьезно сказал Меценат, прихлебывая белое вино. — Я бы не пережил этого удара.

— Знаете, я поэтому с ним и разошлась.

— Надеюсь, он не перенес разлуки и покончил с собой?

— Какое! Я сама так думала, а он за Дусей от «О бонгу» стал бегать, да еще и смеется вовсе!

— Смеется?! Возмутительный цинизм. Я бы его на вашем месте забыл.

— Я уже и забыла.

— Ну и умница. Почтикайте мне еще что-нибудь.

— Ха-ха! Что ж вы нас, за птиц считаете, что ли? — кокетливо рассмеялась Муся. — Ужасно обидно, что вы нас даже, кажется, не считаете за интеллигентных вовсе. А я даже слушала курсы повивальных бабок!

— Святое призвание. Даю вам слово, если у меня родится ребенок, вы будете первая бабка, которая повьет его.

— Да я не кончила курсы. Все из-за того Гришки, который был инструктором на скетинге. Из-за него и курсы бросила, а потом долго плакала вовсе.

— Значит, ты, Муся, пожертвовала карьерой ради сердца... Такая жертва угодна Богу.

— Какой вы странный, Меценат. Говорите серьезно, а будто смеетесь вовсе.

— Смех сквозь невидимые миру слезы. Ну, чирикните еще что-нибудь.

Муся надула губки.

— Да что мы вам, люди или птицы?!

— Конечно, люди! За убийство каждой из вас убийца будет осужден на такой же срок, как и за убийство Льва

Толстого. Значит, с точки зрения юриспруденции вы имеете такой же удельный вес, как и Лев Толстой.

— А у меня есть открытка Льва Толстого.

— Быть не может! Повезло старику.

— Меценат, а кто вам больше нравится — Муся или я?

Но этот рискованный вопрос остался без ответа, потому что в ту же минуту из-за портьеры, заменявшей дверь, выглянуло смущенное лицо Куколки.

— Простите, Меценат... Я, право бы, не решился, но я думал, что вы одни. Почтенная Анна Матвеевна сказала, что вы сюда поехали... Я думал, с вами наши...

— Да чего вы там на пороге бормочете извинения?! Входите. Вот познакомьтесь с этими барышнями: левая — Муся, правая — Леля. Пожалуйста, не перепутайте только, это очень важно.

— Какой хорошенький, — проворковала Муся, косо, как птичка, поглядывая на Куколку. — Прямо куколка.

— Да его Куколкой и зовут, — рассмеялся Меценат.

— Неужели?.. Какая странная фамилия.

— Видите, собственно, моя фамилия Шелковников. Имя мое — Валентин, отчество...

И Куколка добросовестно выложил всю подноготную, благо тут не было Мотылька, который никогда не давал ему закончить полного своего титула.

— Но я вас буду лучше называть Куколка. Можно? Вы актер?

— Нет, я поэт.

— Как чудно! Напишите мне стишки.

— С удовольствием, — с невозмутимой вежливостью, характеризующей его в отношениях ко всем окружающим, согласился Куколка. — Выберу свободный час и напишу.

Потом обратил свое лицо, на которое налетело неуловимое облачко заботы, к Меценату.

— Простите, милый Меценат, но я, собственно, к вам по делу. Поговорить бы нужно. Очень серьезно.

Брови Мецената дрогнули от легкого удивления и какого-то тайного смущения, но он сейчас же деловито кивнул головой Куколке и встал.

— Это легко устроить даже сейчас. Тут рядом свободный кабинет. Перейдем туда. А вы, миледи, попросите еще вина

и фруктов — позабавьтесь минутку без меня. Наболевший вопрос о предателе — приказчике дровяного склада — еще не обсужден вами с исчерпывающей ясностью.

По искусственной веселости Мецената было заметно, что он немного внутренне сжался перед «серьезным разговором», потому что в его грешной голове сразу же мелькнула мысль: уж не открылась ли вся «Кукольная комедия» и не предстоит ли щекотливое объяснение по поводу жестокой шутки «в космических размерах».

Но о том, что случилось на самом деле, бедный Меценат и не догадывался и не мог бы догадаться, если бы ему дали на догадки три года сроку.

В пустом кабинете электричество не горело, и весь источник света заключался в небольшом запыленном окне, помещавшемся высоко, а на улицу выходившем низко — в уровень с тротуаром. Солнце золотило пылинки на окне, но они не танцевали, как давеча в комнатке Куколки, а притихли, прижавшись к стеклу и чего-то выжидая. Скатерть со стола была снята, и на голой столовой доске ясно обозначилась цифра «8», получившаяся из двух следов от стоявших рядом мокрых стаканов с вином. На стене висела преглупая картина «Отдыхающая одалиска» — полногрудая женщина, играющая с ручным леопардом на пестром ковре.

Все вышеописанные подробности Меценат заметил не сразу, а втиснулись они в его мозг лишь тогда, когда случилось «это», и осели в мозгу на всю будущую жизнь. Даже запах — причудливая смесь из зеленого лука, лимона, тертого сухого барбариса и острого овечьего сыра, — даже этот специфический аромат, ввевшийся в стены комнаты, долго потом преследовал Мецената.

Когда они вошли в кабинет, Куколка повернулся лицом к свету и, положив свою изящную тонкую руку на могучее плечо Мецената, сказал с некоторым волнением:

— Верите ли вы мне, Меценат, что я люблю вас больше, чем всех остальных?

— Верю, — немного колеблясь, ответил Меценат.

— Очень хорошо. Тогда мне легче говорить. Верите ли вы, что я сейчас обращаюсь именно к вам, потому что вы самый умный, самый добрый и вообще... Вы мне напоми-

наете доброго Бога Отца, к которому всякий человек имеет право обратиться со всякой просьбой, за всяким — самым даже диким — советом. Верите?

Такое лестное сравнение немного испугало Мецената, и он с трудом преодолел себя, чтобы скрыть смущение:

— Куколка! Да что же случилось?

— У меня нет никого, кроме вас, старше меня и умнее, к кому бы я мог обратиться за советом по самому неприятному для меня поводу. Дело чрезвычайно деликатное. Со мной это впервые случилось.

— Вам нужен совет? — облегченно вздохнул Меценат. — Говорите смело. Что будет в моих силах...

— Меценат! Вы... не считаете меня фатом?..

— Боже сохрани!

— За это спасибо. Иначе бы я не мог и рта раскрыть. Слушайте же! Одна женщина призналась мне в любви и... как бы это сказать?.. немного даже преследует меня. А я, видите ли, ее не люблю. Признаюсь уже во всем: мне нравится другая. А эта первая... она хоть и красавица, да не по душе мне.

И доверчиво закончил:

— Это бывает, Меценат?

— Бывает, — усмехнулся мудрый конфиден. — Скажите, Куколка, а вы давали первой женщине... какой-нибудь повод?

— Ни малейшего. Я только был вежлив, как со всеми прочими... А случилось другое. Согласитесь сами, разыгрывать Прекрасного Иосифа — роль чрезвычайно глупая, но что ж делать, когда у меня совсем другие мысли и... стремления. Вы умный и опытный, посоветуйте, как это ликвидировать?

— Гм!.. Если вы мне так доверились, так доверяйтесь до конца! Чтобы дать вам толковый совет, я должен знать: кто эта первая? Это жена Пентефрия? А?

— Я думал, вы сами догадаетесь! Впрочем, уж буду говорить все прямо, как на исповеди: Ее Высочество.

Меценат в недоумении поглядел на него.

— Какое... Высочество?

— Ах, Боже мой, да та красавица, которая была с нами в прошлом месяце в этом ресторане. Еще Новакович рассказывал, что она на воздушном шаре от отца бежала... Ну... Принцесса, одним словом!

Потолок был и без того низкий, а в этот момент он спустился еще ниже, с треском ударил Мецената по темени, пригнул его и расплющил... Меценат молча покачнулся, уцепился за спинку стула и осел, будто из него кто-то волшебной силой сразу вынул костяк.

— Что с вами, Меценат? Вы как будто чем-то поражены? Может, мне не следовало этого говорить?

— Нет, ничего, ничего, — замахал трепещущей рукой Меценат. — Это я просто, кажется, выпил вина больше, чем полагается... Подождите!

Он отошел к окну, поднял локти, оперся о подоконник и долго и внимательно разглядывал пылинки, осевшие на стекле.

Мысли у него были разорванные, растрепанные, как облака после бури...

«Вот эта дождевая засохшая клякса чрезвычайно напоминает очертание Африки, — подумал Меценат. — Да... Африка! Туда мы не доехали... Поленилась Принцесса. А будь мы в Египте — ничего бы этого и не случилось... Восемь лет!.. И как легко их составить, эти восемь: след от двух пустых осушенных винных стаканов рядышком — вот тебе и восьмерка. Гм... Ленивая одалиска... Пожалуй, что и не ленивая. И одалиска не ленивая, и леопард — не леопард».

— Я с ним и в цирк, и в кинематограф, как порядочная, а потом его товарищ, знаешь, брюнетик такой, Вася, говорит: «Да какой он студент Лесного института?! На дровяном складе служит. Доски записывает все». — «Что вы ко мне со своими досками лезете», — говорю я, а сама плачу, плачу, как дура, верное слово, плачу, — доносила из-за стены монотонная, печальная повесть Лели.

Меценат вдруг оторвался от окна и обратил совершенно спокойное лицо к Куколке.

— Ф-фу! Прошло. Ну, теперь рассказывайте, севильский обольститель, как же это все случилось?

— Да вот — в самых кратких словах, потому что вас там дамы ждут, неловко оставлять их скучать! На другой день после знакомства заехал я к ней просто из вежливости, думал, не застану дома, оставляю карточку. Вдруг говорят: «Вас просят». Ну, выпили мы чаю, посидели... то есть сидел я, она лежала... Поговорили. Ухожу я, она говорит:

«Приезжайте еще на днях, привозите стихи, почитайте». Я думал, она стихами заинтересовалась! Приехал вторично, стал ей читать, а она, представьте, заснула, кажется! Очень странная дама. Потом, когда я кончил, очнулась и говорит: «Что вы там сидите, сядьте около меня!» Присел я на кушетку, а эта самая... Принцесса стала мне волосы гладить. Я думал все-таки, что кое-что из моих стихов ей понравилось и она... одобряет, а она обняла меня за шею и говорит вдруг: «Поцелуйте меня!» Я немножко испугался и ушел. Потом она два раза вызывала меня к телефону... Сама заезжала в экипаже... Кататься на Острова приглашала... Я один раз по слабости характера поехал, потом стал отказываться... Неприятно, знаете, когда человек все время говорит: «Вы меня разбудили, вы меня разбудили».

— Да... неужели... она заезжала за вами?!

— Ей-Богу.

— Но ведь эта... Принцесса... ленива, как сотня сытых кошек!

— Не знаю, что с ней случилось — совсем не такая, как первый вечер... Глаза сверкают, румянец во всю щеку и губы облизывает, как вампир, ищущий крови. Я ее даже, знаете ли, немного боюсь. Вчера вечером четвертую записку от нее получил. Звонит, пишет, заезжает...

— Что ж вы *от меня* хотите? — странным голосом спросил Меценат.

— Вы с ней... ближе знакомы, чем я. Посоветуйте, как всю эту историю ликвидировать? Чтобы было не обидно для нее и чтоб мне не терять мужского достоинства. Такая неприятность, знаете! В первый раз у меня это. Впрочем, простите, Меценат... но, может быть, мне было бы лучше посоветоваться по этому поводу не с вами, а... с Новаковичем, например? А то вы... какой-то странный!

— Нет, нет. Вы как раз обратились по настоящему адресу. Умнее ничего нельзя было придумать! А сделайте вы, чтобы выйти с честью, вот что... Возьмите портрет той особы, которую вы любите, напишите на обороте: «Моя невеста» — да и пошлите ей без всякого письма. Она поймет, и все кончится красиво.

— Вы думаете? А это... удобно?

— Чрезвычайно. Я вам советую, как лицо... незаинтересованное.

За портьерой вдруг послышался мужской смех, возня и крики:

— Да куда это они уединились?! Телохраниль! У Куколки с Меценатом секреты — не подкапывается ли Куколка под нас? Не хочет ли понизить наш курс в глазах Мецената?!

Кузя и Мотылек под предводительством Новаковича бесцеремонно ворвались в кабинет с одалиской и леопардом на стене и остановились, удивленные: на них в упор смотрели черные неподвижные глаза Мецената, и... никогда еще «клеветры» не видели такого странного взгляда.

— Простите, Меценат... Если вы еще не кончили, мы подождем.

— О нет! Мы уже свободны. Куколка читал мне по секрету свою новую поэму, и... это... оказалось... *дьявольски сильная вещь!*

— Закончили поэму? — осведомился профессиональным тоном Мотылек.

— Да! Закончу, — твердо отвечал Куколка. — Сегодня же.

Глава XVI. САМАЯ КОРОТКАЯ ГЛАВА ЭТОЙ КНИГИ

В нарядном будуаре Веры Антоновны сидел Новакович, почти расплотив своим мощным телом хрупкий воздушный пуф, и говорил:

— Недоумеваю, за каким чертом Меценат не сам к вам явился, а послал меня. Такая простая вещь... Говоря кратко — он просит у вас отпуск.

— Какой отпуск? Боже, как это все... утомительно.

— Для нас? Нисколько не утомительно. Он собирается ехать на Волгу — от Рыбинска до Астрахани и обратно — и берет с собой Мотылька, Кузю и меня.

Вера Антоновна полузакрыла засверкавшие глаза и сонно спросила:

— Конечно, и Куколку берет?

— О нет! На что нам этот юродивый... Он забавен только в столице как объект Мотыльковых затей. Так как же... даете Меценату отпуск?

— О, Боже мой... когда же я его удерживала! Пусть едет. Желаю вам веселиться. Ох, как я устала!

Исполнив поручение, Новакович сидел и томительно молчал. Хотя был он человек разговорчивый, но знал — с мраморной статуей не разговориться.

— Да... такие-то дела, — пробормотал он, собираясь встать. — Так-то, значит. Вот оно каково.

И вдруг странный вопрос Принцессы пригвоздил его к месту:

— Скажите, Телохранитель... Эта ваша знаменитая Яблонька — очень красивая?

— О, описать ее красоту так же трудно, как...

Вдруг его взгляд упал на одно место огромного ковра, покрывавшего пол, и фраза осталась незаконченной.

— Ну, чего ж вы замолчали? Говорите!

— Так же трудно описать Яблоньку, как...

— Ну?!

— Так же трудно... как...

— Боже, какой вы нудный!!

Но Новакович не слушал: он наклонил корпус и впился ястребиным взглядом в часть пушистого ковра около кушетки...

— Так же труд... Боже мой, да вот ее кусок!.. Что это?

Быстрее молнии он упал на колени и поднял запутавшийся между бахромой края ковра кусок фотографической карточки.

— С ума я схожу?! Ведь это часть лица моей... нашей любимой, неповторимой Яблоньки! Глаз ее! Кусочек ее капризной нижней губки... Принцесса! Что случилось?

Принцесса вдруг уткнулась лицом в подушку так быстро, что ее бурные, как черный вихрь, волосы разметались во все стороны. Поглядывая одним сверкающим глазом из этого водопада темных струй, она вдруг спросила сурово, почти грозно:

— Вы ее любите, Новакович?

— Правду вам сказать? Больше света Божьего!

— Так и ступайте вон! Дурак вы! И вообще все вы дураки!

Плечи ее затряслись, она конвульсивно изогнулась, как раненая королевская тигрица; она извивалась, заглушая подушкой еле слышные стоны.

«Истерика или нет? — спросил сам себя Новакович, вертя в руках обрывок карточки. — Пожалуй, что нет. С жиру бесится наша Принцесса! Нет, на истерику не похоже. Обыкновенный дождик без грома и молний. Что бы это значило?»

— Уходите! Скорей!! Сейчас же... отсюда!

Он пожал плечами и на цыпочках вышел из комнаты.

Глава XVII. КРЫЛЬЯ КУКОЛКИ

Меценат в одиночестве шагал по своей огромной гостиной, как дикий зверь в клетке, отталкивая ногой стулья и делая такие резкие повороты, будто он оборачивался на чей-то невидимый удар сзади.

Но когда в дверь постучали, он отпрыгнул в сторону, повалился на диван и сказал равнодушным сонным голосом:

— Ну, кто там? Войдите. А! Ты, Кузя!

— Вы, кажется, спали? Я вас разбудил?

— Наоборот.

Кузя с треском опустилсЯ в свое обычное кресло и, не обращая внимания на загадочный ответ Мецената, погрузился в мрачное молчание.

— Что с тобой, Кузя?

Кузя промолчал.

— Что-нибудь случилось?

Кузя помолчал и вдруг прорвался, точно вода из проткнутой гвоздем пожарной кишки:

— Меценат! Да ведь он форменный мошенник! Правда, я с вами проделал почти такую же штуку при первом знакомстве, но... я ведь профессионал! Мне простительно! А тут... этакое грязное животное!

— В чем же дело, Кузя? Ты сегодня разговариваешь так много, что из твоих слов я могу извлечь чрезвычайно мало.

— Проиграл!!

— В шахматы?

— А то во что же? Все свои личные деньги, да еще ваших малую толику прихватил, что вы давеча дали на покупку чемоданов! Уехали мы, чтоб его нечистый взял!!

— Проиграл?! Кому?

— Кому же, как не этому дьявольскому Куколке! Видали вы такого мерзавца?! Ясные детские глазки, серебристый, как у девчонки, голосок, а сам форменный бандит с большой дороги.

«Я, видите ли, дилетант (совсем непохоже передразнил Кузя), мне с вами, с маэстро, куда ж тягаться!.. Я давно не играл...» Не играл ты давно? Чтoб на том свете черти твоим черепом так давно не играли!! Показал он мне старушку в кадушке! Я ему свои гамбитики да дебюты пешки, а он... черт его знает, как парирует... Гляжу — ан королеве моей деваться и некуда! А на четвертой партии такой гамбит показал, что уж не знаю, как его и назвать... Гамбит Чертовой Куклы, что ли?! Меценат! Дадите свеженьких денег на чемоданы? Если нет, так выгоняйте уж сразу! Чтoб не мучиться.

По странному совпадению клеветы стали слетаться «на огонек» — один за другим.

Вторым влетел Мотылек.

— А я к вам на огонек... Куколки не было?

— Нет, этой Чертовой Куклы не было, — мрачно про бурчал Кузя.

— Почему Чертовой? — живо обернулся Мотылек. — Ты тоже, значит, все узнал?!

— Кое-что узнал...

Мотылек завизжал:

— Ну, как вам это понравится!! Когда я нынче прочел, что издательство «Альбатрос» купило его книгу — лучшее издательство! — я чуть не упал на улице под копыта лошадей!! Болваны! Они моим заметкам поверили! Старушки в кадушках на подушках заскачут теперь по всей России! Подумайте! Я собрал том стихов — ожерелье чистейшего жемчуга, — и это «ожерелье» валяется у меня в столе, мертвое, неподвижное, будто оно из свинцовых пуль, а этот болотный пузырь со своими «Зовами утра» выскочил и — пожалуйста! Ну, пусть же книжонка его выйдет — хохот, треск и скандалище пойдет на всю Россию!! О, дурачье! О, трижды идиоты!!

— Кто трижды идиоты? — спросил Новакович, входя без стука и поймав на лету последнюю энергичную фразу.

— Пожалуй, что и мы. А ты из нас первый. Черт тебя надал притащить тогда эту чертову Куколку! Сколько я из-за него крови испортил!! Сидит он теперь на моем секретарском месте и небось смеется, подлец, в кулак. Ведь не будь его, меня бы снова, может быть, позвали в «Вершины» секретарствовать!

— Не будь его — я бы сегодня не проиграл кроме своих денег еще и Меценатовых чемоданов, — меланхолично добавил Кузя.

Новакович поглядел на Кузю с любопытством:

— Неужели Куколке проиграл? В шахматы? Однако! Да, вот что, Меценат... Я сейчас от Великолепной! Отпуск вам милостиво разрешен. Да-с, да-с, да-с... вы не можете, Меценат, объяснить мне одной дьявольщины: каким образом в будуар Принцессы попала Яблонька?! Вот кусочек ее спас. В ключья разорвана.

— Так это... Яблонька?! — ахнул Меценат, и тут же в душе вздохнул Меценат, и, забыв о собственных переживаниях, уныло пробормотал Меценат: — Бедный Телохранитель!

— Что вы там бормочете?

— Это я стараюсь догадаться, в чем дело! Действительно, за каким чертом попала карточка Яблоньки к моей жене? Да еще разорванная. Уж не приревновала ли меня Принцесса к Яблоньке?..

— Иначе я и не могу объяснить, — угрюмо пожал плечами Новакович. — Хотя вы ведь никакого повода не давали. А? Меценат?

— Ни малейшего.

— На обороте ничего не написано?—спросил Мотылек.

— Ах, я даже не посмотрел! Вот тут... Гм!.. Странно: «Моя не...» Дальше оторвано. Удивительная загадка!

— Почему ж ты не спросил у Принцессы?!

— Поди-ка спроси! Истерика у нее, у вашей Принцессы! Дураком меня назвала и выгнала, — с досадой сказал Новакович.

Мотылек сморщил лицо.

— Мы с Принцессой почти сошлись во взглядах: она назвала тебя дураком, когда ты выходил от нее, я — когда ты входил к нам.

— Да почему же именно я дурак? Я от Куколки не потерпел урона, как ты с Кузей! Мы с Меценатом остались неуязвимы! Правда, Меценат?

Меценат, не отвечая, отошел в угол, уткнулся в него и, кажется, засмеялся... По крайней мере, плечи у него дрожали, как у смеющегося.

— Да, — искоса поглядывая на странно смеющегося Мецената, покровительственно говорил Новакович. — Ты сам, Мотылек, виноват в отношении Куколки. Заварил эту кашу с газетной рекламой, да и не знаешь, как ее теперь расхлебать. Как неопытный спирт: вызвать призрак — вызвал, а как теперь его спровадить обратно — и не знаешь. Теперь уж машина завертелась без тебя! Не читали интервью с Куколкой в «Вечерней Звезде»? Это уж помимо вас кто-то постарался. И где родился, и как родился, и почему родился, и все такое...

— Да ведь лопнет же все это! — завопил Мотылек. — Не может не лопнуть! Ведь если выйдет книжка — старушку в избушке никуда не спрятать. Черным по белому! А стоит только этой дурацкой старушке выглянуть из избушки, как все полетит к черту!

— Стучала я, стучала, — сказала, входя, Яблонька, — а вы так тут кричите, хоть из пушек пали. «Здравствуйте, разбойнички», — как говорит няня. А Куколки еще нет?..

— И вы насчет Куколки? — горько усмехнулся Новакович.

— Да... Он мне сказал, что сейчас придет. Чего это вы все носики повесили?

Яблонька была по-прежнему ласкова и тепла, как солнечный луч, но наблюдательный Меценат заметил, что в ее ясных глазах мелькало какое-то легкое и милое смущение.

— Куколка, Куколку, Куколкой, о Куколке, — продекламировал Кузя.

В дверь постучали.

— А! Вот и Куколка. Комплект полный!

— Друзья! — с порога закричал Куколка. — Я так счастлив, так счастлив и за себя и за вас, Мотылек!! Вы снова можете занять ваше секретарское место!!

— Что такое? — с тайной радостью спросил Мотылек. — И вас так же «ушли» из редакции, как меня?

— Наоборот! Все складывается наилучшим образом. Помните, я вам говорил, что редактор переходит в ежедневную газету? И знаете, кого издатель пригласил на освободившееся место редактора? Меня! Премилейший человек. И подумать только, что всем этим я обязан вам!

— А правда ли, — спросил Кузя вместо Мотылька, который при последних словах Куколки странно хрюкнул, завалился за спинку дивана и затих, — правда ли, что «Альбатрос» издает вашу книгу?..

— Да, — сияя прекрасными светлыми глазами, радостно подтвердил Куколка. — Можете поздравить. Да у меня с собой, впрочем, и корректурные листы.

— Где?! — взвился из-за дивана, как пружина, Мотылек. — Покажите!!

— Да вот они. Я уже и корректуру продержал.

Мотылек лихорадочно, дрожащими руками рылся в длинных полосах бумаги и, странно дрожа, допрашивал:

— А старушка где? Старушка есть? А? Есть? Старушка в избушке? Где она? Куда вы ее тут засунули?..

— Я совершенно не понимаю, — искренно удивился Куколка, — почему вам так исключительно нравятся эти стихи? Я их сюда и не включал.

Мотылек подскочил к Куколке и принялся трясти его за плечи:

— Как не включили? Почему нет?! Ведь вы же написали эти стихи или не вы?!

— Я-то я... Но, спросите, когда? Это старый грех. Мне тогда было лет шестнадцать. Когда Новакович попросил меня прочесть в кафе тогда при первом знакомстве все мои стихи, я и стал читать их в хронологическом порядке. А он вдруг на этой самой несовершенной «старушке» неожиданно пришел в восторг, схватил меня за руку и потащил к Меценату. Да... дом Мецената принес мне счастье, друзья! Но, впрочем, дело и не в литературных успехах. Гм! Теперь вы будете, господа, приятно поражены...

Куколка обвел всех восторженным взором...

— В доме Мецената я нашел самое большое счастье на земле. Позвольте, друзья, представить вам мою невесту!! Чего вы так краснеете, Яблонька? Через месяц наша свадьба, и мы едем во Флоренцию — буду там с вашего

благословения новую вещь для «Альбатроса» писать. Роман в трех частях. Уже заказан.

Все окаменели. А Кузя подобрался бочком к комку странных морщин, под которыми с большим трудом можно было разглядеть черты Мотылька, и дружески шепнул ему:

— Подойди же, поздравь, дружище. А то неловко. У тебя лицо, как старый кисет, из которого вытрясли весь табак!

Потом подобрался к закрывшему лицо рукой, будто ослепленному Новаковичу и доброжелательно толкнул его в бок.

— Не горюй, чего там. Мало ли хороших женщин? Я, брат, недавно познакомился с одной — ну точь-в-точь как моя незабвенная вдова, которую вы так неделикатно назвали «затрапезной», — хочешь, познакомлю?.. Так и быть, забирай ее себе. А я другую для себя пошарю.

Яблонька скорбно и виновато поглядела на Новаковича и вдруг заторопилась:

— Ох, ведь нам уже ехать нужно! Мы на минутку забежали. Вале еще нужно корректуру в типографию отвезти. Валя, поедем! До свидания, разбойнички.

Меценат и клеветы снова остались одни в большой мрачной комнате, окутанной тишиной.

Неслышными шагами вошла Анна Матвеевна и остановилась у притолоки, пригорюнившись:

— Ага! Вся гоп-компания в сборе... Чего это у вас темно так? Сидите, сычи какие словно, нахохлились. Небось коньячище опять хлестать будете, разбойники?! Сюда подать — на ковре али по-христиански — в столовую?

Кузя подмигнул Меценату на Мотылька и Новаковича, совсем затушеванных сумерками, и, неслышно подойдя к нему, шепнул:

— Это, пожалуй, лучший выход из положения. А? Меценат? Коньяк!

Меценат вдруг подпрыгнул на диване и выпрямился — старый, дряхлеющий, но все еще мощный лев.

— Ну, ребята, нечего нюнить!! Гляди весело!! Ходи козырем! Выпьем нынче, чтоб звон пошел, а завтра айда к берегам старой матушки Волги — целой разбойничьей ватагой... Айда! На широкие речные просторы, на светлые струи, куда Стенька Разин швырял женщин, как котят! Туда им, впрочем, и дорога!

— Аминь! — восторженно закричал Кузя. — Долой Петербург, да здравствуют Жигули! Кальвия! Почествуйте волжскую вольницу!! «Что ж вы, черти, приуныли... Эй ты, Филька, шут! пляши!! Грянем братцы, удалую — за помин ее души!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О, могущественное Время! Будь ты трижды благословенно. Ты — лучший врач и лучшее лекарство, потому что никакие препараты медицинской кухни не затягивают, не закрывают так благотворно глубоких открытых ран, как ты, вечно текущее, седое, мудрое!

Читатель! Если ты через год заглянул бы в уже так хорошо тебе знакомую темную гостиную Мецената — ты тихо улыбнулся бы, увидев, что все на своем месте: Меценат в одном углу, одетый в белый полотняный балахон, лепит новый бюст Мотылька, важно восседающего на высоком стуле, в другом углу возится со штангой, выбрасывая кверху свои могучие, будто веревками-мускулами опутанные руки, Новакович, в глубоком кресле мирно покоится, поедая апельсин, Кузя...

А у дверей стоит Кальвия Криспинилла и в тысячу первый раз кротко бормочет:

— Опять ты, разбойник, шкурки на ковер бросаешь?! Управы на тебя нет, на мытаря!..

Zoopot, 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

рассказы циника

PRAGER PRESSE

Введение

Ни один человек в мире, кроме Атласа, не взваливал на свои плечи такую ношу, как я.

И ни один человек в мире при этом не чувствовал бы себя столь же хорошо, как я.

«Вы будете писать обо всем мире», — сказал редактор. С осторожностью вручив мне земной шар, он вернулся к своим делам.

Я взял огромный шар в руки, повертел его туда-сюда, вздохнул, успокаивающе поглаживая ладонью Америку, и пошел домой.

Земной шар — круглый, шершавый, теплый и влажный на ощупь. В Средиземном море я замочил весь пиджак, Везувием прожег себе дыру в манишке — но, тем не менее, благополучно принес шар домой целым и невредимым.

Дома я рассмотрел его более внимательно. Полюса были холодными, как нос охотничьей собаки, и везде было столько грязи, что не отмыть и в сто лет.

Ничего не поделаешь. Я привык выполнять что прикажут. Засучив рукава, я энергично принялся отмывать этот ком теплой грязи.

Греки

Однажды по морю шел пароход. Внезапно разразился шторм, и корабль оказался на грани гибели. Командир сказал:

— Пристать мы не сможем, давайте сбросим за борт 100 ящиков лимонов.

Так они и поступили. Но буря все усиливалась. Один из матросов предложил: «Господа, у нас среди пассажиров есть еврей. Давайте его сбросим за борт — шторм прекратится».

Так они и поступили. Но шторм все бушевал, как разъяренный зверь.

«Погодите, — сказал другой матрос. — С нами путешествует один грек. Вместо еврея надо было бросить в море грека».

Тогда они бросили за борт грека. И тут, к общей радости, шторм прекратился. Вдруг все увидели громадную акулу, плывшую вслед за кораблем.

«Давайте-ка ее выловим, ребята».

«Давайте выловим». Вытащив акулу на палубу, они вскрыли ей брюхо — внутри сидел грек и продавал еврею лимоны на условии «франко-акулий хвост».

Так вот, я ничуть не беспокоюсь о судьбе греков, отражающих удары турок. Греки не пропадут. У греков есть собственная политическая и дипломатическая система: с Константином дела шли неважно — назначили Венизелоса. С Венизелосом намного лучше не стало — вернули Константина. Константин не оправдал ожиданий и не стал «спасителем отечества» — Венизелос собирает чемоданы и едет в Грецию, чтобы спасти страну.

Правильно говорят: на двух ногах стоять всегда легче, чем на одной.

Где не стоит топиться

Если хотите утопиться, то топиться где угодно, только не в Советской России. Хотя сам я никогда не топился, но психология самоубийцы мне знакома очень хорошо. Пока человек находится на берегу, он считает, что жизнь отвратительна. Но стоит прыгнуть с берега и оказаться в воде, как жизнь расцветает блеском тысячи бриллиантов, и он, пуская пузыри, с нетерпением ждет какого-нибудь доброго человека, который вытащит его на сушу.

В любом другом месте спасателю не нужны документы, но в Советской России есть строгий порядок, а жизнь ак-

курратно ему подчинена... Вот дословная вырезка из петербургской «Красной газеты»: «На Екатерининском канале четырехлетний мальчик упал в воду. Проходивший мимо матрос хотел броситься в воду, чтобы спасти его. Но стоявший на мосту милиционер остановился матроса и потребовал, чтобы он сначала показал свои документы. Пока матрос обшаривал свои карманы в поисках удостоверения, мальчик наглотался воды и утонул. У глупости есть свои пределы», — провозглашает газета.

Это мнение «Красной газеты». Ленин же сделал по-другому: он вызвал милиционера, расцеловал его и назначил начальником спасательной станции, ведь с таким спасателем столица опустеет вдвое быстрее.

Новые направления в литературе

Писатели — это мозг страны.

Вот как выглядит мозг Советской России... Группа коммунистических писателей издала сборник под названием «Серрапионовы братья». Один из «Серрапионовых братьев» пишет в своей автобиографии следующее:

«Я был сапожным подмастерьем, милиционером (не тем ли, что требовал документы у матроса?), агентом уголовного розыска, карточным игроком, актером и т.д.»

Далее «Серрапионов брат» приводит сухую статистику:

Арестован — 6 раз.

Самоубийством кончал — 2 раза.

Били меня — 3 раза.

Жаль, автор не уточняет, к какому периоду относится последнее прискорбное замечание: к периоду, когда он играл в карты, или к периоду его актерской деятельности.

Ибо бьют либо очень плохих актеров, либо очень больших мастеров карточной игры...

Хочу быть китайцем

В Китае есть такая традиция: если человек хочет доставить своему врагу неприятности, он идет и вешается у его дверей.

И почему я не китаец? Почему Лев Троцкий не китаец? Уже ведь висел бы.

И хотя у меня сейчас нет собственной двери, я мог бы специально эту дверь соорудить. Даже с удобствами...

Задача по математике

Самый вежливый и дружелюбный народ в мире — чехи.

Если бы за каждое «Má úcta», сказанное мне в этом месяце, я получал по геллеру, я мог бы построить за эти деньги виллу над Влтавой. И назвать ее очень благородным именем:

Вилла «Má úcta».

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО В «ПРАГЕР ПРЕССЕ»

Нам удалось привлечь известного русского писателя Аркадия Аверченко, постоянно проживающего в Праге, к постоянному сотрудничеству с нашим изданием.

С этого воскресенья в постоянной рубрике «Аверченко и мир» мы будем представлять читателям ранее нигде не опубликованные произведения Аверченко. Кроме того, на наших страницах будут публиковаться фельетоны этого автора.

Поскольку сейчас нашим читателям приходится сталкиваться с этим именем почти каждое утро, мы решили напечатать это интервью, чтобы ближе представить Аверченко.

Писатель, среднего возраста, еще недавно брюнет, мужчина с ярким, открытым лицом, охотно ответил на все наши вопросы:

— Ваша национальность?

— До революции одесские евреи говорили обо мне: «Аверченко так хорошо пишет, потому что он еврей», а черносотенцы писали: «Аверченко пишет хорошо, хотя он еврей». Я должен сознаться в том, что я ввел в заблуждение и тех, и других: я русский.

— Давно ли вы пишете?

— С тех пор, как меня печатают.

— Вы женаты?

— Я холост. Да, и настолько одинок, что у меня даже нет детей. Довольно редкое явление для человека, который их так любит.

- Чем вам больше всего нравится заниматься?
- Курить.
- Но ведь курение сокращает жизнь...
- Вы совершенно правы. Вы видите, я курю и мне 38 лет. Если бы не курил, мне было бы 50.
- Где вы учились?
- В прямом смысле этого слова — нигде. Мальчишкой я видел слишком много плачущих школьников, и это произвело на меня такое сильное впечатление, что я заявил родителям: «У меня слабое зрение. Если вы отправите меня учиться — я ослепну». Опасаясь за мое здоровье, родители после этого разговора оставили меня под севастьяпольским солнцем, и я впитал столько его лучей, что их хватит и для уважаемых читателей «Prager Presse». Если угодно, их достаточно даже для вечернего выпуска...
- Как вы относитесь к большевикам?
- С восхищением. Если бы не они, я никогда бы не смог работать в такой симпатичной газете, как ваша.
- Вы очень добры. А как большевики относятся к вам?
- Они тоже очень любят меня. Как гурман устрицы. Увидев перед собой устрицы, он их глотает. Но, как и все устрицы, я скользкий. И вот — я здесь. Я вам более того скажу: большевики девять раз приговорили меня к смерти. Был бы и десятый раз, но я терпеть не могу юбилеев.
- Последний вопрос: Какой режим вы бы желали в будущем России?
- Такой, при котором мне можно было бы больше не писать.

* * *

Вот, в основном, идеи, привычки и вкусы человека, с которым читатель «Prager Presse» теперь будет часто встречаться на страницах этой газеты.

Еще один проект

Я сидел в ресторане и задумчиво пил пиво. Ко мне подсади два чеха и спросили:

«Вы, вероятно, русский?»

«Как вы угадали?»

«Вы совершенно не умеете пить пиво. Если вам принесят свежую кружку пива, вы должны сразу отпить столько, чтобы с одной стороны пиво доходило до края кружки, а с другой — до верхнего ребра доньшка. И только потом вы можете пить его так, как вам нравится».

«Благодарю вас. Такой способ мне очень подходит».

«Ну а как дела у вас в России?»

«Спасибо, отвратительно».

«Но ведь много русских было репатриировано?»

«Я знаю. А с другой стороны, советское правительство выслало много русских за границу».

«Это невозможно».

«Вполне возможно. Месяц назад за границу были высланы профессора и ученые, и совсем недавно последовала вторая группа, численностью в полроты».

Первый чех скептически махнул рукой.

«Почему же из России высылают ученых и профессоров и приглашают туда казаков?»

«Этого я не могу знать».

«Эти перевозки, должно быть, стоят очень дорого. Какой же тогда в них смысл?»

Второй чех хлопнул меня по плечу и заговорил, озаренный идеей.

«Послушайте! Чем, с точки зрения советского правительства, профессор отличается от казака?»

«Для советского правительства разница только в том, что профессора носят черные костюмы, а казаки одеты в мундиры и голубые брюки с зелеными лампасами. Во всем остальном перед советским правительством они равны».

«Замечательно! Это очень сильно упрощает все дело. И для чего тогда нужно терять время с пересылкой туда-сюда и тратить на нее столько усилий? Достаточно бы было, если бы с профессоров сняли их костюмы и послали их за границу. Казакам за границей нужно только снять мундиры и голубые брюки с лампасами и репатриировать их в Россию. В России профессора только наденут голубые брюки, а заграничные казаки наденут черные костюмы... Это же так просто!»

Первый чех поджал губы, подумал и энергично покачал головой.

«Твой проект невыполним».

«Почему?»

«С одних снимут голубые брюки, с других черные и отошлют их... А что будут делать казаки и профессора все это время!? Ведь и у одних, и у других только по одной паре».

Вот так в ночь с 24 на 25 ноября развалился замечательный проект, который был бы в состоянии упорядочить коммунистический хаос.

Мой визит в Берлин

Один коллега из газеты мне советовал: «Поезжайте в Берлин, вам нужно развлечься».

Сейчас, когда я побывал в Берлине, мне этот коллега напоминает кладбищенского сторожа, который в повести Джерома К. Джерома советует одному господину: «Молодой человек, вам необходимо развлечься: сходите на наше кладбище и полюбуйте моей великолепной коллекцией черепов...»

* * *

В Берлине скучно.

«Неладно что-то в Датском королевстве», говаривал покойный Шекспир.

Все кругом унылые, все чего-то ждут... Чего?

Сначала я решил, что все ждали моего приезда, но потом понял, что, наоборот, все с нетерпением ожидают, когда я уеду, потому что, в самом деле, своим прекрасным настроением я выделялся на общем фоне, как распущенный павлиний хвост среди хмурых сов и сычей.

* * *

Я сидел в цирке Буша. Цирк как-то побледнел, облез. На арене — клоун. Шутит. А шутки такие угрюмые, будто у него за полгода квартира не оплачена. И общество похихикивает так скучно, так уныло, что сразу видно: сегодня хлеб подорожал еще на десять марок.

Сравниваю Прагу с Берлином: в Праге все стремится снизу вверх, от грусти и тоски к бодрости, к расцвету, к красоте живой жизни; в Берлине все ползет вниз, все рушится: валюта, настроение, надежды.

* * *

Впервые за два года я увидел в Берлине живого русского коммуниста...

«Смотри-ка, — схватил я за руку приятеля, — настоящий коммунист из Чека. Я знал его еще в России».

«Ну и что же? Что ты так разволновался?»

«Прости, но он ведь свободно ходит по улице! Как это возможно? У нас в Праге бы этого не позволили!..»

«Ага! Зато здесь их больше, чем блох на собаке. И вот перед нами коммунист, и вон тот, и тот, что идет с нами рядом...»

«Но как на это смотрят немцы? Ведь эти красные парни все в крови...»

«Знаешь... Немцы стали дальтониками!»

* * *

Впервые, выехав из Чехии, я оценил прелести чешской валюты.

Чешская крона... Все кругом называли меня кронпринцем, а себя скромно маркграфами.

Я действительно жил, как принц: на автомобиле на другой конец города за две кроны? Пожалуйста! Сто сигарет за три кроны? Будьте добры! Однажды я по неопытности попросил в ларьке спичек на крону... (ну много ли их будет? три или четыре коробка?) Мне вручили сто пятьдесят коробков, так что я ушел, прогибаясь под тяжестью приобретенного и три дня потом освещал и топил весь Шарлоттенбург своими спичками. Своей квартирной хозяйке я платил в марках... Но однажды в приступе вполне объяснимой гордости я издалека помахал перед ней стокроновой банкнотой.

Он побледнела, покачнулась, как громом ударенная, издала невразумительный стон и бросилась прочь из комнаты, схватившись за голову руками...

Потом она вернулась. На лице ее еще были следы пережитого потрясения; в руках она держала бумажку.

«Что это?»

«Простите, господин, я совсем забыла: с вас причитается еще 260 марок за свет».

Я сдержанно улыбнулся (что значат для меня, чехословака, две кроны).

«Пожалуйста, возьмите».

Она снова покачнулась, застенала, снова выбежала из комнаты, снова вернулась... На лице у нее отражалась робкая боязнь — не огрею ли я по нему стулом, — в руках она держала бумажку...

«Что еще?»

«Простите, я забыла, за смену перины на обычное одеяло — 130 марок».

Я улыбнулся еще сдержаннее.

«Не бегайте так часто туда-сюда, это дурно скажется на вашем здоровье и подсадит сердце. Давайте я лучше помогу вам и заплачу за все сразу. Пишите: за пропитывание потолка табачным дымом — 150; за хождение по ковру — 100; за пение вальса из «Баядеры» по утрам — 200; за 15 нажатий электрического звонка по пять марок — 75; за два подмигивания служанке — 50, всего 575 марок... Вот вам 1000 марок — и исчезните».

Огромными скачками вылетела радостная квартирная хозяйка из комнаты... Судя по всему, побежала купить дом на Курфюрстенштрассе.

Так живут в Берлине кронпринцы.

* * *

Я уезжал — и те же серые осунувшиеся лица бурлили и бессильно оседали вокруг меня.

А вот и пограничная станция Подмокли — родная сторона! Смех, шутки. Таможенный чиновник останавливает меня у выхода...

«Vezete něco zakázaného? Cigarety, tabák?!»*

«Извините, я русский».

«Русский?! Боже мой! Я сам говорю по-русски, я был легионером. Русские — прекрасные люди, идите! Счастливого пути!»

Да будет благословенна страна, где настоящую здоровую политику делают не только дипломаты, но и простые люди.

* «Везете что-нибудь запрещенное? Сигареты, табак?!» (чешск.).

КОММЕНТАРИИ

рассказы циника

В настоящий том включены почти все книги А. Аверченко, вышедшие в последние годы его жизни.

Смешное в страшном (1923)

Книга вышла в Берлине в 1923 г. с подзаголовком «Новые рассказы. 1920–1923». Включенные в настоящий том рассказы из этого сборника печатаются по изданию 1923 г.

Абсолютное большинство рассказов отражает годы военного коммунизма в России. Автор в это время уже находился в эмиграции, так что в качестве источников пользовался прессой и рассказами приезжих из России. Он умел находить болевые точки в жизни Советской России и, порой, доводя до гротеска и абсурда реальные ситуации, создавать искрометные рассказы, не утратившие интереса и по сей день.

Атгаше Канторович.

С. 14. *...для Чичерина ... подходящий помощник... маравахером погоняет.* — Григорий Васильевич Чичерин (1872–1936) — советский партийный и государственный деятель, в 1918–1930 гг. — нарком иностранных дел.

...маравахер (идиш) — проходимец, вор.

Контроль над производством.

С. 14. *Третий Интернационал*, Коммунистический Интернационал, Коминтерн — международная революционная пролетарская организация, основана в Москве, существовала в 1919–1943 гг., объединяла коммунистические партии различных стран.

Один из краеугольных камней грядущего рая на земле... — контроль над производством. — Аверченко в гротесковой форме представляет роль государственного контроля в Советской России, в частности рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина), которая была призвана осуществлять контроль во всех областях хозяйства и государственного управления, содействовать борьбе с бюрократизмом и волокитой. Рабоче-крестьянская инспекция, созданная в феврале 1920 г., просуществовала до 1934 г.

С. 16. *...но и на шестом году еще не проснулись.* — Имеется в виду отчет от октября 1917 г.

Собачьи мемуары.

С. 16. *Писатель Горький стоит перед советской властью на задних лапках.* — Видимо, имеется в виду то обстоятельство, что Горький, несмотря на резкие выступления против некоторых мероприятий советской власти, приветствовал развертывание при большевиках культурно-просветительской деятельности, интенсификацию культурного строительства. Его позиция в отношении к советской власти в лагере писателей-эмигрантов оценивалась как предательство. Они забывали, что благодаря своему авторитету Горький сумел спасти многих деятелей культуры, добившись для них или командировки за границу, или попросту продовольственных пайков в голодные годы.

Тайна графа Пурсоньяка.

С. 19. *...Отцвели уж давно хризантемы в саду...* — начальные слова припева из популярного в начале XX в. романса на стихи В.Д. Шумского «Отцвели хризантемы» (муз. Н. Харито).

Теория Эйнштейна и теория Ползункова.

С. 22. *Слышали вы, например, об открытии Штейнаха и о теории Эйнштейна?..* — Штейнах Эйген (1861–1944) — австрийский физиолог и биолог, известный своими трудами по изменению пола млекопитающих путем удаления и пересадки половых желез; особую популярность завоевали его работы, связанные с проблемой омоложения организма. Эйнштейн Альберт (1879–1955) — физик-теоретик, один из создателей теории относительности, заложил основы квантовой механики и квантовой электродинамики.

С. 24. *...выдается вам хлеба в день 24 золотника...* — Золотник — мера веса в старой России, получившая название от золотой монеты весом в 4,26 грамма, которая использовалась как гирька. Таким образом, 24 золотника — примерно 100 граммов.

Мурка.

С. 29. *...статья советского знатока по финансам т. Ларина...* — Ларин Ю. (наст, имя и фам. Лурье Михаил Зальманович (Александрович), 1882–1932) — социал-демократ, меньшевик, с 1917 г. — большевик, после Октябрьской революции на советской и хозяйственной работе, в частности занимался вопросами планирования.

С. 30. *Володарский В.* (наст, имя и фам. Гольдштейн Моисей Маркович, 1891–1918) — с 1917 г. — большевик, участник Октябрьской революции в Петрограде; после революции — петроградский комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, редактор «Красной газеты»; 20 июня 1918 г. убит эсером Сергеевым.

С. 32. *Сабинин пел.* — Сабинин (наст. фам. Сабин-Гус) Юрий Давыдович (1882–1958) — оперный певец; в 1917–1925 гг. работал в театрах Тифлиса и Баку, затем во многих театрах СССР.

Люди — братья.

С. 32–33. *Приморский бульвар* — бульвар в Севастополе. «Донон» — роскошный ресторан в Петербурге.

С. 34. «*Сильва*» (1915) — одна из самых популярных оперетт венгерского композитора Имре Кальмана (1882–1953).

С. 35. *И для нас когда-нибудь небо будет в алмазах!* — Неточное цитирование заключительного монолога Сони из пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» (1897), действие четвертое. У Чехова: «...мы увидим все небо в алмазах». Причем смысл здесь явно не совпадает с тем, что вкладывает в свои слова персонаж Аверченко. У Чехова речь идет о загробном покое.

История двух чемоданов.

С. 36. *Скоропадский* Павел Петрович (1873–1945) — один из лидеров украинского националистического движения в 1917–1918 гг., генерал-лейтенант, весной 1918-го при поддержке австро-германских войск стал гетманом Украины, в декабре того же года свергнут и бежал в Германию.

Хомут, натягиваемый клещами.

С. 39. ...*Пуришкевич бросал его с моста в воду.* — Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — депутат Государственной думы 2–4-го созывов, один из основателей черносотенных организаций «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела»; участвовал в убийстве Распутина. После революции помогал А.И. Деникину. Умер от тифа.

Рассказ, который противно читать.

С. 43. *Франко* — вид торговой сделки, при которой в цену товара включаются расходы по его доставке в место назначения и по страхованию товара.

Стенли.

С. 46. *Читали «Экспедицию Генри Стенли к истокам Нила»?* — Стенли (Стэнли) Генри Мортон (наст. имя и фам. Джон Роуланде; 1841–1904) — путешественник и журналист, исследователь Африки, совершивший несколько географических открытий; ему принадлежит ряд книг, содержащих описания путешествий по Африке, в том числе книга «Через Черный континент, или Истоки Нила» (Нью-Йорк, 1878) — видимо, ее русский перевод и имеется здесь в виду.

С. 46. *Цюрупа* Александр Дмитриевич (1870–1928) — участник марксистского движения в России с 1880 г.; в 1918–1921 гг. — нарком продовольствия; в 1923–1925 гг. — председатель Госплана СССР, нарком внешней и внутренней торговли.

Радек (наст. фам. Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) — участник международного социал-демократического и коммунистического движения (Польша, Германия), публицист. После Октябрьской революции — в Советской России. В 1920–1924 гг. — член Исполкома Коминтерна; сотрудник газет «Правда» и «Известия». Репрессирован; посмертно реабилитирован.

С. 48. ...*в пуговицах мелинит зашит.* — Мелинит (от греч. «мелинос» — ярко-желтый) — взрывчатое вещество, тринитрофенол.

Уники.

С. 49. *Настоящий Луи Каторз.* — Луи Каторз — Людовик Четырнадцатый. Здесь имеется в виду стиль мебели,

относящийся к эпохе французского короля Людовика Четырнадцатого (1638–1715, король с 1643).

С. 50. *Перль-де-неж!* (perle de neige) — жемчужно-снежная (фр.).

С. 51. *Меню ресторана «Вена»?* — «Вена» — ресторан в Петербурге; в этом ресторане, находившемся неподалеку от редакции журнала «Сатирикон», часто проходили заседания редакции и дружеские встречи авторов журнала с редакционными работниками.

Урок литературы.

С. 53. «*В ворота гостиницы губернского города...*» — здесь и далее в рассказе не вполне точно цитируются фрагменты из I, III и V глав «Мертвых душ» Н.В. Гоголя.

Страна иностранцев.

С. 57. *Лимитроф* (от лат. limitrophus — пограничный) — букв.: «пограничный». Лимитрофами назывались государства, образовавшиеся после Октябрьской революции на западных окраинах бывшей Российской империи: Литва, Латвия, Эстония, Польша и Финляндия.

Гардинг Уоррен (1865–1923) — государственный деятель США. В 1921–1923 гг. — президент США от Республиканской партии; выступал за изоляцию Советской России от мирового сообщества.

Уэй! Кис ме квик (Yes! Kiss me quick) — Да! Целуй меня быстро (англ.).

Монументальное.

С. 58. *...первый приз за самый глупый анекдот получил бы: «Автор проекта памятника III Интернационалу в Москве».* — Автором экспериментального проекта кинетического памятника-башни III Интернационалу (железо-стекло-дерево) был русский живописец, художник-конструктор, график, Владимир Евграфович Татлин (1885–1953), чьи произведения в силу своей новизны и смелости часто не были адекватно оценены современниками.

«Коммуненок».

С. 62. *...пойду в театр на пьесу Анатолия Луначарского «Королевский брадобрей».* — Луначарский Анатолий Ва-

ильевич (1875–1933) — политический деятель, писатель; в 1903 г. примкнул к большевикам, в 1917–1929 гг. — нарком просвещения. Как участник революционного движения был в конце 1905 г. арестован; находясь в петербургской тюрьме «Кресты», написал пьесу «Королевский брадобрей» (1906), в центре которой тема власти и ее взаимоотношений с народом. Впервые пьеса была поставлена после Октябрьской революции и пользовалась большим успехом.

Опыт.

С. 68. *...болгарского премьер-министра Стамболийско-го...* — Стамболийский Александр (1879–1923), лидер партии Болгарский земледельческий народный союз; в 1919–1923 гг. — премьер-министр правительства Болгарии; убит после переворота в 1923 г.

Гибель Козявкиных.

С. 75. *Винюваты Милюков и Бурцев.* — Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — публицист, издавал журнал «Былое»; разоблачил многих провокаторов царской охранки — Евно Азера, Р.В. Малиновского и др. После революции — в эмиграции.

Тоска по родине.

С. 79. *Столытин* Петр Аркадьевич (1862–1911) — государственный деятель, министр внутренних дел (с апреля 1906 г.), одновременно председатель Совета министров Российской империи (с июля 1906 г.); смертельно ранен агентом охранки Д.Г. Богровым.

Советский словарь.

С. 80. *...Зензимов, Миюр и К°...* — Владимир Михайлович Зензимов (1880–1953) — один из лидеров эсеров, с 1906 г. — член боевой организации. После революции — в эмиграции, участник многих заговоров.

С. 81. *В переводе на русский язык — Литвинов.* — Настоящие имя и фамилия М.М. Литвинова (1876–1951) Макс Валлах. Нарком иностранных дел 1930–1939 гг.

С. 82. *Пока ее нет, но скоро проишут.* — Ижица — последняя буква русского алфавита.

Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни (1924)

Книга впервые вышла в Берлине, в издательстве «Арбат» в 1924 г.

В 1979 г. переиздана репринтным способом в Нью-Йорке, в издательстве «Russica Publishers». В России впервые напечатана в составе сборника «Записки Простодушного» (составитель О.В. Сергеев) в 1992 г. в издательстве «Книга и бизнес» (Москва).

Печатается по первому изданию.

Как держать себя на свадьбе.

С. 90. ...*вернемся к нашим баранам*, как говорят французы. — Фраза из анонимного французского фарса об адвокате Патроне (1470), которой судья перебивает речь богатого суконщика, постоянно отвлекающегося от сути дела во время судебного процесса по поводу кражи баранов.

С. 91. ...*сам Мунэ-Сюлли не мог бы сохранить присутствие духа*... — Жан Мунэ-Сюлли (1841–1916) — французский актер; с 1872 г. — в «Комеди-Франсез»; прославился в трагедиях Софокла, Ж. Расина, У. Шекспира и др. Аверченко Употребляет имена знаменитых людей без всякого смысла, придавая тексту видимость научности.

Как держать себя на похоронох.

С. 97. ...*будто Максы Линдеры убегают от погони*... — Макс Линдер (наст. имя Габриель Лёввель (1883–1925) — французский киноактер, звезда немого кино.

Пасхальные советы.

С. 104. *Сарпинка* — тонкая хлопчатобумажная ткань в клетку или полоску.

Советы, как иметь успех у прекрасного пола.

С. 115. *Кубелик* Ян (1880–1940) — чешский скрипач и композитор.

С. 117. ...*эолова арфа*. — В греческой мифологии Эол — царь острова Эолии, повелитель ветров, он мог держать их под замком или устраивать бури и ураганы. С именем Эола уже в новое время связано сказание об Эоловой арфе, струны которой начинают звучать при дуновении ветра.

Лаго-Маджиоре (Лаго-Маджоре) — живописное горное озеро на границе Швейцарии и Италии; Аверченко побывал там еще во время первой поездки сатириконцев в Западную Европу.

Отдых на крапиве (1924)

Впервые сборник вышел в Варшаве в издательстве «Добро» в 1924 г. с подзаголовком «Новая книга рассказов».

Печатается по этому первому и единственному изданию.

В настоящем томе из сборника исключены рассказы «Новая Пасха» (он печатается в составе сборника «Смешное в страшном»), «Уточкин» (напечатан ранее в сборнике «Позолоченные пилюли», наст. изд., т. 9), «Пылесос» (сборник «Синее с золотом», наст. изд., т. 9), «Токарный станок» (сборник «Позолоченные пилюли», наст. изд., т. 9), «Драма в семье Бырдиных» (сборник «Чудеса в решете», наст. изд., т. 5), «Самое большое предприятие» (сборник «Записки театральной крысы», наст. изд., т. 6), «Школьные подруги» (сборник «Рассказы циника» подзаголовком «Вечно-женское»).

Высоко оценил книгу рецензент газеты «Рижский курьер», назвав автора «настоящим мастером, владеющим фразой»: «Зарисовка типов лаконическая и в то же время это сочные удары кисти... Портретная галерея пошляков и проходимцев, четко врезающихся в память. Но есть в книге очаровательный рассказ. Единственный в том смысле, что это не «Отдых на крапиве», а настоящий, подлинный «Зимний вечер в детской» (цит. по: *Левицкий Д.А.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. С. 312).

Венгерский язык.

С. 125. *Хорти* (Хорти де Надбанья) Миклош (1868–1957) — правитель (регент) Венгрии в 1920–1944 гг.; участник Первой

мировой войны, с февраля 1918 г. — главнокомандующий австро-венгерским флотом, контр-адмирал (1918).

Женщина и негр.

С. 133. *Ритуфель* (фр. — ritournelle) — в музыке — инструментальный эпизод, исполняющийся в начале или в конце строфы вокального произведения; припев.

Мой дядя.

С. 135. Рассказ «Мой дядя» представляет собой вариант первого опубликованного рассказа Аверченко «Уменье жить» (журнал «Одуванчик». Харьков, 1902).

Рассказчики.

С. 140. *Эйфелеву башню знаете?... По последним исследованиям, до шестисот метров насчитывается.* — Построенная французским инженером А.Г. Эйфелем стальная башня для Всемирной выставки в Париже в 1889 г. в действительности имеет высоту 300 метров.

Освежающий душу разговор.

С. 155. *...воздушная мистика Россетти...* — Россетти Данте Габриел (наст. имя Габриель Чарлз) (1828–1882) — английский художник и поэт; один из основателей «Братства прерафаэлитов». Произведения Россетти посвящены главным образом религиозным и мифологическим темам; многие его картины и поэтические произведения проникнуты мистицизмом, болезненной чувственностью; его считают родоначальником символизма и декадентства в английском искусстве.

С. 156. *Уайт-Чапел* — район Лондона; *Миддль-Таун* — название нескольких городов в США; *Пикадилли* — одна из центральных улиц Лондона.

Армия Спасения — международная религиозно-филантропическая организация, созданная в 1865 г. в Лондоне. Ныне распространена во многих странах. Содержит на свои средства ночлежные дома, столовые, больницы.

...у них уживается... Джером — с Джеком Лондоном. — Джек Лондон (1876–1916) — американский писатель, Джером

Клапка Джером (1859–1927) — английский писатель-юморист, автор знаменитого романа «Трое в лодке, не считая собаки» (1889).

Бокс в Турции и Европе.

С. 157. *Шелли* Перси Биш (1792–1822) — английский поэт-романтик; публицист, эссеист.

С. 158. *Карпантье* Жорж (1894–?) — знаменитый французский профессиональный боксер. Чемпион Европы (1911 г.) и мира (1920 г.).

Филателисты.

С. 161. *Соблюдем только конвенансы...* — Конвенанс (фр. *convenance*) — приличие.

Мой первый дебют.

С. 170. *Мессалина* (I в.н. э.) — жена римского императора Клавдия, отличавшаяся распутством; была казнена; ее имя стало нарицательным.

Савина Мария Гавриловна (1854–1915) — выдающаяся русская актриса; с 1874 г. — в труппе Александринского театра в Петербурге.

...когда простак сообщил мне... — Простак — актерское амплуа, обычно бесхитротного, недалекого человека.

Находчивость на сцене.

С. 177. *Гаррик* Дейвид (1717–1779) — английский актер; прославился в пьесах Шекспира (25 ролей, в том числе роль Гамлета).

Варламов Константин Александрович (1848–1915) — русский актер, на сцене с 1867 г. Играл в пьесах Гоголя, Островского, сочетал психологическую глубину с яркой буффонадой, сатирической остротой.

Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя и фам. Горелов Иван Николаевич) (1849–1925) — русский актер, крупнейший представитель русской реалистической школы.

Рассказы циника (1925)

Впервые сборник вышел в 1925 г. в издательстве «Пламя» в Праге.

Печатается по этому изданию. Последний сборник, подготовленный к печати самим автором.

Из сборника в настоящем издании исключены рассказы, напечатанные в составе других сборников: «Джиу-Джитцу» (сборник «Шалуны и ротозеи», наст. изд., т. 6), «Крыса на подносе» (сборник «Караси и щуки», наст. изд., т. 9), «Исторические нравоучительные рассказы» (сборник «Окультурные науки», наст. изд., т. 9), «Обыкновенная женщина», «Экзекутор Бурачков», «Краснолапы» (все три рассказа — сборник «Синее с золотом», наст. изд., т. 9).

Сборник состоит как из ранее публиковавшихся рассказов, так и из рассказов, которые были автором впервые включены в книгу («Фокстрот», «Пять рассказов для читателя» и др.).

Искусство и публика.

С. 183. *Григорьев* Борис Дмитриевич (1886–1939) — график и живописец; работал в области портрета и тематической картины. Участвовал в выставках «Мира искусства». После Октябрьской революции жил за границей — в Америке и во Франции.

Григ Эдвард Хагеруп (1843–1907) — норвежский композитор, пианист, дирижер, общественный деятель.

С. 184. *Этот крохотный гениальный мальчик...* — Данное примечание Аверченко основано на неверной газетной информации. Итальянский дирижер Вилли Ферреро умер много лет спустя. Его годы жизни — 1906–1954. В 1936 и 1952 гг. он гастролировал в СССР.

С. 186. *Павлова* Анна Павловна (1881–1931) — выдающаяся русская балерина.

Новый миллионер.

С. 187. *Здравствуй, племя младое, незнакомое!*.. — Начало последней строфы стихотворения А.С. Пушкина «Вновь я посетил...» (1835).

Аукцион.

С. 202. ...знаменитую фразу крыловского петуха: «Куда она? какая вещь пустая». — Не совсем точная цитата из басни И.А. Крылова «Петух и жемчужное зерно» (1809).

С. 203. *Ви филь ур, мейн герр?* — Сколько времени, мой господин? (нем.)

С. 204. *Блерио* — здесь имеется в виду самолет конструкции французского авиатора Луи Блерио (1872–1936).

Фокстрот.

С. 224. *Вы любите ли сыр?..* — цитата из Козьмы Пруtkова.

С. 225. *Ливингстон* Давид (1813–1873) — английский путешественник, исследователь Африки.

Оскар Уайльд (1854–1900) — английский прозаик, поэт, драматург, критик; автор лирических сказок и замечательных комедий.

С. 226. *Микроцефал* — человек с маленькой головой и мозгом.

Охотник на слонов.

С. 231. *Бретер* (от фр. bretteur) — заядлый дуэлянт, задира.

С. 232. *Сара Бернар* (1844–1923) — французская актриса; трагедийные и мелодраматические роли в пьесах В. Гюго, А. Дюма-сына, Э. Ростана и др.

С. 233. *Когда мне пришлось в Шотландии переплыть Ниагару...* — Река Ниагара расположена на границе между США и Канадой, образует один из крупнейших водопадов в мире — Ниагарский водопад (частично в Канаде, частично в США), шириной более одного километра, высотой около 50 метров.

Опровержение приключений барона Мюнхгаузена.

С. 233. *Барон Мюнхгаузен* — герой многочисленных произведений немецкой литературы (Распе, Бюргер, Иммерман), хвастун и враль; его прототипом был барон К.-Ф.-И. Мюнхгаузен (1720–1797), некоторое время служивший в русской армии.

Казанова Джованни Джакомо (1725–1798) — итальянский писатель; его «Мемуары» (1791–1798, 12 томов) запечат-

лели нравы современников и многочисленные авантюрные приключения.

Гордон Пим — герой «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» (1837) Эдгара По (1809–1849), рассказывающей о фантастических приключениях в южных морях.

С. 235. *Как говаривал Эпиктет*. — Эпиктет (I–II вв. н.э.) — римский философ-стоик.

С. 238. *...не учился в Пастеровском институте для прививки бешенства*. — Пастер Луи (1822–1895) — выдающийся французский ученый; открыл способ вакцинации против бешенства. В 1888 г. в Париже был открыт Пастеровский институт.

Пытка.

С. 258. *Soirée* — вечеринка (фр.).

Белая ворона.

С. 271. *Сталактиты* — натечные минеральные образования, свешивающиеся в виде сосулков в пещерах.

Сталагмиты — натечные минеральные образования, поднимающиеся кверху со дна пещер в виде сосулков, столбов и т.п.

Шутка Мецената Юмористический роман (1925)

Книга впервые вышла в 1925 г. в издательстве «Пламя» в Праге.

В России впервые опубликована издательством «Известия» в Москве в 1990 г.: *Аверченко А.* Шутка Мецената. Юмористический роман, повесть / Составитель Н. Воробьева. Вступ. статья Н. Богословского.

Печатается по первому изданию.

Этот единственный роман писателя был им написан в 1923 г. в Цопоте (ныне Сопот) и затем печатался по частям в газете «Эхо».

Как и повесть «Подходцев и двое других», «Шутка Мецената» основана на событиях и образах людей, связанных с журналом «Сатирикон». В чертах героев романа можно увидеть черточки, детали внешнего облика, поведения, характеров той дружеской компании, которая делала журнал: А.А. Радакова, самого Аверченко, художника Ре-Ми, поэта А. Рославлева и др. В беседе с Н.В. Богословским художник А.А. Радаков признался, что, прочитав роман, «горько заплакал — так живо вспомнилась ему их веселая и бесшабашная молодая компания» (*Богословский Н. Эскизы к биографии — в кн. Аверченко А. Шутка Мецената. М., 1990. С. 13*).

С. 286. *Эдисон* Томас Алва (1847–1931) — американский электротехник, изобретатель, основатель крупных электротехнических компаний и предприятий.

С. 288. *Когда амфитрион и его веселые клеветы...* — Амфитрион (греч.) — гостеприимный, хлебосольный хозяин; клевет (от лат. *collibertus*) — приспешник, приверженец.

С. 289. *...валялся на диване с «Историей французской революции» или «Похождениями Рокамболя»...* — О какой «Истории французской революции» идет речь — неизвестно, поскольку в описываемое время на эту тему вышли книги П. Кропоткина, Жана Жореса и других авторов. «Похождения Рокамболя» — многотомный романтический сериал французского писателя Понсона дю Террайля (1829–1871); в нач. XX в. в России в переводе на русский язык вышли почти все романы о невероятных приключениях авантюриста Рокамболя, эти книги пользовались огромным успехом у читателей.

С. 290. *...божественная статуя Киприды.* — По преданию, Афродита, выйдя из морской пены, впервые ступила на сушу на острове Кипр; отсюда одно из имен этой богини.

С. 291. *...коллекцию «развратных молодых людей, впоследствии разбойников» — как называл своих клеветов Меценат, пользуясь ремаркой Шиллера...* — Эта ремарка дается при характеристике действующих лиц в драме Ф. Шиллера «Разбойники» (1781) и относится к группе из восьми молодых героев.

С. 300. *...таких мастеров слова, как Мей и Майков.* — Мей Лев Александрович (1822–1862) — русский поэт; его

исторические драмы «Царская невеста» (1849) и «Псковитянка» (1849–1859) послужили основой для известных опер Н.А. Римского-Корсакова; многие стихотворения Мея благодаря их музыкальности привлекли внимание русских композиторов и были положены на музыку.

Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) — русский поэт; Белинский в свое время отмечал «мягкую, нежную кисть» поэта; картины русской природы, зарисовки зарубежного быта, произведения исторического характера делают поэзию Майкова многоплановой, богатой красками и идеями.

С. 302. *...сочетание в одном лице Эскулапа с Аполлоном.* — Эскулап — в римской мифологии бог врачевания.

«Знаем мы, как вы плохо играет». — Не совсем точная цитата из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя (слова Ноздрева в эпизоде игры в шашки с Чичиковым в конце IV главы).

С. 304. *...пышный праздник коронавания Куколки в поэты!* — В описанном далее коронавании Куколки пародируется действительное событие: 27 февраля 1918 г. в Политехническом музее в Москве произошло избрание Игоря Северянина «Королем поэтов».

С. 323. *...неумолимой богини Кали!* — Кали — в индуистской мифологии грозная и воинственная богиня, жена бога Шивы.

Нарцисс — в греческой мифологии прекрасный юноша, влюбившийся в собственное отражение в воде лесного озера; боги превратили юношу в цветок.

Остановись, мгновение, на всю жизнь! Ты прекрасно! — Не вполне точная цитата слов Фауста из трагедии И. — В. Гете «Фауст» (1808–1832).

С. 330. *...пепла столько же, сколько на голове древнего горющего еврея...* — Имеется в виду обычай древних евреев посыпать голову пеплом в минуты отчаяния, горя, утрат, описанный во многих книгах Библии.

С. 334. *...вы погасили огонь Весты...* — Веста в Древнем Риме — богиня священного очага города, общины или дома. В Храме Весты в Риме служили весталки, которые в течение 30 лет были обязаны сохранять девственность; затухание огня считалось дурным знаком. Здесь: подразумевается потеря девственности.

...ослепну от вашей красоты, как старьй Велизарий... — Велизарий (ок. 505–565) — византийский полководец, сподвижник императора Юстиниана I; вел успешные войны против государств вестготов, вандалов и остготов; рост популярности Велизария вызвал подозрения Юстиниана, и тот отстранил его от командования в 562 г.; существовала легенда о том, что Велизарий ослеп и окончил свои дни в нищете, однако эта легенда не была подтверждена никакими историческими документами.

С. 335. ...заиграл полонез из «Сказок Гофмана»... — Автором оперетты «Сказки Гофмана» (поставлена в 1881 г.) является французский композитор Жак Оффенбах (1819–1880).

С. 336. Пока не требует поэта... — первая строка стихотворения А.С. Пушкина «Поэт» (1827).

С. 340. ...бриллиант Кох-и-Нор... — один из наиболее известных исторических алмазов, весил 186 каратов (ныне 106 каратов), принадлежит к драгоценностям английской короны (корона королевы Мэри).

С. 343–344. ...во вкусе болезненного, причудливого... художника Гойи. — Гойя Франсиско Хосе (1746–1828) — испанский художник, в своих гравюрах и рисунках, в росписях «Дома Глухого» он воссоздал свои кошмары и галлюцинации.

С. 345. Веласкес Диего (Родригес де Сильва Веласкес) (1599–1660) — испанский художник-реалист; его жанровые полотна, картины на исторические и мифологические темы, портреты современников и по сей день поражают точностью рисунка, живостью красок, глубоким психологизмом; его картины находятся во многих крупнейших музеях мира, в том числе в Эрмитаже.

Анатоль Франс (наст, имя и фам. Тибо Анатоль Франсуа) (1844–1924) — французский писатель, мастер философского романа, блестящий стилист; лауреат Нобелевской премии.

Малларме Стефан (1842–1898) — французский поэт, один из первых теоретиков символизма; изощренность формы, смутные намеки и символы затрудняют восприятие и понимание его поэзии.

Барбе д'Оревильи Жюль Амеде (1808–1889) — французский писатель-романтик, эссеист; в своих критических эссе верно подметил зарождение символистского направления в литературе.

С. 356. *Бодлер Шарль* (1821–1867) — французский поэт и эссеист; один из крупнейших поэтов XIX в.; многие считают его основоположником символизма в поэзии.

«*Бабочки Европы*» *Мензбира...* — Имеется в виду Мензбир Михаил Александрович (1855–1935), русский зоолог, академик; его работы посвящены главным образом орнитологии и зоогеографии, сравнительной анатомии; один из основных его трудов — «Птицы России» (т. 1–2, 1893–1895).

«*Семь смертных грехов*» *Эжена Сю...* — Эжен Сю (1804–1857) — французский писатель, автор романов «Парижские тайны», «Агасфер» и др.; его перу принадлежит и серия небольших нравоучительных романов, каждый из которых посвящен одному из семи смертных грехов: корыстолюбию, чревоугодию, похоти, гордыне и т.д.

...*конфидент* (от лат. *confidentia* — доверие) — лицо, которому можно доверять тайны.

С. 371. ...*разыгрывать Прекрасного Иосифа...* — Иосиф Прекрасный — персонаж библейской книги Бытие, израильтянин в египетском плену, который отверг домогательства жены своего хозяина царедворца фараона Потифара (Пентефрия).

С. 382. «*Что ж вы, черти, приуныли...*» — цитируются слова из народной песни на слова Д. Садовникова «Из-за острова на стрежень».

Приложение

Prager presse.

Одной из малоизвестных страниц жизни Аверченко-эмигранта была его работа для газеты Prager Presse. Между тем это издание оказало ему значительную поддержку и, что важно для нас, в нем был опубликован на немецком языке ряд произведений Аркадия Тимофеевича, не выходявших нигде на русском.

Как известно, в 1918 году в результате распада Австро-венгерской империи образовалось несколько государств, в том числе — Чехословацкая Республика. Для создания положительного имиджа за рубежом Министерство иностр-

ранных дел ЧСР в 1921 году учредило издательство «Orbis» и информационную службу «Central European press», сокращенно «Centropress». Одним из инициаторов создания и главой последнего стал Венцеслав (или, в русифицированном варианте, Вячеслав Францевич) Швиговский. Он же от имени агентства пригласил в Прагу Аверченко и стал его литературным агентом в Чехословакии.

Крупнейшим изданием концерна «Orbis» была ежедневная газета «Prager presse», выходящая на немецком языке. Она была рассчитана не столько на пражскую немецкоязычную публику, сколько на читателей из других стран.

Некоторые рассказы, опубликованные в «Prager presse», были старыми, другие ранее публиковались на русском языке в европейских изданиях (например, «Берлинская курица на яйцах» сначала появилась 26 октября 1922 года в «Prager presse», а затем 18 февраля 1923 года в газете «Виленское утро») или вошли в известные сборники («Освежающий душу разговор» из сборника «Отдых на крапиве» 1924 года напечатан в «Prager presse» 5 октября 1922 года). Существовало несколько материалов, более нигде не издававшихся. Поскольку оригинальные тексты не сохранились, в нашем издании приводится их обратный перевод с немецкого языка.

Введение

Introduktion // Prager Presse, 17.9.1922, перевод с немецкого языка Софии Осиповой, Анны Хлебиной.

С. 385. *«Вы будете писать обо всем мире»*, — сказал редактор. — С 1921 года газету «Prager presse» возглавлял чешско-немецкий журналист еврейского происхождения Арне Лаурин, он, скорее всего, здесь и упоминается.

С. 386. *«Франко-акулий хвост»*. — «Франко» — торговый термин, обозначающий в договоре купли-продажи распределение транспортных расходов между продавцом и покупателем до места, указанного в договоре (напр., франко-вагон, франко-склад покупателя). Конкретно, в рамках сделки из этого анекдота грек обязуется доставить лимоны до хвоста акулы, дальнейшая их транспортировка становится заботой еврея.

С. 386. *С Константином дела шли неважно — назначили Венизелоса...* — Константин I Глюксбург (1868–1923) — король Греции с 5 марта 1913 г. по 12 июня 1917 г. и с 11 декабря 1920 г. по 27 сентября 1922 г. Элефтериос Кириаку Венизелос (1864–1936) — греческий политик, по взглядам — националист, восемь раз занимавший должность премьер-министра с 1910 по 1933 год.

Где не стоит топиться.

С. 386. *...психология самоубийцы мне знакома очень хорошо...* — См. например: Аверченко Аркадий. Неудачная антреприза / Аркадий Аверченко. Собрание сочинений: В 13 т. М.: Издательство «Дмитрий Сечин», 2012. Т. 3. Круги по воде. С. 276–281.

Новые направления в литературе.

С. 387. *«Серапионовы братья»*. — Коллективный сборник «Серапионовы братья» был издан в петроградском издательстве «Алконост» в 1922 году (в том же году переиздан в Берлине).

Я был сапожным подмастерьем... Арестован — 6 раз. Самоубийством кончал — 2 раза... — Сокращенные цитаты из статьи состоявшего в обществе «Серапионовы братья» М.М. Зощенко «О себе, об идеологии и еще кое о чем».

Задача по математике.

С. 388. *Мá úcta*. — Мое почтение (чешск.).

...я мог бы построить за эти деньги виллу над Влтавой. — Влтава — река, протекающая через Прагу. Возможно, намек на виллу первого премьер-министра Чехословацкой Республики Карела Крамаржа, одного из главных идеологов правительственной Русской акции помощи.

Аркадий Аверченко в «Прагер прессе»

Arkadij Awertschenko in der «Prager Presse» // Prager Presse, 16.9.1922, перевод с немецкого языка Анны Хлебиной.

С. 390. *Вы видите, я курю и мне 38 лет.* — В 1922 году писателю, родившемуся в 1880-м, было 42 года. По не-

известной причине с момента прибытия в Чехословакию он намеренно занижал свой возраст на четыре года — как в многочисленных заявлениях для прессы, так и в официальных документах.

— *Где вы учились?*

— *В прямом смысле этого слова — нигде.* — Еще один из мифов, распространявшихся Аверченко вокруг своей биографии. В действительности, он учился в реальном училище, но вынужден был его оставить по семейным обстоятельствам.

... *большевики девять раз приговорили меня к смерти.* — Еще один миф, видимо, специально для европейских читателей.

Еще один проект

Ark. Awertschenko. Noch ein Projekt // Prager Presse, 12.1922, перевод с немецкого языка Софии Осиповой.

С. 391. *Почему же из России высылают ученых и профессоров и приглашают туда казаков?* — Репатриация в Россию казаков из частей Русской армии при ликвидации лагерей на территории Турции и на острове Лемнос состоялась в 1921 году. Высылка интеллигенции, получившая название «Философский пароход», началась в июне 1922 г., в сентябре и ноябре того же года из Петрограда в Штетин были отправлены специальными рейсами два парохода, часть пассажиров которых вместе с семьями обосновалась в Праге.

Мой визит в Берлин

Arkadij Awertschenko. Mein Besuch in Berlin // Prager Presse, 11.1922, перевод с чешского языка Анны Хлебиной по: Praha a Berlin / Arkadij Avertčenko. Praha a Čechové, Praha, Stanislav Minařík. 1923, S. 42–45.

С. 392. *...в повести Джерома К. Джерома* — юмористическая повесть Джерома Клапка Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», далее цитируется по переводу с английского М. Салье.

Я сидел в цирке Буша. — Пауль Буш (1850–1927) — знаменитый немецкий артист цирка, дрессировщик и успешный предприниматель. Ему принадлежали четыре цирка, в том числе в Берлине и Вене.

С. 393. *Прости, но он ведь свободно ходит по улице! Как это возможно? У нас в Праге бы этого не позволили!..* — В Праге в начале и середине 1920-х годов коммунистическое движение не поощрялось, были скандалы с поимкой советских шпионов и провокаторов.

...Все... называли меня кронпринцем, а себя скромно маркграфами. — Кронпринц — титул престолонаследия в Германии и Австро-Венгрии. Маркграф — граф марки пограничного округа — марки в Франкском государстве VIII–IX вв., занимавшем в раннем Средневековье почти всю западную часть Центральной Европы. Разумеется Аверченко просто иронизирует, используя названия валют Чехии и Германии.

С. 394. *...пограничная станция Подмокли.* — Чешск. Podmokly, нем. Bodenbach — когда-то городок, с 1942 года один из районов приграничного чешского города Дечин, первая станция при въезде в Чехию со стороны Дрездена.

Содержание

Смешное в страшном (1923)

Извинение автора	5
Голодный пикник.....	7
Атташе Канторович.....	11
Контроль над производством	14
Собачьи мемуары.....	16
Тайна графа Пурсоньяка (à la Совдеп).....	19
Теория Эйнштейна и теория Ползункова	21
Улитки	24
Мурка	29
Люди – братья.....	32
История двух чемоданов	35
Хомут, натягиваемый клещами (московское).....	37
Новая русская хрестоматия (Для сознательных комдеток)	39
Рассказ, который противно читать.....	42
Стенли.....	45
Уники	49
Урок литературы.....	51
Страна иностранцев	56

Монументальное	58
«Коммуненок»	60
Новая Пасха	65
Опыт	68
Скорая помощь	71
Гибель Козьявкиных	74
Тоска по родине	76
Советский словарь	80

**Пантеон советов молодым людям,
или вернейшие способы,
как иметь успех в жизни
(1924)**

От автора	85
Умение держать себя в обществе и на званом обеде	86
Приглашение на обед	87
Как держать себя на свадьбе	89
Как держать себя на похоронах	94
Советы начинающим полководцам (Как выигрывать войны)	100
Введение	100
Как найти средства для ведения войны	100
Как обезопасить свою страну от вторжения врага....	101
Первый способ ведения войны	101
Второй способ ведения войны (бескровный)	102
Морской бой	102
Самый хитрый способ ведения войны	102
Средство против аэропланов	103
Заключение	103
Приложение к «пантеону советов молодым людям»	104
Пасхальные советы	104
Введение	104
Праздничные подарки	104
Устройство пасхального стола	106

Как приготовить дешевый сытный обед.....	108
Как сэкономить на чаевых	108
Искусство рассказывать анекдоты.....	109
Советы, как иметь успех у прекрасного пола.....	115

Отдых на крапиве (1924)

Почему?	123
Венгерский язык	125
Женщина и негр	129
Мой дядя.....	135
Рассказчики	137
Три случая.....	143
Выходец с того света.....	148
История одного актера.....	153
Освежающий душу разговор	155
Бокс в Турции и в Европе.....	157
Филателисты	159
Зимний вечер в детской.....	163
Мой первый дебют	169
Находчивость на сцене.....	176

Рассказы циника (1925)

Искусство и публика (Вместо предисловия)	183
Новый миллионер	187
Люди с прищуренными глазами.....	191
Акулы (Биржевики на прогулке).....	198
Аукцион.....	201
Война	206
Индейка с каштанами.....	210

Высшая справедливость	215
Сокровище.....	220
Фокстрот	224
Пять рассказов для читателя.....	227
Неудачливый пассажир	227
Упрямый магний	227
Юмористический случай со стариком.....	228
Окрашенная дама	228
Рассеянная кухарка	228
Охотник на слонов	230
Опровержение приключений барона Мюнхгаузена (Научная статья).....	233
Неудачник	238
Канитель.....	243
Вечно-женское	249
Пытка	254
Состязание.....	261
Белая ворона.....	266

Шутка мецената, Юмористический роман (1925)

Часть I. Куколка.....	275
Глава I. Его величество скучает.....	275
Глава II. Первое развлечение.....	278
Глава III. Куколка.....	281
Глава IV. Вообще о меценате.....	288
Глава V. О клеветках мецената.....	291
Глава VI. Меценат и его клеветы продолжают развлекаться	298
Глава VII. Мотылек показывает зубы.....	303
Глава VIII. О яблоньке и ее физических и душевных свойствах.....	308

Часть II. Чертова Кукла	316
Глава IX. В кавказском кабачке.....	316
Глава X. Тосты. Первая удача Куколки.....	322
Глава XI. Приготовления к коронованию Куколки.....	329
Глава XII. Коронование.....	334
Глава XIII. Болтовня на ковре	338
Поцелуй в каюте	339
Двуногая собака.....	342
О художнике, который не мог попасть домой ...	344
«За потребованное платить вперед»	
и «за головные уборы гостей, положенные	
на стол, хозяин не отвечает».....	344
О сумасшедшем, которого обманули	349
Связался черт с младенцем.....	355
Глава XIV. Куколка входит в моду	360
Глава XV. Мат меценату	367
Глава XVI. Самая короткая глава этой книги	374
Глава XVII. Крылья Куколки.....	376
Заключение	382

Приложение

Prager Presse.....	385
Введение	385
Греки	385
Где не стоит топиться	386
Новые направления в литературе	387
Хочу быть китайцем.....	387
Задача по математике	388
Аркадий Аверченко в «Прагер Прессе».....	389
Еще один проект	390
Мой визит в Берлин.....	392
Комментарии.....	395

**Издательство «Дмитрий Сечин»
осуществляет выпуск
13-томного собрания сочинений
Аркадия Тимофеевича Аверченко**

**В 2012–2015 гг.
вышли из печати**

- Том 1.** Весёлые устрицы. Рассказы 1908–1910 гг.
- Том 2.** Зайчики на стене. Рассказы 1910–1911 гг.
- Том 3.** Круги по воде. Рассказы 1911–1912 гг.
- Том 4.** Чёрным по белому. Рассказы 1912–1913 гг.
- Том 5.** Сорные травы. Рассказы 1914–1915 гг.
- Том 6.** О маленьких — для больших. Рассказы 1915–1916 гг.
- Том 7.** Чёртова дюжина. Пьесы и монологи. 1911–1913 гг.
- Том 8.** Чудаки на подмостках. Пьесы и инсценировки 1914–1924 гг.
- Том 9.** Позолоченные пилюли. Рассказы 1916–1917 гг. Подходцев и двое других. Повесть.
- Том 12.** Рай на земле. Рассказы 1920–1923 гг.
- Том 13.** Рассказы циника. Рассказы 1923–1925 гг. Шутка мецената. Роман.

**Издательство «Дмитрий Сечин»
осуществляет выпуск
13-томного собрания сочинений
Аркадия Тимофеевича Аверченко**

**В 2015 гг.
планируются к изданию**

Том 10. Рассказы из газет и журналов 1917–1918 гг.

Том 11. Салат из булавок. Рассказы из газет
и журналов 1918–1921 гг.

Том 14. (Дополнительный). Дюди и страсти.
Рассказы из журнала «Сатирикон»
1908–1909 гг., не вошедшие в сборники.

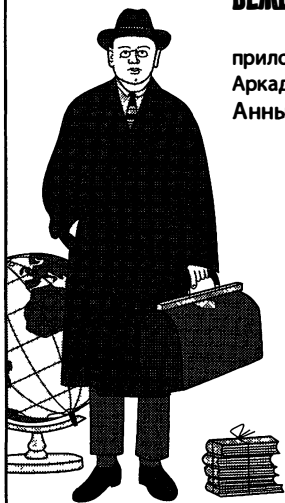
издательство
**Дмитрий
Сечин**
представляет

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

БЕЖЕНСКИЕ И ЭМИГРАНТСКИЕ ГОДЫ (1918—1925)

приложение к 13-томному собранию сочинений
Аркадия Аверченко, монография
Анны Хлебиной и Виктории Миленко

Авторы впервые переосмысливают устоявшиеся мифы биографии Аркадия Аверченко, используя малоизвестные данные прессы 1918—1925 годов, материалы российских и зарубежных архивов, редкие мемуарные и эпистолярные свидетельства. Книга богато иллюстрирована и впервые знакомит с политическими карикатурами из петроградских журналов «Новый Сатирикон» и «Барабан», константинопольских «Зарниц», а также ранее не публиковавшимися фотографиями и документами из архива Аркадия Аверченко.

**Издательства «Республика»,
«Культурная революция»,
«Дмитрий Сечин»**

**выпускают (совместно) Собрание сочинений поэта,
прозаика и одного из ведущих теоретиков символизма**

**Андрея Белого
(1880–1934)**

Вышли в свет следующие тома:

1. Стихотворения и поэмы (1994).
2. Петербург (роман) (1994).
3. Серебряный голубь (роман). Рассказы (1995).
4. Воспоминания о Блоке (1995).
5. Символизм. Книга статей (2010).
6. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака (романы) (1997).
7. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере (2000).
8. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей (2012).
9. Мастерство Гоголя. Исследование (2013).
10. Симфонии (2014).
14. Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование (2014).

**Издательства «Республика»,
«Культурная революция»,
«Дмитрий Сечин»**

**выпускают (совместно) Собрание сочинений поэта,
прозаика и одного из ведущих теоретиков символизма**

**Андрея Белого
(1880–1934)**

Готовятся к печати:

11. На рубеже двух столетий (мемуары).
12. Начало века (мемуары).
13. Между двух революций (мемуары).

издательство

*Дмитрий
Сечин*

Издательство

«Дмитрий Сечин»

**Выпускает второе исправленное издание собрания
сочинений поэта и прозаика Серебряного века,
одного их основоположников русского футуризма,
реформатора поэтического языка и экспериментатора
в области словотворчества**

**ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА
(1885–1922)**

В 2013–2014 гг. вышли следующие тома:

Том 1. Литературная автобиография.
Стихотворения 1904–1916 гг.

Том 2. Стихотворения 1917–1922 гг.

Том 3. Поэмы 1905–1922 гг.

Том 4. Драматические поэмы. Драмы.
Сцены 1904–1922 гг.

Том 5. Стихотворения в прозе. Рассказы,
повести, очерки. Сверхповести
1904–1922 гг.

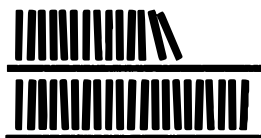
Том 6. Статьи (наброски). Ученые труды.
Воззвания. Открытые письма.
Выступления.

**Издательство «Дмитрий Сечин»
в 2015 году**

начинает
выпуск первого научного
собрания сочинений
писателя и мыслителя
**ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКОГО (1865–1941),**
одного из организаторов литературной
жизни, открывшего своим творчеством
новую эпоху, которую назвали
Серебряным веком.

**НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС**

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Собрание сочинений

Том 13

РАССКАЗЫ ЦИНИКА

Редактор Е.Б. Егорова
Художественный редактор И.А. Шиляев
Технический редактор Т.В. Иванникова

Подписано в печать 25.03.2015.
Гарнитура «Petersburg». Формат 84×108 1/32
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27.
Тираж 1000 экз. Заказ № ВЗК-01542-15.

ООО «Издательство «Дмитрий Сечин»
Ул. Ирины Левченко, 2. Москва, 123298, а/я 33.
Тел. 8(985)995-79-70
E-mail: sechinbook@mail.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru>
E-mail: order@gipp.kirov.ru

ISBN 978-5-904962-41-8

издательство

Дмитрий

Сечин

